

Н О В Ы Е И С Т О Ч Н И К И П О И С Т О Р И И Р О С С И И

ФРАНЦУЗСКИЙ АВАНТЮРИСТ ПРИ ДВОРЕ ПЕТРА I

Письма и бумаги
барона де Сент-Илера

R O S S I C A
I N E D I T A

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ
ПО ИСТОРИИ РОССИИ

ROSSICA INEDITA

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

ЦЕНТР ИСТОРИИ РОССИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ ШКОЛЫ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

ФРАНЦУЗСКИЙ АВАНТЮРИСТ ПРИ ДВОРЕ ПЕТРА I

Письма и бумаги
барона де Сент-Илера

Составитель
и научный редактор
Игорь Федюкин

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ЭКОНОМИКИ
МОСКВА, 2018

УДК 929
ББК 63.2
Ф84

Издание подготовлено при поддержке
Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ

Серия основана в 2018 г.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ СЕРИИ:

доктор исторических наук, профессор, научный руководитель
Департамента истории НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге *Евгений Анисимов*;
доктор исторических наук, профессор, руководитель Школы исторических
наук факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ *Александр Каменский*;
PhD, директор Центра истории России Нового времени Школы исторических
наук факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ *Игорь Федюкин*

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

доктор исторических наук, профессор *Сергей Мезин*;
доктор исторических наук, доцент *Дмитрий Серов*

ПЕРЕВОДЧИКИ:

Денис Кондаков, Ольга Кирикова, Кумар Гуа, Игорь Федюкин

ПОДГОТОВКА ТЕКСТОВ К ПУБЛИКАЦИИ:

Игорь Федюкин, Денис Кондаков, Анастасия Видничук

ДИЗАЙН СЕРИИ: ABCdesign

В оформлении обложки использована гравюра Адольфа ван дер Лаана
(ок. 1710–1755) из серии «Голландские костюмы»
<<https://www.rijksmuseum.nl/nl/collectie/RP-P-OB-46.907>>

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики <id.hse.ru>

doi:10.17323/978-5-7598-1774-1

ISBN 978-5-7598-1774-1 (в обл.)
ISBN 978-5-7598-1850-2 (e-book)

© Научная статья, составление.
Федюкин И.И., 2018

© Перевод с английского, немецкого,
французского, испанского языков.
Национальный исследовательский универ-
ситет «Высшая школа экономики», 2018

Содержание

8	О книге
11	Список сокращений
13	Игорь Федюкин. «Мнимый барон без всякой дипломы»: Жизнь и похождения Жозефа де Сент-Илера в России и в Европе
147	Письма и бумаги барона де Сент-Илера
148	N.º 1. Биография барона де Сент-Илера, 1716 г.
152	N.º 2. «Дневник моих переговоров о сепаратном договоре между королевствами Франции и Испании и Португалией», 18 апреля 1711 г.
164	N.º 3. Письма маркиза де Бэ Жозефу Халлеру, февраль–март 1711 г.
167	N.º 4. Прощение Жозефа Халлера королеве Анне.
168	N.º 5. Халлер — лорду Дартмуту, 28 сентября 1711 г.
170	N.º 6. Халлер — лорду Страффорду, 2 января 1712 г.
172	N.º 7. Халлер — лорду Страффорду, 2 января 1712 г.
174	N.º 8. Халлер — лорду Страффорду, 3 января 1712 г.
176	N.º 9. Халлер — лорду Страффорду, 5 января 1712 г.
179	N.º 10. Халлер — лорду Страффорду, 10 января 1712 г.
181	N.º 11. Халлер — лорду Страффорду, 15 января 1712 г.
183	N.º 12. Халлер — лорду Страффорду, 16 января 1712 г.
185	N.º 13. Халлер — лорду Дартмуту, 21 марта 1712 г.
187	N.º 14. Халлер — лорду Дартмуту, 21 марта 1712 г.
189	N.º 15. Халлер — лорду Оксфорду, 29 марта 1712 г.
192	N.º 16. Халлер — Эразмусу Льюису, 8 мая 1712 г.
194	N.º 17. Императорский патент на имя барона де Сент-Илера, 18 ноября 1712 г.
196	N.º 18. Сент-Илер — графу фон Дауну, 18 апреля 1714 г.

- 201 N.º 19. Анри Лави — маркизу де Торси, 19 ноября 1714 г.
204 N.º 20. Сент-Илер — Петру I, 2 марта 1715 г.
207 N.º 21. «Проект для сочинения морской академии», 1715 г.
211 N.º 22. Проект строительства кораблей на Адриатике, 1715 г.
214 N.º 23. «Капитуляция» Сент-Илера, 14 апреля 1715 г.
216 N.º 24. Сент-Илер — Петру I, 12 мая 1715 г.
218 N.º 25. «Представление» Сент-Илера Петру I, 18 сентября
1715 г.
221 N.º 26. Сент-Илер — Петру I, сентябрь 1715 г.
222 N.º 27. Сент-Илер — Петру I, 20 октября 1715 г.
225 N.º 28. Сент-Илер — Петру I
227 N.º 29. А.А. Матвеев — А.В. Макарову, 8 февраля 1716 г.
228 N.º 30. А.А. Матвеев — Петру I, 8 февраля 1716 г.
229 N.º 31. А.А. Матвеев — А.В. Макарову, 17 марта 1716 г.
230 N.º 32. «Ордонанция» об обучении гардемарин,
20 марта 1716 г.
232 N.º 33. А.А. Матвеев — А.В. Макарову, 14 апреля 1716 г.
234 N.º 34. А.А. Матвеев — А.В. Макарову, 20 апреля 1716 г.
235 N.º 35. «Известие» о Морской академии, весна 1716 г.
236 N.º 36. «Правила» для Морской академии, 11 мая 1716 г.
240 N.º 37. Сент-Илер — А.А. Матвееву, 20 мая 1716 г.
241 N.º 38. Сент-Илер — Петру I, 1 августа 1716 г.
244 N.º 39. Описание происшествия в Морской академии,
август 1716 г.
246 N.º 40. А.А. Матвеев — Сент-Илеру, 26 августа 1716 г.
249 N.º 41. А.А. Матвеев — Сент-Илеру, 27 августа 1716 г.
252 N.º 42. А.А. Матвеев — Ф.М. Апраксину, 3 сентября 1716 г.
254 N.º 43. А.А. Матвеев — А.В. Макарову, 28 сентября 1716 г.
256 N.º 44. А.А. Матвеев — Ф.М. Апраксину, 9 октября 1716 г.
257 N.º 45. Челобитная навигатора Федота Угримова,
октябрь 1716 г.
258 N.º 46. Доношение А.А. Матвеева Ф.М. Апраксину
260 N.º 47. А.А. Матвеев — Сент-Илеру, 9 ноября 1716 г.
263 N.º 48. Сент-Илер — Петру I, 15 ноября 1716 г.
268 N.º 49. Доношение А. Фархварсона и С. Гвина А.А. Матвееву,
22 декабря 1716 г.
269 N.º 50. А.А. Матвеев — Ф.М. Апраксину, 30 декабря 1716 г.
272 N.º 51. Сент-Илер — Ф.М. Апраксину, январь 1717 г.
273 N.º 52. А.А. Матвеев — А.В. Макарову, 11 января 1717 г.

- 275 N.º 53. Сент-Илер — А.А. Матвееву, 1 марта 1717 г.
277 N.º 54. Сент-Илер — графу Тулузскому, 29 декабря 1715 г.
283 N.º 55. Сент-Илер — графу Тулузскому, 12 февраля 1716 г.
286 N.º 56. Письмо неизвестного к своему агенту.
289 N.º 57. Сент-Илер — Шлейницу, 25 февраля 1717 г.
295 N.º 58. Сент-Илер — П.П. Шафирову, 25 июня 1718 г.
297 N.º 59. Шевалье де Гийе — А.В. Макарову, 19 февраля 1719 г.
305 N.º 60. Автобиография Сент-Илера, ок. 1719 г.
312 N.º 61. Барон де Сент-Илер — королю Швеции Фредрику I,
6 июня/25 мая 1720 г.
314 N.º 62. Сент-Илер — графу Спарре, 1 июня 1720 г.
317 N.º 63. Сент-Илер — Фредрику I, 5 июня 1720 г.
319 N.º 64. Сент-Илер — Фредрику I, 20 июня 1720 г.
323 N.º 65. Сент-Илер — князю Б.И. Куракину, 10 февраля 1721 г.
326 N.º 66. Сент-Илер — князю Б.И. Куракину, 24 февраля 1721 г.
328 N.º 67. Сент-Илер — королю Фредрику I, осень 1720 г.
335 N.º 68. «Приложение к мемориалу барона Сентилера»,
ок. 1721 г.
- 336 Аннотированный именной указатель

О книге

Для публикации в этой книге отобраны документы, выявленные нами в архивах Москвы, Санкт-Петербурга, Парижа, Лондона, Вены и Стокгольма. Это письма самого Сент-Илера, основателя Морской академии в Санкт-Петербурге; письма к нему; некоторые посвященные ему официальные документы; а также проекты нормативных актов, которые он разрабатывал, находясь на российской службе. Несколько особняком стоит публикуемая переписка графа А.А. Матвеева с А.В. Макаровым, секретарем Петра I, за 1716–1717 гг., на которые пришелся конфликт Матвеева с Сент-Илером, разгоревшийся вокруг Морской академии. В этих письмах содержится важная информация о ходе конфликта, о позиции Матвеева, об обстоятельствах принятия Петром решения об увольнении Сент-Илера. Здесь же пересказываются или прилагаются и письма барона Матвееву. Вместе с тем содержание переписки этим не исчерпывается, в некоторых письмах французский авантюрист вообще едва упоминается.

Текст документов, написанных на русском языке, передается с точным сохранением стилистических и фонетических (т.е. с заменой вышедших из употребления букв современными, обозначающими тот же звук) особенностей документа. Мягкий и твердый знаки употребляются согласно современному правописанию. Деление текста на слова и предложения проводится в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации, проставляются необходимые по смыслу знаки препинания. Приписки, сделанные в документе его автором, вносятся в строку и обозначаются фигурными скобками {}, причем авторские знаки сноски снимаются. Авторские скобки передаются круглыми скобками (), квадратными скобками [] обозначается текст, вносимый публикатором.

Сокращенно написанные слова («под титлом») раскрываются, восстановленные слова не выделяются. Выносные буквы вносятся в строку без выделения. Пропущенные в документе и восстановленные по смыслу слова воспроизводятся в квадратных скобках. Непрочтенный из-за повреждения документа (обрыв, стертость от ветхости, разрыв, пятна,

выцветание), а также неразобранный текст отмечается отточием в квадратных скобках. Сокращения в общепринятых формулах вежливости и титулатуре не используются.

Прописные и строчные буквы при публикации текста документов употребляются в основном в соответствии с современными правилами орфографии. Орфографические ошибки, явные описки (двукратное написание отдельных букв, слогов, слов, перестановка букв, пропуск букв) устраняются в тексте. Подписи воспроизводятся после текста документа на том языке, на котором они были сделаны, с новой строки независимо от того, где они стояли на публикуемом документе.

Иноязычные документы публикуются на языке оригинала и в русском переводе. Перевод источников с французского языка выполнил Д.А. Кондаков, с немецкого — О.А. Кирикова, с испанского — К. Гуа, с английского — И.И. Федюкин. Текст документов на французском языке был обработан таким образом, чтобы, существенно не нарушая принципы орфографии и пунктуации начала XVIII в., мы могли сделать его удобным для чтения. Таким образом, нам пришлось произвести некоторые вставки и замены.

Расстановка знаков препинания была в целом сохранена, в редких случаях для лучшего понимания текста были вставлены запятые.

Правописание в некоторых случаях было модернизировано для удобства чтения. Вот наиболее частые случаи замен, не отмеченные специально:

— для устранения омонимии: a → à, autorise → autorisé, ce → se, cet → c'est, cy → si, don → dont, du → dû, la → là, la → l'a, ma → m'a, ni → n'y, prix → pris, puis que → puisque, quelle → qu'elle, qu'elle → quelle, ses → ces, s'est → c'est, si → ci, si → s'y, sur → sûr, votre → vôtre;

— добавление диакритических знаков в целях приведения в соответствие с современными графико-фонетическими нормами: alle → allé, apres → après, aupres → auprès, ches → chés, etes → étés, pres → près, tres → très;

— добавление апострофа: cest → c'est, den → d'en, jay → j'ay, na → n'a, qu'il → qu'il, sil → s'il;

— добавление дефисов: ci devant → ci-devant, ci joint → ci-joint, demi heure → demi-heure, peut être → peut-être.

В случае значительных отклонений от норм правописания, неясностей или описок, делающих текст неудобопонятным, были сделаны подстановки в квадратных скобках: acodera [=accordera], aprezant [=à présent], fere [=faire], feux [=fus], insigne [=indigne], invation [=invasion], surétte [=sûreté].

В случае существенных грамматических ошибок, таких как несогласование артиклей и прилагательных с существительным во множественном числе, употребление одних глагольных форм вместо других, также были произведены добавления (реже подстановки) в квадратных скобках.

В написании имен собственных, этнонимов и топонимов строчные буквы были заменены на заглавные. В именах нарицательных первая заглавная буква была заменена на строчную. Первая заглавная буква сохранялась (но не добавлялась) в написании титулов, должностей и названий учреждений. Сокращения в общепринятых формулах вежливости и титулатуре были раскрыты без специальных оговорок.

Письменная речь позволяет многое сказать о человеке, и барон де Сент-Илер — не исключение из этого правила. Прежде всего в его письмах, донесениях, проектах заметна ориентация на высокий стиль, который отличают следование нормам эпистолярного этикета, логичность в построении отдельных предложений и целых абзацев, внимание к пунктуации. Очевидно, что Сент-Илер получил определенное образование и воспитание, позволяющие ему не путать устную речь с письменной, прямой разговор с опосредованным обращением. Вместе с тем легко заметить, что барон не зарабатывал на жизнь только пером — отсюда его «невнимательность» к грамматике и орфографии. Тексты Сент-Илера грешат фонетическим правописанием, но не столь часто, чтобы характеризовать его как человека неграмотного и недостойного общаться на письме с сильными мира сего.

* * *

Неоценимую помощь в работе над этим изданием оказали А.Ф. Строев, Д.О. Серов, С.А. Мезин, К. Гуа, А.О. Видничук, О.В. Русаковский. Вся ответственность за остающиеся в тексте ошибки и неточности, разумеется, лежит на составителе.

Игорь Федюкин, Денис Кондаков

Список сокращений

- АМАЕ — Archives du Ministère des Affaires Etrangères (Париж, Франция)
- АН — Archives Nationales (Париж, Франция)
- BL — British Library (Лондон, Великобритания)
- НА — National Archives (Лондон, Великобритания)
- ОЕСТА/ННСТА — Österreichischen Staatsarchivs/Haus, Hof- und Staatsarchive (Вена, Австрия)
- АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи (Москва)
- НИА СПбИИ РАН — Научно-исследовательский архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (Санкт-Петербург)
- ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея (Москва)
- РГА ВМФ — Российский государственный архив военно-морского флота (Санкт-Петербург)
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва)
- ПСЗ РИ I — Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649–1825 гг. Т. 1–45. СПб.: Тип. II Отделения С. Е. И. В. Канцелярии, 1830
- СИРИО — Сборник Императорского Российского исторического общества
- ЧОИДР — Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете

«Мнимый барон
без всякой дипломы»:
Жизнь и похождения
Жозефа де Сент-Илера
в России и в Европе

Игорь Федюкин

Прожектеры, авантюристы, искатели фортуны и государство раннего Нового времени

«Барон Сент-Илер, принятый в службу с чином генерал-майора, был человек замечательный по своим знаниям, смелым проектам и самому неуживчивому характеру < ... >. Поступив в русскую службу, он не умел, или не хотел применяться к лицам и обстоятельствам», — так описывал капитан-лейтенант Ф.Ф. Веселаго, впоследствии ставший выдающимся историком российского флота, первого директора Морской академии, основанной в 1715 г. в Санкт-Петербурге¹. К сожалению, этим высказыванием он и ограничился: сообщить хоть какие-то дополнительные сведения о личности этого эксперта, о его предшествующем опыте и «замечательных знаниях» ни сам Веселаго, ни последующие историки не могли, а может быть, и не сочли возможным. Между тем Морская академия занимает, конечно, исключительное место в истории отечественного образования: она имеет все основания претендовать на звание первого «регулярного» учебного заведения в стране. Тем примечательнее оказывается фигура ее основателя².

Увы, при ближайшем рассмотрении оказывается, что приглашенный Петром I французский «специалист» был самым настоящим самозванцем и, называя вещи своими именами, международным авантюристом. Сомнений нет: обнаруженные в последнее время документы, в том числе из французских, английских, шведских и иных архивов, не только позволяют детально реконструировать его биографию, но и ясно показывают, что этот генерал российской службы не только не имел баронского титула, но даже и звался не Сент-Илером; не было у него и никаких особых познаний ни в области образования, ни в области военно-морского дела. Как же тогда быть с его многочисленными «смелыми» (как их называл Веселаго) проектами и с его директорством в Морской академии? Следует

¹ Веселаго Ф.Ф. Очерк истории Морского кадетского корпуса с приложением списка воспитанников за 100 лет. СПб.: Тип. Морского Кадетского корпуса, 1852. С. 37.

² О Сент-Илере см. также: Федюкин И.И. Основание Морской академии: Документы барона де Сент-Илера и его преемников, 1715–1723 // «Регулярная академия учреждена будет...»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века / науч. ред. И.И. Федюкин, М.Б. Лавринович. М.: Новое издательство, 2015. С. 34–68; Иностранные специалисты в России в эпоху Петра Великого: Биографический словарь выходцев из Франции, Валлонии, франкоязычных Швейцарии и Савойи, 1682–1727 / под ред. В.С. Ржеуцкого и Д.Ю. Гувевича, при участии А. Мезен. Москва, Ломоносовъ, 2018. С. 354–358.

ли нам теперь считать их не «смелыми», а абсурдными и безграмотными? В действительности все оказывается еще запутанней.

Сам Веселаго хотя и находил у Сент-Илера «замечательные знания», не готов был признавать его основателем Морской академии: историк полагал, что проект француза «не имел влияния на образование нового училища»³. Но на самом деле инструкция Морской академии, устанавливающая порядок учения и содержания учеников и датированная в Полном собрании законов Российской империи 1 октября 1715 г., была составлена именно Сент-Илером и утверждена Петром I по его настоятельной просьбе. И именно в проектах Сент-Илера находим мы и первые упоминания о самой идее создания Морской академии (хотя, разумеется, вообще мысль о необходимости обучения молодых дворян морскому делу и витала тогда в воздухе). Готовы ли мы допустить, что проходимец и искатель приключений все же способен создавать что-то осмысленное и полезное, — или же, опознав в Сент-Илере самозванца, мы обязаны ретроспективно отказать ему в любом содержательном вкладе в основание первого регулярного училища в России?

Неопределенность эта весьма характерна: при ближайшем рассмотрении Сент-Илер оказывается ярким представителем общеевропейского типажа авантюриста и прожектора раннего Нового времени⁴. В самом

³ Веселаго Ф.Ф. Очерк истории Морского кадетского корпуса... С. 40.

⁴ Об авантюристах см.: Roth S. Les Aventuriers au XVIIIe siècle. Paris: Editions Galilée, 1980. Строев А.Ф. «Те, кто поправляет фортуна»: Авантюристы эпохи просвещения. М.: НЛО, 1998. Недавний обзор литературы о самозванчестве в эпоху Просвещения, а также типологию тех ситуаций, в которых становилась возможной смена, корректировка или неопределенность социальных статусов и идентичностей, см. в: Abad R. La falsification d'identité en France, du règne personnel de Louis XIV à la veille de la Révolution // French Historical Studies. 2016. Vol. 39. No. 3. P. 471–508. О прожекторах и эпохе прожектерства см.: Novak M.E. Introduction // The Age of Projects / M.E. Novak (ed.). Toronto: University of Toronto Press, 2008. P. 3–28. Обзор историографии по этому вопросу см.: Keller V., McCormick T. Towards a History of Projects // Early Science and Medicine. 2016. Vol. 21. No. 5. P. 423–44. О «прибыльщиках» и прожекторах в России см., среди прочего, Павлов-Сильванский Н.П. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1897; переизд.: М.: ГПИИБ, 2000; Клочков М.В. Прибыльщики и доносители петровского времени // Записки Императорского Харьковского университета. 1915. Кн. 3. С. 1–16; Андрияйнен С.В. Империя проектов: государственная деятельность П.И. Шувалова. СПб.: Изд-во СПбГУ-ЭФ, 2011; Прокопенко Я.И. «Политический инженер» Генрих фон Фик и феномен реформ Петра I // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.) / под ред. М.М. Крома, Л.А. Пименовой. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2013. С. 323–337; Bartlett R. Projects and Peasants: Russia's Eighteenth Century. London: SSEES University College London, 2000;

деле, детальная реконструкция походов барона напоминает нам, что он был вовсе не уникален: следя за его приключениями, мы постоянно натываемся где-то неподалеку от него на аналогичных «пржекторов», которые реализуют или пытаются реализовать весьма схожие схемы, и которые пользуются аналогичными приемами самоизобретательства. В частности, на расстоянии буквально пары рукопожатий от него нам встречаются два самых легендарных авантюриста эпохи, граф Клод Александр де Бонневаль, прославившийся несколько позднее под именем Ахмад-паша как реформатор оттоманской артиллерии, и финансист Джон Лоу, известный своей грандиозной финансовой пирамидой — Компанией Миссисипи. Более того, сами современники видят это сходство и прямо сравнивают Сент-Илера с другими пржекторами.

В этом смысле важно, что известные нам похождения француза не ограничиваются Россией. Легко было бы себе представить, что иностранный мошенник воспользовался наивным увлечением Петра I и его соратников всем «западным», чтобы выдать себя за того, кем он не являлся; чтобы продать русским «секреты» и познания, которыми он на самом деле не обладал; чтобы переизобрести себя заново и присвоить себе комически высокий статус в далекой «дикой» стране. Граница между Россией и Европой в этом случае оказалась бы и границей между пространством «цивилизации», где знают цену настоящему знанию и умеют отличить эксперта от самозванца, и краем легковверных «дикарей», где этой разницы пока еще не понимают и где можно «обнулить» свое прошлое и придумать себе новую биографию. И в самом деле, в одном из своих поздних писем француз прямо именует русских «варварами». Однако российским приключениям Сент-Илера предшествовали похождения и авантюры на Пиренейском полуострове, в Англии, в Священной Римской империи, — практически по всей Европе. До того как предстать при дворе Петра, он общался с британскими министрами и императорскими наместниками, а дворянство и баронский титул он присвоил себе не при пересечении российской границы, а где-то на полпути между Гаагой и Венной; потерпев же неудачу в России, он, как ни в чем ни бывало, отправился предлагать себя в качестве эксперта при шведском дворе. Именно в этот момент, кстати, Сент-Илер, по вполне понятным причинам, и вспоминает о «варварстве» русских. Если взглянуть на историю его походов с этой стороны, то петровская Россия не выглядит

Bartlett R. Utopians and Projectors in Eighteenth-Century Russia // Russian Culture and Society and the Long Eighteenth Century: Essays in Honour of Anthony G. Cross / R. Bartlett, L. Hughes (eds). Münster: LIT, 2004. P. 98–115.

уникально благоприятным для самозванчества заповедником простаков. Наоборот, оказывается, что она удивительно тесно интегрирована в общеевропейское пространство: авантюрист перемещается из Мессины в Санкт-Петербург столь же легко и непринужденно, как из Гааги в Вену.

Случай Сент-Илера предоставляет богатый материал для изучения этого явления, и данная книга задумана как своего рода документальная хроника походов авантюриста, которые, как оказалось, неплохо отражены в архивных источниках по всей Европе. Собранные здесь документы включают как собственные письма француза, так и посвященную ему официальную переписку и некоторые другие бумаги, извлеченные из архивов Лондона, Парижа, Вены, Стокгольма — и, конечно, Москвы и Санкт-Петербурга. В этих документах нас интересует прежде всего механика авантюры, политическая тактика авантюриста и те риторические приемы, с помощью которых он переизобретает и «продает» себя, приносиваясь к изменяющимся обстоятельствам; те социальные и культурные реалии эпохи, которые и делали существование подобных персонажей возможным; а также грань между ними и теми, кого обычно не принято относить к категории авантюристов.

В самом деле, для современного читателя само появление таких фигур, как Сент-Илер, выглядит, конечно, удивительным. Как могли монархи и министры принимать его всерьез? Однако в реалиях начала XVIII в. все далеко не так очевидно. Во-первых, история Сент-Илера напоминает нам, что сам статус «эксперта» в ту эпоху только формировался. Знания и умения, особенно прикладные, носили по большей части характер «мастерства», приобретались ученичеством и долговременной практикой: это относилось и к низменным техническим профессиям, мало отличимым еще от ремесла, и к благородным искусствам дипломатии, войны, судовождения⁵. Кодификация и стандартизация прикладных навыков были еще впереди; представление о том, что им можно научиться в школе, только появлялось (и Морская академия была одной из первых таких школ в Европе). С другой стороны, объем циркулирующих знаний быстро расширялся, как расширялась и институциональная инфраструктура государства, его административный аппарат; постоянно появлялись новые протопрофессии. Общепринятых методов сертификации мастерства в этих областях практически не существовало, за исключением рекомендательных писем и дипломов/патентов на чин, полученных на предыдущем месте службы. Примечательно, что в этом отношении к Сент-Илеру трудно придаться:

⁵ См.: *Ash E.H. Introduction: Expertise and the Early Modern State // Osiris. 2010. Vol. 25. No. 1. P. 1–24*, и другие статьи в этом специальном номере.

у него-то, оказывается, был патент, действительно выданный ему ни много ни мало самим императором Священной Римской империи. Но, вообще говоря, квалификация толковалась гораздо шире: для того чтобы претендовать на роль знатока, достаточно было предшествующего опыта или даже просто происхождения из той или иной местности. По мнению Джорджа Маккензи, британского резидента в Санкт-Петербурге, Сент-Илер вполне подходил для реализации предлагаемых им в России проектов, поскольку он-де «вырос в Тулоне (*he was bred up in Toulon*)», в портовом городе. Он видел (или мог видеть), как морское управление было устроено во Франции, общался (или мог общаться) с опытными в этой сфере людьми — из таких элементов и строится в то время представление о квалификации⁶.

Одной из возникающих в это время протопрофессий, в которой Сент-Илер и подвизался в России, было управление училищами. В самом деле, если наш герой не подходил на роль директора Морской академии, то кого, в реалиях той эпохи, мы бы сочли для этого достаточно квалифицированным? «Экспертов» подобного профиля, специалистов по администрированию обучения просто не существовало; более того, в большинстве европейских стран не было и подобных учебных заведений. Назначить опытного морского капитана? Но подавляющее большинство капитанов и адмиралов в Европе никогда не учились в таких школах и понятия не имели о преподавании. Поставить во главе училища знающего математика? Но подобный человек по своему социальному статусу, скорее всего, не подошел бы для командования «морской гвардией». Показательно, что Сент-Илера сменил во главе Морской академии граф А.А. Матвеев, человек выдающийся, но имевший, конечно, к военно-морскому образованию отношения ничуть не больше, а пожалуй, и меньше чем француз-авантюрист. В самом деле, Матвеев никогда не служил во флоте; не преподавал и даже не учился в школе; ничего нам не известно и о его возможных познаниях в математике. В отличие от него, Сент-Илер все же имел какой-то опыт на море, вполне может быть, что достаточно обширный. Тем не менее обвинить Матвеева в том, что он не подходит на роль начальника Морской академии, нам в голову не приходит. Объявляя Сент-Илера заведомо негодным в директора такого училища, не воспроизводим ли мы просто социальные стереотипы XVIII столетия, предполагающие, что вельможа-дилетант заведомо подходит на любую руководящую позицию — в отличие от дилетанта-простолюдина?

⁶ Донесение Маккензи от 20 января 1715 г. NA. State Papers. Foreign. Russia. SP 91/8. F. 134.

Но дело не только в этом: граница между авантюристом и не-авантюристом оказывается весьма неопределенной еще и потому, что вполне себе «настоящие» государственные деятели той эпохи на поверку пользуются теми же сами приемами, что и авантюрист Сент-Илер. Хотя в биографических словарях они значатся как полноправные эксперты, министры и дипломаты, при ближайшем рассмотрении оказывается, что и они тоже изобретают себе биографию, приписывают себе заслуги, сочиняют «прожекты», пытаются поймать фортуна за хвост. Многим из них удается строить вполне успешные карьеры, добиваться высоких постов, затевать действительно грандиозные политические предприятия. Но действительно ли эти сановники и генералы радикально отличались от Сент-Илера, или же мы приписываем им эти отличия ретроспективно, по принципу «мятеж не может кончиться удачей, в противном случае его зовут иначе»? Чем так уж принципиально отличается наш «мнимый барон без всякой дипломы» от целого ряда иностранцев, сыгравших важную роль в петровское царствование, например, от Франца Лефорта; от шпиона и эксперта в области государственного управления Генриха Фика; от своего конкурента в России, французского морского агента, проходимца и прожектера Анри Лави; и от многих, многих других — не говоря уже о самом Александре Даниловиче Меншикове? Действительно ли провал Сент-Илера был предопределен, поскольку он являлся самозванцем и авантюристом, — или все дело в случайности, в его неуживчивом характере? Возможно, если бы не ссора с Матвеевым, Сент-Илер вошел бы в историю как один из ценных экспертов, так удачно приглашенных Петром I на русскую службу, а биография француза красовалась бы в книгах по истории русского флота рядом с биографиями Крюйса, Фархварсона или его соотечественника Никиты Петровича Вильбуа?

Наконец, похождения Сент-Илера наглядно иллюстрируют и те особенности формирующегося государства раннего Нового времени, которые сделали возможным появление и функционирование таких прожектеров. Государственный аппарат носит в эту эпоху весьма рудиментарный характер, поэтому государи и их министры не могут не обращаться к подобным предпринимателям, когда им нужна информация, когда необходимо разработать какие-то планы реформ или сформулировать новые инициативы, когда требуется найти человека для выполнения важного задания. Первый этап приключений Сент-Илер приходится на годы Войны за испанское наследство, и как отмечает, например, исследователь британской политики в отношении американских территорий, «помимо защиты статуса кво, у Уайтхолла не было собственных существенных имперских

планов». Все заметные шаги на этом фронте были именно инициативами прожектеров: министры в Лондоне не имели почти никаких сведений о ситуации на местах и могли лишь поддерживать или отвергать те или иные поступающие к ним предложения. Предложения эти, разумеется, подразумевали соответствующее вознаграждение их авторам⁷.

Именно на подобных Сент-Илеру авантюристов и сомнительных персонажей опиралась и разведка: если британцы в противостоянии с Францией пытались использовать искателей приключений из числа эмигрантов-гугенотов, обладавших (или делавших вид, что обладают) нужными контактами и сведениями о положении дел на родине, то французы в свою очередь опирались на якобитов, шотландских и ирландских эмигрантов, католиков. Многие из них в итоге оказывались двойными и тройными агентами или мошенниками, пытающимися надуть своих нанимателей. Зачастую ключевые дипломатические инициативы начинались через неформальные контакты при посредничестве как раз таких авантюристов: именно через неофициального представителя, аббата Франсуа Готье, Англия и Франция начали в 1710 г. прощупывать почву для сепаратных переговоров о мире. В январе 1711 г. Готье привез в Лондон устные предложения от французского министра иностранных дел Жана-Батиста Кольбера, маркиза де Торси, в марте он вернулся в Версаль с английскими контрпредложениями, в апреле 1711 г. Версаль направил в Лондон уже письменные предложения об условиях прекращения конфликта, которые в итоге вылились в Утрехтский мир⁸. На фоне подобных операций или вечных якобитских заговоров затеваемые Сент-Илером международные интриги вовсе не выглядят из ряда вон выходящими и заведомо абсурдными.

Способствовал, конечно, успеху подобных авантюристов и крайне персонифицированный характер политики и государственного управления того времени. Государственные дела не вполне отделены еще в тот период от дел личных, служебные отношения — от личного приятельства и патрон-клиентских связей. Важнейшие политические вопросы решаются в частной переписке между министрами, роль аппарата выполняет узкий круг приближенных, родственников и личных слуг сановника. Соответственно, не вызывает особого удивления привлечение министром для выполнения деликатных поручений человека, не имеющего официального

⁷ Alsop J.D. The Age of the Projectors: British Imperial Strategy in the North Atlantic in the War of Spanish Succession // *Acadiensis*. 1991. Vol. 21. No. 1. P. 30–53.

⁸ Frey L., Frey M. The Treaties of the War of the Spanish Succession: A Historical and Critical Dictionary. Westport, CT: Greenwood Press, 1995. P. 177–179.

статуса, но пользующегося — якобы — его доверием. И наоборот, после падения того или иного министра в результате придворной интриги, авантюрист вроде Сент-Илера получает возможность списать на него свои предыдущие неприятности, объяснить сомнительные эпизоды в своей биографии происками недоброжелателей.

Наконец, трансформация Сент-Илера из (бывшего) французского негоцианта в (бывшего) императорского военно-морского чиновника в (бывшего) генерал царской службы становится возможной в том числе благодаря характерному для той эпохи «информационному туману», который хорошо заметен в публикуемых здесь бумагах. С практической точки зрения проверить, что в рассказах Сент-Илера является правдой, а что вымыслом, для современников было непросто. В реалиях начала XVIII в. у них могло просто не быть для этого инструментов, надежных альтернативных источников информации — зачастую только от таких вот сомнительных авантюристов и можно было получить хоть какую-то информацию об иностранных государствах вообще. Информация эта по определению препарировалась и подавалась ими исходя из их собственных конъюнктурных целей. Например, в 1718 г. русские власти получают донос, разоблачающий Сент-Илера, — но в нем же содержится и аналогичное, даже более развернутое разоблачение шевалье де Вертона, вполне легитимного королевского придворного, которого Франция действительно собиралась направить в Россию послом. В 1715 г., вскоре после назначения Сент-Илера директором Морской академии, в Россию возвращается граф Матвеев, который мог бы разоблачить авантюриста, — но незадолго до того царь получил из Вены анонимный донос и на самого Матвеева.

Разумеется, доносы эти были прямо увязаны с придворными и дипломатическими интригами, нацелены на дискредитацию оппонента — поэтому-то получатель их неизбежно воспринимает такие сообщения с долей скепсиса. И наоборот, собеседники Сент-Илера иногда и сами не слишком стремятся к разоблачению самозванца. Вообще говоря, мы видим, что успех, пусть и временный, приходит к нему именно тогда, когда тот или иной сановник оказывается заинтересован в том, чтобы излагаемая авантюристом версия оказалась правдой, — а вернее, когда авантюристу удастся подстроить свой нарратив под интересы собеседников. Практически на всех этапах своих приключений Сент-Илер уже с самого начала вызывает некоторые сомнения — но сомнения эти до определенного момента игнорируются.

В условиях такого информационного тумана статус человека во многом определяется его самопрезентацией и сопровождающими его

слухами: авантюрист активно общается, рассказывает окружающим свою биографию — и самым этим актом говорения устанавливает свой социальный статус. Факт предшествующих контактов с видными государственными деятелями в дальнейшем позволяет представить себя как человека со связями — даже если контакты эти кончились плохо или ограничились общими разговорами. Полученные в таком разговоре сведения тут же пересказываются другим контрагентам, чтобы представить себя как человека информированного. Огромную роль, конечно, играют рекомендательные письма, которыми француз запасается при каждой возможности.

При этом в публикуемых здесь документах хорошо видны и пределы вымысла, который позволяет себе наш герой. Сент-Илер не сочиняет собственную жизнь с нуля, не пытается представить себя блестящим принцем Голконды или таинственным магистром ордена иллюминатов, как это будут делать многие «классические» авантюристы второй половины XVIII в. Наоборот, как кажется, он в максимально возможной степени опирается на потенциально верифицируемые факты, додумывая или «подправляя» свое прошлое лишь там, где это необходимо, зачастую на уровне не столько даже фактов, сколько их интерпретаций. Добившись некоторого, временного и неустойчивого, успеха в одной из попадающихся на его пути столиц, Сент-Илер фиксирует соответствующий статус в рекомендательных письмах и движется дальше. Наоборот, серьезное вранье при этом мы видим не так уж часто. Как кажется, он все же придумал летом 1712 г. свое дворянство; выдуманными, скорее всего, являются и рассказы проходимца о конфискованном у него во Франции и Испании состоянии. В остальном же речь идет о творческой перекомпоновке фактов, об их избирательном использовании и избирательном умолчании, о все новых и новых трактовках действительно имевших место событий. Оказавшись на новом месте, он как бы выводит за скобки те неприятности и скандалы, которыми неизбежно завершается предшествующий эпизод, и, опираясь на полученные ранее рекомендации, «надстраивает» свою биографию.

Но на примере Сент-Илера мы также видим, как функционируют общеевропейские каналы сбора и распространения информации, которыми все больше пользуется и Россия. Франция опирается на разветвленную сеть консулов и дипломатических представителей, чтобы отслеживать перемещения Сент-Илера в Италии; российские дипломаты ведут активную переписку не только с правительством в столице, но и друг с другом, сообщая коллегам о происходящем в странах их пребывания и передавая по цепочке получаемую от них информацию. Свою роль начинает играть

и пресса: оказывается, даже о таком третьестепенном персонаже, как Сент-Илер, заинтересованные современники могли узнать из газет. При этом сообщения эти, насколько мы можем судить, не являются полной выдумкой: все обнаруженные нами газетные заметки о Сент-Илере как минимум не противоречат другим известным нам источникам. В итоге мы видим, как люди и слухи постоянно перемещаются по континенту, и Сент-Илер все чаще сталкивается с отзвуками своих предыдущих похождений. Он все чаще вынужден не только излагать собственную версию своей биографии, но и опровергать альтернативные версии.

Поэтому-то тактика авантюриста требует регулярного перемещения из одной страны в другую. Видимо, не случайно мы теряем след Сент-Илера вскоре после того, как завершилась неудачей его авантюра в Швеции: француз добрался до крайней точки Европы, куда же ему двигаться дальше? Смог бы он вернуться в одну из уже «отработанных» им стран, в Англию или в свою родную Францию (и такие попытки он регулярно предпринимает) — или же ему пришлось бы идти на более радикальный шаг, отправиться в Османскую империю или в американские колонии? Как мы увидим, на каждом этапе своего пути Сент-Илер обязательно заводит разговор о возвращении назад, пытается переиграть предыдущий эпизод, выжать что-то еще из прошлого места службы — но не случайно это ему, как кажется, ни разу не удается.

За Пиренеями

Подробное изложение ранних похождений авантюриста мы находим в документах французского Совета морского флота (*Conseil de la Marine*). К тому времени королевские агенты уже давно держали его в сфере своего внимания, и 6 января 1716 г. чиновники добавили детальную биографическую справку прямо в протокольной книге, на полях соответствующей записи (документ 1)⁹. Если верить этому документу, основные факты таковы: будущий «барон» родился в Тулоне, в мещанской семье и носил фамилию Аллер (*Allaire*), был негоциантом в Байонне, затем попался на мошенничестве со страховкой («составив подложный страховой контракт на корабельный груз, по которому тот груз был дорого оценен и застрахован, а меж тем тюки, сундуки и ящики были заполнены лишь камнями и травой»). Адмиралтейские власти Байонны приговорили его к галерам, однако поймать мошенника им не удалось: Аллер скрылся

⁹ AN. Marine. B⁷ 28. F. 129–130 (примечания на полях).

в Испании, где в это время шли военные действия между франко-испанской и англо-португальской армиями в рамках Войны за испанское наследство. К концу 1710 г. наш герой каким-то образом вошел в доверие к французскому военачальнику на испанской службе маркизу де Бэ. В октябре 1710 г. де Бэ поручил Аллеру быть посредником в переговорах о сепаратном мире с Португалией. Аллер вступил в контакт с португальскими министрами и до марта 1711 г. курсировал с тайными посланиями между штаб-квартирой де Бэ и Лиссабоном — а затем переметнулся вместе с доверенными ему депешами к англичанам, точнее, к лорду Портмору, командующему британскими войсками в Португалии.

Так факты излагаются чиновниками французского морского ведомства, которое однозначно считало Аллера предателем. В нашем распоряжении, однако, есть несколько документов, где эти же события описывает сам авантюрист: на их примере хорошо видно, как он манипулирует информацией и вполне сознательно конструирует нарратив собственной жизни в зависимости от того, к кому он в данный момент адресуется. Самый ранний такой документ — это отчет о переговорах в Португалии, который Аллер предоставил англичанам, когда перешел на их сторону (документ 2)¹⁰. Здесь авантюрист подтверждает основные факты своей ранней биографии, известные нам из справки 1716 г.: он действительно купец из Байонны, его родной город действительно Тулон. Свою фамилию, однако, он здесь пишет иначе: не *Allaire*, а *Hallere*. Следует полагать, что мы имеем дело с сознательным переименованием авантюристом своей фамилии с *Allaire* на *Hallere*, или для того чтобы замести следы, или же, например, потому что написание *Hallere* могло казаться ему более комфортным для английского глаза. По-французски *Allaire* и *Hallere* произносится практически идентично, но англичанин с большой вероятностью прочитал бы *Hallere* как «Халлер»: соответственно, чтобы отразить эволюцию саморепрезентации нашего героя, именно Халлером мы его и будем далее именовать.

Написание фамилии главного героя — не единственное различие между версиями его походов, изложенными в справке из дел Совета морского флота и в его собственном отчете англичанам. О приговоре за мошенничество Халлер, конечно, не упоминает: по его версии, принадлежавший ему корабль, груженный железом и другими товарами, был остановлен у берегов Испании французским корсаром, и, поскольку на борту нашли бумаги, где упоминался Лиссабон, его (несправедливо) обвинили в торговле с неприятелем и конфисковали груз. Халлер,

¹⁰ NA. State Papers. Foreign. Portugal. SP 89/21. F. 97–101 v.

по его словам, стал добиваться получения страховки — и обратился за протекцией к де Бэ, к которому у него было рекомендательное письмо. Тут-то маркиз и предложил ему, как верному подданному французского короля, сослужить Бурбонам добрую службу: «обратиться к португальцам с предложением заключить с обоими королевствами мирный договор на особых условиях и всячески заверить их, что они получают такие преимущества, каких только пожелают». Халлер, по его словам, действительно вступил в переговоры с португальцами, те выказали заинтересованность, и авантюрист совершил еще несколько поездок между Лиссабоном и французским лагерем. Дальше, однако, дело разладилось: он якобы навлек на себя неудовольствие маркиза де Бэ, написав без его ведома напрямую герцогу Вандомскому, французскому военачальнику, на тот момент — командующему армиями испанского короля Филиппа. Де Бэ обвинил Халлера в намерении присвоить себе все лавры в случае успешного завершения переговоров, а затем стал темнить и заявил даже, что «вовсе не желает заключения договора, и что когда вступит в кампанию, то сам сделает новые предложения португальским генералам». Португальцы тоже стали относиться к Халлеру с недоверием. В этой ситуации ему ничего иного и не оставалось, как выйти из игры: «Я не знал, что и думать обо всей этой суеде вокруг меня, понимал ясно, что мне нет доверия и что в итоге мне не захотели отвести никакой роли в этом деле, потому и решился придать его огласке», объясняет он свое поведение англичанам. Авантюрист стремится предстать в их глазах не предателем своих прежних хозяев, но честным человеком, которого именно поведение де Бэ и португальцев вынудило к неоднозначному поступку.

Другая версия событий излагается в объяснительной, которую авантюрист в начале 1719 г. направил французским властям (документ 58)¹¹. Здесь он неожиданно представляет себя как человека, который «оказал важные услуги государству», т.е. Франции. Как истинный патриот, сам он не нуждался в награде: в частности, хотя все эти годы его имя мешали с грязью по всей Европе, он — в интересах дела — молчал о подлинных обстоятельствах пиренейской интриги. На самом же деле, как объяснял авантюрист, он вовсе не был предателем: наоборот, известить англичан о готовности Португалии на сепаратный мир с Бурбонами ему поручил сам де Бэ. Сначала переговоры о мире и вправду велись, но, когда стало ясно, что Лиссабон не готов сделать решительный шаг к разрыву с Лондоном, де Бэ задумал использовать сам факт тайных сношений,

¹¹ AMAE. Correspondance politique. Russie. Supplement 2. F. 274–275 v.

чтобы дискредитировать португальцев в глазах англичан и посеять среди союзников рознь. Именно для этого авантюристу и было поручено передать секретные письма англичанам: этот шаг был якобы частью дипломатической игры. Очень кстати сам де Бэ умер как раз в 1715 г. и не мог ни подтвердить, ни опровергнуть эту историю.

Наконец, еще одна версия тех событий предлагается в письме, которое авантюрист в октябре 1715 г. направил на имя Петра I: вероятно, царь услышал о прошлом француза и потребовал объяснений. Помимо французского оригинала (документ 27)¹², мы публикуем здесь и выполненный несколько позднее — видимо, для Петра — сокращенный перевод, который любопытен с точки зрения того языка, который русские современники могли использовать для описания соответствующих реалий (документ 28)¹³. Здесь наш герой также утверждает, что никогда не был предателем, но легенда у него другая: якобы он с самого начала был тайным агентом на службе у англичан, «в Португалии в службе сего короля, на плате королевы аглинской». При этом переговоры о мире вел не он, а некий другой француз, которого Халлер якобы поймал и передал англичанам. Более того, в этой версии оказывается, что сепаратный мир не просто обсуждался португальцами, но был заключен — и именно текст этого договора был обнаружен у пойманного Халлером француза. Таким образом, передав англичанам документы о переговорах португальцев с маркизом де Бэ, Халлер никого не предавал, но наоборот, выполнил свой долг и ловко провел разведывательную операцию. Более того, он даже уверяет Петра, что в память его прежних достижений ему теперь поступило из Англии новое привлекательное предложение о службе (которое он, как верный слуга русского монарха, отверг). Авантюрист не просто отрицает обвинение в мошенничестве, но и пытается истолковать ситуацию в свою пользу, превратить весь эпизод в еще одно подтверждение собственной квалификации и набить себе цену в глазах своего нынешнего нанимателя.

В ретроспективе для нас очевидно, конечно, что Халлер был мошенником и предателем, но тогда, весной 1711 г. даже сами англичане не могли быть вполне уверены в том, что же на самом деле произошло в Португалии. В подтверждение своего рассказа француз представил лорду Портмору письма, якобы полученные им от маркиза де Бэ, в которых действительно ведется речь о переговорах с португальцами (документы 2, 3)¹⁴.

¹² РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1715. Д. 3. Л. 1–2.

¹³ РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 7. Л. 59–60.

¹⁴ NA. State Papers. Foreign. Portugal. SP 89/21. F. 97–101 v., 103–104.

Удостовериться в их подлинности англичанам, конечно, было затруднительно, но даже если они и были подлинными, что из них следовало? Да, переговоры в них вроде бы упоминаются, и Халлер получает от де Бэ соответствующие инструкции, включая и описание территориальных уступок, на которые Испания готова будет пойти. Но если вчитаться внимательнее, то оказывается, что о заинтересованности Лиссабона в этих переговорах самому де Бэ известно только со слов Халлера. Так действительно ли португальцы участвовали в переговорах? Могло ли быть, что Халлер вовсе и не вступал в контакты с португальским правительством, а придумал эти контакты, чтобы придать себе важности в глазах де Бэ?

Проверить это у англичан не было никакой возможности. Тем не менее сразу после получения бумаг от Халлера Великобритания, разумеется, заявила португальцам решительный протест и потребовала объяснений. Португальцы в ответ, разумеется, все столь же решительно отрицали: выдвинутые французским купцом обвинения они объявили ложными и не заслуживающими внимания¹⁵. Тем не менее неопределенность сохранялась. Собственно, эта-то неопределенность, практическая невозможность верификации значительной части поступающих государственным мужам сведений и создавали пространство, в котором могли оперировать Халлер и подобные ему авантюристы. На фоне такой неопределенности сами сановники среди возможных интерпретаций получаемой информации зачастую выбирали те, которые соответствовали их интересам, — и это тоже было на руку авантюристу.

Весной и летом 1711 г. лорд Портмор продолжал уверять своих коллег в правдивости показаний Халлера¹⁶. Это вполне понятно, ведь именно к нему обратился Халлер со своими разоблачениями, и именно Портмор сообщил о них британскому правительству: дезавуировать их теперь генералу было бы сложно. Кроме того, подозрения в адрес португальцев были ему на руку: военные действия на Пиренеях шли в последнее время не слишком успешно, ситуация на этом театре виделась Портмору все более тупиковой, и возможность сослаться при всяком удобном случае на ненадежность португальских союзников была ему очень кстати. Другие британские представители в Португалии, впрочем, воспринимали сообщение Халлера более скептически. В письме к лорду Дартмуту,

¹⁵ Союзные представители Дьогу д Мендонсе, 20 апреля 1711 г.; ответ Дьогу д Мендонсы, 28 апреля 1711 г. NA. State Papers. Foreign. Portugal. SP 89/21. F. 113–114, 120–121.

¹⁶ Экстракт из письма лорда Портмора в Лондон, 1 мая 1711 г. NA. State Papers. Foreign. Portugal. SP 89/21. F. 130–131.

государственному секретарю Южного департамента, дипломат Томас Леффевр (в 1709–1710 гг. поверенный в делах в Лиссабоне), характеризует француза как подозрительного типа и сомневается, что португальцы действительно пытались заключить сепаратный мир. Вместе с тем он допускает, что они были заинтересованы в неофициальном перемирии с Бурбонами, не желая при этом и порывать с англичанами (и терять английские субсидии). В итоге же он приходит к тому же практическому выводу, что и Портмор: британские усилия на Пиренейском полуострове пора сворачивать, поскольку толку от них все равно не предвидится¹⁷.

Подобная позиция становится типичной в английских правительственных кругах. С одной стороны, Халлер не производит впечатление надежного человека, особой веры ему, конечно, нет. С другой, его сообщение слишком серьезно, чтобы его игнорировать, — но и проверить его тоже невозможно. С третьей стороны, усталость от войны и разочарование в португальских союзниках стремительно нарастают. Как раз в 1711 г. к власти в Англии пришел новый кабинет тори во главе с лордом Оксфордом и виконтом Болингброком, настроенными именно на прекращение войны: многие британские дипломаты и военные начинают переориентировать соответствующим образом свои политические и карьерные стратегии. Все это диктует и восприятие ими Халлера: хотя он и сомнительный тип, но нет дыма без огня, наверное, что-то такое там было. В подобном ключе высказывается, например, британский консул Джон Мильнер в письме к Эразмусу Льюису, заместителю государственного секретаря и приятелю Свифта и Поупа¹⁸. Маловероятно, пишет он, что португальцы действительно стали бы всерьез вести такие переговоры через Халлера, человек без всякого статуса и опыта, и еще менее вероятно, что они решились бы разорвать отношения с Великобританией. Вместе с тем, полагает Льюис, весь этот эпизод отражает их недовольство общим ходом военных действий. В том же смысле высказывается в своих письмах и Джордж Делаваль, британский посол¹⁹.

Так все-таки были или нет переговоры? 1 мая британские представители встречались с португальским государственным секретарем Дьогуд Мендонсой Корт-Реалем, который как раз и фигурирует в сообщении

¹⁷ Томас Леффевр — лорду Дартмуту, 1/12 мая 1711 г. NA. State Papers. Foreign. Portugal. SP 89/21. F. 136–139.

¹⁸ Джон Мильнер — Эразмусу Льюису, 12 мая 1711 г. NA. State Papers. Foreign. Portugal. SP 89/21. F. 140–141.

¹⁹ Джордж Делаваль — лорду Дартмуту, 16 мая 1711 г. NA. State Papers. Foreign. Portugal. SP 89/21. F. 185–186.

Халлера как главное действующее лицо в переговорах. Как сообщал лорд Портмор в Лондон, в ходе встречи «были представлены два письма от маркиза де Бэ к государственному секретарю [д Мендонсе], которые должны были дискредитировать открытие Халлера, но имели совершенно иной эффект». Британцы, настаивает Портмор, вернулись с этой встречи уверенными, что сообщение Халлера имело под собой почву. Еще бы: португальцы сами сознались, что какая-то переписка действительно имела место!²⁰ Однако другой британский участник встречи, дипломат Томас Леффевр, одновременно доносил в Лондон, что «рассказ француза маловероятен от начала и до конца». По его словам, госсекретарь д Мендонса уверяет, что вся эта интрига была затеяна де Бэ, чтобы посеять вражду между союзниками (впоследствии именно эту версию авантюрист предложит в свое оправдание французским властям) — но это сомнительно. Скорее Леффевр готов поверить, что речь идет об уловке португальцев, надеявшихся таким образом выбить себе дополнительные субсидии; и в любом случае, данный эпизод отражает общую истощенность страны. Вне зависимости от того, имели переговоры место или нет, ключевые лица при португальском дворе не желают больше вести активные военные действия — «никакого толку от этого союзника ожидать не приходится»²¹.

В дальнейшем никакой ясности не наступает, и британские дипломаты и военачальники продолжают интерпретировать происходящее каждый по-своему. В середине мая д Мендонса Корт-Реал сообщил Портмору, что португальский командир на границе получил от де Бэ очередное послание с просьбой дать пропуск его представителям для ведения переговоров. На это португальский король якобы велел ответить, что не будет рассматривать никакие предложения о мире, которые не обращены сразу ко всем союзникам, — и приказал сообщить об инциденте британцам²². Но в глазах Портмора это лишь подтверждало, что сообщение Халлера было «несомненно правдивым во всех деталях» и позволило «разрушить этот заговор», хотя генерал и был теперь готов допустить, что сам король не был в курсе ранее затеянных его министрами секретных переговоров²³.

²⁰ Экстракт донесения лорда Портмора лорду Дартмуту, 1 мая 1711 г. NA. State Papers. Foreign. Portugal. SP 89/21. F. 130–130 v.

²¹ Томас Леффевр — лорду Дартмуту, 1/12 мая 1711 г. NA. State Papers. Foreign. Portugal. SP 89/21. F. 135–138.

²² Дьюгу д Мендонса — лорду Портмору, 15 мая 1711 г. NA. State Papers. Foreign. Portugal. SP 89/21. F. 158.

²³ Лорд Портмор — лорду Дартмуту, 17 мая (н.с.) 1711 г. NA. State Papers. Foreign. Portugal. SP 89/21. F. 187–189.

В июне открывается летняя кампания, и все происходящее на фронте теперь воспринимается британцами сквозь призму сообщения Халлера — и наоборот, правдоподобность этого сообщения ретроспективно оценивается в зависимости от событий на фронте. В мае Энтони Корбьер, секретарь Делаваля, надеется, что раскрытие заговора подтолкнет португальцев к более активным действиям на границе²⁴. Сам Портмор считает, что именно необходимость оправдаться в глазах союзников заставила Лиссабон направить на фронт 12 тыс. человек и хлебные рационы на 40 дней²⁵. В общем, поведение португальцев в ближайшее время должно показать, насколько искренни они были, отрицая всякое намерение заключить сепаратный мир²⁶. Когда же оказывается, что португальские войска действуют вяло и неудачно, это воспринимается как доказательство правоты Халлера. В июне Портмор просто «убежден» в том, что переговоры имели место: как еще можно объяснить «эту притворную кампанию» («*this mock campaign*»)?²⁷ Теперь все его усилия пошли прахом, пишет генерал своему начальству. Он, похоже, вообще не видит больше смысла что-то предпринимать на этом фронте, ведь очевидно, что «все влиятельные лица при [португальском] дворе» симпатизируют французам. Из этого логично следует и предложение наградить Халлера²⁸. Понятно, что подобная награда зафиксирует его правоту, а значит, и правоту самого Портмора (и отсутствие его вины в неудачах на фронте). Овладевший британскими военными и дипломатами общий пессимизм, таким образом, оказывается для Халлера весьма кстати. Консул Джон Мильнер все еще сомневается, что португальцы планировали подписать с Бурбонами сепаратный мир, но полагает, что они «почти наверняка» заключили секретное соглашение об отказе от активных военных действий на границе²⁹. К этому времени кампания уже окончилась, ничего не достигнув и не успев даже толком начаться; войска расходятся по зимним квартирам. Еще месяц спустя Портмор уже

²⁴ Энтони Корбьер — Эразмусу Льюису, 13 мая 1711 г. NA. State Papers. Foreign. Portugal. SP 89/21. F. 144–145.

²⁵ Лорд Портмор — лорду Дартмуту, 14 мая 1711 г. NA. State Papers. Foreign. Portugal. SP 89/21. F. 154–155.

²⁶ Энтони Корбьер — Эразмусу Льюису, 13 мая 1711 г. NA. State Papers. Foreign. Portugal. SP 89/21. F. 152–153.

²⁷ Лорд Портмор — лорду Дартмуту, [18] июня 1711 г. NA. State Papers. Foreign. Portugal. SP 89/21. F. 223.

²⁸ Лорд Портмор — лорду Дартмуту, 25 июня (н.с.) 1711 г. NA. State Papers. Foreign. Portugal. SP 89/21. F. 230–231.

²⁹ Джон Мильнер — Ричарду Варре, 16 июня 1711 г. NA. State Papers. Foreign. Portugal. SP 89/21. F. 216–217.

прямо пишет, что португальцы «бесполезны» как союзники, и просит отозвать его в Англию³⁰.

Французские министры тем временем сами пытались разобраться, что же происходит в Португалии. С одной стороны, маркиз де Бэ формально находился на испанской службе, и предполагаемые переговоры фигурируют во французской официальной переписке как «переговоры между Испанией и Португалией». Соответственно, сведения о них Париж вынужден добывать в том числе и косвенным путем, через свою агентурную сеть. Ключевую роль здесь играют консулы, в первую очередь консул в Кадисе, которые собирают слухи, опрашивают торговцев и заходящих в порт французских арматоров и торговых капитанов, и вообще всех французских подданных. В этом смысле предполагаемое обращение маркиза де Бэ к своему соотечественнику Аллеру вполне вписывается в обычные практики той эпохи. С другой стороны, Париж пребывает зимой 1711 г. в уверенности, что португальский «народ» устал от войны, и что португальский двор поэтому просто не может не стремиться к переговорам. Вне зависимости от того, была ли эта уверенность обоснованной или нет, она окрашивала восприятие происходящего французским министерством.

Сообщения о заинтересованности португальского двора в мире появляются в переписке уже 9 марта. В середине апреля Парижу известно о прибытии к де Бэ курьера (или курьеров?) из Лиссабона, и французских консулов настойчиво просят «информировать обо всем, что вы узнаете об этих переговорах». 27 апреля упоминается «лицо, которое прибыло из Лиссабона в Мериду для совещания с маркизом де Бэ, но вернулось в Португалию, не доведя дело до конца». 4 мая де Бэ было приказано возобновить активные боевые действия против англо-португальских сил, но и в мае, и в июне граф де Поншартрен все еще интересуется ходом переговоров и вероятностью антивоенных «волнений» в Лиссабоне³¹. Наконец, 21 июня консул в Кадисе сообщает, что, «по слухам», переговоры о мире были сорваны, поскольку пакет от короля Португалии к испанскому двору был доверен «одному провансальцу по имени Аллер, который отправился с ними в лагерь англичан»³². Однако и после этого,

³⁰ Лорд Портмор — лорду Дартмуту, 25 июля (н.с.) 1711 г. NA. State Papers. Foreign. Portugal. SP 89/21. F. 258–259.

³¹ Переписка графа де Поншартрена с французскими консулами в Испании, 1711 г. AN. Marine. B⁷ 87. F. 175–176, 260, 297, 311–312, 314, 341, 365, 396, 415, 481–482, 489.

³² Консул в Кадисе — графу Поншартрену, 21 июня 1711 г. AN. Affaires étrangères. BI 218. P. 162.

и в июле, и в августе в переписке фигурируют именно «продолжающиеся» переговоры, как этого и опасались англичане³³.

К этому времени прошло уже больше трех месяцев с того момента, как Халлер переметнулся к британцам, однако он пока так еще ничего и не получил за свое предательство. Португальцы, конечно, хотели бы свести с ним счеты, и все это время он скрывается от их гнева в доме британского посла Делаваля. Авантюрист просит переправить его в Англию, и действительно, для посла он все больше становится обузой, настоящим «бельмом на глазу (*eyesore*)»: португальские аристократы отказываются посещать Делаваля, пока предатель находится в его резиденции³⁴. К концу июня авантюриста решено при первой возможности отправить в Лондон³⁵, а в конце июля Делаваль сообщает о предстоящем отбытии Халлера³⁶ — и как раз вовремя: в начале августа посол короля Жуана V в Лондоне официально потребовал удаления француза из Португалии³⁷.

Из Лондона в Гаагу

Согласно справке из бумаг французского Совета морского флота, после прибытия Халлера в Лондон «королева Анна дала ему 500 фунтов стерлингов, но он тем не удовольствовался и вел себя подозрительно, тогда ему был дан приказ покинуть Англию». Эту же сумму, 500 фунтов, упоминает и сам Халлер в различных версиях своей биографии. Другие детали, однако, разнятся. В меморандуме французскому правительству он пишет, что для него, как убежденного католика, карьера в Англии была закрыта («*la religion catholique dont il fait profession etoit un obstacle à son avancement en Angleterre*») — именно потому и решено было отправить его с «сильными» рекомендациями к императору в Вену³⁸. Здесь, как мы видим, подразумевается, что английское правительство было настроено к Халлеру благожелательно; что только конфессиональная принадлежность

³³ Переписка графа де Поншартрена с французскими консулами в Испании, 1711 г. AN. Marine. B⁷ 87. F. 538, 660, 697–698.

³⁴ Джордж Делаваль — лорду Дартмуту, 12 и 16 мая (н.с.) 1711 г. NA. State Papers. Foreign. Portugal. SP 89/21. F. 142–143, 185–186.

³⁵ Джордж Делаваль — лорду Дартмуту, 27 июня (н.с.) 1711 г. NA. State Papers. Foreign. Portugal. SP 89/21. F. 234–235.

³⁶ Джордж Делаваль — лорду Дартмуту, 25 июля (н.с.) 1711 г. NA. State Papers. Foreign. Portugal. SP 89/21. F. 266–267.

³⁷ Луиш да Кунья — лорду Дартмуту, 10 августа 1711 г. NA. State Papers. Foreign. Portugal. SP 89/21. F. 284.

³⁸ AMAE. Correspondance politique. Russie. Supplement 2. F. 274bis.

помешала ему остаться на английской службе; и что на службу к императору он поступил с благословения и при поддержке Сент-Джеймского двора.

В объяснительной, представленной Сент-Илером Петру, присутствуют те же сюжетные элементы, но складываются они в совсем иную историю. Поначалу авантюрист, по его словам, был в Лондоне «принят зело милостиво». Здесь также фигурируют 500 фунтов, но из разовой выплаты они превращаются в ежегодную пенсию, которую Халлеру якобы обещала королева Анна, наряду со «знатным чином», если только он перейдет в «веру калвинскую». Дальше, однако, «начались при оном дворе французские интриги». Из-за этих интриг «выслуга» Халлера была «уничтожена», он получил единовременно 1000 фунтов и предписание выехать в Голландию и не возвращаться более в Англию³⁹.

Действительно, сделать карьеру на английской службе авантюристу не удалось, и его пребывание на Британских островах окончилось высылкой на континент. Однако что именно пошло не так, не вполне ясно. На британской почве, а точнее, в Фалмуте, ближайшем к Португалии порту, он оказывается не позднее 12 августа. Направляясь в Англию, француз запасся рекомендательными письмами, в том числе от лорда Портмора к лорду Дартмуту; от британского торгового агента Ланселота Степни к Эразмусу Льюису; от британского посла Делаваля, в котором он представлен, между прочим, как «знаменитый господин Халлер» и «славный толковый малый (*good clever fellow*)». Во всех этих письмах открытие им португальского заговора описывается как несомненный факт⁴⁰. Однако неприятности у него начались уже по дороге из Португалии. Халлера, по его собственным словам, обижают попутчики: офицеры пакетбота и пливший с ними Томас Леффевр относились к нему с презрением, как к человеку, предавшему своего короля. В этой связи он употребляет для описания своего положения фразу, которая будет затем раз за разом встречаться в его письмах — «самый несчастный человек в свете (*l'homme du monde le plus malheureux*)»⁴¹.

Нет и никаких свидетельств того, что ему действительно обещали пенсию, а тем более «знатный чин» на английской службе. Наоборот, уже 17 августа, буквально через несколько дней после прибытия, он сам

³⁹ РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 7. Л. 59 об.

⁴⁰ NA. State Papers. Foreign. Portugal. SP 89/21. F. 248, 252, 264–265.

⁴¹ Жозеф Халлер — Джорджу Делавалю, 12 августа 1711 г. NA. State Papers. Foreign. Portugal. SP 89/21. F. 308–308 v.

обращается к королеве Анне с официальным прошением (документ 4)⁴². Речь, однако, идет не о награде за оказанные им Великобритании услуги (хотя и о них он тоже не забывает упомянуть), но о компенсации за имущество и активы во Франции и Испании, которые авантюрист якобы потерял, перейдя на сторону англичан. Сам переход этот представляется уже не как вынужденный шаг, но как служба «общему делу», и Халлер надеется и дальше (прозрачно намекает он Анне) продолжать эту «службу», прилагая свои усилия «в интересах Вашего королевства». Это единственное, как кажется, упоминание в документах о «службе» Халлера британской короне: судя по всему, именно оно впоследствии трансформируется в письмах авантюриста в рассказы об обещанном ему «знатном чине».

Список потерянного имущества, приложенный Халлером к своему прошению, действительно впечатляет — вероятно, он должен был дать королеве и ее министрам представление о желаемых масштабах вознаграждения и одновременно повысить статус автора в их глазах. С одной стороны, Халлер перечисляет свои долги, достигающие якобы 111 220 ливров. Упоминаются четыре крупных займодавца в Париже (братья Галуа, месье Энок, месье Клод Жакен, вдова Кован), двое в Амьене, и т.д., и наконец «многочисленные лица в Бильбао», «многочисленные лица в Байонне» и «по всей Франции». Еще более впечатляющ список утерянного имущества общей стоимостью 254 тыс. ливров. Здесь и унаследованные от родителей дом и земля в Тулоне, стоимостью в 36 тыс. ливров; и сельский дом в Байонне с мебелью, общей стоимостью 22 тыс. ливров; и 800 квинталов сахара в Галисии, общей стоимостью 40 тыс. ливров; корабль с грузом стоимостью в 60 тыс. ливров; другие товары и векселя; и, наконец, его гардероб стоимостью 6 тыс. ливров, изъятый в Лиссабоне португальским государственным секретарем д Мендонсой Корт-Реалем⁴³.

На этом этапе Халлер все еще пользуется некоторой поддержкой в британских правительственных кругах. Хотя в начале лета посол Джордж Делаваль и описывал его как «бельмо на глазу», в августе он же с сочувствием относится к его жалобе на поведение офицеров пакетбота и рекомендует его вниманию правительства. Примечательно, что Халлер представлен не только как человек, «которого Ее величество соизволила взять под свою высокую протекцию», и потому заслуживающий вежливое обращения, но и как нечто вроде эксперта по Испании — «он складно

⁴² Жозеф Халлер — королеве Анне, 17 августа 1711 г. NA. State Papers. Domestic. Anne. SP 34/30. F. 74.

⁴³ Там же. F. 75–75 v.

толкует о некоторых предметах, и в особенности о делах Испании, где он некоторое время обращался (*he talks well of several things, and in particular of the affairs of Spain, where he has been conversant sometime*)»⁴⁴. Как мы увидим, в дальнейшем авантюрист будет последовательно культивировать этот образ. Месяц спустя Делаваль признает запросы Халлера завышенными, но готов положиться в этом вопросе на мнение Портмора, который, похоже, все еще поддерживает Халлера⁴⁵.

В конце сентября 1711 г., наконец, принято решение о награде Халлеру и о его дальнейшей судьбе — но не совсем то, на какое надеялся француз. 26 числа лорд Дартмут доносил королеве Анне, что правительство рассмотрело запросы Халлера и что лорды заинтересовались, успел ли тот уже «натурализоваться в соответствии с актом парламента»⁴⁶. По всей видимости, речь идет об «Акте о натурализации иностранных протестантов» от 23 марта 1709 г., который был призван урегулировать правовой статус тысяч скрывавшихся в Англии эмигрантов, в том числе бежавших сюда после отмены Нантского эдикта французских гугенотов. В соответствии с этим законом им достаточно было лишь принести присягу на верность королеве и причаститься в любой протестантской церкви, чтобы стать британскими подданными. Как оказалось, Халлер не успел — или не догадался — проделать эту процедуру, а раз так, лорды единогласно решили, что «представляется разумным выслать его». В дальнейшем тема религии будет постоянно всплывать в описаниях французом своего вынужденного отъезда из Англии: он будет утверждать, что не остался на службе королевы Анны якобы из-за своего отказа порвать с католической верой — вероятно, в основе этих рассказов лежит как раз данный эпизод. Размер установленного Халлеру вознаграждения составлял 200 фунтов — не такая уж и маленькая сумма по стандартам того времени, но, конечно, несопоставимая с его ожиданиями. Более того, на руки немедленно он получал лишь 50 фунтов, а остальные 150 — когда покинет пределы Англии. Очевидно, что француз этим не удовлетворен. В своем письме лорду Дартмуту (документ 5)⁴⁷ он пытается выторговать

⁴⁴ Джордж Делаваль — Эразмусу Льюису, 27 августа 1711 г. NA. State Papers. Foreign. Portugal. SP 89/21. F. 306.

⁴⁵ Джордж Делаваль — Эразмусу Льюису, 26 октября (н.с.) 1711 г. NA. State Papers. Foreign. Portugal. SP 89/21. F. 354.

⁴⁶ The manuscripts of the Earl of Dartmouth. Vol. 1. London: HMSO, 1887. P. 307. Запись о выплате этого вознаграждения см.: Calendar of Treasury Books. 1712. Vol. 26 / W.A. Shaw (ed.). London: His Majesty's Stationery Office, 1954. P. cclii.

⁴⁷ Джозеф Халлер — лорду Дартмуту, 28 сентября 1711 г. NA. State Papers. Domestic. Anne. SP 34/30. F. 94–95.

чуть более благоприятные условия: просит увеличить предназначенную ему сумму, учитывая сделанные им долги (40 фунтов) и якобы потерянное им в Португалии имущество. Он также намекает на тот риск, на который он пошел ради Англии, и просит, чтобы его выслали не на континент, а в Ирландию, где «моя персона может быть в большей безопасности, чем в ином месте».

Примечательно, что именно в этот момент история Халлера становится известной британской публике. Абель Буайе, предприимчивый лексикограф, издатель и публицист французского происхождения, подробно излагает ее в октябрьском номере своего журнала «The Political State of Great Britain»⁴⁸. Бросается в глаза, что рассказ Буайе довольно точно воспроизводит «Дневник моих переговоров» Халлера, повторяя даже мельчайшие детали приключений француза. Более того, Буайе прямо ссылается на «подлинный рассказ» о секретных франко-португальских переговорах, который он «недавно раздобыл», и даже упоминает Халлера по имени. Буайе был вхож в политические круги: именно это позволяло журналу, впервые в британской практике, достаточно регулярно излагать содержание парламентских дебатов, о которых издатель узнавал от дружественных депутатов. Учитывая политические связи Буайе, нет ничего удивительного в том, что он получил доступ и к составленному французом документу. Предложенная публике версия событий не оставляла сомнений, что переговоры действительно имели место и что Халлер их действительно сорвал: как сообщалось, Портмор получил от португальцев ответ, что переговоры были начаты «лишь для того чтобы обеспечить всеобщий мир» (т.е. сам факт переговоров как будто не отрицался). В текущем политическом контексте эта история приобретала особую злободневность, поскольку как раз в это время выяснилось, что Великобритания сама с осени 1710 г. вела предварительные переговоры с Францией за спиной своих союзников. Португальский же эпизод показывал, во-первых, что союзники тоже начали подобные переговоры, а потому моральных обязательств перед ними у Лондона нет; а во-вторых, что продолжать войну с такими ненадежными союзниками не слишком разумно.

Кто, однако, мог предоставить Буайе этот документ? Конечно, источником мог быть и сам лорд Портмор, изображенный здесь в весьма выгодном свете и даже с сочувствием; была эта утечка на руку и британскому кабинету. Более вероятно, однако, что издатель получил документ

⁴⁸ The Political State of Great Britain. 1711. Vol. II. October. P. 311–316.

от самого авантюриста, своего соотечественника. Буайе специально уделяет несколько строк оправданию действий француза, которого вынудила перейти на сторону англичан «зависть» со стороны маркиза де Бэ, а также «ужас и сожаление по поводу притворного сражения, которое должно было состояться, чтобы скрыть этот тайный договор, и в котором [английские] войска в Португалии должны были быть принесены в жертву». Заметим, что в самом «Дневнике» о планах португальцев устроить такое сражение ничего не говорится, не находим мы подобных сообщений и в британской правительственной переписке. Возможно, это фраза — отзвук рассуждений британских генералов и дипломатов о «притворной кампании», которую якобы португальские войска вели в июне 1711 г. Так или иначе, рассказать обо всем этом издателю должен был его анонимный источник. Опять-таки, это, конечно, могли быть сам Портмор или кто-то из его сотрудников. Но примечательно, что тут же Буайе находит нужным подчеркнуть, что Халлер бедствует (поскольку принужден был бросить все свое имущество во Франции и Испании) и что он «ожидал и, действительно, заслуживал награды за свои услуги». Эта фраза — пожалуй, самое прямое указание на то, что источником Буайе был именно Халлер. Впрочем, хотя в тексте Буайе и говорится, что Халлер заслуживает награды, сама статья эта вышла уже *после* того, как было принято решение о выплате французу 200 фунтов. Значит ли это, что Халлер организовал эту публикацию (если на самом деле за ней стоит именно он) еще *до* принятия этого решения? Или же, наоборот, он обратился в прессу *после* того, как узнал, что получит всего 200 фунтов, пытаясь таким способом добиться для себя более благоприятных условий? Как отреагировали на эту публикацию британские министры? Ответов на эти вопросы у нас пока нет.

Так или иначе, какого-то прямого влияния на судьбу Халлера этот эпизод не оказал: выплата ему не была увеличена, и ему действительно пришлось покинуть пределы британского королевства. Узнаем мы об этом из писем, которые он пишет в первые месяцы 1712 г. из Гааги и Амстердама лорду Страффорду, британскому послу в Соединенных Провинциях (документы 6–12), и из донесений самого Страффорда лорду Оксфорду, лорду-канцлеру казначейства, фактическому главе правительства⁴⁹. В Нидерландах в это время уже шли дипломатические переговоры, которые вскоре выльются в заключение Утрехтского мирного договора. Новый британский кабинет взял курс на примирение с Францией, тогда как

⁴⁹ BL. Additional MSS. 22223 (Miscellaneous foreign correspondence to the Earl of Strafford). F. 56–78.

император был настроен продолжать войну. Во всяком случае, известия о том, что Лондон уже почти год ведет с Парижем секретные переговоры за спиной своих союзников, заставляют и императора, и Нидерланды быть крайне настороженными. В самом начале 1712 г. будет смещен с поста командующего герцог Мальборо — для союзников это несомненный признак стремления Лондона заключить мир без учета их интересов. Уже в декабре 1711 г. Страффорду становится известно, что император направляет в Англию принца Евгения Савойского: прославленный полководец и соратник Мальборо должен был убедить королеву Анну и ее министров выполнить свои союзнические обязательства. Кабинет Оксфорда и представляющий его интересы Страффорд опасаются, конечно, что союзники «плетут заговоры» против них и что принц Евгений попытается мобилизовать против них парламентскую оппозицию и как-то опереться на сторонников Мальборо. Поэтому Страффорд откровенно стремится предотвратить приезд принца Евгения в Англию⁵⁰.

Халлер со всей очевидностью пытается встроиться в эти интриги. Он упоминает, что паспорт, по которому он выехал из Англии, был датирован 18 октября 1711 г. Ко 2 января (1712 г., видимо, по новому стилю) — этим числом помечено его первое письмо Страффорду — француз уже состоит в знакомстве с целым рядом политиков и дипломатов в Гааге, во всяком случае рассказывает о контактах с ними. Среди них особый интерес для посла представляют принц Евгений и граф Галлас, бывший императорский посол в Лондоне, вынужденный покинуть Англию из-за откровенной враждебности к нему королевы; а также императорский дипломат барон Хеэмс (Baron Heems) и депутат нидерландских Генеральных Штатов Латмар (Latmar). Судя по его письмам, Халлер приходит к ним с визитами, ведет разговоры — довольно общие, — а потом пересказывает эти беседы в письмах Страффорду. Уже в самом первом письме француз упоминает «указания, которые вам было угодно мне дать». Вообще, он всячески стремится позиционировать себя как агента на службе у Страффорда — пишет чуть ли не каждый день, особенно поначалу, а то и по нескольку раз на дню; указывает время написания письма, чтобы подчеркнуть, что бросился писать донесение сразу же после проведения беседы; информирует посла о своих перемещениях.

Как сообщал Страффорд Оксфорду, Халлер уверял его, что перед своим отъездом в Англию герцог Мальборо вызвал его в свой кабинет

⁵⁰ Лорд Страффорд — лорду Оксфорду. Декабрь 1711 г. Report on the manuscripts of His Grace the Duke of Portland preserved at Welbeck Abbey. Vol. 9. London: H.M.S.O, 1907. P. 307–309.

и имел с ним продолжительную беседу. Полководец якобы удивлялся, что француз согласился так безропотно уехать из Англии; что министры не имели полномочий его выслать; и что если он вернется в Лондон, то «найдет друзей в парламенте, готовых его поддержать и помочь ему покончить с теми, кто так дурно с ним обошелся». Это сообщение, конечно, вызвало у посла интерес, поскольку речь шла не только о внешнеполитических конъюнктурах, но и о внутривластных интригах в самой Англии. Если верить сообщению Халлера, Мальборо собирался использовать его как инструмент политического давления на правительство. Конечно, обнародование истории несправедливого обращения с французом едва ли вызвало бы падение кабинета, однако как одна из третьестепенных линий атаки на Оксфорда она вполне годилась.

Соответственно, Страффорд вызвал Халлера из Амстердама, чтобы поговорить с ним о пенсии, «которую Ваша милость [лорд Оксфорд], как кажется, были готовы ему устроить» — но сказал, что француз должен заслужить ее, поставляя информацию, поскольку «он так хорошо знает господина Хеемса, графа Галласа, и других <...> и поскольку принц Евгений пригласил его отправиться в Англию вместе с ним». На этот момент Халлер претендует лишь на 100 фунтов в год, но и такая сумма Страффорду кажется чрезмерной. Примечательно, что в этом письме посол именует французца *Haillart*, а в следующем — *Hallere*. Подобное вольное обращение с написанием имен, характерное для того времени, должно было сильно облегчать задачу авантюристов: в условиях такой вариативности корректировать свое имя (и идентичность) было гораздо проще. Кроме того, в письме упоминается возможность предоставления французцу пенсии под другим именем: опять-таки, возможность смены идентичности описывается как совершенно рутинная практика — для этого авантюристу достаточно лишь *назваться иначе*⁵¹.

Самое любопытное донесение, пожалуй, содержится в письме от 5 января (документ 9), где Халлер рассказывает о беседе, которой его удостоил не называемый по имени «Его Высочество» — со всей очевидностью, принц Евгений. Как оказалось, «Его Высочество» спросил Халлера о настроениях народа в Испании и о настроениях среди португальского дворянства. Халлер пишет, что поспешил, по мере своих познаний, дать собеседнику пояснения на этот счет. Следовательно, его похождения за Пиренеями не составляли ни для «Его высочества», ни для посла секрета:

⁵¹ Лорд Страффорд — лорду Оксфорду. 25 декабря 1711/5 января 1712 г. Report on the manuscripts of His Grace the Duke of Portland... Vol. 9. P. 317.

наоборот, он опирается на них в своей самопрезентации. Предшествующий эпизод его жизненной траектории становится основой для претензий авантюриста на некоторую экспертизу — ровно этот же прием мы раз за разом будем встречать и в дальнейшем. Затем «Его высочество» переводит разговор на настроения в Англии. Халлер якобы отвечает, что «народ в Англии может быть очень взбудоражен» приездом нового лица, такого как сам принц: авантюрист советует полководцу прибыть инкогнито, в сопровождении одного лишь слуги⁵².

Параллельно с этим буквально в каждом своем письме Халлер осаждает Страффорда просьбами о помощи в получении дополнительной — якобы обещанной ему — награды в Англии. Уже в самом первом письме речь идет о «небольшой пенсии в Ирландии», где он мог бы осесть, заняться «скромной торговлей (*petty commerce*)» и привести в порядок свои дела — а также, что примечательно, спокойно практиковать свое вероисповедание (т.е., надо думать, католицизм). Упоминается и отправка некоего груза вина из Испании в Лондон. В письме секретарю Страффорда от 3 января Халлер намекает на поступившее ему от принца Евгения предложение вернуться в Англию в его свите. Халлер при этом прямо жалуется на «несправедливость, которую мне сделали милорд Дартмут и милорд казначей», т.е. Оксфорд. Речь идет даже о том, чтобы выступить в парламенте с осуждением этой несправедливости.

К 8 января (по новому стилю) Страффорд уже разочарован Халлером. В донесениях Оксфорду посол постоянно вставляет фразы «как он говорит», «по его словам», подчеркивая, что информация исходит от самого француза и потому должна восприниматься с долей скепсиса. Недоверие его связано с представленной Халлером позицией принца Евгения и Хеемса: дипломату кажется «странным», что принц Евгений, лично пообещав ему не вмешиваться в политические интриги в Англии, все же собирается везти Халлера с собой в Лондон и, по его словам, даже подталкивает его выступить в парламенте! Сомнения вызывают и уничижительные выражения в отношении Оксфорда, которые принц Евгений и Хеемс якобы вкладывают в уста Мальборо, тем самым компрометируя его. «Невозможно узнать, говорит он правду или нет», прямо пишет Страффорд Оксфорду, и потому посол устроил за французом слежку («*I had him dogged*»). Но увы, это мало помогло: оказалось, что Халлер действительно бывал в домах принца Евгения и Хеемса! Возможно, он все же говорит правду? В итоге посол заявляет, что поскольку «мне этот

⁵² BL. Additional MSS. 22223 (Miscellaneous foreign correspondence to the Earl of Strafford). F. 62–62 v.

человек [Халлер] совершенно незнаком (*complete stranger to me*)», он будет полагаться на суждение о нем Оксфорда⁵³.

Халлер особенно активно пишет Страффорду в первой половине января, но дальше переписка сходит на нет: следующее письмо после 20 января датировано уже 28 февраля, еще одно приходит 6 марта 1712 г. из Гааги. Эти последние письма носят самый общий характер, Халлер пытается напоминать о себе, но и такая переписка прерывается — а уже 12 марта лорд Дартмут подписывает ордер на арест нашего авантюриста. Халлер теперь именуется ни много ни мало «французским папистом, враждебным иностранцем и шпионом (*a French papist, an alien enemy and a spy*)»: его следовало задержать и вместе со всеми имеющимися у него бумагами представить лично самому министру⁵⁴. Понять, что же конкретно вменялось Халлеру в вину, ни из этого ордера, ни из письма, которое он уже 21 марта направляет лорду Дартмуту из тюрьмы, решительно невозможно. Среди прочего Халлер просит разрешения допустить к нему неких «друзей» и деловых партнеров, упоминает принадлежащие ему товары, якобы находящиеся на только что прибывших из Голландии кораблях⁵⁵. Еще недавно готовый покровительствовать французу, лорд Страффорд к этому времени от него уже полностью отрешивается: узнав об аресте Сент-Илера, он пишет, что «рад его задержанию, поскольку этот молодец мне никоим образом не симпатичен, о чем он догадался перед моим отъездом из Гааги, и это привело его в ужас». Вероятно, Страффорд опасается, что, узнав об изменившемся отношении к нему со стороны посла, Сент-Илер мог переменитьсь к неприятелю⁵⁶. Это первая в биографии авантюриста попытка «переиграть» заново предыдущий этап своей карьеры, выжать что-то еще из уже «отработанной» им страны: как видим, она завершается полным провалом.

К этому времени история Халлера не должна была составлять секрета для тех, кто интересовался европейской политикой. Обнародовав ее в октябре 1711 г., Буайе затем практически дословно повторил ее в вышедшем на следующий год очередном томе своей «Истории царствования королевы Анны», своеобразного дайджеста текущих политических

⁵³ Лорд Страффорд — лорду Оксфорду. 29 декабря 1711/8 января 1712 г. Report on the manuscripts of His Grace the Duke of Portland... Vol. 9. P. 319.

⁵⁴ NA. State Papers. Domestic. Secretaries of State: Entry Books. 44/79. F. 25.

⁵⁵ Жозеф Халлер — лорду Дартмуту, 22 и 31 марта 1712 г. NA. State Papers. Domestic. Anne. 34/18. F. 50–51, 61.

⁵⁶ Лорд Страффорд — лорду Оксфорду, 1/12 апреля 1712 г. Report on the manuscripts of His Grace the Duke of Portland... Vol. 9. P. 327.

событий⁵⁷. Приключения Халлера на Пиренейском полуострове подробнейшим образом и на основании все того же «Дневника» излагаются и в вышедшей в том же году анонимной «Истории Утрехтского мирного договора». Здесь автор уже ссылается на изложение этого документа «писателем, который раздобыл рассказ о тайных переговорах между Францией и Португалией и обнародовал его» (т.е. Буайе) и даже вступает с ним в полемику. Если «этот писатель» (Буайе) «всячески заверяет нас в правдивости» данной истории, то анонимный автор данного памфлета сомневается, «особенно в том, что касается намерения принести в жертву британские войска и обещанных Португалии огромных уступок». Он считает возможным, что переговоры и в самом деле начинались, но скептически относится к предполагаемой роли в них Халлера: «Раскрыли их господин Халлер, чтобы свести счеты с маркизом де Бэ, или же, поняв, что они ни к чему не ведут, решил извлечь для себя выгоду из этого открытия при нашем дворе, я предоставляю читателям решать самим»⁵⁸.

Наконец, имя Халлера упоминается и в издававшемся в Гааге франкоязычном журнале «*Mercure historique et politique*», в апрельском выпуске за 1712 г.⁵⁹ Эта последняя публикация, возможно, проливает некоторый свет на обстоятельства ареста авантюриста в Англии. Как пишет журнал, Халлера «заставили надеяться на награду; но после трех месяцев ожидания нетерпение взяло верх, и он написал лорду-канцлеру казначейства в слишком сильных выражениях»; после этого ему выдали 200 фунтов и выслали в Голландию с запретом возвращаться в Англию. Об осеннем письме, содержавшем якобы какие-то особенно «сильные» выражения, нам пока неизвестно, однако в октябре 1715 г. в письме Петру I авантюрист подтверждает эту историю: он якобы написал Оксфорду с просьбой поскорее выдать ему обещанное королевой вознаграждение, но лорд-казначей объявил письмо «угрожающим», поскольку искал предлога избавиться от Халлера в угоду французским агентам⁶⁰. Подтверждаются другими источниками и прочие излагаемые в «*Mercure*» детали: и размер полученной французом выплаты, и связанное с ней

⁵⁷ Boyer A. The history of the reign of Queen Anne, digested into annals. Year the tenth. London, 1712. P. 92–97.

⁵⁸ The history of the Treaty of Utrecht: In which is contain'd, a full account of all the steps taken by France, to bring the allies to a treaty during the war, and by that means to divide them. London: Printed and sold by the Booksellers of London and Westminster, 1712. P. 190–194.

⁵⁹ *Mercure historique et politique* contenant l'état présent de l'Europe. Avril 1712. P. 447.

⁶⁰ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1715. Д. 3. Л. 1 об.

обязательство покинуть остров. Далее, однако, в журнале сообщается, что «через несколько месяцев он вернулся, с новыми надеждами на лучшее вознаграждение», после чего его и решено было задержать. Таким образом, если верить публикации, арест Халлера был связан с нарушением им запрета на возвращение в Великобританию: версия эта хорошо согласуется с содержанием его переписки со Страффордом. Возможно, француз поверил, что кто-то из его новых контактов сможет защитить его от неприятностей, или же он слишком вольно интерпретировал брошенную кем-то из них фразу.

Здесь, однако, уместно задаться вопросом: как же именно французам удавалось входить в доверие ко всем этим министрам, генералам и дипломатам, почему они вообще соглашались вести разговоры и переписку с человеком без роду без племени? Для понимания этого эпизода, а также походов Халлера в целом, важно, что он был вовсе не единственным авантюристом, вовлеченным в орбиту международной политики того времени: скорее наоборот, он был едва ли не типичным и, возможно, даже не самым ярким из них. Например, обзор британской политики времен Войны за испанское наследство на американском театре показывает, что замыслами и действиями отдельных прожектеров определялись едва ли не все инициативы королевского правительства в этой части света, включая экспедицию в Канаду в 1709 г., нападение на Порт-Рояль в 1710 г., операцию в Ньюфаундленде в 1710 и в Квебеке в 1711 гг., планы по заселению Багам в 1709 г. Мишель де Бери Монсегюр, подобно Халлеру начавший свою карьеру в Байонне, предлагал англичанам в 1706 г. организовать морское вторжение во Францию, а затем переключился на планы захвата Ньюфаундленда. Его схема не была реализована не потому, что ее признали абсурдной, а потому, что созданный для ее воплощения целый полк из французских эмигрантов был в итоге направлен на испанский театр военных действий. В этом же ряду стоят и Сэмюель Ветч, с его проектом завоевания французской Канады (ранее осужденный за нелегальные торговые сношения с неприятелем в Порт-Рояле, о чем он предпочел не сообщать своим покровителям); Томас Экинс, предлагавший поручить ему морскую экспедицию в испанские владения в Америке (требуется лишь несколько тысяч солдат и три-четыре военных корабля); Ричард Дженнингс, с его схемами захвата следовавшего из Гаваны испанского конвоя с серебром; и многие другие⁶¹. Переписку и обсуждения с этими прожектерами вели все те же самые британские министры, к которым обращался Халлер.

⁶¹ Alsop J.D. The Age of the Projectors... P. 30–53.

Самым заметным и ярким среди обретавшихся в Лондоне во время Войны за испанское наследство авантюристов был, впрочем, аристократ и либертин Антуан де Гискар, аббат де ла Бурли и самоназванный маркиз. На всем протяжении 1700-х годов он был так или иначе вовлечен в попытки поддержать или раздуть восстание камизаров на юге Франции. В 1704 г. он женился даже на младшей сестре самого Евгения Савойского, тоже прославившейся своими экстравагантными похождениями: правда, она умерла уже на следующий год, но этот брак ввел де Гискара в ближний круг и принца Евгения, и герцога Мальборо. В последующие годы авантюрист разрабатывает планы вторжения во Францию, назначается главой сформированного для этого эмигрантского полка (многие офицеры подали после этого в отставку в знак протеста), в качестве эксперта по французским делам теснейшим образом общается с ведущими британскими министрами. Когда к концу 1700-х планы вторжения сходят на нет, он, подобно Халлеру, получает разовую выплату в те же самые 200 фунтов: это, пожалуй, говорит о том, что Халлера оценили довольно высоко. Как и Халлер, де Гискар пытался добиться постоянной пенсии в 500 фунтов, но в его случае попытки эти закончились драматически. В начале 1711 г. он старался добиться аудиенции у самой королевы Анны — и именно в это время в руки правительства попали его письма, в которых французам выдавались очередные планы британского десанта во Францию. Де Гискара немедленно арестовали и доставили (8 марта 1711 г.) для допроса прямо на заседание Тайного совета: будучи избит, француз выхватил перочинный нож и нанес им несколько ударов самому лорду Оксфорду. Пока вызывали охрану, другие члены Тайного совета сами набросились на него со шпагами; вскоре авантюрист умер от полученных ран⁶². Учитывая эти события, нетрудно предположить, что Оксфорд мог отреагировать особенно болезненно, если ему действительно поступило письмо от Халлера, написанное в чересчур «сильных» выражениях.

Так или иначе, в начале мая Халлер все еще под арестом, настаивает на своей невиновности, требует разрешения своего дела и ссылается на «честных людей и известных торговцев», которые будут рады выступить его поручителями⁶³. Самая, пожалуй, примечательная деталь этой

⁶² Jones P. Antoine De Guiscard, "Abbé De La Bourlie", "Marquis De Guiscard" // The British Library Journal. 1982. Vol. 8. No. 1. P. 94–113. Более того, хотя британским министрам это и не было известно, как раз в это время маркиз де Торси записал в своем дневнике о поступившем от Гискара предложении искупить вину перед родиной, нанеся Великобритании некий тяжкий удар.

⁶³ Жозеф Халлер — господину Луи (Эразмусу Льюису?), 8 мая 1712 г. NA. State Papers. Domestic. Anne. 34/33. F. 133–133 v.

переписки — упоминание о религии. Как мы помним, впоследствии в объяснениях, адресованных и французским властям, и Петру I, авантюрист будет ссылаться на свою приверженность католицизму как на основную причину, помешавшую ему сделать карьеру на английской службе. Именно по этой же причине осенью 1711 — зимой 1712 гг. он просил дать ему возможность проживать в Ирландии. Однако в письме к лорду Дартмуту в марте 1712 г. он пишет, что «отрекся от той [веры], что наполнена только пороками идолопоклонства, суеверий и кощунства», т.е., видимо, как раз от католицизма. Наоборот, одна лишь новообетенная истинная вера (соответственно, протестантская) утешает француза в его нынешних невзгодах (документ 14)⁶⁴. В одном из этих писем, к лорду Оксфорду, появляется и уже знакомая нам деталь пиренейских походов — сообщение о притворной битве, которую задумывали португальцы, чтобы замести следы мирных переговоров, и в которой британские войска должны были быть принесены в жертву (документ 15)⁶⁵. В практическом смысле он вновь и вновь просит разрешить ему покинуть Англию, а также возместить ущерб, понесенный им в связи с арестом. Его просьбы были удовлетворены, во всяком случае, в части, касающейся отъезда из британских владений. 12 мая все тот же лорд Дартмут распорядился доставить Халлера под стражей в порт Харидж и передать там под расписку капитану держурного пакетбота⁶⁶. 20 мая 1712 г. Джон Дэвидсон, командир пакетбота «Eagle», действуя на основании этого приказа, высадил Халлера на побережье Голландии в местечке Хеллевутслейс (Hellevoetsluis), в полусотне километров к югу от Гааги⁶⁷.

От Гааги до Неаполя

Оказавшись опять на континенте, Халлер не оставляет попыток как-то использовать свои английские связи: он как ни в чем ни бывало пишет еще одно письмо Страффорду из Роттердама, излагая ему свои претензии к Оксфорду, в том числе и требования возместить якобы понесенный в связи с арестом ущерб⁶⁸. Но следующий этап приключений Халлера

⁶⁴ Жозеф Халлер — лорду Дартмуту, 21 марта 1712 г. NA. State Papers. Domestic. Anne. 34/18. F. 44.

⁶⁵ Жозеф Халлер — лорду Оксфорду, 29 марта 1712 г. NA. State Papers. Domestic. Anne. 34/33. F. 135–136.

⁶⁶ NA. State Papers. Domestic. Secretaries of State: Entry Books. 44/79. F. 29.

⁶⁷ NA. State Papers. Domestic. Anne. 34/18. F. 126.

⁶⁸ Жозеф Халлер — лорду Страффорду, 28 июня 1712 г. BL. Additional MSS. 22223 (Miscellaneous foreign correspondence to the Earl of Strafford). F. 78–78 v.

разворачивается уже в пределах Священной Римской империи. Согласно справке из бумаг Совета морского флота, «он отправился в Вену, дабы пожаловаться императору [Карлу VI] на такое скудное вознаграждение и разъяснить ему, какую великую услугу он оказал его величеству, прервав переговоры о мире, и тот пожаловал ему баронское достоинство и пост военно-морского интенданта (*l'intendance de la marine*) в Неаполе». В 1719 г. в меморандуме французскому правительству сам авантюрист пишет лишь, что «император пожаловал ему 5000 флоринов и пост морского интенданта в Неаполе». Наконец, в письме Петру этот эпизод изложен наиболее подробно: «Прибыв в Гагу имел честь видеть милорда Малборука которой зело удивился такому худому за мои службы воздаянию и обещал мне, когда состояние аглинского двора изменитца, всякое тогда учинить вспоможение и рекомендовал меня принцу Евгению, по которой рекомендации принят я был в службу цесарскую»⁶⁹.

Надо сказать, что упоминаний об этих контактах в реестре входящей корреспонденции принца Евгения в венском «Haus, Hof- und Staatsarchiv» обнаружить не удалось, как и документов, подтверждающих дарование Халлеру дворянства⁷⁰. Сомнительно и сообщение о полученной им перед отправлением в Вену рекомендации от герцога Мальборо к принцу Евгению: как уже говорилось, в январе 1712 г. Халлер уверял, что сам лично общается с принцем Евгением — зачем же тогда ему рекомендация от Мальборо? Косвенно это подтверждается и сообщением британского поверенного в делах Саймона Клемента, который доносил в начале сентября из Вены, что «несколько недель тому назад здесь появился некто господин Сент-Илер, англо-французский изгнанник». Именно в этом документе наш герой впервые фигурирует под этой фамилией, которой мы и будем его дальше именовать. Как мы видим, в Вене он появляется уже как Сент-Илер, таким образом, и новое имя, и дворянское достоинство он присваивает себе где-то по дороге, еще до появления при дворе императора. Согласно сообщению Клемента, Сент-Илер представлялся также подполковником английской службы; прибыл он «с изрядным убранством (*handsome Equipage*)» и «часто появлялся при дворе и у министров». Здесь же мы впервые читаем о «проекте» Сент-Илера, который якобы позволит императору вывести в море 20 военных кораблей («*he pretends to a project to enable Ye Empr. to set out twenty ships of war*»). К этому времени Клемент уже

⁶⁹ РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 7. Л. 59 об.

⁷⁰ Электронное письмо к автору от доктора Эрнста Петрича (OeStA/HHStA) от 20 апреля 2015 г.

узнал о нем достаточно, чтобы описывать авантюриста весьма скептически, и даже пренебрежительно. Сент-Илер, де, и «недостойн более внимания» английских министров; и аудиенции у императора у него, скорее всего, не было, а были лишь встречи с «одним-двумя министрами»; и в венском обществе он уже скомпрометирован, поскольку «некоторые родственники графа Галласа» (т.е. уже упоминавшегося нами выше бывшего императорского посла в Лондоне) «знали его в Англии и дали о нем весьма неблагоприятные отзывы (*give him but a very indifferent character*)». Короче говоря, пишет Клемент, «я подозреваю, что он задержится здесь ненадолго»⁷¹.

Адресатом Клемента был не кто иной, как сам лорд Оксфорд. Донесение из Вены датировано 3 сентября по новому стилю, а уже 8 октября по старому маркиз де Торси получает запрос из Лондона касательно француза Сент-Илера, который несколько месяцев как представляет собой видную фигуру («*qui fait grosse figure*») при венском дворе и вхож ко всем министрам императора — нет ли за этим какой-то французской дипломатической игры? Означает ли этот запрос, что Оксфорд не опознал в сообщении Клемента своего давнего знакомого Халлера, и что смена имени позволила авантюристу временно замести следы? Или же для Оксфорда это было и неважно — главное, что появление француза в Вене позволяло предъявить Парижу претензии, становилось еще одной фишкой в дипломатической игре? Не менее показательно, конечно, что запрос из Лондона передан Торси через аббата Готье — авантюриста без всякого формального звания и социального статуса, игравшего во франко-британских переговорах роль такого же неофициального посредника, какую Халлер пытался играть в испано-португальских. Наконец, довольно смешно, что англичане подозревают своих, с формальной точки зрения, врагов-французов в закулисных переговорах с имперцами, своими союзниками — в то время как на самом деле это сам Лондон вел переговоры с Парижем за спиной у Вены!

Так или иначе, получив запрос из Лондона, Торси отвечает, что никаких секретных переговоров в Вене он не ведет — и вообще, «в мире полно французов-авантюристов, которые выдают себя за важных людей, и которым верят на слово»⁷². Таким образом, Сент-Илер здесь прямо причисляется к категории «авантюристов» — и говорение,

⁷¹ Саймон Клемент — лорду Оксфорду, 3 сентября (н.с.) 1712 г. NA. State Papers. Foreign. Austria. 83/13. F. 252.

⁷² Bély L. Espions et Ambassadeurs au temps de Louis XIV. Paris: Fayard, 1990. P. 56; AMAE. Correspondance politique. Anglettere. Vol. 240. F. 23, 25.

самопрезентация описывается как их отличительная черта. Примечательно, что, хотя в своем ответе в Лондон Торси и поспешил заявить, что Сент-Илер не заслуживает внимания, сам он сразу же, 22 октября 1712 г., направляет французскому представителю в Вене запрос: «Что это за француз Сент-Илер, который последнее время пользуется доступом к императорскому двору»?⁷³

И действительно, вопреки уверениям Клемента, что авантюрист скомпрометирован и не имеет доступа к императору, уже 18 ноября 1712 г. Карл VI выдал Сент-Илеру патент на звание *Capitan de Mar y Guerra* в Неаполе (документ 17)⁷⁴. Судя по всему, это была административно-хозяйственная должность — во всяком случае, такое осведомленное лицо, как французский консул в Генуе, переводит ее как «генеральный комиссар флота» («*commissaire général de la marine*»)⁷⁵. В патенте упоминается верная и ревностная служба получателя, а сам он фигурирует как «барон дон Жозеф де Сент-Илер, фламандец (*Baron Don Joseph de Saint Hillaire de nacion flamenco*)». Таким образом, еще один эпизод истории Сент-Илера, изложенной в справке Совета морского флота, подтверждается: он действительно был принят на императорскую службу. А вот сообщение о пожаловании ему баронского достоинства подтвердить не удастся: судя по всему, титул он присвоил себе сам, вместе с фамилией. Примечательно, что авантюрист решил выбрать для себя новое имя, которое было бы созвучно с его настоящей фамилией и с тем именем, которым он пользовался в Англии. С одной стороны, если от *Allaire* недалеко до *Hallere*, то дальше рукой подать и до *St. Hillaire* (иногда писалось и с одной «l», *Hilaire*). С другой, имя было удобно еще и тем, что помогало затеряться среди довольно многочисленных французских дворян, на самом деле носивших такую фамилию. Некоторые из них служили в том числе и во флоте. Целый ряд из них действительно получил в предыдущем столетии от императора баронское достоинство: соответствующие патенты на титул выдавались Адриану Мелюму де Сент-Илеру (*Adrian Meleum de Saint Hilaire*), Жильберу Сентильеру (*Gilbert Santhilliere*); братьям Сентилер (*Sainthillier*)⁷⁶.

⁷³ AMAE. Correspondance politique. Autriche. Vol. 91. F. 188.

⁷⁴ OeStA/HHStA. Italien-Spanischer Rat. Neapel Collectanea. 20 (alt 34). Я глубоко благодарен доктору Эрнсту Петричу (OeStA/HHStA) за предоставление мне этих документов.

⁷⁵ Сообщения с входящей датой 13 марта. AN. Affaires étrangères. BI 531. [Без пагинации].

⁷⁶ Электронное письмо к автору от доктора Эрнста Петрича (OeStA/HHStA) от 20 апреля 2015 г.

Все это, следует думать, помогало и нашему самозваному барону де Сент-Илеру. Например, как раз в конце 1712 г. британская и континентальная пресса писала об еще одном инциденте, в котором фигурирует фамилия Сент-Илер. Согласно сообщениям из Монса (в современной Бельгии), в ноябре здесь был раскрыт заговор, в котором участвовали некий комиссар Коллар (*Collard*) — и «господин де Сент-Илер» (*Sieur de St. Hilaire*). Заговорщики ставили себе три цели. Во-первых, похитить ни много ни мало самого принца Евгения Савойского, когда он будет возвращаться из Денена в свою штаб-квартиру, для чего в подходящем месте предполагалось расположить в засаде 60 французских карабинеров. Во-вторых, устроить сдачу французам города Монс. В-третьих, с помощью поддельных ордеров перенаправить обозы с продовольствием, тем самым лишив союзную армию провианта. Коллар якобы вел переговоры об этом с самим маршалом Вилларом, получив 1000 монет задатка и обещание выплатить еще столько же в случае успеха. Свидетелем переговоров был французский офицер ла Жукьер (*Sieur la Jouquiere*), который был задержан вместе с Колларом и подтвердил вышесказанное на очной ставке с Сент-Илером; при этом сам Коллар продолжал все отрицать. Кто был этот Сент-Илер, доподлинно неизвестно. В газетах он описывается как бывший французский офицер, капитан, «задержанный в начале этого месяца [ноября 1712 г.] за переписку с неприятелем», т.е. с французами, чью службу он ранее покинул якобы «в связи с дуэлью». Что стало дальше с заговорщиками, мы не знаем: по сообщениям прессы, этот Сент-Илер был приговорен в Монсе к смертной казни, и приговор направлен на утверждение в Брюссель⁷⁷.

Мог ли этот Сент-Илер и наш авантюрист быть одним и тем же лицом? И место действия, и ссылка на дуэль как причину, по которой заговорщик из Монса вынужден был покинуть Францию (наш авантюрист позднее будет рассказывать российским сановникам о «деле чести» как причине своей эмиграции с родины), и упоминание принца Евгения как будто наводят на мысль, что речь может идти о том же самом человеке. Как уже отмечалось, авантюрист редко придумывал эпизоды своей биографии «с нуля»: чаще он брал за основу какие-то действительно имевшие место факты и творчески их препариовал. С другой стороны, если Сент-Илер в ноябре 1712 г. действительно пытался похитить ведущего полководца империи и был за это осужден, непонятно, как после этого он еще пару лет оставался на службе у Габсбургов. Быть может, это была

⁷⁷ The Dublin Intelligence. 1712. December 06; Newcastle Courant. 1712. November 30. P. 4–5; Mercure historique et politique. 1712. December. P. 689–690.

провокация, затеянная самими имперцами с целью помешать мирным переговорам с Францией? Во всяком случае, для нас важна уже сама эта неопределенность: вероятно, читая газету, современники авантюриста, подобно нам, были вынуждены гадать, тот ли это самый Сен-Илер или нет, — что было ему, конечно, только на руку.

Так или иначе, полученный Сент-Илером патент предписывал ему «сесть на первый корабль, отправляющийся в порт и город Неаполь». В своей объяснительной Петру I следующий этап своих приключений барон не описывает. Французские морские чиновники, однако, раскрывают их достаточно подробно. В частности, в подготовленной ими справке упоминается составление им меморандума об обустройстве флота в Неаполе, что согласуется с донесением английского поверенного в делах Клемента из Вены. Далее следует известие о некоем заговоре с целью сжечь французский флот и арсенал в Тулоне, причем Сент-Илер сам сообщил о нем французскому консулу в Генуе: «приняв весьма таинственный вид, он заверил его, что задумано сжечь королевские склады в Тулоне и корабли в порту, что поручено исполнить это предприятие некоему немцу, который был в то время в Тулоне, что он, Сент-Илер, возвращается в Неаполь, чтобы снарядить там 60-пушечный корабль и командовать им, но предпримет верные меры, дабы привести и передать корабль в один из портов королевства». Хотя французские власти «эти предупреждения сочли ненадежными, однако не оставили их без внимания»: расследование якобы показало, что заговор был вымышленным. Сент-Илера велено было арестовать и отправить во Францию, «когда он проследует из Генуи в Ливорно на нанятой им фелуке⁷⁸. Но он изменил свои намерения и отправился в Милан посуху, где был посажен в тюрьму за похищение жены некоего генуэзца». Выпущенный на свободу по приказанию фельдмаршала герцога де Уседа, он «отметился дурным поведением и навлек на себя подозрения» в Неаполе, после чего императорский наместник фон Даун приказал арестовать его и заключить в Кастель-Нуово. Сент-Илер, однако, подкупил часового и бежал. Последним пунктом его походов на Апеннинах стала Мессина: он попытался представить неких «добрых друзей» Виктору Амадею Савойскому, королю Сицилии, но тот лишь выдал ему 200 пистолей и затем выслал из своих владений.

Переписка морского министра Поншартрена позволяет нам увидеть, как собиралась эта информация и как вообще работала французская

⁷⁸ Тип небольшого судна с косым парусным вооружением на Средиземном море.

разведывательно-дипломатическая сеть в Европе. Надо сказать, что консулы в это время поставляют в Париж подробные отчеты вообще обо всех заметных французах, которые приезжают в города их пребывания и могут заинтересовать правительство: в их донесениях мелькают купцы и капитаны, заезжие аристократы и учителя фехтования; консулы описывают причины их приезда и дальнейшие планы, дают им краткую характеристику. При этом они переписываются и делятся информацией также и друг с другом, а не только с центром. Для целей сбора информации особенно удобно, что консулы должны общаться с путешествующими французами по долгу службы: приезжающих не удивляет поэтому, что эти представители правительства сами стремятся вступить с ними в контакт, расспрашивают путешественников об их делах. В некоторых сообщениях о Сент-Илере консулы передают сведения, полученные в разговоре с самим авантюристом. Более того, он (как и другие путешественники), кажется, исходит из того, что его беседы с консулами будут переданы французскому правительству, и сознательно использует такое общение как канал коммуникации с министрами. Из сообщений консулов видно также, что Сент-Илеру придается особое значение: относящиеся к нему пассажи часто отчеркнуты читателем (т.е. Поншартреном или его чиновниками), некоторые из них написаны шифром.

Слежка за Сент-Илером в Италии начинается уже в феврале 1713 г. «Мне стало известно, что в Геную прибывает из Неаполя француз, который называет себя бароном де Сент-Илером, — пишет Поншартрен французскому консулу в этом городе Оберу 28 февраля. — Очень важно, чтобы вы внимательно следили за его поведением, его шагами и его связями, чтобы вы точно разузнали о причинах, побудивших его к этой поездке; дело надо вести проворно и рассудительно, заручиться его симпатией, чтобы он сам рассказал вам, чем занимается сейчас и чем занимался раньше, какие у него проекты и идеи; выясните, не было бы возможно его захватить и вывезти во Францию, не компрометируя себя. Пожалуйста, не доверяйтесь никому по этому вопросу и дайте мне полный отчет»⁷⁹. 1 марта министр благодарит одного из консулов за сообщение о заговоре с целью сжечь королевский флот, пока он стоит разоруженным в Тулоне. Уже неделю спустя имя Сент-Илера упоминается в связи с этим заговором в сослагательном наклонении, «может быть», а сам он описывается как «*cet homme des mauvaises actions*». К этому времени Поншартрену уже известно в общих чертах его прошлое и его настоящее имя: министр ссылается

⁷⁹ Граф де Поншартрен — консулу Оберу, 28 февраля 1713 г. AN. Marine. В⁷ 94. Р. 49.

на письмо, полученное им еще 4 февраля от чиновников Адмиралтейства в Бордо. 23 марта Поншартрен направляет маркизу де Торси подробную справку об авантюристе — и предлагает подумать о том, чтобы направить в Геную французское судно и попытаться заманить Сент-Илера на борт с целью похищения. Неопределенность, однако, сохраняется: даже и в середине апреля, по словам министра, все еще «предполагается», что он является автором заговора в Тулоне. В мае Поншартрен выговаривает консулу Оберу за неспособность дать достаточно подробный отчет о мотивах и планах барона. Обер докладывал, что его настоящее имя Жозеф Шабер (*Chabert*); нет, поправляет министр, сообщу вам по секрету, что он Жан (так!) Аллер⁸⁰.

К концу мая становится известно, что Сент-Илера посадили под арест в Милане, а в последних числах июня Поншартрен информирует консулов о том, что барон выпущен из-под ареста и направляется в Неаполь; одновременно французской разведке становится известно, что в Генуе его уже давно поджидает некий молодой человек из Тулона, представляющий его кузеном. От консулов требуют добиваться ареста Сент-Илера местными властями; один из них смог привлечь к сотрудничеству «генуэзца, секретаря агента эрцгерцога», у которого есть надежные информаторы («*bonnes correspondances*») в Неаполе. В начале октября Поншартрену «интересно узнать», почему барона поместили в Кастель-Нуово в Неаполе, к концу октября он уже пытается разобраться, почему авантюрист опять оказался на свободе. До министра доносятся слухи о «друзьях», которым Сент-Илер обязан освобождением; один из консулов доносит ему, что барона выпустили по приказу из Вены и что императорский наместник в Неаполе фон Даун вынужден был даже перед ним извиняться⁸¹. В феврале 1714 г. появляются сообщения, что фон Даун распорядился выслать Сент-Илера под охраной до границы, а затем — что авантюрист вторично арестован вместе с неким «французским церковником, с которыми состоял в тесных сношениях». На протяжении последующих месяцев де Поншартрен настойчиво повторяет запросы касательно положения и возможных планов Сент-Илера, который именуется «крайне опасным человеком»⁸².

⁸⁰ Переписка графа де Поншартрена с французскими консулами в Генуе, Неаполе и Ливорно, и с маркизом де Торси, 1713 г. AN. Marine. B⁷ 94. P. 50–51, 58–59, 87–88, 99, 125.

⁸¹ Ibid. P. 201, 221, 276, 278, 402, 404.

⁸² Граф де Поншартрен различным французским консулам в Италии, 14 февраля, 21 февраля, 19 марта, 2 апреля, 16 апреля 1714 г. AN. Marine. B⁷ 93. P. 42, 58, 84, 100, 125.

Ответные донесения от французских консулов, в первую очередь от Обера из Генуи, дают нам возможность чуть ближе взглянуть и на авантюриста, и на методы работы французских агентов. Так, из сообщения Обера мы узнаем, что в начале марта Сент-Илер проживает в Генуе в гостинице и выдает себя за лицо значительное («*faisant la figure d'un homme de consideration*»): у него камердинер и три лакея. Его социальные связи, однако, не соответствуют его предполагаемому статусу — Обер особенно подчеркивает, что Сент-Илер ест у себя дома (а не в гостях, как приличествовало бы светскому человеку)⁸³. В следующем развернутом донесении Обер сообщает подробности, которые крайне любопытны для нас с точки зрения представлений об экспертизе в ту эпоху: оказывается, что Сент-Илер «не инженер, как мне говорили; правда, он кое-что знает о фортификациях, но недостаточно, чтобы быть инженером». Здесь примечательно и наличие у француза некоторых познаний, и неформализованность статуса «инженера», который определяется именно наличием где-то и как-то полученных им познаний.

Обер вновь подчеркивает, что Сент-Илер пытается изображать из себя человека «благородного происхождения и очень важного (*un homme de sang illustre et de grand consideration*)». Однако на самом деле, как полагает консул, авантюриста зовут Жозеф Шабер (*Joseph Chabert*), сын Франсуа Шабера; у него также есть брат Оноре. Эти двое приезжали к нему в Геную парой месяцев ранее, но затем уехали. На данный момент в Генуе у него находятся еще двое предполагаемых родственников («*ses parens*»), Франсуа Помей (*Francois Pomey*) и Антуан Жанс (*Aintoine Gense*). Консул реконструирует их социальный статус и отношения с Сент-Илером на основании наблюдений за их поведением в самой гостинице: Оберу известно, что эти двое едят не за столом самого Сент-Илера и не за столом для прислуги, но за общим столом в гостинице («*a la table de l'hote*»), что указывает на их невысокий статус. «Они пристойно одеты, и я потому полагаю, что это его родственники, что они не прислуживают ему ни за столом, ни в его комнате», заключает консул. Возможно, его информаторами были сам хозяин гостиницы или его прислуга, или же Обер лично посещал заведение, чтобы наблюдать за авантюристом. В заключение Обер рекомендует арестовать этих двоих по их возвращении во Францию «в соответствии с письмом, которое я передал с капитаном фелуки, на которой они отплыли»⁸⁴.

⁸³ Консул Обер — графу де Поншартрену, сообщение с входящей датой 13 марта 1713 г. AN. Affaires étrangères. BI 531. [Без пагинации].

⁸⁴ Консул Обер — графу де Поншартрену, сообщение с входящей датой 29 апреля 1713 г. AN. Affaires étrangères. BI 531. [Без пагинации].

В мае мы узнаем, что Сент-Илер оказался в заключении из-за взятой им на содержание дамы. Вернувшись из поездки во Францию, ее муж (лакей высокопоставленного императорского чиновника) не обнаружил ее в Генуе. Узнав, что она отбыла с авантюристом в Милан, супруг пустился за парой в погоню и добился заключения Сент-Илера в тюрьму «под каким-то надуманным предлогом». Уже неделю спустя оказывается, что авантюрист освобожден, заплатив мужу сотню пистолей. Его контакты — герцог де Уседа, имперский агент («*agent de L'empire*») Молинари и некий «церковник из Женевы» по имени Грожан (*Grosjean*)⁸⁵. К концу июня его родственники действительно арестованы во Франции, и Обер напуган, поскольку Сент-Илер вернулся в Геную в сопровождении человека, ранее изгнанного из города за несколько убийств. Возможно, он узнал о роли консула в их аресте и хочет отомстить? Однако вместо уголовщины авантюрист, что довольно характерно, сам выходит на связь с французскими властями. Он пишет к секретарю дипломатического представителя Франции в Неаполе с заверениями, что родственники его никогда не замыслили ничего против короля и приезжали лишь, чтобы повидаться с ним (любопытно, что родственные отношения с этими простолюдинами из Тулона он, таким образом, не отрицает)⁸⁶. К этому времени консул уже полагает, что «этот человек сделает что угодно, лишь бы вернуться во Францию»: в частности, он обещает передать французам не только любую информацию, но и то судно, с помощью которого он должен был провести диверсию в Тулоне, и даже всю императорскую эскадру. Выдает он и своего предполагаемого агента в Тулоне: это некий пьемонтец Антуан Мари Перрини, настоящее имя которого — «*Baron Waillierme Conenz*». Торси велел консулу осторожно, не компрометируя себя, поддерживать контакты с Сент-Илером и даже дал шифр для переписки с ним⁸⁷.

Примечательная подробность, упоминаемая в одном из сообщений, — это указание на венского покровителя, к содействию которого якобы прибегает Сент-Илер: это «маркиз Стелла». Речь идет о графе Рокко Стелла, фаворите императора Карла VI. Стелла сопровождал тогда еще эрцгерцога Карла в Испанию во время Войны за испанское

⁸⁵ Консул Обер — графу де Поншартрену, сообщения с входящей датой 20 и 25 мая 1713 г. AN. Affaires étrangères. BI 531. [Без пагинации].

⁸⁶ Консул Обер — графу де Поншартрену, сообщение с входящей датой 24 июня 1713 г. AN. Affaires étrangères. BI 531. [Без пагинации].

⁸⁷ Консул Обер — графу де Поншартрену, сообщения с входящей датой 1 июля и 29 июля 1713 г. AN. Affaires étrangères. BI 531. [Без пагинации].

наследство и там снискал его доверенность, а когда после смерти Иосифа I в 1711 г. Карл вступил на императорский престол, Стелла вернулся вместе с ним в Вену. К лету 1712 г. Стелла описывается как ключевой приближенный императора, с которым тот больше всего любит советоваться по всем государственным вопросам, что вызывает «большую ревность» со стороны австрийских министров⁸⁸. По сведениям консула, именно ему Сент-Илер пожаловался на миланские власти за свое заключение тюрьму и принуждение к уплате компенсации мужу своей содержанки; Стелла якобы пообещал возместить ему все понесенные расходы, и авантюрист выставил счет на более чем 4000 луидоров⁸⁹. Как мы увидим, на контакты со Стелла Сент-Илер будет ссылаться и в дальнейшем.

Покровительство Стелла, однако, не помогло авантюристу, когда в конце своих итальянских приключений он оказался в заключении в Неаполе: на этот раз, чтобы освободиться, ему пришлось совершить настоящий побег. Сохранилось письмо, которое он написал наместнику фон Дауну 18 апреля 1714 г. из Рима, уже после побега из неапольского Кастель-Нуово (документ 18)⁹⁰. Текст это совершенно хвостовской, даже вызывающий: в нем барон излагает историю своего побега и сообщает причины, подтолкнувшие его к такому поступку. В своем аресте он винит герцога де Уседу, «самого низкого и коварного из всех людей», лишившего его заслуженного вознаграждения за многочисленные услуги Габсбургам; разумеется, он упоминает и свое потерянное имущество, и друзей на родине, с которыми он должен был навсегда расстаться, поступив на службу австрийскому дому. Суть выдвигавшихся против него обвинений он не излагает, но уподобляет фон Дауна Понтию Пилату, «умывшему руки после несправедливого осуждения». Сам побег представлен шагом вынужденным, «тягчайшим насилием над собой» — но и неизбежным, поскольку «для честного человека естественно избегать тирании». Сент-Илер подробно описывает, как легко он обманул часового и не выбежал даже, а «вышел через Ваш собственный дворец»; просит не подозревать крестьянина, приносившего ему вино; сообщает, что, оказавшись на свободе, первым делом купил шпагу (напоминание о своем дворянском статусе). Завершающий штрих — дерзкая просьба

⁸⁸ AMAE. Correspondance politique. Autriche. Vol. 91. F. 141.

⁸⁹ Консул Обер — графу де Поншартрену, сообщение с входящей датой 1 июля 1713 г. AN. Affaires étrangères. BI 531. [Без пагинации].

⁹⁰ OeStA/HHStA. Italien-Spanischer Rat. Neapel Collectanea, 39 (alt 60). F. 239–242.

прислать к нему в Рим его вещи, изъятые при аресте: «я уверен, что правдолюбие Вашего сиятельства повелит выслать их мне, дабы я не мог сказать, будто заступил на службу справедливейшего из государей мира в одной сорочке».

Из Европы в Санкт-Петербург

После подобных подвигов места в пределах Священной Римской империи для авантюриста, конечно, не было. Путь его теперь лежал на север. Уже в августе 1714 г. Сент-Илер прибывает в Берлин, где впервые сталкивается с Анри Лави. В прусской столице оба находятся проездом: Лави тоже направляется в Россию, где он должен занять пост французского морского комиссара в Санкт-Петербурге⁹¹. Сент-Илер, похоже, слишком много болтает во время этой встречи: в марте 1717 г. Лави сообщал своему начальству, будто бы барон «три года тому назад», т.е. как раз в 1714 г., «сознался в том, что будучи обвинен в злоупотреблениях и в преступных сношениях, пробыл шесть месяцев в тюрьме»⁹². Он также сообщает соотечественнику, что едет в «Москву», поскольку господин Матвеев, посланник русского царя (т.е. граф Андрей Артамонович Матвеев), пообещал ему изрядную должность («*employ considerable*») на русской службе⁹³. Позднее о том же писал и сам Сент-Илер, признавая, впрочем, что документального подтверждения такого приглашения у него нет: зимой 1715 г. он уверял Петра, что приехал в Россию «по простому обещанию которое господин Матвеев, посол Ваш, мне учинил»⁹⁴. Сам Матвеев в их позднейшей переписке нигде об этом своем приглашении не вспоминал,

⁹¹ О Лави и его деятельности в России см.: *Baron S.H. Henry Lavie and the Failed Campaign to Expand Franco-Russian Commercial Relations (1712–1723)* // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. 1995. Bd. 38. P. 29–50; Ожеро К. Учреждение первого консульства Франции в Санкт-Петербурге в 1717 г. // *Россия и Франция. XVIII–XX века: сб. ст. Вып. 8* / под ред. П.П. Черкасова. М.: Наука, 2008. С. 9–30; *Schnakenbourg E. La France, le Nord et l'Europe au début du XVIIIe siècle*. Paris: Honore Champion Editions, 2008. P. 423–447; *Liechtenhan F.-D. Henry La Vie, Spion, Konsul und Verehrer Peters des Grossen* // *Quaestio Rossica*. 2015. No. 1. P. 59–70; *Иностранные специалисты в России в эпоху Петра Великого*. С. 354–358.

⁹² Донесение Лави в Совет морского флота, 19 марта 1717 г. // СИРИО. Т. 34. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1881. С. 119.

⁹³ Донесение Лави в Совет морского флота, 26 августа 1714 г. AN. Marine. B⁷ 24. F. 131 v.

⁹⁴ Сент-Илер — Петру I, 2 марта 1715 г. РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 7. Л. 28.

но вообще говоря, сообщение это весьма правдоподобно: в этот период Петр настойчиво требует от своих представителей за рубежом рекрутировать на российскую службу иностранных специалистов. Как и где именно могли пересечься пути Матвеева и Сент-Илера, мы не знаем, но примечательно, что Матвеев занимал пост посла в Гааге до лета 1712 г., как раз тогда, когда там находился Сент-Илер (тогда еще Халлер): учитывая попытки француза войти в дипломатические круги, могли ли они *не* встретиться там? Вполне мог, конечно, Матвеев прочитать о его похождениях и в европейской прессе. Более того, из Гааги, как известно, Матвеев был переведен в Вену — хотя прибыл он туда чуть позже француза, уже в декабре 1712 г.⁹⁵ И действительно, Матвеев позднее намекал, что ему было известно о темном прошлом барона — причем узнал он о нем именно во время пребывания за границей. «Я во Франции и в Вене был и гораздо знаю ваши славные такие дела, которые можно разве в сумерках, а не пред солнцем объявлять», напишет он Сент-Илеру в разгар конфликта между ними осенью 1716 г.⁹⁶

Сообщив в Париж о встрече с авантюристом в Берлине, Лави в ноябре, уже из Кенигсберга, направляет еще одно, более подробное донесение о нем (документ 19)⁹⁷. Мы понимаем, почему Лави волнуется. Оказывается, Сент-Илер направил графу Тулузскому письмо через французского посла в Берлине — таким образом, он становится для Лави конкурентом, возможно, претендует на роль альтернативного поставщика информации из России. В ноябрьском сообщении Лави кратко пересказывается история приключений авантюриста, изложенная с его собственных слов, — еще одна версия биографии, выдуманной для себя самозванным бароном. На этот раз Сент-Илер рассказывал, что ранее служил во французском флоте, но покинул страну из-за дуэли. В Италии он был ложно обвинен в связях с французами, попал в заключение, но сумел оправдаться — и покинул императорскую службу лишь потому, что счел недостаточной полученную сатисфакцию. Сент-Илер даже поделился с Лави копией меморандума, который он якобы представлял императору. Не стал авантюрист скрывать и своих португальских походов, хотя не очень ясно, как они сочетались в его нарративе с предполагаемой службой во французском флоте. Сент-Илер явно пытался описать этот эпизод как свое достижение, но Лави оборачивает его против барона: подобный

⁹⁵ РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1712. Д. 9. Л. 6.

⁹⁶ А.А. Матвеев — Сент-Илеру, 15 ноября 1716 г. РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 28. Л. 808.

⁹⁷ АМАЕ. Correspondance politique. Russie. Supplement 6. F. 102–103 v.

поступок говорит о его ненадежности, «ему ничего нельзя доверять, не подвергаясь опасности удостоиться подобного же отношения», намекает он графу Тулузскому. Наконец, здесь же содержится единственное имеющееся у нас описание самого авантюриста: по словам Лави, «лет ему около 36, хорошо сложен, умом гибок и проницателен, легко раскрывает секреты, свои и чужие, чрезмерно охоч до женского пола, чувствителен к лести и не брезгует вином».

В самом начале января 1715 г. (т.е. как раз одновременно с Лави) барон, наконец, появился в Санкт-Петербурге. «Уже два месяца есть, как здесь обретаюсь с великим повседневым иждивением», жалуется он в письме Петру от 2 марта⁹⁸. Джордж Маккензи, английский дипломатический представитель в России в 1714–1715 гг., сообщал своему правительству 21 января (по старому стилю), что Сент-Илер «прибыл около трех недель назад <...> из Вены»⁹⁹. Характерно, что Маккензи описывает барона весьма положительно. Он знает о его предыстории: для него это человек, «известный в Англии» тем, что он «спас, как он говорит, наши войска» в Португалии. Бросается в глаза и указание на самого Сент-Илера как на источник информации («как он говорит»), и отсылка к предполагаемой битве, в которой британские войска должны были быть напрасно «принесены в жертву», чтобы замести следы тайных переговоров с неприятелем, — деталь, которая появилась в публикации Буайе. Сам француз, таким образом, не скрывает от дипломата, что нынешний Сент-Илер и тот Халлер, о котором писали в британской прессе, это один и тот же человек: предыдущий этап биографии не обнуляется, а встраивается в новую версию его жизни. Маккензи известно также и о прошлой службе барона в Неаполе, «когда я последний раз был в Италии, около двух лет назад»: двусмысленная фраза, которую можно понять и в том смысле, что дипломат лично встречал там Сент-Илера.

По мнению Маккензи, барон вполне подходил для ожидающей его в России должности («*he is a person of good parts for this employ*») не только благодаря приобретенному им в Италии опыту, но и именно потому, что он был плодовитым прожектером — склонность к производству проектов описывается здесь как положительная черта. Сомнений в способности француза реализовать проекты, связанные с военно-морским управлением, у Маккензи не возникало, поскольку барон вырос в портовом Тулоне: это обстоятельство подается как важный, даже ключевой

⁹⁸ Сент-Илер — Петру I, 2 марта 1715 г. РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 7. Л. 28.

⁹⁹ Джордж Маккензи — лорду Таунсенду, 21 января (с.с.) 1715 г. NA. State Papers. Foreign. Russia. SP 91/8. F. 134.

элемент его квалификации («*he is fertile and capable of projects of this nature, for which he was bred up in Toulon, his native country*»). Как следует из донесения, Сент-Илер явился в Россию не по собственной инициативе, а именно «по приказу царя», для того чтобы «учредить (*regulate*) его арсенал и морские склады». Ожидалось, что он будет назначен «суперинтендантом» с окладом в 4000 рублей, и «сноровка и расчетливость (*facility and economy*)», с которыми барон взялся за дело, уже производят благоприятное впечатление на царя. Следует полагать, впрочем, что обо всем этом дипломат узнал от самого барона, который «часто бывает» у Маккензи.

Уже в следующем донесении (от 24 января по старому стилю) Маккензи сообщает как о свершившемся факте о назначении Сент-Илера «генеральным интендантом» царского «[морского] арсенала и флота» с жалованьем 4000 рублей в год и сверх того с казенной квартирой и средствами на наем русского и французского переводчиков¹⁰⁰. Одновременно (3 февраля) голландский резидент, барон де Би, доносил своему правительству, что «один француз, служивший прежде в Неаполе и Венеции, по имени барон де Сент-Илер, принят здесь на службу для надзора за постройкой галер на галерной верфи, с жалованьем 4000 рублей в год»¹⁰¹. Источником этой информации, очевидно, также является сам Сент-Илер, который рассказывает дипломатам о своих успехах: в российских источниках никаких следов такого назначения или хотя бы переговоров о нем найти пока не удалось. Среди этих рассказов мы находим и отзвуки проектов, которые Сент-Илер уже через несколько недель подаст Петру I. В донесении Маккензи от 21 января сообщается, что барон предлагает царю снаряжать ежегодно без всяких издержек для казны 4 военных судна и учредить «семинарию [для подготовки офицеров] для галер, очень задешево»¹⁰². Центральная тема здесь, как мы видим, — это обещанная французом Петру экономия и дешевизна предлагаемых предприятий, а упоминание у Маккензи о том, что «семинария» Сент-Илера будет предназначена именно «для галер», соотносится с сообщением де Би о том, что авантюристу будет поручено заведовать галерной верфью.

¹⁰⁰ Джордж Маккензи — лорду Таунсенду, 24 января (с.с.) 1715 г. NA. State Papers. Foreign. Russia. SP 91/8. F. 138; СИРИО. Т. 61. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1888. С. 345.

¹⁰¹ Материалы для истории русского флота / под ред. С.И. Елагина, Ф.Ф. Веселаго. Т. 3. СПб.: Тип. Морского Министерства, 1866. С. 98.

¹⁰² Джордж Маккензи — лорду Таунсенду, 21 января (с.с.) 1715 г. // СИРИО. Т. 61. С. 345.

Очевидно, сообщение Маккензи отражает ход работы Сент-Илера над проектами, которые он направил царю уже в середине февраля. Документы эти отложились в РГАДА под заголовком «Дело об учреждении в С. Петербурге Морской академии под надзиранием барона Сент-Гиляра. Тут же и прошение его об увольнении из России. 1715 февр. 12 — 1717»¹⁰³. В этом же деле находится еще несколько писем Сент-Илера Петру, а также черновые переводы некоторых из этих документов на русский язык: очевидно, что к этому времени барон уже пользуется услугами предоставленных ему царем переводчиков. Подборка эта открывается «Проектом для сочинения Морской академии» (документ 21)¹⁰⁴: хотя этот документ был опубликован Ф.Ф. Веселаго в качестве приложения к его «Очерку истории Морского кадетского корпуса» (где он ошибочно датирован 1713 годом)¹⁰⁵, мы сочли нелишним воспроизвести его с исправлением допущенных первыми публикаторами мелких неточностей. Следующий проект (документ 22)¹⁰⁶ содержит предложение о создании особой комиссии для составления морского регламента и одновременно — об организации строительства кораблей на Адриатике. Сент-Илер рассказывает царю, что в тех краях якобы имеются в избытке и корабельный лес, и безработные кораблестроители и моряки. Соответственно, он обещает организовать прямо там, на месте, постройку и снаряжение кораблей для русского царя, которые затем отправятся в плавание вдоль средиземноморского побережья. Как только жители городов, через которые будет проходить его маршрут, услышат о привлекательных условиях, ожидающих их в России, многие морские специалисты, ремесленники и купцы захотят переселиться в царские владения. Помимо ремесленников, корабли предполагается загрузить в Марселе дешевым «горячим вином», последующая продажа которого должна окупить всю операцию (и, видимо, принести барону прибыль): от Петра требовалось лишь предоставить гарантии по кредиту, необходимому для начала операции.

Именно этот второй проект и датирован 12 февраля 1715 г. — и примечательно, что эти два столь разных документа были поданы бароном, так сказать, единым пакетом. Беловые версии двух документов написаны разным почерками, но в нашем распоряжении имеются черновики

¹⁰³ РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 7.

¹⁰⁴ Там же. Л. 1–7 об.

¹⁰⁵ Веселаго Ф.Ф. Указ. соч. Приложение III. Проект Морской Академии, представленный Бароном Сент-Илером в 1713 году. С. 121–125 втор. паг.

¹⁰⁶ РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 7. Л. 8–11; проект этот пересказывается вкратце: Веселаго Ф.Ф. Указ. соч. С. 38.

переводов этих двух текстов, выполненные явно одним лицом¹⁰⁷. При этом черновик «Проекта для сочинения морской академии» имеет в верхнем левом углу помету «№ 1», а в конце приписку почерком переводчика: «Сему следует друго дело, которое в подлиннике *писано в одной тетрати* (курсив мой. — И. Ф.)», далее опять отчеркнуто и написано «Зри № 2». Соответственно, в левом верхнем углу черновика второго из проектов (начинающегося словами «Ежели его величеству надобно делать генеральной регламент...») имеется помета «№ 2».

Что эти два проекта были созданы Сент-Илером одновременно, следует и из его письма Петру от 2 марта 1715 г. (документ 20)¹⁰⁸. «Августейший и мочнейший кесарь, — писал Сент-Илер. — Всепочтенно представляю Вашему освященному величеству, что по вашим указам толкования двум пунктам вручил я господину Остерману тому две недели есть. Тому 8 до 10 дней есть как имел я честь подать о том же копию господину великому адмиралу». Первый из пунктов позволит царю «иметь из подданных своих так добрых морских офицеров как и протчие морские державы», второй же касается «строения кораблей». Очевидно, что речь здесь идет как раз о той самой «тетрати», где под номером 1 шел «Проект для сочинения морской академии», а под номером 2 — план спекуляции французским алкоголем. Сходятся и даты: за две недели до 2 марта — это как раз середина февраля, указанная в беловом варианте «адриатического» проекта.

Несколько обстоятельств обращают здесь на себя внимание. Во-первых, это неопределенность планов барона: на этой стадии он изучает придворный контекст и нащупывает возможные направления прожектирования. Как мы видим, уже в первые недели своего пребывания в России ему каким-то образом удалось выявить круг интересующих царя тем, таких как строительство кораблей, в том числе за границей, или импорт иностранных специалистов. Соответственно, формулируется несколько прожектв. Представлению прожектв могло предшествовать какое-то обсуждение с царем: барон упоминает, что подготовил документы «по Вашим указам». Из второго, «адриатического», «прожекта» можно понять даже, что это был не первый документ, представленный бароном царю: Сент-Илер упоминает «таких людей, которых я имел честь предложить чрез един от мемориалов моих». Поскольку, однако, «такие люди» в данном случае — это квалифицированные навигаторы, то, возможно, речь идет просто о проекте Морской академии, который как раз

¹⁰⁷ РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 7. Л. 12–23.

¹⁰⁸ Там же. Л. 24–29.

и позволил бы царю завести в своем государстве подобных специалистов. Как и в других эпизодах, предшествующий этап приключений француза прямо используется здесь для самопрезентации в качестве эксперта: рассказывая о планах торговли на Адриатике, он добавляет, что «несть ни единого от тех торговых городов, в которых бы я не был, и где б я фамилиарно знаком не был». Авантюрист обещает выучить русский язык, причем прямо увязывает это со стремлением получить непосредственный доступ к монарху: «Я прилежу со всяким возможным радением к учению руского языка < ... > когда возмогу иметь честь приблизиться к Вашему освященному величеству для разговоров о разных материях». Здесь же он формулирует еще одно возможное направление своего прожектерства, которое будет в последующие годы раз за разом возникать в его письмах, а именно «предложить какой-нибудь трактат о торговле при гишпанском дворе». Наконец, француз намекает на необходимость получения жалования: «Я ни в отчестве моем, ни в деревнях моих есмь, дабы я мог снести должайшее пребывание». Эта формулировка предполагает, конечно, что, как и у других благородных людей, у него якобы где-то есть собственные поместья-«деревни» и что настаивать на скорейшем получении денег от русского царя он вынужден именно в силу их удаленности.

На первый взгляд проекты Сент-Илера могут показаться абсурдными, однако при ближайшем рассмотрении они оказываются словно склеенными из вполне реальных фрагментов, подсмотренных наблюдательным бароном в Петербурге. Возьмем «адриатический» прожект: идея строительства кораблей для русского флота на Адриатике звучит совершенно завирально. Но, как известно, именно в этот период князь Борис Иванович Куракин по приказу Петра строит новые и покупает готовые корабли для российского флота в Голландии и в Англии¹⁰⁹. Далее, как раз в это самое время Лави сообщает о миссии Жана Лефорта, отправленного рекрутировать в Европе ремесленников на строительство Петербурга¹¹⁰: эти планы воспринимаются французским правительством вполне серьезно и вызывают даже легкую панику в Совете морского флота, подогреваемую тем же самым Лави и французским консулом в Данциге¹¹¹. Еще осенью 1714 г. Петр писал своему торговому агенту Осипу Соловьеву

¹⁰⁹ Смотри, например, письма Петра I кн. Б.И. Куракину от 9 и 15 апреля 1714 г.: РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 8. Л. 19, 21 об.

¹¹⁰ Mézin A. Correspondance des consuls de France à Saint-Petersbourg, 1713–1792: Inventaire Analitique des articles AE BI 982 à 989, du fonds dit Affaires étrangères. Paris: Archives nationales, 2009. P. 11.

¹¹¹ Ожеро К. Указ. соч. С. 24.

с поручением купить за границей и прислать на кораблях разных припасов, в том числе французского вина, «которое здесь охотно розкупят»¹¹². Один из нескольких французских торговых кораблей, добравшихся таки в 1715 г. в Санкт-Петербург, был гружен именно вином и водкой: узнав о его прибытии, Петр лично прибыл на борт и дегустировал напитки¹¹³. Наконец, развернуться «адриатический» проект должен был именно в том регионе, где барон отметил свои похождения и который он хорошо знал. В июле Лави доносил, что Сент-Илер переписывался с французским консулом в Мессине, которую, как мы помним, он посещал перед тем, как отправиться в Россию, и которая теперь была ключевым пунктом в предполагаемом предприятии¹¹⁴.

Идея создания морской школы должна была тоже витать в воздухе: как известно, зимой 1715 г. Петр проводит в Петербурге смотры молодых дворян. Одновременно царь достаточно последовательно интересуется устройством французского флота и флотской администрации. Еще за год до описываемых событий Б.И. Куракину было поручено раздобыть копии всех уставов и регуляций французского флота, и уже в марте 1714 г. «ордонанция французская адмиралтейству» была направлена Петру. Видимо, эта ордонанция — этот как раз тот устав «*Ordonnance de Louis XIV pour les armées navales et arsenaux de marine*» от 15 апреля 1689 г., который в сентябре того же года Петр поручил переводить Конону Зотову. Перевод был закончен уже к концу ноября того же года, а 24 января 1715 г., т.е. буквально через несколько дней после прибытия Сент-Илера в Санкт-Петербург, Петр велел Конону Зотову ехать во Францию; вступить там в морскую службу; «присматривать» все, касающееся адмиралтейства и флота; «все что ко флоту надлежит на морю и в портах, сыскать книги» и их перевести¹¹⁵.

¹¹² Смотри, например, письмо Петра I О. Соловьеву от 26 октября 1714 г.: РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 8. Л. 82.

¹¹³ Ожеро К. Указ. соч. С. 21.

¹¹⁴ Mézin A. Op. cit. P. 11.

¹¹⁵ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 20. Л. 484, 736. [*Louis XIV*] *Ordonnance de Louis XIV. Pour les Armées navales et Arcenaux de Marine*. Paris: Chez Estienne Michallet, 1689. В дальнейшем именно этот текст широко использовался Петром и его сотрудниками при подготовке «Устава Морского». См.: Воскресенский Н.А. Петр Великий как законодатель. Исследование законодательного процесса в России в эпоху реформ первой четверти XVIII века / под ред. Д.О. Серова. М.: НЛО, 2017; Анисимов Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. С. 158; Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I: Акты о высших государственных установлениях. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, донесения, челобитья и иностранные источники. Т. 1. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1945. С. 42–43.

И действительно, «Проект для сочинения морской академии» Сент-Илера представляет собой практически дословный перевод двух разделов упоминавшегося выше французского морского устава «*Ordonnance de Louis XIV*». Сент-Илер целиком использовал раздел 1 главы 7 (обязанности гардемарин) и раздел 1 главы 19 (обучение гардемарин). В первом случае в его перевод не вошли лишь статьи 1–5 (необходимость подтверждения дворянского происхождения гардемарин и порядок зачисления в гардемарин), статьи 15–18 (запрет покидать порт, к которому они приписаны, без разрешения), и статьи 25–27 (запрет покидать корабль во время морского похода без разрешения, а также размер жалованья). Во втором случае не использованы статьи 1–2 (необходимость следовать установленному расписанию), статьи 9–11 и 19 (обучение кораблестроению, артиллерийскому делу, дворянским наукам и строевой подготовке, уже затрагивавшиеся во фрагменте, основанном на главе 7) и статья 18 (порядок рассмотрения журналов, которые гардемарин должны были вести в походе). В целом из всего проекта не являются прямым переводом глав 7 и 19 ордонанса лишь первые три абзаца, устанавливающие возрастные ограничения для гардемарин, структуру корпуса и должность «комманданта».

Примечательно, что при подготовке русской версии проекта Сент-Илера перевод Конона Зотова, судя по всему, не использовался. Текстуальное сравнение показывает, что, хотя в основе обоих текстов лежит один и тот же оригинал, стилистика перевода различная — очевидно, что в распоряжении француза к этому времени уже был искусный переводчик, который переводил «*Ordonnance*» заново:

«Проект для сочинения
Морской Академии» Сент-Илера
(РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 7)

[Л. 2] Два часа после полдень да найдутся они в назначенном месте в арсенале, для мушкетного учения;

«Устав Людовика 14, короля
французского» в переводе К. Зотова
(РГАДА. Ф. 9. Отд. I. Кн. 49)

[Л. 74] ... Повинны прийти в час пополудни к месту, [л. 74 об.] назначенному в арсенале для обучения артикулу с мушкетом и иных обращений воинских, яко батальон каре и прот., а отправляться сие должно замкнув ворота и без барабану.

Оставя ружье свое, да идут они в салу строения где карабельные мастера, и искуснейшие офицеры будут им толковать чрез правило, маниру как корабли строить, и пропорции всех штук, которые те корабли составляют, оттоль да ведут их в пушечную школу для обучения.

[Л. 2 об.] Бригадир, и подбригадир входя в школы, имеют свои бригады смотреть, и радеть, чтоб молчание было, також чтоб всякой поочередно дело свое делал...

9. Потом повинны пойти в полату где карабельные мастера и иные искусные офицеры будут им по правилам толковать состроение кораблей, и пропорции о всех частях в корабле; откуда поведутся в школу к пушкарям и учатся пушечной стрельбе.

10. Брегадиры и подбригадиры приходя в школы повинны собрать свои брегады и смотреть дабы была тихость между ими, и чтоб всякой принимал учение от мастеров з добрым порядком, то есть один после другаго...

Так или иначе, февральский проект академии, очевидно, в целом устроил Петра: во всяком случае, мы не находим в документах никаких поправок или замечаний со стороны царя на подаваемые ему Сент-Илером предложения. Британский резидент Маккензи (опираясь, видимо, опять-таки на слова самого француза), сообщал своему правительству: «я слышу, что царю нравятся предложения, которые барон Сент-Илер сделал Его царскому величеству», причем речь идет не только о «лучшем учреждении» флота. Предполагается, что Петр «скоро назначит одного или двух комиссаров», которые отправятся во Францию, Испанию и Италию, чтобы привезти в Россию некоторые из продуктов этих стран, на которые здесь есть спрос. Упоминается также намерение «пополнить флот», привезти искусных мастеров — и даже получить при этом прибыль: в общем, речь идет об адриатическом проекте Сент-Илера¹¹⁶.

Генерал-майор российской службы

Хотя все подававшиеся Сент-Илером в начале 1715 г. проекты были довольно плотно, как мы видели, вписаны в контекст тогдашних царских забот и интересов, успешным оказался только один из них, а именно

¹¹⁶ Джордж Маккензи — лорду Таунсенду, 15 февраля (с.с.) 1715 г. NA. State Papers. Foreign. Russia. SP 91/8. F. 168.

проект создания Морской академии. Именно с ним и была связана последующая яркая, хотя и недолгая — чуть более полутора лет — карьера авантюриста на русской службе. Уже в середине апреля Сент-Илер составляет и направляет царю свой контракт-«капитуляцию» (документ 23)¹¹⁷, предусматривавшую присвоение ему звания «генерала директора от академии Гидрографической, Геометрической, Фортификацей, и иных», и неслыханного двойного ранга «контр адмирала и генерала маеора во армиях Его Величества». Из письма барона Петру от 12 мая следует, что «капитуляция» к этому времени уже получила одобрение, хотя вроде бы и не совсем в том виде, как он ее составил (документ 24)¹¹⁸; из текста капитуляции, кстати, можно понять, что помимо французского, он владел и итальянским. За этим последовал еще ряд проектов, один из которых вызвал даже резкое недовольство Петра. Уже начиная с осени 1715 г. акции авантюриста стремительно падают, а к августу 1716 г. он вступает в жесткий конфликт с графом А.А. Матвеевым, после чего партия переходит в эндшпиль.

Произведенные Сент-Илером в этот период проекты регламентов и правил для Морской академии, как и его переписка с Петром, графом Матвеевым, адмиралом Апраксиным и царским секретарем Макаровым, крайне интересны для понимания процесса становления в России представлений о «регулярной» школе, формализации и бюрократизации образования, изобретения самой должности школьного администратора и ее функционального размежевания с должностью учителя. Эта сторона карьеры Сент-Илера подробно рассматривается в нашей работе, специально посвященной роли прожектеров в создании новых школ в России в первой половине XVIII в.¹¹⁹, и поэтому здесь мы остановимся подробнее на ином аспекте полуторагодичного пребывания авантюриста и самозванца на службе Петра. Нас будут интересовать прежде всего обстоятельства краха данной авантюры, а также риторика, с помощью которой Сент-Илер и его главный соперник, А.А. Матвеев, обосновывали свои притязания на первенство.

С именем Петра, разумеется, связано для нас приглашение в Россию многочисленных экспертов, технических специалистов, и, как мы видим из его проектов, именно в качестве такого эксперта позиционировал себя

¹¹⁷ РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 7. Л. 30–31 об.

¹¹⁸ Сент-Илер — Петру I, 12 мая 1715 г. РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 7. Л. 36.

¹¹⁹ *Fedyukin I. The Enterprisers: The Politics of School in Early Modern Russia. New York: Oxford University Press, 2019 (в печати); русский перевод ожидается в издательстве «Новое литературное обозрение».*

и Сент-Илер. Карьерой своей, однако, он обязан прежде всего своим придворным успехам: еще одно напоминание о том, что никакая экспертиза в этот период не могла существовать вне контекста «дворских» конъюнктур — именно соображения придворной политики определяли, что будет считаться ценным знанием, практической пользой, техническим достижением, а что нет. В марте Лави, воспринимавший Сент-Илера как прямого конкурента, уверял Париж, что последний произвел крайне неблагоприятное впечатление в России («*reputation d'un foube et d'un mauvais esprit*») и не получит здесь никакой должности¹²⁰. В действительности же барон тем временем не только находит доступ к Петру, но и буквально за пару месяцев становится своим человеком в придворном обществе в Санкт-Петербурге. Уже в следующем своем донесении Лави сообщает о помолвке авантюриста с придворной дамой принцессы Шарлотты, супруги цесаревича, после чего последняя даровала барону «свою протекцию»¹²¹. Избранница Сент-Илера, Кристина Шарлотта фон Арним, была не только любимой фрейлиной кронпринцессы, но и племянницей барона Ганса-Христофора фон Шлейница, обер-гофмейстера Шарлотты, вскоре ставшего русским посланником во Франции. Судя по имеющимся данным, девице было в этот момент уже 38 лет — вероятно, это обстоятельство во многом объясняет ее заинтересованность в этом замужестве.

Конечно, заключение выгодного матримониального союза — важнейший инструмент в арсенале любого искателя фортуны, но одновременно этот эпизод еще раз подчеркивает и зыбкость границы между авантюрой и «нормальной» придворной карьерой, условность различий между мошенником вроде Сент-Илера и окружающими его иноземными и российскими искателями приключений и выскочками. В самом деле, 28 января, буквально через несколько недель после прибытия в Петербург нашего героя, там состоялась свадьба другого француза, Никиты Петровича (Франца) Вильбуа, с придворной дамой, внешняя непривлекательность которой, по словам Лави, компенсировалась ее обширными поместьями в Ливонии и Эстляндии¹²². А незадолго до появления в России Сент-Илера

¹²⁰ Донесение Лави Поншартрену, 8/19 марта 1715 г. AN. Affaires étrangères. VI 982. F. 47 v.

¹²¹ Донесение Лави Поншартрену, 25 марта 1715 г. AN. Affaires étrangères. VI 982. F. 49.

¹²² [Петр I] Походный журнал 1715 года. СПб.: Б. и., 1855. С. 48. Ожеро К. Учреждение первого консульства Франции в Санкт-Петербурге в 1717 году... С. 23. Речь идет о Елизавете Ивановне Глюк, старшей дочери пастора Эрнста Глюка, в доме которого воспитывалась будущая Екатерина I, имевшей на императрицу большое влияние.

при при дворе кронпринцессы разыгрался скандал. Герхард Иоганн фон Лёвенвольде, бывший «пленипотенциар» царя в Лифляндии и Эстляндии, а теперь «главный советник» принцессы, заявил, что тогдашняя обергофмейстерина супруги царевича графиня Моро де Бразэ — никакая не графиня, а самозванка! Хотя мать ее действительно происходила из родовитой семьи, отец ее был берейтором, как и ее дед. В довершение всего, дама была аморальной особой, так как перешла в свое время в католичество лишь для того, чтобы бежать со своим мужем во Францию. Супруг же ее (состоявший недолгое время в русской службе и издавший мемуары о Прутском походе) был попросту отъявленный плут, которого в Голландии дожидалась виселица; историю эту якобы подтвердили голландский резидент в Санкт-Петербурге барон де Би и датский резидент Фальк. Дама была принята на службу по рекомендации: выходит, что (само)описания, (само)презентации ей хватило, чтобы установить собственный статус. Окружающие же, даже зная вроде бы о сомнительном прошлом гофмейстерины, предпочитали помалкивать о нем до тех пор, пока не разгорелась междоусобица между придворными, прибывшими с Шарлоттой из Германии, и теснившими их лифляндцами во главе со стариком Лёвенвольде¹²³. Ровно то же произойдет и с Сент-Илером: о его сомнительном прошлом вспомнят, только когда он вступит в конфликт с графом Матвеевым. Пока же после увольнения гофмейстерины-интриганки ее место займет летом 1715 г. не кто иная, как новоиспеченная госпожа де Сент-Илер, фальшивая баронесса!¹²⁴

Несмотря на этот придворно-матримониальный триумф, полной уверенности в успехе его прожектов у барона, как кажется, на этот момент нет: в марте Лави сообщал, что Сент-Илер планировал отправиться в Лондон и что его невеста раздобыла для него у кронпринцессы Шарлотты рекомендации к английскому двору¹²⁵. Возможно, барон действительно пытается подстраховаться: если в России дело пойдет не так, он

¹²³ Герье В.И. Кронпринцесса Шарлотта, невестка Петра Великого // Вестник Европы. 1872. Кн. 6. С. 500–501. Лёвенвольде жаловался в письмах в Брауншвейг, что придворные кронпринцессы вообще «люди молодые, грубые и невоспитанные. Многие из них живут по собственному произволу и не зная ни страха, ни порядка, ни надзора, предались разгулу, одичали и стали ходить чуть ни на голове <...> я нигде не видел такого поведения со стороны людей высшего общества в отношении их господ» (Герье В.И. Кронпринцесса Шарлотта... С. 498–499).

¹²⁴ Там же. С. 503–504. О графине и ее муже см.: Иностранные специалисты в России в эпоху Петра. С. 481–484.

¹²⁵ Донесение Лави Поншартрену, 25 марта 1715 г. AN. Affaires étrangères. VI 982. F. 49.

постарается использовать свои придворные достижения в Петербурге как трамплин для нового раунда прожектерства в Англии. С другой стороны, не очень понятно, действительно ли Сент-Илер считает возможным вернуться в Англию, откуда он был выслан три года назад, или же подобные разговоры призваны просто придать ему вес в глазах русских, создать впечатление, будто у него есть альтернативные опции? Пока же в письме Петру от 12 мая (документ 24) Сент-Илер предлагает все новые и новые затеи: он вызывается выписать для царя из-за границы искусных экипажмейстеров и ремесленников, привезти померанцевые деревья и мраморные «штуки» из Италии. По сути, он вновь возвращается к своему проекту торговой экспедиции: царь должен предоставить Сент-Илеру бесплатно корабль, а тот привезет ему из Европы нужные предметы, окупив поездку за счет параллельных торговых операций, причем в случае успеха корабль должен перейти в его собственность. Разумеется, все это должно было также способствовать повышению международного престижа русского флага. Примечательно, что здесь же барон, сам иностранец, пользуется риторикой «импортозамещения»: подготовленные им в Академии морские специалисты якобы превзойдут тех иностранцев, «которые ныне служат Вашему величеству во флоте, и которых и впредь можно будет миновать или обойтись»¹²⁶.

В середине мая Лави сообщает о *nouptiales* барона, праздновавшихся во дворце Шарлотты в присутствии Петра, Екатерины, царевен, вдовствующих цариц, герцогини Курляндской Анны Иоанновны и «всего двора». Царь, по сообщению Лави, одобрял этот брак и обещал предоставить барону на 5 лет особняк («*la belle maison*») своего сосланного бывшего любимца Александра Кикина, 12 солдат для несения караула и жалованье в 2000 рублей (т.е. вдвое меньше, чем то, о котором шла речь в донесениях Маккензи и де Би). Именно в этом контексте был решен и вопрос о создании корпуса морской гвардии численностью в 200 человек под командой Сент-Илера: назначение барона на директорскую должность, в описании Лави, оказывается чуть ли не свадебным подарком авантюристу со стороны Петра¹²⁷. В начале лета 1715 г. назначение Сент-Илера директором Морской академии становится общеизвестным фактом, а Лави добывает и пересылает в Париж копию составленного бароном регламента этого училища¹²⁸. Из сообщения Лави видно также, как барон

¹²⁶ Сент-Илер — Петру I, 12 мая 1715 г. РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 7. Л. 36.

¹²⁷ AN. Marine. B⁷ 28. F. 163–163 v.

¹²⁸ Mézin A. Correspondance des consuls de France à Saint-Pétersbourg... P. 11; Донесение Лави Поншартрену, 25 марта 1715 г. AN. Affaires étrangères. BI 982. F. 53 v.

пытается повысить свой престиж, демонстрируя свои предполагаемые обширные контакты. Авантюрист якобы показывает письма, полученные им от французского консула в Мессине д'Эпинара и от самого кардинала де Тремуйя, что совершенно шокирует морского комиссара: Лави призывает свое начальство ограничить общение высокопоставленных лиц с таким явным «врагом нации», как Сент-Илер¹²⁹.

Что происходит в это время с Морской академией, не вполне понятно. Из документов видно, однако, что где-то с середины 1715 г. барон действительно начинает получать жалованье. В конце лета работы по созданию нового училища активизируются: 31 июля царь отдает распоряжение о переводе к 1 октября всех учеников и учителей Навигацкой школы из Москвы в Санкт-Петербург. Однако транспортировка 600 с лишним человек, тем более по осенней распутице, оказалась неразрешимой логистической задачей, и к началу октября принимается решение перевести в новую столицу лишь 300 учеников, а прочих оставить в Москве¹³⁰. Сент-Илеру, однако, уже к 18 сентября стало известно от Апраксина, что академия будет насчитывать именно 300 человек, и в связи с этим он пишет царю письмо-«представление», а по сути, новый проект (документ 25)¹³¹. В преамбуле Сент-Илер ссылается на свой предыдущий план («учреждение, которое он имел честь вашему кесарскому величеству представить»), но почему-то уверяет, что план этот не может быть реализован при такой численности учеников «без великого смущения». Это довольно удивительно: ведь «Проектом для сочинения Морской академии» в ней как раз и предполагалось иметь 200–300 шляхтичей. Теперь же оказывается, что такое число учащихся невозможно будет разместить в Кикином доме, так что требуется строительство специального помещения и увеличение штата преподавателей до 60 человек. Самое главное, «для беспхлопотности Вашему величеству», директор предлагал взять всех гардемарин «на свое содержание»: имелось в виду, что он будет собирать по 16 рублей с гардемарина, а затем уже из этой суммы производить необходимые расходы. Проект этот попал в руки Петру лишь 30 сентября и вызвал острые комментарии с его стороны. На жалобу барона, что-де «никто из здешней земли не знает честной чин», пожалованный ему монархом, государь отозвался: «По сему можно знать, что немного ума, понеже всех глупей себя ставит». Видно,

¹²⁹ Донесение Лави Поншартрену, 3 июля 1715 г. AN. Affaires étrangères. BI 982. F. 59.

¹³⁰ Материалы для истории русского флота... Т. 3. С. 326–328.

¹³¹ РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 7. Л. 40–43 об.

что особенно разозлили царя требование построить новое здание для академии и совершенно фантастические по тому времени бюджетные запросы. Петр заподозрил француза в стремлении поживиться за счет казны («сие более клонится к лакомству и карману, нежели к службе») и потребовал прямого ответа, «хочет ли он свое дело делать без прихотных вышеписанных запросов»¹³².

Сент-Илер тем временем продолжал работу над регламентацией деятельности вверенного ему учебного заведения, результатом которой стала «Инструкция Морской академии», опубликованная в ПСЗ и датированная там 1 октября 1715 г.¹³³ Как легко заметить, по своему содержанию документ этот имеет мало общего с предыдущими проектами барона, так что Веселаго полагал даже, будто Сент-Илер не имел к его созданию никакого отношения¹³⁴. Это очевидно не так. В «Деле об учреждении в С.Петербурге Морской академии» содержится черновик этой инструкции¹³⁵: он не подписан и не датирован, однако выполнен тем же почерком, что и переводы более ранних проектов. Из правки в документе также видно, что именно в ходе работы над ним и появился в окончательном виде текст, опубликованный в ПСЗ. Например, первоначально в пункте 22 было написано «не будут после бою тапты», но эта фраза была зачеркнута и заменена на формулировку «когда тапту пробьют», которая и вошла в ПСЗ. В пункте 11 фразы «того задержит» и «оних за арест взять» заменены на обороты «того за арест возьмет» и «оних за караул взять», как это и осталось в итоговом тексте. Таким образом, с большой вероятностью перед нами текст, появившийся в процессе перевода первоначальной, иноязычной версии «Инструкции морской академии» на русский язык.

Авторство Сент-Илера подтверждает и другое, недатированное письмо авантюриста Петру, перевод которого содержится в той же подборке (документ 26)¹³⁶. Здесь Сент-Илер просит царя утвердить ранее сочиненные им «29 артикулов, которые во учреждение служить имеют корпусу морской гвардии». Опубликованная в ПСЗ «Инструкция» от 1 октября 1715 г. как раз и насчитывает 29 пунктов. Существенна и еще одна деталь: барон также просит Петра «под каждым артикулом назначить штраф как Ваше величество за благо разсудит»: таким образом,

¹³² Веселаго Ф.Ф. Очерк истории Морского кадетского корпуса... С. 39–40.

¹³³ ПСЗ РИ I. Т. 5. № 2937. С. 173–176.

¹³⁴ Веселаго Ф.Ф. Указ. соч. С. 40.

¹³⁵ РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 7. Л. 45–50 об.

¹³⁶ Там же. Л. 44–44 об.

опубликованные в ПСЗ дополнения к тексту «Инструкции» были сделаны царем не по собственной инициативе, а в ответ на прямой запрос со стороны барона. «Инструкция» не пересекается с предыдущими текстами Сент-Илера, но и не противоречит им. Скорее, они описывают разные стороны жизни создаваемой академии. Если «Проект» задает программу обучения и структуру учебного процесса, то «Инструкция» регламентирует вопросы внутреннего распорядка: правила поведения, несения караульной службы, служебную иерархию и т.д. Можно предположить, что «Инструкция» создана в развитие «Проекта»: в своей капитуляции барон запрашивал «совершенную мочь политично их [гардемаринов] наказывать, когда они дела своего исправлять не будут, и того что им предписано будет для обучения их о житии и учении их», и теперь задавал нормативную основу для реализации полученных полномочий. Зарубежный прообраз «Инструкции» (если он существовал) нам выявить пока не удалось.

Примечательно, что, насколько нам позволяют судить источники, роль Петра в разработке этих регламентов была минимальной и совершенно пассивной. Нельзя сказать, конечно, что документы эти создавались помимо воли царя: мы видим, что он знакомился с ними и в целом одобрял их. Однако у нас нет прямых свидетельств того, что он инициировал их создание, давал какие-то установки касательно их содержания, участвовал в их редактировании. Можно было бы предположить, что эти документы и не были утверждены государем, что Сент-Илер просто направлял их Петру, а тот отмахивался от пустых бумажек неумного прожектера. Но нет: пересылая «Инструкцию» в начале 1719 г. сменившему Матвеева во главе академии Григорию Григорьевичу Скорнякову-Писареву, Адмиралтейство отмечало, что «пункты» эти «состоялись за собственною Его царского величества рукою». Таким образом, факт подписания документов Петром имел место — во всяком случае, Адмиралтейство официально считало их утвержденными монархом. Показательно, однако, что Скорняков тем не менее впоследствии счел возможным подвергнуть их собственному «рассмотрению», объявив, что многие из них нуждаются в корректировке, и предложить в результате обновленную версию¹³⁷.

В октябре, судя по всему, началась практическая деятельность академии. И.И. Неплюев вспоминал, что 1 октября 1715 г. его, в числе других учеников Нарвской школы, перевели «в школу в Санкт-Петербург, которой школы был содержателем француз Баро», т.е. Сент-Илер; Неплюев

¹³⁷ РГА ВМФ. Ф. 146. Оп. 1. Д. 48. Л. 82–91 об.

уточняет, что «она была под ведением адмирала Федора Матвеевича Апраксина и генерал-майора и обер-штер-кригс-комиссара Григорья Петровича Чернышева; потом она поручена была Андрею Артамоновичу Матвееву. В той школе было нас обучающихся 300 человек»¹³⁸. Из документов мы видим, что барон действительно принимает участие в академических делах — во всяком случае, подписывает бумаги: за его рукой уходят доклады в Адмиралтейство о том, что многие недоросли неграмотны, бумаги об отправке таких неграмотных в Новгород в школу при тамошнем епископском доме, об отчислении совершенно неспособных («во учении быть невозможно») недорослей, и т.д.¹³⁹ 8 октября в Академии, похоже, побывал Петр (в тот день «Его величество был в Адмиралтействе, и в школах»), визит повторился 3 ноября («Его величество был во академии, срисовали человека»)¹⁴⁰. Это единственные известные нам случаи, когда источники фиксируют посещение Петром Морской академии в этот период.

Наконец, в самом начале 1716 г., перед своим отъездом в большое заграничное путешествие, Петр назначил президентом академии графа А.А. Матвеева. Говоря объективно, это назначение являлось несомненным нарушением заключенной с Сент-Илером капитуляции, прямо устанавливавшей, что директор Морской академии подчиняется непосредственно царю и генерал-адмиралу. В принципе, для Петра было довольно обычным подобное безразличие к им же самим ранее установленным правилам и взятым на себя обязательствам: документы того времени полны жалоб иностранцев, тщетно пытающихся добиться выполнения царем заключенных с ними «капитуляций». В данном случае можно предположить, что дополнительную роль сыграло раздражение Петра сентябрьскими предложениями Сент-Илера. С другой стороны, сильно ухудшились и придворные позиции авантюриста. На фоне параллельно протекавших беременностей царской супруги Екатерины Алексеевны и кронпринцессы Шарлотты отношения между дамами осложнились: кронпринцесса уверяла, что люди, посещавшие ее двор, впадали в немилость у царицы¹⁴¹. Если это и в самом деле было так, то логично предположить, что подобные трения должны были сказаться и на положении Сент-Илера. В ноябре кронпринцесса Шарлотта скончалась после родов: в результате он и вовсе

¹³⁸ См.: Неплюев И.И. Записки // Империя после Петра. 1725–1765. М.: Фонд Сергея Дубова, 1998. С. 378–388.

¹³⁹ РГА ВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 100. Л. 4, 7, 13, 19, 41, 47.

¹⁴⁰ [Петр I] Походный журнал 1715 года... С. 71, 74.

¹⁴¹ Герье В.И. Указ. соч. С. 504.

потерял своего ключевого патрона при дворе. Труднее сказать, могли ли тут сказаться какие-то разоблачения авантюриста со стороны недавно вернувшегося в Россию Матвеева: судя по всему, осень 1715 г. граф провел в Москве, пытаясь поправить свои хозяйственные дела¹⁴². Нет уверенности, что и сам Матвеев в этот момент пользуется большим расположением Петра: как кажется, царь мог быть не вполне доволен результатами его дипломатической миссии в Вене. В переписке, во всяком случае, граф начинает вспоминать о прошлом барона лишь позднее, осенью 1716 г.

Назначение Матвеева было сделано Петром в его фирменном неформальном стиле: не сохранилось никакого письменного указа на этот счет. Более того, похоже, что сам Матвеев узнал о нем от Сент-Илера («вы, мой господине, сами вы указ тот нам объявляли», напишет он позднее), и подтверждение этому решению существовало лишь в виде приказа за подписью Апраксина: в дальнейшем мы увидим, как раздражается граф, когда авантюрист требует от него предъявить письменный указ, подтверждающий полномочия президента¹⁴³. Сильно уязвляло Матвеева и большое жалование, которое получал Сент-Илер, при том что ему самому жалованья установлено не было вовсе. Не было предусмотрено, разумеется, и никакого формального и четкого распределения полномочий между «президентом» и «директором». Все это не могло не подталкивать двух руководителей академии к конфликту вне зависимости от личных качеств Сент-Илера.

В первые месяцы своего президентства Матвеев, как кажется, не слишком вмешивается в дела Академии: уже в феврале он просит продлить ему отпуск в Москву для поправления хозяйственных дел (но так его и не получает). Его письма царскому секретарю Макарову, через которого и происходило общение с путешествующим государем, посвящены прежде всего слезным жалобам на безденежье и просьбам отпустить его проводить жену, назначенную гофмейстериной ко двору царевны Анны Иоанновны в Курляндию. Академия в этой переписке возникает лишь эпизодически. Когда Матвееву это выгодно, он даже готов признать, что в случае его отъезда в отпуск оставшихся кадетов «свободно и без меня директор барон управит» (документ 34)¹⁴⁴.

¹⁴² Матвеев — Макарову, 8 февраля 1716 г. РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 28. Л. 328.

¹⁴³ Матвеев — Сент-Илеру, 26 августа 1716 г. РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 28. Л. 354; Апраксин — Сент-Илеру, 31 января 1716 г. Материалы для истории русского флота... Т. 3. С. 331.

¹⁴⁴ Матвеев — Макарову, 8 февраля, 17 марта, 14 апреля, 20 апреля 1716 г. РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 28. Л. 328, 330–330 об., 322–333, 331–331 об.

Первые отзвуки приближающегося конфликта, однако, слышны уже здесь. Профессор Фархварсон, прибывший из Москвы вместе с учениками Навигацкой школы, напрочь отказался подчиняться Сент-Илеру, и Матвеев с удовольствием поддержал его притязания на административную автономию. Уже к февралю он добился от Апраксина согласия на то, чтобы британец вместе с его геометрическим классом был «разведен» с бароном-«начальным директором», и в итоге Апраксин вывел Фархварсона и его учеников из подчинения Сент-Илеру¹⁴⁵. К концу марта Матвеев, не называя никого по имени, жалуется, что, несмотря на его старания управлять академией как должно, «горестно и трудно застарелая замерзлости из неохоты и с непослушания людей исправить», особенно когда управляемые не понимают «собственной самим им пользы»¹⁴⁶. В июле он все еще заверяет Макарова, что в академии «управляетца здесь все гораздо порядочно, и кадеты не только наукам определенным им обучаютца, но и воинским экзерцыциям». Впрочем, оговаривается он, это относится лишь к тому, «что особно ко мне приналежит», и глухо жалуется на разделение полномочий между ним и бароном: «В розниности иных дел неизбежно трудности мне ис той разделенной каманды во многия руки»¹⁴⁷. Где-то в это же время, весной 1716 г., должно было быть составлено и известное нам только без подписи «Известие», автор которого фактически дезавуировал предложенную Сент-Илером модель академии. По его словам выходило, что «во французской морской академии недорослая шляхта, которая к тому делу употреблена, больши науки практикою самою действительные проходят там в свое совершенство», и содержать молодых дворян так долго в школе необязательно (документ 35)¹⁴⁸. Вполне возможно, что автором «Известия» мог быть Матвеев.

Сент-Илер, со своей стороны, отзывается на назначение Матвеева новым раундом прожектерства. По его собственным словам, на протяжении первых месяцев 1716 г. он направлял царю «многие мемориалы» и о нуждах академии «стократно предлагал и просил»¹⁴⁹: хорошо видно, как он пытается вести подкоп под неожиданно назначенного ему на голову начальника. До нас дошел один из этих проектов: в отличие от более

¹⁴⁵ Веселаго Ф.Ф. Указ. соч. С. 45; Матвеев — Апраксину, 17 февраля 1716 г. РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 119. Л. 2–3 об.

¹⁴⁶ Матвеев — Апраксину, 19 марта 1716 г. РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 119. Л. 13–13 об.

¹⁴⁷ Матвеев — Макарову, 14 июля 1716 г. РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 126. Л. 1–3.

¹⁴⁸ РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 119. Л. 14–14 об.

¹⁴⁹ Сент-Илер — Петру I, 1 августа 1716 г. РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 28. Л. 802.

ранних документов, он, возможно, даже не был переведен на русский — в деле об основании Морской академии в РГАДА отложился лишь французский оригинал. Мы видим, что если раньше целью проектов было привлечь внимание Петра к фигуре прожектера и выторговать для него те или иные звания и привилегии, то теперь содержание проекта определяется другой задачей: он призван отстоять prerogative барона в его конфликте с Матвеевым. Речь, как мы видим, идет о попытке ограничить полномочия графа (интересно, что он ни разу не именуется в тексте «президентом» академии, — Сент-Илер оспаривал его право на этот титул) и одновременно зафиксировать контроль барона над внутренним управлением в училище (документ 36)¹⁵⁰. В мае в письме к самому Матвееву Сент-Илер заявляет, что, поскольку назначение графа нарушило установленный его проектами (и утвержденный царем!) порядок, то тот должен или оставить в академии все как есть, или «инструкцию мне неотменно дать о моем поведении впредь»: тем самым генерал-директор хочет снять с себя ответственность за будущие последствия матвеевского управления (документ 37)¹⁵¹. Если Матвеев «какое пременение изволит учинить против указов Его величества» (т.е. против утвержденных царем проектов и капитуляции), требует барон, «то все послушно прошу мне письменна объявить, а бес того ничто от повеления Вашего превосходительства в дело произвести не могу»¹⁵².

1 августа, наконец, Сент-Илер разразился длинным письмом к Петру, в котором развивал те же самые мысли о необходимости предоставить ему полную автономию в делах академии, как это и предусмотрено его проектами и регламентами, а Матвееву указать, «чтоб им с внутренним действием академии дело никакое не было». Роль Матвеева, в представлении барона, должна была сводиться к распределению денег на основе запросов-«мемориалов» Сент-Илера и передаче царю получаемых от генерал-директора ежемесячных рапортов. Не ограничиваясь этим, однако, Сент-Илер уже и прямо обвиняет своего соперника в развале работы академии — учеников якобы то зачисляют, то забирают; в результате такой текучки через училище уже прошли больше 2000 молодых дворян. Авантюрист предвидит, что это письмо повлечет за собой конфликт с Матвеевым: «Я знаю, что я чрез сию [жалобу] их недружбу и неприязнество [...] привлекаю», пишет он царю (документ 38)¹⁵³.

¹⁵⁰ РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 7. Л. 51–52 об.

¹⁵¹ Сент-Илер — Матвееву, 20 мая 1716 г. РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 119. Л. 50.

¹⁵² Сент-Илер — Матвееву, б.д. РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 119. Л. 49 об.

¹⁵³ Сент-Илер — Петру I, 1 августа 1716 г. РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 28. Л. 802–803.

И в самом деле, именно в августе противостояние между бароном и графом вылилось, наконец, в открытый скандал, причем, казалось бы, по совершенно пустяшному поводу. Создается впечатление, что Матвеев мог узнать о жалобе на него Сент-Илера и решил потому сам активно перейти в нападение. Весьма красочные обвинения и упреки, которыми осыпали друг друга Матвеев и Сент-Илер в язвительных письмах, занимают десятки страниц архивных документов. Надо оговориться, что оба соперника подготовили целые подборки писем для представления царю (через Макарова) и Апраксину: большая часть известных нам текстов, относящихся к этому эпизоду, сохранилась именно как копии в составе таких подборок, а не в оригиналах. Разумеется, мы не можем быть вполне уверены ни в точности перевода, ни в точности копирования писем; кроме того, некоторые из включенных в такие обвинительно-оправдательные подборки писем не датированы. Самое же важное, что тексты эти имеют откровенно инструментальный характер и не могут рассматриваться как прямые свидетельства действительно имевших место злоупотреблений: их следует читать исключительно как риторические конструкты, призванные оправдать автора в глазах государя и очернить его соперника. Любые предположения о том, как и в какой мере эти инвективы отражают реально имевшие место «непорядки» в академии, обречены пока оставаться спекулятивными, поскольку документов, отражающих практическую деятельность училища в этот период, дошло до нас крайне мало¹⁵⁴.

Здесь мы публикуем лишь некоторые из этих посланий: во-первых, потому что многие из них сохранились не полностью или читаются только с большими купюрами, а во-вторых, потому что они в известной мере дублируют друг друга (например, соперники могли посылать параллельные, отчасти повторяющие друг друга жалобы Петру и Апраксину). Отдельную сложность представляет собой то обстоятельство, что письма Сент-Илера, разумеется, писались по-французски, мы же в данном случае имеем дело с переводами; возможно, это относится и к некоторым письмам Матвеева к Сент-Илеру. Качество этих переводов весьма разнится; отдельные фразы оказываются просто неудобопонятными. Впрочем, даже и в таком виде эти тексты представляют интерес, поскольку испытываемые переводчиками трудности отражают процесс выработки языка, необходимого для передачи соответствующих понятий.

¹⁵⁴ Наиболее подробно ранняя история Морской академии рассмотрена в работе: Сукновалов А.Е. Очерки по истории военно-морского образования в России при Петре I: дис. ... канд. ист. наук. Ленингр. гос. ун-т, 1947.

Спровоцировали скандал в августе 1716 г. «пять кадетов, которые про мастера своего в школе на стене написали непристойные скаредные слова тайным удом» — иными словами, обозвали учителя известным русским трехбуквенным термином¹⁵⁵. Было их, возможно, не пять, а один; и написали они, кажется, не на стене, а на грифельной доске; и вообще, что они там на самом деле написали, неясно, потому что «с той, де, доски те слова непристойные стер он на третей день для того, что по той доске надобно учитца». Так или иначе, учитель-«навигатор» Семен Боборыкин хотел было пожаловаться на шалунов Матвееву, но, поскольку тот был болен, пожаловался лишь Сент-Илеру; барон без долгих околичностей наказал пятерых учеников «солдатским штрафом», т.е. шпицрутенами. Матвеев, однако, раздул из этого эпизода целую историю: он обвинил Сент-Илера в самоуправстве, умалении должности президента и истязаниях благородного российского юношества, посадил Боборыкина под арест и нарядил формальное следствие (документ 39)¹⁵⁶.

Последовал обмен все более едкими письмами; взбешенный Сент-Илер явился к Матвееву домой для очного выяснения отношений, в процессе которого граф, как кажется, струхнул: «Увидя такую ево необычную смелость и неистовую [нрзб], что он, барон, искал того чтоб до великой ссоры мне с ним доступиться, для того тотчас вышел <...> ис той своей хоромины в другую»¹⁵⁷. После этого соперники бросились сочинять друг на друга жалобы Апраксину, царю, а Матвеев — еще и Меншикову.

Пересказывать здесь эти сочинения не имеет смысла: публикуемые документы говорят сами за себя. Стоит, однако, выделить несколько ключевых тем. Авантюрист Сент-Илер, со своей стороны, принимает здесь позу глашатая рационально-бюрократического, легалистского начала: как мы это уже видели весной-летом 1716 г., он вынужден апеллировать к составленным им регламентам и инструкциям, к факту их (предполагаемого) утверждения Петром; настаивать на формальном разграничении полномочий между собой и Матвеевым и требовать от него письменного подтверждения присвоенных им себе полномочий. Одновременно,

¹⁵⁵ Сент-Илер — Петру I, б.д. РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 28. Л. 80б.

¹⁵⁶ Описание происшествия в Морской академии, август 1716 г. РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 28. Л. 810–811.

¹⁵⁷ Матвеев — Апраксину, 3 сентября 1716 г. РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 119. Л. 29–30 об. Детальная хроника этого конфликта приводится в работе: Балакирева Л.М. А.А. Матвеев во главе Морской Академии (1716–1718 гг.) // Военное прошлое государства Российского: утраченное и сохраненное. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Т. 2. СПб.: ВИМАИВиВС, 2006. С. 18–25.

впрочем, он обвиняет самого Матвеева в чрезмерной склонности к бумаготворчеству, к ведению дел только на письме: «Письма у него столько из сей академии, будто на сто человек в армии, а все ненадобно». Это тоже понятно, поскольку Матвееву удалось, кажется, забрать в свои руки канцелярию, а вернее, фактически создать ее у себя дома. «На словах дела в здешнем империи не отправляютца», гордо парирует Матвеев. Наконец, Сент-Илер обвиняет Матвеева в попытках переустроить академию на некий старомосковский лад: он-де «обычаем, которые есть в московских школах, хочет подражать» (разумеется, никаких осязаемых, документальных подтверждений такого ретроградства Матвеева у нас нет). Вероятно, в представлении француза, обвинение в консерватизме должно было быть особенно компрометирующим в глазах Петра. Сам он при этом апеллирует к зарубежным обыкновениям: «Я очень удивился, когда уразумел, что он сие имя президента оной морской академии приписал, ибо таковой чин при ни единой академии со свете не обретается». Подытоживая, он просит Апраксина: «да повелит Ваше сиятельство графу Матвееву чтоб он мне давал что к академии есть нужно, и ему б кроме того никаким образом себя в мой чин не мешать <...> иначе же я себя в ничто мешать не могу»¹⁵⁸.

Матвеев, со своей стороны, напирает на «неискуство и непорядок директора Сентилера, мнимаго барона без всякой дипломы», на «прямое неведение его и неспособность». Именно в контексте этой ссоры он вспоминает и о темном прошлом барона, и о том, что сочиненные им регламенты академии «искони во Франции учинены и напечатаны, и кто любопытным быть хочет, я чаю, что не з большим за гривну купя там и сюды перевезши, переписать своею рукою может и всякому подовать их свободно». Особенно характерно, что граф обвиняет француза в неспособности преподавать: «вы по тому чину своему никакой еще пробы ис силы превозхождения вашего в тех науках донине от себя не показали, что все до того вашего чину необходимо». Предполагается, тем самым, что директор академии должен быть способен сам наставлять и экзаменовать учеников — хотя Сент-Илер в своей капитуляции никогда и не брался учить: он представлял себя именно как организатора и администратора. Нет у нас, разумеется, никаких сведений и о познаниях самого Матвеева в соответствующих предметах и о его преподавании

¹⁵⁸ Помимо публикуемых документов, в этом абзаце также цитируются не включенные в нашу подборку недатированные записки Сент-Илера Матвееву и письмо Апраксину от 12 декабря 1716 г. РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 119. Л. 49 об., 55.

в академии: в этом смысле брошенное им барону обвинение легко может быть обращено на самого графа.

Это не единственный пример, мягко говоря, риторических манипуляций со стороны Матвеева. Так, наказание пятерых кадетов «солдатским штрафом» превращается под его пером в чуть ли не поголовные истязания учащихся со смертельным исходом: молодые люди, «присланные имянным Его царского величества указом для обучения тех кадетов, (не по шляхецкому обычаю) из рук ваших дубинами в гроб забиты», патетически восклицает президент. Конечно, ничего о «в гроб забитых» учениках мы не знаем; а «дубина», вопреки рассуждениям Матвеева о «шляхецких обычаях», была обычным делом в русской административной практике: к возмущению Сент-Илера, Меншиков позднее грозил дубиной ему самому. (Предполагаемое) наказание Сент-Илером унтер-офицеров гвардии, присланных для строевой подготовки кадетов, Матвеев представляет как унижение всей гвардии и самовольное присвоение команды над ней, а отказ Сент-Илера слушаться его, Матвеева, как ни много ни мало «явное унижение дерзостное ваше, касающееся самой наивысшей державы самого Его величества в своем непослушании».

Начиная еще с весны 1716 г., Сент-Илер постоянно прибегает к одной и той же риторической конструкции: он просит или предоставить ему «достоинству моему принадлежащая прифилегии <...> суть понеже без оных предлаганное щасливое намерение и благополучие сея академии получитьи мне невозможно будет», или же освободить его от ответственности за состояние академии, «ис кантракту моево оную статью выписать, которая меня обязует оную академию в состояние привести, чтоб от меня впредь никакой отповеди в том не спрашивал». Для Матвеева сама эта конструкция становится поводом для новых высокопарных инвектив в адрес соперника: «Увидели мы с ужасом, что вы, мой господине, угрозами пишете не по пристойности, обязався контрактом письменным за своею рукою в службу Его царского величества и получа великое годовое денежное от Его величества себе жалованье, а ныне по своей особой воли в том письме дерзостно значите, что не хотите больши в те дела себя мешать». По словам Матвеева, выходит, что барон самовольно отказывается от возложенных на него царем обязанностей, что делает его чуть ли не преступником. Но и сам Матвеев ровно в то же время просит ровно о том же в практически идентичных выражениях: «Буду колено-преклонно плакать, чтоб мне то непостыдно дело было с полною мочью содержать, или по самому неискуству моему при таковых делех быть мне от него отрешену»; «Всепокорно прошу <...> меня от него охранить,

или все то дело, вруча ему, меня от него освободить, чтоб я от него впредь невинно не поврежден был».

В итоге Матвеев показал себя гораздо более искусным тактиком аппаратной борьбы — хотя силы, конечно, были неравны с самого начала: граф пользовался неизмеримо более высоким уровнем поддержки со стороны и Апраксина, и Меншикова, и самого Петра. Разумеется, он был гораздо более авторитетной фигурой и для прикомандированных к академии гвардейцев и подьячих, и для самих благородных кадетов. Граф опирается на жалобы на Сент-Илера со стороны учителей и учеников (а возможно, и инспирирует их); так, жалобу на Сент-Илера за наказание «солдатским штрафом» подали «озлобленные от вас кадеты, князя Волконския, и Плещеев, и Кикин» — примечательный набор высокородных фамилий, которые, конечно, все были так или иначе знакомы и связаны с Матвеевым. Ближе к концу осени 1716 г. Матвеев просто запрещает персоналу академии слушаться указаний Сент-Илера и замораживает выплату ему жалования: совершенно самоуправные действия, которые вроде бы шли вразрез с царскими указами, но стали возможны благодаря неформальному авторитету графа. Осенью 1716 г. Сент-Илер дважды упоминается среди посетителей Меншикова: один раз по делу, для обсуждения каких-то чертежей вместе с архитектором Леблоном, в другой на ассамблее¹⁵⁹. Однако уже в начале ноября Матвеев поминает какой-то произошедший там же с бароном неприятный инцидент: судя по всему, Меншиков в его присутствии Сент-Илера «за некоторые явные <...> бесчинства прямою истинною словесно наказать <...> изволил».

В известном смысле исход схватки между графом и бароном был предрешен. Примечательно, однако, что, судя по его письмам, сам Матвеев выглядит не на шутку напуганным доносами со стороны Сент-Илера. Во всяком случае, он воспринимает ситуацию абсолютно серьезно: пишет многочисленные оправдательные письма; просит о содействии своих милостивцев и патронов Апраксина, Меншикова, Макарова; составляет целое досье, документирующее прегрешения соперника («всемерно выстерегая себя, понужден к вам, моему государю, писать, и при сем прилагаю копии с моего мемориалу под литерою А; с пунктов под литерою В; из доносу профессоров агличан под литерою С; ис челобитья навигатора на него ж, Сентилера, под литерою D»). Видно также, что он не на шутку уязвлен запальчивым требованием Сент-Илера предъявить

¹⁵⁹ Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова 1716–1720, 1726–1727 гг. // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Т. 10. М.: Студия ТРИТЭ, 2000. С. 65, 72.

отсутствующий у него царский указ о назначении Матвеева президентом: граф вынужден оправдываться, что «то <...> имя я не похитил, ибо мне из канцелярии Его царского величества то достоинство пишут, и ис того можете рассмотреть, что я то имя действительно содержу». Именно после этого он и начинает разоблачать самого барона: «И разве ваша совесть, может быть, обличает вас в каких поносных тех делех до фамилии вашей, какова бы она и несть <...> А естли вы диплом баронской от Его цесарского величества у себя не имеете, как сами в том же своем ко мне пишете и то признаете, в том не можете никого понуждать свой произвол себя тем чином величать, чего у вас в руках не бывало и нет. Об аглинском ж деле вашем нечего повторять, ибо до вас довольно я был сведом». Это последнее предложение, кстати, явно указывает на то, что Матвеев был действительно знаком с предыдущими похождениями Сент-Илера.

В итоге к концу 1716 г. оба соперника просят или освободить их от руководства академией, или предоставить им полную власть в учебном заведении. В январе 1717 г. Апраксин донес царю, что конфликт между Матвеевым и Сент-Илером достиг такого накала, что наносит урон академии: адмирал предложил или «развести» соперников (видимо, четко зафиксировав их полномочия и сферы ответственности), или прекратить двоевластие, уволив одного из них, — и ставку в этом случае предлагалось сделать на Матвеева¹⁶⁰. К марту Петр одобрил это решение. Сент-Илер попытался отыграть назад и помириться с Матвеевым (документ 53)¹⁶¹, но было поздно.

Из Санкт-Петербурга в Париж и обратно

Следующий этап своих приключений Сент-Илер описывает в меморандуме, адресованном французским властям в начале 1719 г. Авантюрист представляет дело таким образом, что царь чуть ли не принудил его жениться на племяннице барона Шлейница («*le Czar lui fis epouser la nièce du Baron de Schleinitz*»), но почему-то датирует свадьбу декабрем 1715 г. Свой отъезд из России он объясняет вовсе не увольнением с русской службы, а назначением Шлейница в посольство: Сент-Илер вместе с женой якобы последовали за ним во Францию, прибыв в Париж в декабре 1717 г. В Париже

¹⁶⁰ Извлечение из письма графа Апраксина Государю из С. Петербурга, 1717 года января 7. Материалы для истории русского флота... Т. 3. С. 336. См. об этом: Балакирева Л.М. Указ. соч. С. 24.

¹⁶¹ Сент-Илер — Матвееву, 1 марта (с.с.) 1717 г. РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 927. Л. 1–1 об.

ему подвернулась возможность вступить в партнерство с некими купцами из Руана: речь шла об отправке двух французских торговых кораблей в Санкт-Петербург, дабы «привить им вкус к торговле и к Балтийскому морю» («*pour les mettre dans le gout du commerce et de la mer Baltique*»). Чтобы проследить на месте за продажей отправленных компаньонами товаров, барон в мае 1718 г. направился из Парижа назад в Санкт-Петербург. Однако по прибытии в русскую столицу, объясняет Сент-Илер, он обнаружил, что «его враги распространяют слухи, будто целью его путешествия являются переговоры с царем в пользу Испании»¹⁶².

В целом, эта траектория подтверждается другими источниками — но, разумеется, авантюрист опустил здесь целый ряд важных деталей. В марте 1717 г. Сент-Илер рассказывает Лави, что уволен из Морской академии и планирует теперь вернуться на свою прежнюю должность в Неаполе¹⁶³. Учитывая его предыдущие похождения, следовало бы предположить, что это было совершенно невозможно. Однако еще в феврале 1717 г., когда о его увольнении было еще окончательно не известно, авантюрист отправляет Шлейницу пространное послание (документ 57)¹⁶⁴, где оправдывается за свой конфликт с Матвеевым и одновременно упоминает письмо, «которое граф Стелла (*Estella*), министр римского императора, написал мне 2 июля прошлого года по особому повелению его августейшего господина» — и в котором якобы содержалось предложение поступить опять на цесарскую службу. Как мы помним, именно Стелла якобы помог Сент-Илеру выбраться из тюрьмы в Милане в 1713 г. Сейчас Сент-Илер, по его словам, уже отказался от предложения из Вены и теперь просил переслать соответствующее письмо Шафирову, чтобы Петр мог «еще лучше [видеть] мою откровенность и усердие, которое я питаю к Его августейшей службе»: «не для того, чтобы уведомить его о том, что я могу получить службу в ином месте, а для того, чтобы показать ему, что я уже отказался от этого предложения ввиду обязательств, принятых мною перед Его царским величеством, для которого я хочу принести в жертву все, дабы явить ему свое усердие и свою привязанность». Вероятно, у авантюриста действительно были какие-то письменные свидетельства своих контактов в Вене, которые он использовал, чтобы придать себе веса в глазах русских, — но, как это часто бывало, проверить, чего на самом деле стоят эти контакты, его контрагентам было невозможно

¹⁶² АМАЕ. Correspondance politique. Russie. Supplement 2. F. 274 v. — 275.

¹⁶³ Донесение Лави 26 марта 1717 г. // СИРИО. Т. 34. С. 119.

¹⁶⁴ Сент-Илер — Шлейницу, 25 февраля 1717 г. РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 7. Л. 53–58.

или крайне затруднительно. Возможно, Сент-Илеру действительно удалось в 1716 г. опять вступить в какие-то сношения с фаворитом Карла VI, и теперь авантюрист, как он это делал не раз, слишком вольно трактовал выражения общего характера, содержащиеся в полученном от императорского фаворита письме.

Еще один контакт, который Сент-Илер культивирует в этот период, — это Фридрих-Христиан Вебер, ганноверский дипломат, известный своей книгой о петровской России, опубликованной им через несколько лет после описываемых событий. Как раз в начале 1717 г., когда его миссия была уже завершена, он оказался вовлечен в неприятную историю: его брат, сопровождавший Вебера в качестве секретаря, был арестован по обвинению в краже. В похищении драгоценностей (окладов и фрагментов распятия) его обвинил не кто иной, как сам граф А.А. Матвеев, в доме которого в Москве Веберы останавливались в 1716 г. Сам Вебер вынужден был продолжить свой путь, но оставил хлопотать об арестованном брате именно Сент-Илера. Их переписка показывает, что барон и Вебер и до этого общались в Санкт-Петербурге: француз передает дипломату поклоны от своей супруги и т.д. Не похоже, чтобы авантюрист чем-то реально помог Веберам, но для него самого, очевидно, это был ценный контакт: «разрабатывая» ганноверского резидента, он должен был иметь в виду возможность возвращения в Англию, — ведь ганноверский курфюрст стал к тому времени английским королем Георгом I¹⁶⁵.

Вскоре, однако, становится известно об отданном царем приказе уволить Сент-Илера. Сначала барон пытается добиться пересмотра этого решения, опираясь на тесные связи Шлейница с Шафировым. Как видно в том числе и из последующих событий, Шлейниц был клиентом вице-канцлера: после ареста последнего в 1723 г. выяснилось, что он переписывался со Шлейницем при помощи особого личного шифра¹⁶⁶. Неудивительно, что весной 1717 г. именно Шафиров пытается заступаться

¹⁶⁵ Относящиеся к этому делу документы, включая письма Сент-Илера Веберу от 21 января/1 февраля и 25 января/8 февраля 1717 г., опубликованы в: *Hermann E. Peter der Grosse und der Zarewitsch Alexei: Vornehmlich nach und aus der gesandtschaftlichen Correspondenz Friedr. Shristian Weber's. Leipzig: Verlag von Duncker & Humbolt, 1880. [6], LXXXII, [2], 225, [1] S. 87–93. Об этом эпизоде см.: Базарова Т.А. Приключения ганноверцев в России: Малоизвестный эпизод пребывания резидента Ф.Х. Вебера при дворе Петра I // Труды ГЭ. Т. XC: Материалы научной конференции «Петровское время в лицах-2017. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2017. С. 49–58.*

¹⁶⁶ Донесение Кампредона от 25 апреля 1725 г. // СИРИО. Т. 58. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1887. С. 107–109.

за Сент-Илера перед Апраксиным как в силу «особливой имеющейся [со Шлейницем] дружбы», так и потому, что Шлейниц присматривает в Европе за обучением сыновей и самого вице-канцлера, и П.А. Толстого: «дети наши, обретающиеся в науках, под его призрением и живут при доме его». Поэтому Шафиров просит как о личном одолжении, «ежели еще то в вашей диспозиции», сохранить Сент-Илера в должности до возвращения Петра из-за границы. Если оставить Сент-Илеру должность невозможно, Шафиров просит хотя бы выплатить ему причитающееся жалованье и дать «изрядную сумму на проезд». Он также указывает на имеющиеся у француза финансовые претензии: якобы Сент-Илер, по указанию покойной кронпринцессы Шарлотты, тратил личные средства на содержание ее двора. Любопытно, что Шафиров пишет это письмо из Амстердама: хотя он сопровождает Петра в его европейском турне, дипломат предпочитает не обращаться напрямую к царю, а действовать исподволь через Апраксина¹⁶⁷.

Но даже и после того как его увольнение становится несомненным фактом, Сент-Илер еще какое-то время пытается вести переговоры с русскими сановниками. В конце апреля он все еще в Санкт-Петербурге и просит Апраксина помочь с получением задержанного жалования (соответствующая «спецификация» прилагается) и денег, которые ему якобы была должна покойная кронпринцесса (упоминаются некие подписанные ею бумаги на этот счет). Одновременно он пытается предложить себя в качестве то ли посредника, то ли эксперта в связи с приглашением французского короля направить во Францию на учебу 20 российских гардемаринов: Сент-Илер призывает поручить ему отбор учеников и просит Апраксина «как друга моего, заранее рекомендовать» его в этом качестве нынешнему генерал-директору. Похоже, авантюрист больше не имеет доступа к квалифицированным переводчикам, услугами которых он пользовался ранее, — хотя текст этот и написан на русском, местами его с трудом можно понять. Красной нитью через письмо проходит весьма прозрачный намек, что автор не прочь бы остаться в России, — и завершается оно просьбой к Апраксину «чтоб мне знать бы было, здесь ли оставатца или отсюда ехать»¹⁶⁸.

¹⁶⁷ Шафиров — Апраксину, 30 марта 1717 г. Материалы для истории русского флота... Т. 3. С. 336–337. Речь идет о единственном сыне Шафирова Исае Петровиче Шафирове (1699–1757) и, вероятно, Иване (1685–1728) или Петре Петровичах (1686–1728) Толстых.

¹⁶⁸ Сент-Илер — Апраксину, 22 апреля 1717 г. РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 148. Л. 1–2.

Ехать Сент-Илеру все же пришлось. По сообщению Лави, в августе 1717 г. отставной директор пишет датскому консулу в Санкт-Петербурге уже из Копенгагена. Француз якобы присутствовал при высадке русских войск на Готланде (состоялась 9–11 июля) и предполагал, что это делалось по предварительному тайному соглашению русских со шведами, направленному против Дании¹⁶⁹. В сентябре 1717 г. в письме к Лави маршал д'Эстре, в прошлом воспитатель графа Тулузского, занимающий сейчас позицию номер два в Совете морского флота, удивляется намерению Сент-Илера приехать во Францию¹⁷⁰. Судя по всему, авантюрист впервые возвращался на родину после своего осуждения в 1710 г., и французские власти знали о его приезде. Почему же он не был арестован, учитывая его предшествующие похождения? Возможно, он прикрывался своими связями со Шлейницем, российским послом? Или же французские власти надеялись использовать его в качестве агента?

Надо сказать, что полутора годами ранее, еще находясь на российской службе, Сент-Илер уже предлагал свои услуги французскому правительству (документы 54, 55). В декабре 1715 г. он направил графу Тулузскому, главе Совета морского флота, настоящий донос на Лави: тот якобы является жуликом, полностью дискредитировал себя в Санкт-Петербурге разгульным образом жизни, погряз в долгах и не только не помогает французским купцам, как предполагает его должность, но наоборот, стал препятствием для французской торговли в России¹⁷¹. В феврале 1716 г. он повторно обращается в графу Тулузскому, на этот раз уже прямо с проектом развития торговли с Россией: имеется в виду «учредить во Франции компанию для торговли с этой страной и [представительство] в Риге, дабы доставлять мачты, пеньку, деготь и прочие товары, необходимые для военно-морских портов, для постройки и снаряжения кораблей». Разумеется, именно такую компанию для торговли с Россией и надеялся создать сам Лави. В этом же письме барон предлагает себя в качестве источника информации о России для французского правительства: он сообщает об отъезде Петра в Европу; о том, что царь может «отправиться на ахенские воды, следуя совету некоего искусного лекаря, к которому он обратится в Берлине»;

¹⁶⁹ Донесение Лави от 3 сентября 1717 г. // СИРИО. Т. 34. С. 240. О высадке на Готланде см.: Фейгина С.А. Аландский конгресс: Внешняя политика России в конце Северной войны. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. С. 493–494.

¹⁷⁰ Маршал д'Эстре — Лави, 6 сентября 1717 г. *Mézin A. Correspondance des consuls de France à Saint-Petersbourg...* P. 27.

¹⁷¹ Лави — графу Тулузскому, 29 декабря 1715 г. *AN. Marine. B⁷ 265. F. 209–210 v.*

о том, что в этом случае Петр «прибудет летом во Францию и вернется осенью»¹⁷².

Время отправки этих посланий, конечно, глубоко не случайно. С одной стороны, к концу декабря 1715 г. Сент-Илер уже навлек на себя неудовольствие Петра; скончалась кронпринцесса Шарлотта, покровительница его супруги; возможно, стало уже известно о назначении Матвеева президентом академии. С другой, в сентябре 1715 г. умер Людовик XIV, началась эпоха регентства и «полисинодии». Покровительствовавший Лави государственный секретарь по морским делам Поншартрен был отправлен в отставку, функции его перешли к вновь созданному Совету морского флота во главе с графом Тулузским, который не знал Лави и относился к его миссии скептически, — в октябре 1715 г. Лави даже получил распоряжение о своем отзыве¹⁷³. Очевидно, что это было самое подходящее время для Сент-Илера, чтобы устранить Лави и занять его место в качестве французского агента, официального или нет, в России. Копия доноса попала в руки самого Лави: любопытно, что передал ее морскому комиссару адмирал Крюйс, получивший ее, по его словам, от самого Сент-Илера. Вероятно, барон хотел таким образом дискредитировать Лави еще и в глазах русских властей. Вышло, однако, иначе: узнав о доносе, Лави стал оправдываться, и именно в этой-то связи чиновники Совета морского флота и составили биографическую справку о Сент-Илере, с которой мы начали наше повествование¹⁷⁴. В результате Регентский совет постановил оставить донос Сент-Илера «без решения», о реакции на его второе письмо, посвященное торговле, нам ничего не известно, а вскоре затем было отменено и распоряжение об отзыве Лави из России. Удивление маршала д'Эстре намерением авантюриста вернуться во Францию осенью 1717 г. отражает и эти события.

Тем не менее Сент-Илер не оставлял своих планов включиться в торговлю с Россией. В меморандуме французскому правительству в начале 1719 г. он упоминал о купцах из Руана и торговле на Балтике. Вполне возможно, что, находясь весной-летом 1718 г. во Франции, он действительно пытался запустить некие проекты коммерческого характера. Еще в феврале 1717 г., в письме к Шлейницу, он просил переслать какое-то письмо «моему другу в Бордо». Упоминает он и некоего «племянника» Шлейница, о котором нам ничего не известно, и «который

¹⁷² Лави — графу Тулузскому, 13 февраля 1716 г. AN. Marine. B⁷ 267. F. 1–2 v.

¹⁷³ Ожеро К. Учреждение первого консульства Франции... С. 18–19.

¹⁷⁴ Лави в Совет по морским делам, 6 января 1716 г. AN. Marine. B⁷ 267. F. 128 v. — 130.

кажется мне, как Вы и говорите, сударь, весьма непостоянным человеком». Сент-Илер каким-то образом вовлечен в его судьбу: «я вновь принимаюсь за то, о чем имел честь Вам писать в последнем письме на его счет», сообщает он Шлейницу. Авантюрист также пытается поступить на французскую службу — и просит помочь ему в этом британцев! В январе 1718 г. в письме Джону (Жану) Робесону, ганноверскому министру нового британского короля, Сент-Илер ссылается на предшествующее обращение Шлейница: тот, оказывается, ранее уже писал Робесону с просьбой получить для своего свойственника рекомендацию от короля Георга I к регенту герцогу Орлеанскому, причем пересылал ему и описание достижений барона, и некое письмо от «Его царского величества» (возможно, речь идет о письме от покойной кронпринцессы Шарлотты?). Здесь же Сент-Илер ссылается и на услуги, оказанные им Ф.Х. Веберу, а также, что удивительно, на свои португальские подвиги 1711 г. — его, как кажется, нисколько не смущает, что в том эпизоде он действовал вопреки интересам Франции!¹⁷⁵ Авантюристу было на руку, разумеется, что с воцарением короля Георга лорды Дартмут и Оксфорд, хорошо знавшие о его похождениях, оказались не у дел (а Оксфорд даже и под следствием). С другой стороны, его свойственника Шлейница с Робесоном связывали давние деловые отношения еще с того времени, когда Шлейниц представлял Россию в Ганновере.

В итоге, однако, авантюрист получил какой-то благовидный предлог, чтобы вернуться в Россию. В июне 1718 г. он пишет Шафирову с дороги, из Кенигсберга: француз пересылает ему письмо, полученное из Парижа от Шлейница, и сообщает, что везет с собой в Россию еще одно послание, — и просит даже, непонятно на каком основании, подготовить для него в Риге или Митаве паспорта и лошадей для проезда в Санкт-Петербург¹⁷⁶. Учитывая последующее развитие отношений между Шафировым и Шлейницем, трудно не предположить, что француз оказался вовлечен в их приватные дипломатические интриги. Осенью 1718 г. Сент-Илер уже находится в Санкт-Петербурге, где с ним периодически встречается Лави, — и пересказывает их разговоры в донесениях в Париж. Лави сообщает: «Я слышал, что упомянутый г. Сент-Илер получил некоторые привилегии, дающие ему право устроить здесь [в России] мануфактуру, и что обстоятельство это находится в связи с испанской торговлей, вследствие чего он получит звание генерального консула России во Франции

¹⁷⁵ Сент-Илер — Джону Робесону, 21 января 1718 г. BL. Stowe Manuscripts. 231. F. 5–6 v.

¹⁷⁶ Сент-Илер — Шафирову, 25 июня 1718 г. РГАДА. Ф. 370. Д. 7. Л. 63–64.

и под его начальством будут состоять еще четыре консула для отдельных провинций: Нормандии, Бретани и Прованса». Испания упоминается и в октябрьском разговоре Сент-Илера с Ягужинским, который также пересказывает Лави: якобы авантюрист сообщил царскому любимцу, что «король испанский намеревается послать министра в Швецию, на что Ягужинский отвечал ему, что Его католическое величество вполне мог бы послать министра и в другое государство», т.е. в Россию. Лави в этой связи предполагает, что российским послом в Испанию могут направить Савву Рагузинского¹⁷⁷. Если верить Лави, то выходит, что Сент-Илер возвращается здесь к теме испанской торговли, которую он упоминал в качестве предмета для возможного прожекта еще в начале 1715 г., а также сношений с Испанией в целом. Таким образом, он опять пытается опереться на предыдущий этап своей биографии (приключения на Пиренейском полуострове), чтобы представить себя экспертом и предложить новое предприятие.

Надо сказать, однако, что разговоры о далекой Испании осенью 1718 г. и упоминаемый Сент-Илером интерес Ягужинского к присылке в Россию испанского посла отражают вполне реальные сдвиги в европейской дипломатической конъюнктуре того времени. Дело в том, что к этому времени на континенте сложился направленный против Испании «Четверной союз» в составе Франции, Великобритании, Голландии и Габсбургов. Летом 1718 г. начались военные действия, так называемая Война четверного союза; в августе британцы наголову разгромили испанский флот у мыса Пассаро, и испанский король готов был на любые, самые отчаянные меры. Одной из таких мер были попытки заручиться поддержкой со стороны России, и Петр действительно считал для себя выгодным поддерживать в Европе ощущение, что он может быть заинтересован в подобном союзе. Более того, в европейских дипломатических кругах обсуждались планы формирования антибританского альянса, который объединил бы не только Испанию и Россию, — но и, парадоксальным образом, Швецию, несмотря на то что она по-прежнему находилась в состоянии войны с Россией. И разумеется, подобные планы не могли не находиться в теснейшей связи с якобитской интригой: речь шла

¹⁷⁷ При публикации этого донесения в СИРИО была допущена ошибка: в опубликованном тексте говорится о должности «французского генерального консула в России», тогда как в оригинале донесения речь идет о должности именно «генерального консула России во Франции» («*Consul general en France de la nation Russe*»). Донесение Лави 27 октября 1718 г. // СИРИО. Т. 34. С. 378–379; Mézin A. Correspondance des consuls de France à Saint-Petersbourg... P. 33; донесение Лави, 27 октября 1718 г. AN. Affaires étrangères. BI 982. F. 258.

об организации, при содействии якобитов, шведского десанта в Великобритании и восстановлении там династии Стюартов.

Действительно, приход в 1714 г. к власти в Великобритании Ганноверской династии привел к обострению отношений между Лондоном и Стокгольмом, в особенности после того как Георг I в качестве ганноверского курфюрста приобрел в 1715 г. у Дании оккупированные ею шведские владения Бремен и Верден. Соответственно, уже в 1715 г. делаются попытки втянуть Швецию в совместную операцию против Великобритании. В 1716 г. Георг Генрих фон Герц, министр-фаворит Карла XII и один из самых ярких дипломатических авантюристов столетия, предложил якобитам военную помощь в обмен на финансовое содействие в войне с Россией. В дальнейшем, однако, речь все больше идет, наоборот, о примирении Швеции с Россией и о вовлечении последней в антибританский союз. Одна из возможных комбинаций предполагала оккупацию с помощью Петра I не только Бремена и Вердена, но и самого Ганновера и передачу их Швеции в качестве компенсации за отходящие России Лифляндию и Эстляндию. Соответственно, якобитские агенты всячески раздували конфликт между Петром I и Георгом I и, наоборот, способствовали заключению мирного договора между Россией и Швецией.

Ключевым якобитским агентом в России в этот период был известный Роберт Эрскин, или Арескин, как его называли русские, лейб-медик царя. Именно его имя упоминалось в переписке шведского посла в Лондоне Карла Гилленборга с Герцем и шведским послом в Париже Эриком Спарре, которую, в нарушение всяких международных обычаев, изъяли и опубликовали весной 1717 г. британские власти. Из этих бумаг следовало, что Герц от имени Карла XII обязался высадить в Англии шведский десант из 10 тыс. пехоты и 4 тыс. конницы, а Эрскин писал лидерам якобитов, что Петр готов помириться со Швецией и способствовать возведению на британский престол Стюартов. Царь и сам Эрскин, разумеется, с возмущением отрицали всякое участие в якобитской интриге, и в отечественной историографии принято считать, что Россия не рассматривала всерьез возможность совместных со Швецией действий против Великобритании. Недавние исследования связей якобитов с Россией, однако, показывают, что контакты эти были гораздо более плотными, чем принято считать¹⁷⁸. Поддерживала Россия, разумеется, тесные связи и с самим

¹⁷⁸ Обзор сношений якобитов с Россией в этот период см. в.: *Wills R. The Jacobites and Russia: 1715–1750. East Linton: Tuckwell Press, 2002. P. 40–61*; о роли в этих событиях Эрскина см.: *Collis R. The Petrine instauration: Religion, esotericism and science at the court of Peter the Great, 1689–1725. Leiden: Brill, 2012. P. 129–134.*

Герцем, которые и вылились в итоге в проведение Аландского конгресса. Вне зависимости от того, каковы были в этот момент действительные намерения Петра I, важно помнить, что в глазах и самого Герца, и других европейских держав русско-шведские мирные переговоры находились в теснейшей связи с якобитской интригой и с планами шведского десанта в Великобритании.

Несомненно, эти события и могли дать Сент-Илеру повод вспомнить о своем статусе знатока иберийских дел. Примечательно, что важную роль в попытках вовлечь Россию в союз с Испанией играл не кто иной, как сам барон Шлейниц. Именно он, с ведома и санкции Петра, вел переговоры с испанским послом в Париже князем Челламаре: испанцы, среди прочего, надеялись получить у Петра несколько военных кораблей, обсуждались и планы атаки на Ганновер с участием русских войск¹⁷⁹. После поражения испанцев у мыса Пассаро Петр предписывает кн. Б.И. Куракину и Шлейницу внушать Челламаре, чтобы испанский король не спешил заключать мир, поскольку «у нас с королем швецким мир, а может быть и ближайшее обязательство учинится <...> о чем мы трудимся неусыпно»¹⁸⁰. Но Челламаре, как известно, не ограничивался дипломатическими маневрами: он пытался использовать конфликты среди принцев крови и устроить самый настоящий заговор с целью свержения регента герцога Орлеанского, что должно было привести и к распаду франко-британского союза. По степени своей авантюристности планы испанского посла и его сообщников не уступают прожектам Сент-Илера: они предполагали ни много ни мало похитить самого регента. Когда в самом начале декабря 1718 г. заговорщиков арестовали, среди захваченных бумаг Челламаре мелькало и имя российского посла Шлейница. Он, конечно, не был участником заговора в прямом смысле слова, но вынужден был извиняться перед аббатом Дюбуа, тогдашним шефом французской внешней политики¹⁸¹.

На этом фоне приезд Сент-Илера в Санкт-Петербург именно с испанским проектом не мог не выглядеть довольно многозначительным — и подозрительным. Позднее он напишет в своем меморандуме, что «его враги распространяют слухи, будто целью его путешествия являются переговоры с царем в пользу Испании». Но, если верить сообщениям Лави,

¹⁷⁹ АМАЕ. Correspondance politique. Espagne. Vol. 282. F. 180–180 v., 205–205 v., 213, 250.

¹⁸⁰ Петр I — кн. Б.И. Куракину, 19 сентября 1718 г. // Архив князя Ф.А. Куракина. Т. 2 / под ред. М.И. Семецкого. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1891. С. 136.

¹⁸¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 9. Т. 17–18. М.: Соцэкгиз, 1963. С. 275–276, 281.

осенью 1718 г. в Санкт-Петербурге авантюрист и сам всячески козырял своими связями со Шлейницем и вообще стремился подчеркнуть свою осведомленность и причастность к европейской политике. Он рассказывал не только о своих планах торговли с Испанией и скором приезде испанского посла в Швецию, но и о содержании письма, полученного им из Парижа от Шлейница: последний якобы просил Сент-Илера сообщить ему новости об Аландском конгрессе. От исхода переговоров между Россией и Швецией, разумеется, прямо зависели и перспективы заключения тройственного союза. Сент-Илер подчеркивал в беседе с Лави личную заинтересованность Шлейница в этом вопросе: если конгресс провалится (что, как мы знаем, и произошло), дяде его жены якобы нечего будет делать в Париже. В ноябре Сент-Илер рассказывает Лави о еще одной своей беседе с Ягужинским: по его собственным словам, авантюрист сообщил царскому приближенному о получении им письма, анонсирующего скорый приезд французского дипломатического представителя Вертона¹⁸².

Более того, возвращение авантюриста осенью 1718 г. в Санкт-Петербург становится фактом международных отношений в общеевропейском масштабе. Когда в начале 1719 г. из Вены решено было выслать российского резидента Аврама Веселовского, в качестве официальной причины министры императора назвали не только предшествующую высылку из России цесарского резидента Отто Плейера (в связи с делом царевича Алексея), но и сношения царя с Испанией. Веселовскому объявили, что Петр-де согласился принять от испанского короля субсидию (что действительно обсуждалось) и направить в Испанию своего представителя (действительно, прорабатывалась посылка туда находившегося во Франции двоюродного брата царя А.Л. Нарышкина). Кроме того, в Россию уже якобы прибыл испанский представитель по имени Сент-Илер! Как писал Веселовский, «открыто здешнему двору согласие меж Вашим величеством и Шпаниею, и что будто в Санкт Петербурке шпанской эмисар обретается, равным же образом и в Гишпании от страны Вашей один резидент или агент пребывает, и что будто субсидии от Гишпании назначены Вашему величеству в Галандии». После того как российскому резиденту были предъявлены официальные претензии, он получил и более подробную неофициальную информацию на этот счет: «был у меня один мой друг, которой мне объявил что шпанской эмисар в Петербурке называетца Сентилер, которой прежде сего был малое время в службе цесарской здесь, а потом в службу вступил Вашего величества, а наконец

¹⁸² Донесение Лави 18 ноября 1718 г. // СИРИО. Т. 34. С. 387.

из России поехал в Гишпанию, а оттуда прислан в характере резидента ко двору Вашему». Упоминалась в этих разговорах и планируемая «диверсия в Шкоции» (т.е. в Шотландии) со стороны шведов, которая, по мнению имперцев, была условием соглашения с Испанией¹⁸³.

Насколько все эти сообщения отражают поведение и самопрезентацию самого Сент-Илера, сказать трудно. Вполне возможно, что, расписывая его испанские связи, Лави просто пытался скомпрометировать конкурента в глазах французского правительства. Точно так же венские министры могли объявить Сент-Илера испанским представителем просто в качестве дополнительного повода предъявить претензии Петру: действительно ли они сами верили, что ему поручена важная дипломатическая миссия, мы не знаем. Однако у нас есть и другие свидетельства такого рода. В начале января 1719 г. лондонский кабинет предупреждал своего посланника в Копенгагене лорда Полварта о прибытии туда барона де Сент-Илера: якобы ему было поручено купить в Дании восемь военных кораблей для испанского короля. Корабли эти, однако, вместо того чтобы отправиться в Кадис, должны быть переправлены в Гетеборг и затем (после завоевания шведами датской Норвегии) использованы для вторжения в Англию. Источником этой информации был британский посол в Париже, который, конечно, хорошо знал Шлейница, и характерно, что в сообщении из Лондона в Копенгаген Сент-Илер характеризуется ни много ни мало как «представитель в России испанской клики (*Spanish cabal*) при французском дворе»¹⁸⁴. Чуть позже британский посол в Париже сообщал в Лондон, что купленные Сент-Илером для испанского короля корабли должны были действовать совместно с шведским флотом и что в Амстердаме были заказаны для предстоящего десанта 20 тыс. мушкетов¹⁸⁵. Все это, конечно, звучит довольно фантастически, но, как мы уже говорили, подобные планы, с участием Сент-Илера или без него, действительно прорабатывались в тот момент: реальность в очередной раз оказывается богаче самых причудливых фантазий авантюристов.

Впрочем, из этой же переписки мы в очередной раз видим, и как уплотняются информационные сети, как функционируют каналы сбора и передачи сведений, затрудняя деятельность авантюриста. Получив из

¹⁸³ Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. 9. С. 226–227; Реляция А. Веселовского, 11 февраля 1719. РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1719. Д. 5. Л. 41–42.

¹⁸⁴ Report on the manuscripts of Lord Polwarth preserved at Mertoun House, Berwickshire. Vol. 2. London: HMSO, 1916. P. 23.

¹⁸⁵ Лорд Стэйер — Джону Робесону, 14 января 1719 г. BL. Stowe Manuscripts. 231. F. 261–261 v.

Лондона поступившие из Парижа сведения, лорд Полварт обратился за справками о бароне в Санкт-Петербург, к находившемуся там британскому министру-резиденту Джеймсу Джеффрису¹⁸⁶. Ответ последнего был самым нелестным для барона: Сент-Илер был отрекомендован как человек «с головой полной червей и прожектов (*head filled with maggots and projects*)», который не добился в России ничего, кроме посмеяния, и решил вернуться во Францию. К настоящему моменту, впрочем, он, по сведениям Джеффриса, уже некоторое время как обретался в Кенигсберге¹⁸⁷. В практическом смысле, однако, все это не имело уже ровно никакого значения, так как еще в декабре 1718 г. Карл XII погиб на поле боя, что положило конец всяким надеждам на заключение антибританского альянса.

На Балтике

Добрался ли Сент-Илер действительно в январе 1719 г. до Копенгагена, непонятно. В донесениях российского посла в Дании кн. В.Л. Долгорукова слышны отзвуки тех международных интриг и авантюр, которые послужили фоном для этого предприятия барона. «Ганноверской министр, которой при здешнем дворе, сказал некоторым его друзьям, будто переведены в Галандию два миллиона ефимков, которые король гишпанской послал в помощь королю швецкому умершему», — сообщает посол 10 января. Тут же приводится и известие о разгроме французской разведывательной сети в Дании: «Недавно взяты здесь несколько французов за арест, вчера взят один каталицкой поп, причины того таят, однако как слышно что те французы были здесь якобы шпионы и содержали корреспонденцию, а тот поп давал им деньги». И в том и в другом случае речь идет о слухах, подтвердить которые невозможно: «А правда ль то, подлинной ведомости здесь никто не имеет»¹⁸⁸. Сент-Илер, однако, в этих слухах никак не фигурирует: да и в самом деле, после смерти Карла XII его предполагаемая миссия в Дании теряла всякий смысл.

Именно в этот момент авантюрист и составляет свой обращенный к французскому правительству меморандум (документ 60): описываемые в нем события обрываются как раз на его вторичном отъезде из России где-то в конце 1718 г.¹⁸⁹ В январе 1719 г. Дюбуа обещал британскому по-

¹⁸⁶ Report on the manuscripts of Lord Polwarth... Vol. 2. P. 49.

¹⁸⁷ Ibid. P. 63.

¹⁸⁸ Реляция кн. В.Л. Долгорукова из Копенгагена, 10 января 1719 г. РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1719. Д. 7. Л. 7–7 об.

¹⁸⁹ АМАЕ. Correspondance politique. Russie. Supplement 2. F. 275–275 v.

слу арестовать Сент-Илера, если он появится во Франции¹⁹⁰, и теперь авантюрист решительно отрицает слухи о своей причастности к испанской интриге и объявляет их злостной клеветой со стороны своих врагов. Сент-Илер уверяет, что именно она и принудила его вернуться во Францию — и представить властям цитируемый меморандум. Как объясняет авантюрист, на протяжении многих лет он «рисковал своей жизнью и пожертвовал свои лучшие дни ради службы королю», не ожидая за это никакой награды. Теперь он также лишь стремился сообщить королевскому правительству о своей «непоколебимой верности», а также о тех услугах, которые он может оказать французской короне в Германии, Пруссии и России, в том числе благодаря своим знакомствам и связям с лучшими семьями этих стран, приобретенным в результате женитьбы на фрейлине фон Арним. Иными словами, Сент-Илер предлагает себя французскому правительству в качестве тайного агента — и умоляет хранить это предложение в тайне от своей жены и ее дяди Шлейница. Последний-то, конечно, потенциально и должен был представлять главный интерес для французской разведки; по сути, авантюрист предполагал торговать секретами своего свойственника.

После этого мы на некоторое время теряем след Сент-Илера, и в следующий раз он обнаруживается в наших источниках более года спустя. Весной 1720 г. другой французский авантюрист, Обри де ла Мотре, упоминает в своих записках о появлении барона в Стокгольме¹⁹¹. Дворянин-гугенот де ла Мотре и сам, подобно Сент-Илеру, объехал в поисках фортуны всю Европу — а также и Малую Азию. Тем примечательнее, что он прямо связывает Сент-Илера с прожеками и прожектерством: по его сообщению, барон «оставил царскую службу в связи с проектом, похожим на проект съера де Коюе (*Cohië*)». В чем именно состоял проект этого Коюе, де ла Мотре рассказывает в своих записках несколько ранее, повествуя о событиях 1716 г. Оказывается, Коюе находился на русской службе (правда, обнаружить такого персонажа в российских источниках не удастся), но затем покинул ее, сбежал к Карлу XII, который после полтавского поражения отсиживался тогда в оттоманских владениях, и предложил ему план уничтожения всего русского флота в гавани силами всего лишь нескольких шведских фрегатов. Королю план понравился: француз получил денежный подарок и ежегодную пенсию и был отправлен в Швецию

¹⁹⁰ Лорд Стэйер — Джону Робесону, 14 января 1719 г. BL. Stowe Manuscripts. 231. F. 261–261 v.

¹⁹¹ *Motraye A. de la. De la Motraye's travels through Europe, Asia, and into part of Africa. Vol. II. London: Selbstverl, 1723. P. 379.*

с приказом Адмиралтейству оказывать ему всяческую помощь. Из замысла этого ничего не вышло: Коюе, конечно, объяснял провал отсутствием должной поддержки со стороны завистливых шведских чиновников. Тем не менее «в силу своей щедрости» Карл сохранил ему пенсию даже после этой неудачи. Де ла Мотре представляет болтливость как характерную черту этого авантюриста: «не дожидаясь с моей стороны каких бы то ни было вопросов или хотя бы признаков интереса к его делам», Коюе сообщил, что по королевскому приказу направляется вместе с бароном Гетцем в Голландию, чтобы купить там 4 военных корабля для шведского флота, — еще одна тема, которая сближает его историю с приключениями Сент-Илера¹⁹².

И действительно, шведские похождения Сент-Илера, как выясняется, также были связаны с проектом уничтожения русского флота одним решительным ударом. Как известно, на протяжении нескольких лет подряд лондонский кабинет направлял в северные моря эскадру под командованием адмирала Норриса, надеясь таким образом оказать давление на русских и принудить их к заключению мира на более приемлемых для Швеции условиях. Эти действия вызывали беспокойство и раздражение Петра, и экспедиция 1720 г., когда объединенный англо-шведский флот подошел под самые стены Ревеля, была в этом смысле одним из наиболее острых моментов. Русская сторона вполне допускала, что он может окончиться открытием военных действий со стороны англичан, — хотя на самом деле Норрис (и, судя по всему, лондонский кабинет) к тому времени уже отказались от этой идеи¹⁹³.

Когда в конце мая 1720 г. английская эскадра прибыла в Стокгольм и адмирал Норрис направился на аудиенцию к королю Фредрику I, оказалось, что при новом шведском монархе «находилась недавно прибывшая из России персона, именовавшаяся барон Сент-Алоар (*the barron St Aloar*), француз, и король хотел, чтобы мы обсудили с ним возможность

¹⁹² Motraye A. de la. Op. cit. P. 302. Дальнейшая судьба этого авантюриста неизвестна, однако в английских архивах нами было обнаружено письмо, направленное осенью 1721 г. британскому флотскому начальству неким «шевалье де Коюе (de Cohue)». В письме этом, написанном с ужасными грамматическими ошибками (явно иностранцем, плохо владеющим английским языком), автор предлагает изобретенный им новый состав для смоления днищ кораблей, который позволит сохранять их от повреждения морскими червями по 20 и более лет. Вполне вероятно, таким образом, что из Швеции описываемый де ла Мотре авантюрист перебрался в Англию. NA. Admiralty. 106/740. F. 216–217 v.

¹⁹³ Подробнее об этих экспедициях, включая ревелский эпизод, см.: Aldridge D.D. Admiral Sir John Norris and the British Naval Expeditions to the Baltic Sea, 1715–1727. Lund, Sweden: Nordic Academic Press, 2009.

нападения на Кронштадт и Ревель. Он представил королю письменный план, но [шведские министры] были о нем невысокого мнения, поскольку у него не было никаких рекомендаций к шведскому двору; не было известно и почему именно он покинул царскую службу»¹⁹⁴. Дополнительные подробности этого эпизода сообщает французский посол в Стокгольме Кампредон. Как доносил он герцогу Орлеанскому 29 мая, «позавчера» в шведскую столицу «прибыл некто по имени Сент-Илер, прослуживший в царском флоте пять лет директором [морского] арсенала. Этот человек предложил провести флот прямо к Кронштадту без всякого риска, разрушить склады, захватить крепость и после этого отправиться прямо к Петербургу, который лишен всякой защиты». Король Швеции, по словам Кампредона, «рассмотрел этот проект и нашел его вполне осуществимым (*practicable*)»¹⁹⁵. В результате к началу июня 1720 г. Сент-Илер оказывается на борту объединенной англо-шведской эскадры, идущей на разведку к Ревелю.

Как следует из писем, которые Сент-Илер писал во время этого плавания королю Фредрику, барон представлял себя шведам как знатока российских береговых укреплений и брался даже прогнозировать действия российского монарха. В самом раннем из доступных нам писем авантюриста к королю, от 25 мая/6 июня, он сетует, что «наша экспедиция скорее напоминает прогулку, нежели нападение на неприятеля» (документ 61)¹⁹⁶. Барон, как это и характерно для посланий такого жанра, представляет себя единственным преданным и надежным слугой короля — в отличие от всех остальных: он один скажет государю правду, которую скрывают от него лукавые, трусливые и нерасторопные слуги и союзники. Вчерашний морской маневр был неудачным, так что обе эскадры якобы чуть не погибли. На следующий день адмиралы повернули назад «сами не зная, почему, и не решаясь напасть на неприятеля». Адмирал Норрис вовсе не помышляет выполнять данное королю обещание, и даже среди собственных адмиралов короля «есть некто, совершенно не беспокоящийся о поведении адмирала Норриса и предпочитающий крейсировать вместо того, чтобы попытаться напасть» (Сент-Илер не называет его по

¹⁹⁴ Journal of Admiral Sir John Norris, commanding the fleet in the Baltic, kept on board the “Cumberland” and the “Sandwich”. 17 Sept. 1718 — 4 Oct. 1721. BL. Additional Manuscripts. 28129. F. 151.

¹⁹⁵ Кампредон — герцогу Орлеанскому, 29 мая 1720 г. Handlingar rörande Sveriges historia under åren 1713–1720, utgifne af C.G.M. / ed. C. Gustaf. Malmström, Uppsala: Vahlstöm, 1854. P. 77–78.

¹⁹⁶ Сент-Илер — Фредрику I, 6 июня/25 мая 1720 г. Riksarkivet Marieberg, Stockholm. Riksarkivets ämnessamlingar. Militaria. M 1689. [Без пагинации].

имени). Как верный слуга короля, Сент-Илер требует как можно скорее «атаковать неприятеля тем или иным способом».

К 1 июня (по старому стилю) эскадра подходит к Ревелю, и, как следует из одного из писем Сент-Илера королю, он лично вместе с адмиралом графом Вахтмейстером совершает рекогносцировку Ревеля на шлюпках. В письме, отправленном им в этот день к адмиралу графу Спарре, француз дает довольно подробное описание укреплений Ревеля и предлагает план атаки, «выставив бомбардирские корабли между молом и северо-западным и юго-восточным углами городского замка и рейдом», и т.д. (документ 62)¹⁹⁷. Как мы помним, во время пребывания барона в Генуе в 1713 г. консул Обер отмечал у него некоторые познания в фортификации — судя по всему, авантюристу их хватало для поддержания беседы с профессиональными моряками. Сент-Илер даже участвовал в военном совете у адмирала Норриса, выступив там с докладом, наряду с графом Вахтмейстером и одним из английских адмиралов. В итоге, однако, военный совет пришел к заключению о невозможности атаковать Ревель с моря без поддержки с суши — и соответственно, постановил отступить на соединение с остальными шведскими силами¹⁹⁸.

Вполне предсказуемо, уже на следующий день Сент-Илер полностью отказывается от своих прежних слов. Если еще накануне барон разрабатывал различные варианты штурма, то в письме от 2/12 июня он пишет королю, что «нельзя нанести малейший урон этому городу, не пойдя на большой риск», а с другой стороны, «буде мы возьмем его, то окажемся принуждены его оставить, ибо не сможем удержать в настоящий момент». Тем не менее он продолжает настаивать на переходе к активным наступательным действиям против русских, которых Сент-Илер именуется теперь «варварами» и «опаснейшей для человеческого рода державой». Он предсказывает, что «по всей видимости варвары не совершат в этом году вторжений во владения Вашего величества», и советует «безотлагательно» предпринять экспедицию чтобы ни много ни мало «уничтожить» Санкт-Петербург — в противном случае, пугает барон короля, Швецию на будущий год ждут новые русские десанты, теперь уже по всему побережью и даже в Зунде (документ 63)¹⁹⁹. По сведениям

¹⁹⁷ Сент-Илер — Фредрику I, 1 июня (с.с.) 1720 г. Riksarkivet Marieberg, Stockholm. Riksarkivets ämnessamlingar. Militaria. М 1689. [Без пагинации].

¹⁹⁸ Отчет о военном совете 1 июня 1720 г. у адмирала Норриса. Journal of Admiral Sir John Norris, commanding the fleet in the Baltic, kept on board the “Cumberland” and the “Sandwich”. 17 Sept. 1718 — 4 Oct. 1721. BL. Additional Manuscripts. 28129. F. 166.

¹⁹⁹ Сент-Илер — Фредрику I, 2/12 июня 1720 г. Riksarkivet Marieberg, Stockholm. Riksarkivets ämnessamlingar. Militaria. М 1689. [Без пагинации].

Кампредона, однако, к этому времени королю Фредрику уже известно, что адмирал Норрис не собирается действовать наступательно — и что он считает «Сент-Илера мечтателем (*visionaire*) и его проекты химерами»²⁰⁰. Из этой формулировки, впрочем, непонятно, в какой степени Фредрик разделяет эту оценку, — или же негативное отношение Норриса к Сент-Илеру воспринимается королем лишь как отговорка со стороны не желающих воевать с Россией англичан.

Возможно, впрочем, что позиции Сент-Илера были дополнительно подорваны неприятной для него встречей, которая произошла 1 июня. Формально англичане оставались нейтральной державой, поэтому, когда эскадра подошла к Ревелю, на борт английского корабля поднялся российский капитан-поручик Барш — и узнал среди присутствующих «француза барона, которой был в С.-Петербурге при академии». Офицер докладывал своему начальству, что барон, по словам англичан, состоял «в службе шведской, а в какой подлинно, [он, Барш] уведомиться не мог». Тем не менее, как сообщили английские офицеры, Сент-Илер «объявлял [шведам], что будто [он российские] крепости и гавани все знает и чертежи делает, из которых он, капитан-поручик, видел чертеж кое около Котлина острова». Авантюрист рассказывал, разумеется, англичанам и о своей службе в России, «что был в нашем флоте шаутбенахтом и академию в Петербурге привел в совершенство, и будто женился в доме кронпринцессы на знатной персоне». Как мы знаем, Сент-Илер действительно имел адмиральский чин, действительно женился на фрейлине кронпринцессы и действительно руководил (успешно или нет — другой вопрос) Морской академией; в своем донесении Барш и сам пишет, что француз состоял в Санкт-Петербурге «при академии». Однако когда его стали расспрашивать англичане, бдительный офицер все напрочь отрицал: «Он им объявил, что [Сент-Илер] шаутбенахтом не бывал и академии в совершенство не приваживал». В глазах Барша, переход высокопоставленного эксперта на службу к шведам был бы, видимо, ударом по престижу российской державы. Поэтому моряк горд, что сумел скомпрометировать перебежчика: «Англичане больше поставили ему, французу, в дурость и в смех»²⁰¹.

²⁰⁰ Кампредон — герцогу Орлеанскому, 6 июня 1720 г. *Handlingar rörande Sveriges historia* ... Р. 78.

²⁰¹ Письмо П.М. Голицына Петру I от 1 июня 1720 г. из Ревеля о посещении капитан-поручиком Баршем английской эскадры адмирала Дж. Норриса // *Материалы для истории морского дела при Петре Великом в 1717–1720 годы* / сост. Н.А. Попов // ЧОИДР. 1859. Кн. 4. С. I–IV, 1–166, здесь с. 136–138.

В самом деле, после событий 1 июня акции Сент-Илера стремительно падают. Как сообщает Обри де ла Мотре, предложенный Сент-Илером проект нападения на Ревель сначала понравился адмиралу Вахтмейстеру, «но, по отзывам людей понимающих в морских делах, этот проект погубил бы шведский флот в гавани Ревеля, вместо того чтобы сжечь московитский». Адмирал Норрис и его шведский коллега Спарре сами совершили рекогносцировку и сочли план непрактичным, «после этого некоторые стали говорить, что прожектер — один из царских шпионов». Впрочем, де ла Мотре поясняет, что подозрения эти возникли уже *после* того, как шведское адмиралтейство отвергло проект барона: не сумев продать королю свои услуги по уничтожению Санкт-Петербурга и русского флота, Сент-Илер занялся торговлей другого рода. Оказывается, он продал в Стокгольме груз бургундского и шампанского, с которым прибыл из Петербурга, и после этого-то шведские торговцы вином, «возможно из зависти», и стали называть его царским агентом: известно ведь, что в России государь «является единственным купцом, забирая на себя все товары и назначая факторов для их продажи»²⁰². Имеется в виду, что, по мнению стокгольмских купцов, Сент-Илер в военное время не мог прибыть с товарами из России в Швецию иначе как по поручению Петра.

И в самом деле, в последнем из имеющихся у нас писем Сент-Илера королю Фредрику он действительно упоминает привезенное им с собой в Швецию имущество «на 15–20 тысяч экю». Здесь же он оправдывается в связи с появившимися слухами, будто бы он намеревался погубить объединенный англо-шведский флот у Котлина. Сент-Илер хвалится тем, «сколь много я способствовал устройению флота царя и сколь полезна ему Морская академия, которую я сам для него основал», и повторяет версию своей женитьбы, согласно которой именно царь, «чтобы укрепить меня на своей службе <...> женил меня на девице Арним». Он сообщает даже, что «ни за что бы ни покинул его службу, если бы этот государь и его подданные отличались меньшей жестокостью и большей человечностью»: это фраза, видимо, представляет собой отзвук не только общеевропейских стереотипов о жестокости русских нравов, но и вполне конкретного обещания побить француза палками, данного ему Меншиковым. Под конец, как и за три года до того в письме Апраксину, Сент-Илер намекает, что хотел бы остаться на службе короля: «Прошу Ваше величество милостиво сообщить мне, чего Он от меня ожидает,

²⁰² Motraye A. de la. De la Motraye's travels... P. 379.

и желает ли Он, дабы я остался здесь в ожидании Его решения, для какого дела меня употребить» (документ 64)²⁰³.

Итак, Сент-Илер вроде бы в очередной раз посрамлен и дискредитирован, более того, молва приписывает ему шпионаж в пользу неприятеля. Тем не менее, как он и обещал шведскому королю, авантюрист остается в Стокгольме. К началу августа кн. Б.И. Куракин в Гааге узнает по своим каналам, что «барон Сентилер ныне в Стокгольме со многими проектами при дворе шведском находится, но ежели то правда знать заподлинно не могу»²⁰⁴. Об одном из этих проектов мы узнаем из французской дипломатической переписки. В самом начале 1721 г. в инструкции Кампредону, представляющему в этот момент Францию в Стокгольме, аббат Дюбуа упоминает, что Сент-Илер, «человек более чем сомнительный, который находится в Швеции, где он, как вы знаете, предложил множество проектов, писал барону Шлейницу в прошлом октябре и ноябре» с новым предложением, на этот раз матримониально-дипломатического характера. Речь шла о том, чтобы выдать цесаревну Анну, старшую дочь Петра, за Георга Гессенского, младшего брата шведского короля Фредрика. Петр в этом случае должен был бы передать принцу Георгу Курляндия (поскольку матерью Фредрика и Георга была принцесса Мария Анна Амалия из пресекшегося в мужской линии курляндского герцогского дома Кеттлеров), а также гарантировать наследственные права гессен-кассельского дома на шведскую корону. Соответственно, расстраивались бы планы выдать Анну за Карла Фридриха Голштейн-Готторпского, другого претендента на шведский трон. Король Швеции якобы одобрял этот проект Сент-Илера, и Кампредону следовало разузнать, так ли это²⁰⁵.

Надо сказать, что Кампредон еще в ноябре доносил в Париж о намерении ландграфа Гессен-Кассельского, отца Фредрика, отправить к царю своего представителя²⁰⁶. Теперь получив указание от Дюбуа, Кампредон немедленно отправился за разъяснениями к самому Фредрику. Тот, однако, заявил дипломату, что данный проект — не более чем «мечтания

²⁰³ Сент-Илер — Фредрику I, 20 июня 1720 г. Riksarkivet Marieberg, Stockholm. Riksarkivets ämnessamlingar. Militaria. М 1866. [Без пагинации].

²⁰⁴ Реляция Б.И. Куракина от 2/12 августа 1720 г. АВПРИ. Ф. 50. Оп. 50/1. 1720 г. Д. 5. Л. 477 об.

²⁰⁵ Аббат Дюбуа — Кампредону, 6 января 1721 г. Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France: depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution française / A. Rambaud (ed.). Vol VIII, Russie. Paris: F. Alcan, 1890. Р. 218–219.

²⁰⁶ Кампредон — герцогу Орлеанскому, 9 ноября 1720 г. Handlingar rörande Sveriges historia... Р. 86.

(*vision*) этого человека», т.е. Сент-Илера, и что такой брак не отвечает его личным интересам и несовместим с честью его дома, поскольку цесаревна Анна родилась задолго до брака ее родителей. По словам короля, он не приказывал авантюристу писать об этом Шлейницу, но и не мешал: он лишь позволил ему «наскоро набросать» этот проект — вдруг это как-то помешает женитьбе герцога Карла-Фридриха на «московитской принцессе»?²⁰⁷ Здесь примечателен, конечно, уже сам тот факт, что авантюрист, вроде бы оскандалившийся во время экспедиции к Ревелю, а после этого заподозренный в шпионаже в пользу русских, не только остается в Стокгольме, но и сохраняет контакты с королем. Сохраняет он, несмотря ни на что, и контакты со Шлейницем. Еще любопытней, пожалуй, формулировка, используемая королем Фредриком в беседе с Кампредоном: кто тут кого обманывал и использовал, король авантюриста или авантюрист короля? Во всяком случае, на этом примере лучше всего видно, как современники сами же поддерживали ту неопределенность, которой так активно пользовались искатели фортуны вроде Сент-Илера. Король, по его словам, позволяет барону выдвигать абсурдный проект; возможно, даже исподволь подталкивает его к этому; во всяком случае, он в курсе происходящего — но впоследствии может отрицать любую свою причастность к абсурдным «мечтаниям» француза.

И действительно, несмотря на пренебрежительный отзыв о проекте короля Фредрика, уже в начале февраля Сент-Илер обращается с этим своим, последним из известных нам, проектом к князю Б.И. Куракину, послу в Гааге. Француз пишет ему из Касселя, куда он успел перебраться к этому времени. Из письма может сложиться впечатление, что француз как-то пересекался с Куракиным в Голландии в 1720 г., или что русский дипломат знал о его пребывании там. Во всяком случае, обращаясь к нему, авантюрист и не пытается скрыть факт своей службы шведам. Наоборот, он подчеркивает, что поскольку ранее получал милости от обоих монархов, русского и шведского, то теперь он стремится «засвидетельствовать им обоим мою истинную благодарность» — и какой же может быть лучший способ сделать это, чем примирить их! Речь шла ровно о том проекте, который описывался в инструкции Дюбуа Кампредону: одна из царевен выходит замуж за Георга Гессенского, он получает в наследственное владение Курляндию и наследует шведскую корону — а Петр уступает Швеции Лифляндию и Эстляндию. По словам барона, его проект уже получил одобрение и короля Фредрика, и его

²⁰⁷ Кампредон — аббату Дюбуа, 25 января 1721 г. *Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France...* Vol. VIII, Russie. P. 225.

отца, правящего ландграфа Гессен-Кассельского, так что дело было за малым — уговорить царя отступить от большей части его завоеваний (документы 65, 67)²⁰⁸.

Неудивительно, что Куракин не удостоил такой проект ответа, как не удостоилось ответа и повторное письмо от француза двумя неделями позднее (документ 66). Через несколько дней, однако, Куракина посетил некий «офицер гесенкасельской с кумплиментом от него, Сентилера, и желал ведать, ежели я его, сентилеровы, письма получил»: посол отделился расплывчатыми обещаниями ответить позднее, но сам задумался. Как он объяснял царю, теперь, после визита неизвестного офицера, его внимание привлекли некоторые детали второго письма, которых не было в письме первом и которым он поначалу не придавал значения. Речь шла о намеке на недовольство шведов своими английскими союзниками: «Я предусматриваю из сего другого письма, что он все сие пишет с ведома двора касельского, а особливо единый пассаж в котором довольно дает знать, [что] Англиею неблагодарны и готовы сакрифисовать ею». Кроме того, Сент-Илер приглашал отвечать ему «под конвертом» первого касельского министра. Эти детали показались Куракину настолько значимыми, что он «должности мой быть нашел для интересов Вашего величества написать мое мнение на известные проекты барона Сентилера»²⁰⁹.

И в самом деле, к этой реляции Куракина приложен многостраничный развернутый анализ предложений Сент-Илера с точки зрения логики международных отношений и интересов упоминаемых в нем держав: такого рода разборы ситуации Куракин не раз направлял царю и по другим поводам. Посол объясняет, что поначалу счел проект «бесплодным», поскольку он «происходил от рук <...> авантюрия французского»: иными словами, и в его глазах тоже Сент-Илер уже маркирован как авантюрист, и это определяет восприятие его предложений. Однако, взглянув на текст внимательнее, Куракин увидел, что Швеция готова «сакрифисовать своих алиантов, то разумеется короля аглинского, и чинить все то что сходно в ынтерес Его царского величества». Это показалось ему логичным: ведь дела в Англии сейчас обстоят худо, она ослаблена недавним крахом Компании

²⁰⁸ Сент-Илер — кн. Б.И. Куракину, 10 и 24 февраля 1721 г. ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. «С». Д. 37. Л. 274–277. Текст проекта см.: Там же. Л. 285–286 об. Также см.: АВПРИ. Ф. 50. Оп. 50/1. 1721 г. Д. 5. Л. 49–54 об., 68–68 об. (французские тексты), 59–62, 71–71 об. (переводы на русский).

²⁰⁹ Реляция Куракина Петру I, февраль 1721 г. АВПРИ. Ф. 50. Оп. 50/1. 1721 г. Д. 5. Л. 73.

Южных морей, а самим шведам уже должны были надоесть «поступки коварные» английского кабинета. С другой стороны, суть предложения соответствует объективным частным интересам кассельского дома (Куракин проводит различие между ними и геополитическими интересами шведской державы). Король и его отец ландграф должны стремиться усилить свои позиции в Империи, а внутри Швеции утвердить за собой наследственное право на корону и «возстановить себя ему, королю, суверейном», т.е. ликвидировать конституционные ограничения власти монарха. По обоим этим вопросам Фредрику крайне нужна поддержка России.

Итак, путем этих логических умозаключений Куракин приходит к выводу, что проект не является самодеятельностью Сент-Илера, но и в самом деле представляет позицию шведского короля: «По всем тем обстоятельствам рассуждаю, что сие происходит чрез руки Сент-Илера с позволения короля шведского и двора гессенского». Куракину кажется, что без их одобрения «так смело рассуждать и откровенно о важном деле писать бы оной барон не мог». Кроме того, «за верное принять надобно что рекомендует свои письма адресовать под кувертом барона Данвика, первого министра гессенкасельского». Таким образом, Сент-Илеру удалось включить в свое второе письмо некоторые ключевые детали, которые в глазах царского дипломата указывали на серьезность данного проекта.

Конечно, продолжает свой анализ Куракин, само содержание предложений в основном не отвечает интересам России. Передача Курляндии принцу Георгу «видится быть несходно и напредбудущее не без предосуждения»: России выгоднее сохранить герцогство слабым и обособленным, чем передавать его, в форме династической унии, под контроль иной державы. Пункт о возвращении шведам Лифляндии и Эстляндии заведомо непроходной: «Неможно инако сказать что экстравагант». Может показаться удивительным, что авторы проекта вообще «дерзают такой запрос чинить, чем весь сей проэкт опровергают», пишет Куракин. Однако, рассуждает посол, они наверняка знали, что данный пункт для царя неприемлем, но не могли не заявить его как переговорную позицию («сие необходимо им было для лица написать»); когда дойдет до негоциации, шведы наверняка от него отступят. Что касается укрепления шведской короны в наследственном владении кассельского дома, полагает посол, то для России это вполне приемлемо: лучше оставить ее в руках такой объективно слабой династии, чем рисковать, что шведы себе

в короли «сильного какого принца» изберут. Другое дело, что намеки авторов на помощь Петра, «чтоб суверенитету королю шведскому восстановить», надо отвергнуть: России выгоднее сохранение в Швеции конституционного — а значит, слабого, подверженного раздорам — правления.

Следует полагать, пишет Куракин, что данные предложения отражают опасения шведов касательно обсуждаемого брака герцога Голштинского, претендента на шведскую корону, с одной из царевен: ходят слухи, что в качестве приданного он может получить Лифляндию. Исходя из этого, если бы Петр хотел вступить в данную негоциацию, то можно было бы, в крайнем случае, пообещать принцу Георгу в качестве приданного Лифляндию, но не сейчас, а после смерти короля Фредрика, когда Георг вступит на шведский престол. Пока же стоит «принцу Жоржию немного денег дать», которые он должен будет вернуть после получения Лифляндии (предполагается, видимо, что деньги он вернуть не сможет и Лифляндия останется у России). Кроме того, можно пообещать шведам помочь им в возвращении Бремена и Вердена, что позволит и улучшить положение другого царского зятя, герцога Мекленбургского.

Раз так, продолжает Куракин, имеет ли смысл вообще вступать в негоциацию по этому проекту или нет? Опытный дипломат полагает, что рисков тут для царя никаких нет. Наоборот, проект этот крайне рискован для его предполагаемых инициаторов. Сама постановка вопроса о переговорах с Россией об удовлетворении династических кассельских интересов в ущерб шведским национальным, об иностранной помощи Фредрику в ликвидации конституционного режима служит «к великому предосуждению короля шведского персонально и дому касельского»: «Начинание сей негоциации со стороны короля шведского и дому касельского есть с великим азардом». В случае разглашения этого проекта у короля Фредрика возникнут большие проблемы в Швеции: его «возненавидят», усилится голштинская партия; кроме того, придет конец и шведской «дружбе» с Англией. В этой ситуации не только Швеция вынуждена будет искать «дружбы» с Петром «неволею», но и сама Англия принуждена будет к тому же. «И тогда придет якобы до великого торгу между Франциею и Англиею, кто может упредить и в дружбу обязательства Его царского величества получить», полагает Куракин. Кроме того, предлагаемая комбинация будет поддержана Францией: «Франция сему союзу з домом касельским будет вспомогать, понеже ее великий интерес есть, чтоб видеть дом касельской в силе в Империи и вместе связанной с Швецией». Наконец, если обнародование этой

негоциации спровоцирует политический конфликт в Швеции или даже войну в Империи, то и это тоже будет выгодно Петру²¹⁰.

Подводя итог, проект Сент-Илера не вызывает у Куракина отторжения и не кажется ему абсурдным. Правда, его основные положения нереализуемы, но как отправная точка для переговоров он вполне годится, и более того, сами переговоры эти, как представляется послу, могли бы служить российским интересам. Наконец, с высоты своего дипломатического опыта и на основании своего видения логики международных отношений Куракин полагает, что за подобными предложениями действительно стоит гессен-кассельский дом, а не просто француз-авантюрист.

И в самом деле, примерно в те же самые дни, когда Куракин писал эти строки, к Шлейницу в Париже явился гессен-кассельский посол во Франции и передал собственноручное письмо от правящего ландграфа Карла²¹¹. Хотя король Фредрик в разговоре с Кампредоном и отkreщивался от Сент-Илера и от его проекта, оказывается, что и сам шведский монарх, и его отец были в нем очень заинтересованы. Как сообщал 10/21 марта в Санкт-Петербург Шлейниц, ландграф действительно получил составленный авантюристом проект и теперь подтверждал через своего посла во Франции, что «мемория, которую барон Сант-Гилер к нему послал, такожде и письма которые он к нему писал, отправлены и писаны с ведома и позволения нашего и короля нашего сына, которой мемории содержание мы также апробуем». Ландграф желал поскорее начать переговоры о браке своего младшего сына и русской царевны, от которого он предвидел всевозможные «приятные» последствия для России, и просил, «чтоб господин барон Шлейниц о том Его царскому величеству государю своему рапорт учинил». Увы, к сожалению для нашего авантюриста, его предполагалось в дальнейшем исключить из переговорного процесса: «Что касается до барона Сент-Илера, то он впредь о том более ведать не будет», если только сам Шлейниц не пожелает ему что-то сообщить²¹².

Стоит отметить, что гессен-кассельский проект Сент-Илера казался бессмысленным не только ландграфу Карлу, но и самому Шлейницу. Сообщая Петру о визите гессен-кассельского дипломата, Шлейниц счел

²¹⁰ Приложение к реляции кн. Б.И. Куракина Петру I, 24 февраля / 7 марта 1721 г. АВПРИ. Ф. 50. Оп. 50/1. 1721 г. Д. 5. Л. 82–91 об.

²¹¹ Реляция Шлейница Петру I, 10/21 марта 1721 г. АВПРИ. Ф. 93. Оп. 93/1. 1721 г. Д. 14. Л. 88.

²¹² Ландграф Карл Гессен-Кассельский — Шлейницу, 3 марта 1721 г. АВПРИ. Ф. 93. Оп. 93/1. 1721 г. Д. 14. Л. 89–90.

необходимым добавить, что, по его оценкам, подобная «супружественная альянция» была бы весьма интересна и французскому правительству: «Я также по разным секретаря статцкого [Дюбуа] разсуждениям мог разсудить, что как регент [герцог Орлеанский], так и он к кассельскому дому склонны, и не токмо охотно б видели, но такожде оное всяческим образом подкреплять будут, когда б Вашему величеству сходство быть могло»²¹³. О том же Шлейниц толкует и в письме Шафирову: регент и Дюбуа якобы «охотнее видят супружественные альянции» России с гессен-кассельским, чем с голштейн-готторпским домом, так как это скорее будет способствовать крепкому союзу («ближайшему соединению») царя со Швецией после заключения между двумя державами мира; к тому же гессен-кассельский дом может быть полезнее и царю, и Франции во внутри-имперских конъюнктурах²¹⁴. Одновременно Шлейниц пытается лоббировать эту инициативу и через прибывшего в Париж кн. В.Л. Долгорукова: князь, с его слов, сообщал о предыстории вопроса Петру и добавлял, что «о всем том он, Шлейниц, сам хотел донести Вашему величеству». Примечательно, что Долгоруков именует авантюриста вполне нейтрально: в его описании это всего лишь «один барон, имянуемой СентГилер которой был в службе Вашего величества, а потом пошел в швецкую»²¹⁵. Заметим, что поддержка этого проекта со стороны Дюбуа соответствует и оценке Куракина, хотя, конечно, оценка Куракина, в свою очередь, могла быть сформирована под влиянием сообщений Шлейница — или же Шлейниц мог и вовсе эту поддержку выдумать: очевидно, что он был в проекте заинтересован и, как мы знаем, сам же вышел на Дюбуа с предложениями от Сент-Илера. Вполне возможно, что сам Шлейниц и инспирировал этот проект, используя Сент-Илера просто как своего агента.

Следует сказать, однако, что проект этот вполне вписывался в общее направление размышлений шведской элиты зимой-весной 1721 г., на этапе между первой миссией Кампредона в Санкт-Петербург и началом ништадского конгресса. Здесь и обеспокоенность претензиями на престол со стороны герцога Голштинского в связи с его планами женитьбы на дочери Петра; и попытки выстроить альтернативные комбинации; и надежды вернуть, хотя бы в какой-то форме, прибалтийские провинции через одну из таких комбинаций. Не случайно шведские историки, специально

²¹³ Реляция Шлейница Петру I от 10/21 марта 1721 г. АВПРИ. Ф. 93. Оп. 93/1. 1721 г. Д. 14. Л. 88.

²¹⁴ Шлейниц — Шафирову, б.д. АВПРИ. Ф. 93. Оп. 93/1. 1721 г. Д. 14. Л. 139.

²¹⁵ Реляция кн. В.Л. Долгорукова Петру I от 10/21 марта 1721 г. АВПРИ. Ф. 93. Оп. 93/1. 1721 г. Д. 7. Ч. 1. Л. 73.

рассматривавшие этот эпизод на основании шведских и немецких источников, писали о нем как о «гессенской альтернативе» — о вполне серьезной попытке короля Фредрика и его отца парировать таким образом голштинскую угрозу²¹⁶. Более того, в Европе довольно скоро начинают циркулировать слухи об этом или подобных проектах. Как писал Куракину его корреспондент из Гамбурга, там «уже давно видели некоторый проект ко учинению мира с царем и к приведению притом наследства короны шведской на гесен касельской дом, и чают что оной сочинен от такого человека, который бы охотно то видел, и понеже он никакого успеху не получил, то другой проект явился». Согласно первому из проектов, король Швеции предлагал царю мир и брак принца Георга с одной из царевен «с уступкою Лифляндии оному принцу и его наследникам». Вполне возможно, что это как раз отзвук проекта Сент-Илера или одной из его реинкарнаций. Согласно другому проекту, шведские сословия объявят Георга наследником престола; Кампредон предложит Петру брак Георга с царевной; царь вернет Швеции все завоевания, кроме Нарвы и Петербурга; а Георг пока будет сделан «вицeroем» Лифляндии²¹⁷.

Увы, хотя в донесениях в Санкт-Петербург Шлейниц и намекает на перспективность данного проекта, как-то обнадежить вышедшего на него гессен-кассельского министра весной 1721 г. он не мог. Дело в том, что еще в конце января он получил рескрипт от Петра — ответ на предложения Сент-Илера. Оказывается, Шлейниц ранее уже пересылал их государю, а кроме того, сам авантюрист еще осенью 1720 г. направил их царю напрямую из Стокгольма²¹⁸. Реакция монарха на них, однако, была весьма неблагоприятная. Шлейницу было поручено сообщить авантюристу, что Петр не только «приемлет сей проект за основанной на идеях зело противных его намерениям и интересам, и об оном никакого разсуждения не чинит», но и впредь «подобными пропозициями инкомодован быть не хочет». Более того, Сент-Илер уведомлялся, что ему запрещалось впредь вести какую-либо корреспонденцию с царем, в том числе и через посредство Шлейница²¹⁹. В конце марта, еще до того как направленный

²¹⁶ Wensheim G. Studier kring freden i Nystad. Lund: C.W.K. Gleerup, 1973. P. 189–195. Пользуясь случаем, искренне благодарю Я.И. Ларину за помощь в ознакомлении с этим текстом.

²¹⁷ Сообщение Куракину из Гамбурга, 15 апреля 1721 г. АВПРИ. Ф. 50. Оп. 50/1. 1721 г. Д. 5. Л. 203 об.–204 об.

²¹⁸ Реляция Шлейница Петру I, 20/31 января 1721 г. АВПРИ. Ф. 93. Оп. 93/1. 1721 г. Д. 14. Л. 22.

²¹⁹ Шлейниц — Сент-Илеру, конец января 1721 г. АВПРИ. Ф. 93. Оп. 93/1. 1721 г. Д. 14. Л. 26–26 об.

им разбор Сент-Илерова проекта достиг царя, указание «коррешпонденции не иметь» с французом получил и Куракин²²⁰. К сожалению, на этом следы авантюриста обрываются: о его дальнейших похождениях нам пока ничего не известно.

Шпионы и информаторы

После ознакомления с похождениями Сент-Илера у современного читателя, как кажется, не может не возникнуть вопрос: а был ли наш авантюрист шпионом — тем более, что в определенные моменты его в этом прямо подозревали? Говоря шире, что означало быть шпионом в контексте того времени — и как вообще были устроены каналы сбора и перепроверки информации? Речь здесь не только о том, кем был или не был Сент-Илер, но и о том, как в принципе мог Петр получить сведения о прошлых и о текущих интригах авантюриста, как мог он проверить те истории, которые рассказывали о себе поступающие к нему на службу иностранцы или состоящие у него на службе природные русские подданные?

До некоторой степени, разумеется, функционирование каналов получения информации в ту эпоху видно уже из материала предыдущих глав. Бросается в глаза, что и российские дипломатические представители за рубежом, и министры в Санкт-Петербурге активно выстраивают механизмы сбора различных сведений в других странах. С одной стороны, каналы эти децентрализованы: каждый посол или министр, по мере своих сил, создает вокруг себя сеть информаторов, о которых в большинстве случаев не сообщает правительству, в том числе и из соображений конспирации. Нередко такой агент является личным клиентом соответствующего посла или министра и работает в первую очередь на него, а уж затем (возможно) на монарха или на абстрактное государство. Разумеется, эти отношения вовсе не обязательно формализованы как наем или вербовка — они могут носить характер светского знакомства, родственных отношений, патронажа. Благодаря им внутри общей системы государственной службы и циркуляции информации выделяются частные сети, построенные по патрон-клиентскому принципу. Получение информации через такие сети надежных «друзей» и есть главная гарантия ее достоверности. Наоборот, все что выдавалось за пределы таких сетей, вовне, государю, следует воспринимать осторожно: информация эта препарировалась и подавалась с учетом интересов соответствующих патронов. Никакой единой системы

²²⁰ Реляция кн. Б.И. Куракина Петру I, 24 марта/7 апреля 1716 г. АВПРИ. Ф. 50. Оп. 50/1. 1721 г. Д. 5. Л. 132 об. — 133.

учета агентов и информаторов не существовало, как не было и системы аккумуляции получаемых от них сведений. Определенную роль тут играла, конечно, и политическая ревность, соперничество между послами и министрами: они стремились быть эксклюзивными поставщиками информации государю, иметь возможность манипулировать ею. С другой стороны, как хорошо известно, как раз в эти годы отдельные российские послы и резиденты начинают постепенно выстраиваться в единую сеть, обмениваясь друг с другом получаемой информацией, причем важнейшую координирующую роль здесь играет кн. Б.И. Куракин. Характерно, что его конкуренты, такие как П.П. Шафиров, прямо воспринимают это как угрозу для себя.

На самом базовом уровне политическую, дипломатическую, экономическую информацию в стране своего пребывания собирали сами послы. Источники ее они, конечно, не сообщают, однако можно встретить фразы, призванные указать на надежность полученных сведений, на наличие конкретного информатора, а не просто слухов. «Все те ведомости сказывал человек ведущей, и которому, как видится, мочно веру нять», — пишет кн. В.Л. Долгоруков²²¹. «Третьего дня мне сообщено от знатной и верной персоны, что в Швеции приуготовления есть от 24 тысяч перевозить войска на сю сторону которые имеют маршировать в Польшу», — докладывает кн. Б.И. Куракин²²². «Уведомлен я от некоторой персоны, что при дворе аглинском ...»²²³; «уведал уже чрез персон знатных, что король аглинской х королю шведому писал в таких терминах»²²⁴, — сообщает он же. Людвиг Ланчинский, представляющий Россию в Вене, пишет кн. Б.И. Куракину, что узнал о его поездке в Париж «не только по ведомостям публичным, но и от одной персоны дому принца Эвгения [Савойского]»²²⁵, и т.д.

Помимо сбора сведений в стране пребывания, дипломаты стараются находить информаторов и в тех странах, где российские представители отсутствуют: прежде всего в Швеции, с которой идет война, но

²²¹ Реляция кн. В.Л. Долгорукова, 2 июня 1721 г. АВПРИ. Ф. 93. Оп. 93/1. 1721 г. Д. 7. Ч. 1. Л. 178–178 об.

²²² Реляция кн. Б.И. Куракина, 8/29 марта 1720 г. АВПРИ. Ф. 50. Оп. 50/1. 1720 г. Д. 5. Ч. 2. Л. 314.

²²³ Реляция кн. Б.И. Куракина, 25 марта/6 апреля 1720 г. АВПРИ. Ф. 50. Оп. 50/1. 1720 г. Д. 5. Ч. 2. Л. 318–318 об.

²²⁴ Реляция кн. Б.И. Куракина, 25 апреля/6 мая 1721 г. АВПРИ. Ф. 50. Оп. 50/1. 1721 г. Д. 5. Л. 242.

²²⁵ Ланчинский — кн. Б.И. Куракину, 8 января 1724 г. ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. «С». Д. 41. Л. 1.

в определенные моменты также и в Англии, в частности, в период обострения отношений с ней в 1720–1721 гг. Деятельность российских агентов в Швеции в последнее время рассматривалась в специальных работах²²⁶, поэтому здесь можно ограничиться лишь самыми общими соображениями на основании бумаг все того же Б.И. Куракина за 1720–1721 гг., когда в Швеции находился интересующий нас Сент-Илер. Сбор такой информации прямо входит в обязанности Куракина: хотя он и является послом в Гааге, весной 1721 г., например, ему поручено Петром «розведывать о подлинном намерении двора аглинского»²²⁷.

Во-первых, из переписки видно, что посол собирает информацию, как открытую, так и конфиденциальную, поступающую из интересующих его стран к другим лицам. «Почта аглинская пришла», — пишет он царю и пересказывает сообщаемые из Лондона новости²²⁸; «из Франции письма объявляют», и т.д.²²⁹ Здесь, скорее всего, речь идет о своего рода рукописных газетах, которые составляли важнейший элемент информационной среды того времени: распространявшиеся по подписке, сообщения эти таким образом избегали цензуры и во множестве отложились в архивах ведущих европейских сановников. Особенно важную роль они играли во время войны, когда получение информации напрямую из той или иной страны было затруднено. Например, в годы Войны за испанское наследство английские министры регулярно получают такие «письма» из Парижа и из Мадрида, часто пересылаемые к ним через Нидерланды. Возможно, впрочем, что речь идет и просто о письмах к частным лицам, содержание которых сразу же становится известным всему городу. Вместе с тем мы видим, что русский посол имеет доступ к такому, например, источнику, как донесения, направляемые своему правительству из Стокгольма голландским резидентом в Швеции Румпфом²³⁰. Получал ли их Куракин благодаря

²²⁶ Ларина Я.И. Нелегалы Его Величества. Как создавалась разведка при Петре I // Родина. 2017. № 7. С. 122–125; Рогожин А.А. Тайные агенты русского правительства в Швеции в 1719–1721 годах // Труды Седьмой Международной научно-практической конференции 18–20 мая 2016 года. Часть IV. СПб.: ВИМАИВиВС, 2016. С. 405–416.

²²⁷ Реляция кн. Б.И. Куракина, 15/26 апреля 1720 г. АВПРИ. Ф. 50. Оп. 50/1. 1720 г. Д. 5. Ч. 2. Л. 374.

²²⁸ Реляция кн. Б.И. Куракина, 11/23 апреля 1720 г. АВПРИ. Ф. 50. Оп. 50/1. 1720 г. Д. 5. Ч. 2. Л. 362.

²²⁹ Реляция кн. Б.И. Куракина, 1/12 апреля 1720 г. АВПРИ. Ф. 50. Оп. 50/1. 1720 г. Д. 5. Ч. 2. Л. 323.

²³⁰ Например, приложение к реляции кн. Б.И. Куракина, 8/29 марта 1720 г. АВПРИ. Ф. 50. Оп. 50/1. 1720 г. Д. 5. Ч. 2. Л. 313–313 об.

особым личным отношениям с кем-то из чиновников или же с согласия самого голландского правительства, непонятно, но так или иначе копии доношений этих он регулярно переправляет Петру.

Во-вторых, Куракин выстраивает сеть собственных информаторов. Мы помним, что во время охоты за Сент-Илером французских консулов в Италии в 1713 г. упоминалось, что один из них смог привлечь к сотрудничеству «генуэзца, секретаря агента эрцгерцога», у которого есть «*bonnes correspondances*» в Неаполе. Этим же термином — корреспонденты — пользуется и Куракин, у которого тоже есть множество собственных «коррешпондентов». Как правило, понять, кто именно эти корреспонденты и каков может быть их статус, из донесений Куракина нельзя; неясно, и откуда берут корреспонденты сообщаемые ими сведения. Например, в апреле 1721 г. информатор Куракина в Лондоне сообщает, что именно сказал, выходя из королевского кабинета, шведский посол сардинскому посланнику²³¹. Значит ли это, что корреспондент занимает настолько высокий пост, что присутствовал при данном эпизоде? Или же он лишь пересказывает слухи?

Иногда, впрочем, Куракин свои источники все же называет — разумеется, шифром: о том, что «двор аглинской дал указ адмиралу Норису отаковать флот Вашего величества», посол узнал «от посла гишпанского марки[за] Монтелиона, которой в Англии был до разорвания мирного, и имеет добрую корреспонденцию, и человек искусной в делах, которому веру могу ять»²³². Таким образом, здесь Куракин опирается на контакты дружественного ему испанского дипломата, у которого осталась в Лондоне обширная сеть «друзей» среди политической элиты. Многие из них, очевидно, считают нужным информировать бывшего испанского посла по каким-то своим соображениям — например, в силу симпатий к якобитам или несогласия с политикой нынешнего кабинета. У маркиза, в свою очередь, есть какие-то свои причины делиться информацией с Куракиным. Другой вопрос, насколько она надежна и достоверна: Куракин здесь вынужден полагаться на свое субъективное суждение о маркизе — «человек искусной в делах, которому веру могу ять». Примечательно, что в январе 1721 г. посол пишет царю: «Что же принадлежит до установления коррешпондента в Англии, и хотя у меня некоторые есть, однако

²³¹ Сообщение «Из Лондона 4 апреля» 1721 г. АВПРИ. Ф. 50. Оп. 50/1. 1721 г. Д. 5. Л. 178.

²³² Реляция кн. Б.И. Куракина, 11/23 апреля 1720 г. АВПРИ. Ф. 50. Оп. 50/1. 1720 г. Д. 5. Ч. 2. Л. 362.

ж з денежною дачею вернее и лутче сыскать могу»²³³. Отсюда можно понять, что во-первых, их у него их в Англии несколько; во-вторых, что он целенаправленно работает над расширением их сети; в-третьих, что некоторые из них, возможно, работают не за деньги — можно предположить, что переписка с Куракиным может носить для них характер светского общения, или же они надеются получить какие-то ответные услуги от дипломата; и, наконец, в-четвертых, что платные корреспонденты кажутся послу более надежными.

Кроме того, в арсенале Куракина есть и такой инструмент, как посылка специальных агентов. Весной 1721 г., когда на Балтику в очередной раз снаряжается эскадра Норриса, Куракин сообщает, что, помимо сбора информации через своих обычных корреспондентов, он «отправил в Англию одного англичанина, якобита названного Шмит, и велел ему быть на карауле той эскадры», т.е. отслеживать, когда она выйдет в море, «а другова человека для такой же посылки приискиваю»²³⁴. Самое подробное описание приемов такой агентурной работы Куракин дает как раз в июне 1720 г., в самый разгар Сент-Илеровых приключений в Швеции в связи с делом еще одного агента, некоего барона Войновича: «что ж касаетца до коррешпондентов, чрез которых шла коррешпонденция в Швецию к посланным от меня и от них ко мне, и оные есть те первой в Гамбурге Гиз, под которого адресом все письма посылались, второй Гофман в Кенигсберге <...> отправлены от меня в ноябре и в декабре осенью две персоны в Швецию, один француз из морских офицеров Виллес, другой голландец порутчик морского флота Петер Дезоу. И с того числа как поехали, ни одного письма от них не имелось, и не знаю где они обретаются, или что над ними учинилось, и опасаяся, что ежели двор шведской тех помянутых коррешпондентов, под чьими конвертами посылались письма, сведал, то все письма переяты и оные персоны посланные будут арестованы»²³⁵.

Иными словами, мы видим, что в Швецию засланы два секретных агента из числа безработных иностранных офицеров, для переписки с которыми используются два корреспондента-посредника, в Гамбурге и Кенигсберге, тоже иностранцы. Агенты должны сообщать новости не

²³³ Реляция кн. Б.И. Куракина, 10/21 января 1721 г. АВПРИ. Ф. 50. Оп. 50/1. 1721 г. Д. 5. Л. 20.

²³⁴ Реляция кн. Б.И. Куракина, 11/22 апреля 1721 г. АВПРИ. Ф. 50. Оп. 50/1. 1721 г. Д. 5. Л. 191 об.

²³⁵ Реляция кн. Б.И. Куракина, 31 мая/11 июня 1720 г. АВПРИ. Ф. 50. Оп. 50/1. 1720 г. Д. 5. Ч. 2. Л. 420–421 об.; о Войновиче см. также: *Рогожин А.А. Указ. соч. С. 407–408.*

напрямую Куракину, а этим резидентам, которые будут передавать их послу, и наоборот. Такая переписка через адреса посредников, или даже пересылка посланий от их имени («под конвертом» или «под адресом»), была обычным делом; в качестве посредников могли использоваться, например, купцы, которые вели с российским правительством торговые или финансовые дела и поддерживали обширную международную переписку; получение и отправление ими самых разных сообщений, в том числе и с новостями, не вызвало бы подозрений. Подобные предосторожности, разумеется, были нелишними. Так, Куракин замечает, что направляемые на его адрес письма стали приходить распечатанными: «Того для не признаю инаково, что сие чинится в землях ганноверских, того ради доношу чтоб письма посылаемы были осторожнее»²³⁶.

Наконец, не чужды были русские дипломаты этого времени, в том числе и Куракин, и откровенно силовых спецопераций. Одной из самых ярких — и наиболее хорошо изученных — из них были неудачные попытки поймать отказавшегося возвращаться на родину резидента в Вене Авраама Веселовского, а затем и столь же неудачные попытки вывезти в Россию его брата Федора, представлявшего Российскую империю в Лондоне. История этой операции подробно описана Д.О. Серовым; если в Германии для поимки Авраама была создана специальная боевая группа из наемников — отставных немецких офицеров²³⁷, то в Англии на поимку Федора, скрывшегося от приехавшего ему на смену резидентом М.П. Бестужева, предполагалось разослать российских «учеников [в Англии] обретающихся, которые искусны языку аглинскому, по всем причинным местам»²³⁸. Как именно представляли себе русские дипломаты арест Веселовского на территории Англии в юридическом отношении, неясно: по сути, речь шла о похищении. Как кажется, Бестужев должен был арестовать его своей властью, «именем своего характеру по ордину Его царского величества», а местным властям объявить, что Федор задержан по претензии в казенных деньгах на сумму в 16 тыс. ефимков. Примечательно, что особое внимание уделялось долгам Веселовского: Бестужев должен был сразу же официально взять их на себя, чтобы кредиторы арестованного резидента не помешали через суд его

²³⁶ Реляция кн. Б.И. Куракина, 16/27 декабря 1720 г. АВПРИ. Ф. 50. Оп. 50/1. 1720 г. Д. 5. Ч. 2. Л. 587 об.

²³⁷ Серов Д.О. Строители империи: Очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1996. С. 137–139.

²³⁸ Реляция кн. Б.И. Куракина, 8/19 ноября 1720 г. АВПРИ. Ф. 50. Оп. 50/1. 1720 г. Д. 5. Ч. 2. Л. 566 об., 570.

вывозу на родину²³⁹. Из этого же эпизода, кстати, видны и некоторые методы обращения с дипломатическими шифрами. После бегства Веселовского Куракину были велено их сменить, если шифрами, использовавшимися для переписки с Веселовским, он пользовался и в общении с какими-то другими дипломатами или с Коллегией иностранных дел. Но, как поясняет посол, для переписки с каждым из коллег у него были особые шифры, а «коллежский» шифр знали только двое находящихся при нем подъячих — причем шифровальные таблицы он хранил у себя, а им выдавал только на время, для зашифровки или расшифровки корреспонденции²⁴⁰.

На фоне этого обзора методов сбора информации, а говоря по-просту, разведывательной деятельности, более понятным становится довольно загадочное письмо, также находящееся в относящейся к Сент-Илеру подборке документов в РГАДА (документ 56). Отправленное из Амстердама и датированное 29 января 1717 г., послание это прямо погружает нас в мир шпионажа начала XVIII в.: перед нами довольно редкий по своей откровенности пример переписки куратора со своим тайным агентом. Автор упрекает получателя за разглашение некоей конфиденциальной информации («в городе, чуть ли не на всех углах о таком судачат, о чем мало кому из своих до сих пор известно было»), а проезжавший через Любек капитан А.И. Румянцев, пользовавшийся большим доверием Петра, «даже не догадывался, что Вы состоите на службе Его царского величества». Автор напоминает адресату о его задании: «для чего Вас собственно ангажировали: приискать верного человека в Швеции, в Стокгольме, чтобы он присылал Вам надежные реляции обо всех тамошних событиях». «Если Вы желаете оставаться на царской службе, то потрудитесь, сударь, обещания свои по этому делу исполнить», давит он на своего агента. Более того, уже полученная от агента информация его не устраивает: «Сведения, добытые Вами о шведском министре бароне Герце, — ложь и выдумка. Заверяю Вас также, сударь, что Его царское величество ни о каком особом мирном договоре не помышляет, и менее всего в связи с Герцем»²⁴¹. Как мы знаем, на самом-то деле именно в это время Его царское величество как раз очень даже помышлял о мирном договоре, и именно в связи

²³⁹ Копия писем кн. Б.И. Куракина М.П. Бестужеву, 21 октября/1 ноября и 22 ноября/3 декабря 1720 г. АВПРИ. Ф. 50. Оп. 50/1. 1720 г. Д. 5. Ч. 2. Л. 561, 572–573.

²⁴⁰ Реляция кн. Б.И. Куракина, 10/21 мая 1720 г. АВПРИ. Ф. 50. Оп. 50/1. 1720 г. Д. 5. Ч. 2. Л. 405–405 об.

²⁴¹ РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 7. Л. 61–62 об.

с Герцем: очевидно, что куратор или сам не в курсе дел, или сознательно дезинформирует агента.

Автор письма неизвестен: он подписался лишь как «фон С.» (*von S.*). Можно было бы подумать, что это фон Шлейниц, но почерк, которым сделана подпись, совершенно не похож на подпись дипломата. Кому адресовано письмо, также неизвестно. Если дата письма верна, то маловероятно, чтобы адресатом был Сент-Илер: автор отвечает на письма, полученные им из Любека, а там француз находится в конце 1716 — начале 1717 г. никак не мог. Кроме того, письмо написано на немецком, а о том, что француз владел этим языком, нам ничего не известно. Учитывая упоминания о мирных переговорах с участием Герца, можно было бы предположить, что на самом деле речь идет о начале 1718 г.²⁴², — тогда причастность к этому эпизоду Сент-Илера выглядела бы несколько более вероятной.

Как и почему это письмо оказалось среди относящихся к Морской академии документов, неясно. Во всяком случае, оно показывает, как тесно были переплетены авантюра и шпионаж: если Сент-Илер и не был русским агентом (в чем его, напомним, подозревали летом 1720 г. шведы), то вполне мог им быть или близко соприкасался с такими агентами и их кураторами. Именно на конец 1710-х приходится всплеск русской разведывательной активности в Швеции: на фоне Аландского, а затем Ништадского конгрессов Петр пытается оценить настроения в шведском обществе, состояние финансов, армии и флота, способность королевства продолжать войну в целом. Именно в этот период, как показали недавно Я.И. Ларина и А.А. Рогожин и как это видно из цитировавшийся выше переписки кн. Б.И. Куракина, в Швецию направляется целый ряд агентов из числа иностранцев, обычно сомнительного происхождения и статуса; в их число входит и наиболее успешный, вероятно, агент и известный прожектор Генрих Фик. Упоминаемый в письме Любек был одной из узловых точек, через которые проходили коммуникации с этими агентами. Примечательно, что проезжавший через этот город А.И. Румянцев не знал о статусе агента: еще одно напоминание о децентрализованности разведывательной сети, о том, что Сент-Илер или любое другое лицо мог быть шпионом, оставаясь в глазах большинства окружающих авантюристом — мошенником или просто предателем. И так или иначе, даже если

²⁴² Во всяком случае, именно в начале января 1718 г. Лави сообщает о слухах о сепаратном мире, заключенном Петром со Швецией. См.: Фейгина С.А. Аландский конгресс... С. 201.

Сент-Илер и не был агентом, то его переписка со Шлейницем из Стокгольма вполне вписывается в роль «корреспондента».

Вместе с тем неотъемлемой чертой этого мира шпионских интриг и тайной переписки была, конечно, и ненадежность получаемой информации, обилие слухов и догадок, когда все подозревали всех, а любой приезжий мог оказаться и шпионом, и самозванцем, и тайным дипломатическим агентом. «Курьер английский, который под лицом купеческим здесь паспорт к послу английскому в Константинополе и инструкцию пред некоторым временем провез, по которой он турков на войну против Его царского величества и кесаря подводил, в поворот свой в купеческом же лице на венгерской границе арестован», — доносил из Вены Людвиг Ланчинский: в отнятых у тайного курьера депешах оказались «много злостных ков»²⁴³. Вскоре, правда, он должен был признать, что узнал обо всем этом лишь по «в публике бывавшему разглашению», «но после того оказалось, что у него никаких депеш не отнято»: курьера лишь поддержали под арестом за получение паспорта обманом и отпустили²⁴⁴. «Ежели то правда, не могу обнадежить, понеже сии новины весьма противны тем, как я с прошлых почт доносил <...> сии новины есть противны одна другой находятся», — оговаривается кн. Б.И. Куракин по поводу одного из своих донесений²⁴⁵. Чем эксклюзивнее информация, тем сложнее ее проверить: «Я от своего корреспондента о нижепоследующих новинах из Англии, ни [нидерландские Генеральные] статьи от своего министра, ни другие кто из знатных получили, но едина персона сообщила мне вечер ту ведомость», — пишет он по поводу известий о содержании последнего письма английского короля к шведскому²⁴⁶. Из этого письма мы еще раз видим и весь набор доступных князю источников: это его личные «коррешпонденты»; новости, получаемые голландским правительством, к которым он имеет доступ; другие «знатные» вельможи в Гааге, имеющие свои каналы получения информации из-за рубежа.

Наконец, дипломаты не только собирают информацию, но и вполне целенаправленно манипулируют ею. Не секрет, что уже в этот период российские послы активно стремятся влиять на европейскую

²⁴³ Ланчинский — кн. Б.И. Куракину, 9 февраля 1726 г. ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. «С». Д. 42. Л. 58.

²⁴⁴ Ланчинский — кн. Б.И. Куракину, 26 февраля 1724 г. ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. «С». Д. 42. Л. 83.

²⁴⁵ Реляция кн. Б.И. Куракина, 8/19 апреля 1720 г. АВПРИ. Ф. 50. Оп. 50/1. 1720 г. Д. 5. Ч. 2. Л. 343.

²⁴⁶ Реляция кн. Б.И. Куракина, 22 апреля/3 мая 1721 г. АВПРИ. Ф. 50. Оп. 50/1. 1721 г. Д. 5. Л. 231.

прессу — опровергают неблагоприятные для России публикации, иницируют «правильное» освещение российской политики. 5/16 апреля 1720 г., например, Куракин отчитывается о мерах, принятых им в связи с сообщениями в газетах, будто бы российские представители предложили цесарю медиацию в мирных переговорах между Россией и Швецией: опровержение уже «отдано в газеты напечатать»²⁴⁷. В других случаях реакция могла быть и более жесткой: несколько месяцев спустя тот же Куракин докладывает, что ему удалось добиться от местных властей запрета на профессию для неугодного России издателя — «на роттердамского газетера сатисфакция учинена, и оному заказано вовсе печатать газеты»²⁴⁸. Дипломаты могли, разумеется, и вполне сознательно создавать фальшивые сообщения, для того чтобы ввести в заблуждение контрагентов или скрыть свои источники. Так, получив сообщение от своего корреспондента, «[с]ведущего» человека, кн. В.Л. Долгоруков изложил эту информацию в фальшивом письме и с ним отправился к Дюбуа: «Чтоб он не помнил на того, кто то сказал, написал я письмо цифрами, которого здесь копия вложена, якобы то письмо писано ко мне из Лондона, и то письмо показал ему»²⁴⁹.

Более того, в ряде случаев единственным источником информации для правительства оказывались прямо доносы или, скажем аккуратнее, сообщения доброхотов, которые составлялись такими же авантюристами и искателями приключений, как сам Сент-Илер (разумеется, именно из их числа и рекрутировалась большая часть агентов вообще). Тексты эти — и в частности, большинство доступных нам описаний, обличающих и разоблачающих авантюристов, — были составлены в контексте жесткой политической или придворной конкуренции и должны восприниматься именно как таковые. Именно это объясняет, до некоторой степени, почему, с одной стороны, авантюристы зачастую могли быть маркированы как таковые уже в описаниях современников, а с другой, они продолжали действовать как ни в чем не бывало, не вызывая однозначного отторжения современников.

Возьмем, например, графа Матвеева, который, по его словам, знал о прошлом Сент-Илера, о его «славных таких делах, которые можно разве

²⁴⁷ Реляция кн. Б.И. Куракина, 5/16 апреля 1720 г. АВПРИ. Ф. 50. Оп. 50/1. 1720 г. Д. 5. Ч. 2. Л. 338.

²⁴⁸ Реляция кн. Б.И. Куракина, 9/20 августа 1720 г. АВПРИ. Ф. 50. Оп. 50/1. 1720 г. Д. 5. Ч. 2. Л. 485.

²⁴⁹ Реляция кн. В.Л. Долгорукова, 2 июня 1721 г. АВПРИ. Ф. 93. Оп. 93/1. 1721 г. Д. 7. Ч. 1. Л. 178–178 об.

в сумерках, а не пред солнцем объявлять», но почему-то не поспешил разоблачить француза, пока между ними не разгорелся конфликт. Примечательно, что осенью 1714 г., как раз накануне приезда Сент-Илера, Петру поступил из Вены донос на самого Матвеева²⁵⁰. Как уверял русского государя по-французски «ревностный в искренней склонности к славе Вашего величества» анонимный доброхот, Матвеев полностью провалил свою миссию в Вене из-за неумения вести себя в приличном обществе, постоянных ссор с императорскими министрами и с другими иностранными дипломатами, с которыми он спорил из-за титулатуры, а также «говорил бранные слова о народах и особах». Виной всему была невоздержанность Матвеева в питии: «погрешения его обычая нелюдского приписуемо есть рюмкам вина, которое скоро голову его разогревает, к тому ж происходит сие от безмерного его славолубия». В итоге «повседневными своими скотствами» Матвеев якобы сделал себя парией в венском обществе: хотя его еще и приглашают на званые обеды, но многие уже избегают приемов с его присутствием, «дабы отдалиться от позора его». В частности, принц Евгений Савойский «уже весьма от него устал, говоря что он больше не хочет с ним дела делать», потому что Матвеев «говорит поносные речи об особе» принца. Матвеев также «дерзнул <...> выговаривать господину генералу Боневалю, фавориту онаго принца». Речь идет о том самом графе Клоде Александре де Бонневале (1675–1747), который на тот момент еще находится на императорской службе (и по слухам, является любовником Евгения Савойского), но вскоре сбежит в Османскую империю и прославится там как Ахмад-паша, реформатор артиллерии и создатель технических школ; позднее о своих константинопольских встречах с ним напишет сам Казанова. Матвеев таким образом оказывается связующим звеном между этим ярчайшим авантюристом эпохи и Сент-Илером.

Дальше — больше: оказывается, Матвеев влез в неоплатные долги, поскольку «блядка его коштует ему больше 12 000 гульденов в год». Дама эта, «звоямая Шперлинх (*sa putaine nomée Sperlinch*), дочь лакея венского урожденного шведа», который украл 10 тыс. гульденов у своего хозяина и сбежал, уже больше года живет в доме Матвеева вместе со своей так называемой «матерью» — под одной крышей с законной женой посла. «Блядка» эта не только ввела посла в долги, но и «лучших его (господина Матвеева) товарищей выбрала», представив ему трех подозрительных типов, господина Люкаре (*Luesquarer*) из Кельна, полковника

²⁵⁰ Тексты доносов и переводы см. в: РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1714 г. Д. 10. Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. 9. С. 69–70.

Такона (*Tasson*) и неаполитанца дона Микеля Сардано. Примечательно, что «все трое сказываются быть великими конфидентами графа Стелла» — т.е. того самого Рокко Стелла, фаворита императора, который упоминался и как предполагаемый покровитель Сент-Илера! Матвееву обещали, что эта троица обеспечит ему содействие фаворита в делах, но тот только тянет время и тормозит решение вопросов.

Верховодит всей этой кампанией, однако, другой проходимец: Матвеев приблизил к себе «некоего зовомого барон фрон Виль (*baron de Fronville*), которой сам себя бароном окрестил». Этот самозванный барон родился во Франции или в Лотарингии, «ведомо что он сын есть шарлатанской, или рыночного продатчика лекарств»; «прежде сего был он мошельником в Париже, а потом лазутчиком французским при польском дворе, говорит он и по-польски», а затем «вмешался в корреспонденцию с Рагоцием²⁵¹, но усмотря, что хотели его изловить, он ушел». В общем, отец проходимца «не умел исправить никакого зачатого ремесла, а годен он виселицы». Сын, разумеется, не уступает отцу: будучи доверенным человеком Матвеева, Фронвиль одновременно «конфидент есть тайной министра шведского резидующего при здешнем дворе» и действует согласно с «реченною блядкою» Шперлинх. Меж тем Матвеев якобы прочит его в свои преемники («тот человек есть, которого господин Матвеев произвел на свое место, чтобы быть ему министром, и слово ему дано уже») или же, как вариант, предлагает создать специально для него должность «банкира резидента или царского агента» в Вене (а на самом деле «есть только сие чтоб доставить Шперлинге, инакож метресе господина Матвеева, знатной подарок, яко же и курважной матери той красавицы, которые обе две прямые каналы суть»). Итак, Матвеев, обличавший, как мы помним, мнимого барона де Сент-Илера, якобы подпал в Вене под влияние совершенно такого же самозванца — и пытался устроить его на русскую службу.

Проверить достоверность этих доносов нам, конечно, трудно, как трудно было бы проверить их достоверность и Петру. С.М. Соловьев предполагал в свое время, что за доносом этим стоит саксонское посольство в Вене: еще летом 1714 г. Матвеев получил известие о своем переводе послом в Польшу, и правительство короля Августа II могло быть заинтересовано в том, чтобы сорвать это назначение²⁵²; и действительно, как известно, оно не состоялось — вместо нового посольства

²⁵¹ То есть Ференц II Ракоци (1676–1735), князь Трансильвании и глава антигабсбургского восстания в Венгрии.

²⁵² Соловьев С.М. История России с древнейших времен... Кн. 9. С. 69.

Матвеев вернулся в Россию, причем поначалу никакого назначения не получил и лишь позднее стал президентом Морской академии, да и то без жалованья. Примечательно, что второе письмо по этому вопросу из Вены, пришедшее в декабре того же года, выражает, как можно понять, удовлетворение отказом царя назначать таких дипломатических представителей, как Фронвиль («с удовольствием уведомились, что творение посланника таковым образом у вас не опробовано есть»).

Вне зависимости от степени достоверности этой информации конкретно в случае Матвеева, нетрудно заметить, что вообще среди приближенных Петра не много нашлось бы таких, кто бы не пил неумеренно (в том числе до «скотства»), не имел бы метрес и долгов и не был бы тщеславен. Более того, предлагаемое в доносе описание прегрешений Матвеева — это во многом описание нормального, даже необходимого для человека в его статусе поведения. Упрямые, до скандалов и разрывов, споры о титулатуре (как и обвинения России в «неуместности» подобных споров) были обязательным элементом дипломатических сношений в этот период и неотъемлемой частью усилий России по утверждению своего международного статуса²⁵³. Огромные долги, с которыми Матвеев действительно вернулся из Вены, были неизбежным следствием пребывания на дипломатической службе, поскольку содержать себя соответственно высокому званию посла и вести светский образ жизни на государево жалованье было решительно невозможно (это относилось, кстати, не только к российским дипломатам, но и к западноевропейским). Точно так же абсолютной необходимостью для посла было и общение с сомнительными персонажами, подобными тем, которые красочно описаны в доносе: именно среди них или с их помощью приискивались информаторы и агенты.

Дело, однако, не в том, насколько каждое из содержащихся в доносе обвинений отражает какую-то реальность: вероятно, мы не ошибемся, предположив, что в какой-то степени отражает. Под самый конец петровского царствования граф Матвеев окажется среди «героев» очередного доноса о лихоимстве в верхах, который грозил вылиться в самое масштабное следственное дело о коррупции той эпохи, — спасла фигурантов лишь смерть государя²⁵⁴. Дочь графа, по слухам, вскоре станет любовницей самого Петра; ее сын, прославленный генерал П.А. Румянцев, едва ли не официально признавался в XVIII в. за царского бастарда. Существеннее, что пьянство, любовницы, долги и тщеславие,

²⁵³ См. об этом: *Hennings J. Russia and Courtly Europe: Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648–1725. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.*

²⁵⁴ *Серов Д.О. Указ. соч. С. 8–92, 22–23.*

приписываемые здесь конкретно Матвееву, составляют неотъемлемые атрибуты обобщенного, олитературенного образа человека, подверженного «страстям» и неспособного владеть собой, а потому и негодного к государственным делам. Характерно здесь упоминание графа Стелла: с одной стороны, вполне вероятно, что и Матвеев, и Сент-Илер действительно так или иначе общались с ним; но с другой, он здесь явно предстает и как имя нарицательное, как архетипический фаворит, который покровительствует мошенникам, потому что он и сам мошенник. Вопрос поэтому состоит скорее в том, как и когда эти элементы описательного шаблона актуализируются, когда указание на рутинные, в общем-то, реалии начинает и в самом деле восприниматься окружающими как убедительное обвинение, за которым должны последовать какие-то действия.

И действительно, подобные формульные обвинения мы находим практически в каждом доносе. В феврале 1714 г. анонимный же доброхот (на этот раз из русских) сообщал царю, что его агент в Англии Федор Салтыков, прибыв в Лондон, «не мог ниже трех месяцев удержать своею тщеславною глупостию на нем положенного дела тайно. В неколикое время по прибытии своем в Лондон зделал он банкет про нечестных жен, на котором банкете показал свою магнифисансию и объявил свой характер и свое дело, и тако многие корабли были остановлены». Разумеется, он также содержит метресу, «которая ему больше коштует втрое, нежели ево жалованье»²⁵⁵.

Точно так же Анри Лави сообщает осенью 1714 г., что Сент-Илер не только «умом гибок и проницателен, легко раскрывает секреты, свои и чужие», но и «чрезмерно охоч до женского пола, чувствителен к лести и не брезгует вином»; сам Сент-Илер год спустя практически зеркально воспроизводит этот же набор обвинений в адрес самого Лави. Вообще, морской комиссар был и в самом деле похож на Сент-Илера: негоциант из Бордо, он был выдворен в 1701 г. из Англии за попытку организовать контрабанду свинца. После разорения семейного бизнеса Лави каким-то образом оказывается на службе у российского представителя в Венеции, ведет там непонятные дела в 1710 г., потом оказывается в Вене: их пути с бароном вполне могли там пересекаться. Разумеется, Лави тоже был прожектером: назначения в Россию он добился для того, чтобы реализовать свой план по созданию *Compagnie de commerce de la Grande Russie* (в 1714 г. ему даже удалось снарядить четыре судна)²⁵⁶.

²⁵⁵ Анонимный донос Петру I из Голландии, 4 февраля 1715 год (копия). СПИИ РАН. Ф. 36 (Воронцовы). Оп. 1. Д. 452. Л. 30 об. — 31.

²⁵⁶ Ожеро К. Учреждение первого консульства Франции... С. 15–16.

В доносе Сент-Илера все эти пункты биографии Лави превращаются в элементы обвинительного заключения (документ 54)²⁵⁷. «Он дважды был объявлен злостным банкротом, за что попал в тюрьму и подвергся уголовному преследованию со стороны парламента Бордо, но из тюрьмы совершил побег», — обличает Сент-Илер конкурента за те поступки, которые значились в его собственном послужном списке. «После побега он укрылся в Англии < ... > откуда снова был принужден бежать», — словно пересказывает он свой собственный жизненный путь. «Он объездил всю Германию за четыре года или пять лет, нанимая всякого рода особ» — примерно то же самое, как мы помним, Сент-Илер и сам обещал царю. Наконец, еще один характерный пункт обвинения: «он по происхождению протестант», а затем «отрекся от своей протестантской веры из корыстных соображений» — нетвердость в вере должна говорить о ненадежности человека. Разумеется, именно сам Сент-Илер несколькими годами ранее расписывал английским министрам свой предполагаемый переход в протестантизм как повод, чтобы остаться в Англии. Стоит добавить, что, когда в Россию несколькими годами спустя приехал французский посланник Кампредон, из его донесений следовало, что Лави якобы работал на англичан и голландцев и вел торговые переговоры с Россией не в интересах французской короны, а в своих собственных — не говоря уже о его «склонности к мошенничеству и разврату (*mauvaises habitudes de crapule et de libertinage*)».

Эпоха авантюристов?

Возможно ли в этом случае вообще провести грань, отделяющую мошенника-авантюриста от «обычного» дворянина — искателя фортуны в контексте той эпохи? Показателен в этом смысле пример барона фон Шлейница, который, как мы видели, играл столь значительную роль в судьбе Сент-Илера в конце 1710-х — начале 1720-х годов. Шлейниц был, разумеется, самым настоящим бароном с обширным жизненным и светским опытом. Он, однако, не только не пытался разоблачить французского самозванца, но и санкционировал его брак с собственной родственницей, поддерживал Сент-Илера и продолжал переписываться с ним и после его ухода с русской службы. Значит ли это, что Сент-Илеру удалось провести и этого дипломата, который сам был не чужд интригам и авантюрам? Скорее следует предположить, что для него, как и для многих других,

²⁵⁷ Лави — графу Тулузскому, 29 декабря 1715 г. AN. Marine. B⁷ 265. F. 209–210 v.

подлинная идентичность Сент-Илера была и не важна — особенно когда речь шла о том, чтобы использовать его в своих политических комбинациях. И именно на примере Шлейница, пожалуй, особенно хорошо видно, как тонка грань между авантюристом самозванным и искателем фортуны с настоящим баронским титулом.

Впервые имя Шлейница начинает мелькать в русских источниках в конце 1710-х годов. В этот момент он состоял на брауншвейг-вольфенбюттельской службе и в этом качестве привлекался к переговорам «о делах марьяжных» царевича Алексея Петровича и принцессы Шарлотты²⁵⁸. Поначалу в ходе обсуждений при герцогском дворе Шлейниц высказывался против этого матримониального союза. Он признавал, конечно, что царь — один из могущественнейших и богатейших монархов Европы, поэтому возможные выгоды от альянса с ним несопоставимы с тем, что можно получить от других государей. Шлейница смущали, однако, непрочное, как ему казалось, положение худородных Романовых на престоле, еще больше подорванное начатыми Петром реформами; непредсказуемость результатов шведской войны; невозможность добиться выполнения русскими условий будущего брачного договора, особенно учитывая характер царского любимца Меншикова, по его оценке, самого ограниченного и бесчестного человека на свете. Полтавская победа, однако, радикально изменила положение России на европейской арене. Уже в 1709 г. Шлейниц становится одним из энтузиастов этого брачного проекта и главным уполномоченным с брауншвейгской стороны; когда дело начинает близиться к благополучному завершению, он претендует на пост церемониймейстера принцессы. Когда Шлейница отправили к Петру улаживать последние детали брачного договора, он вернулся к герцогу Антону Ульриху, деду невесты, практически с пустыми руками — но с сообщением, что переходит на русскую службу²⁵⁹.

Посредником, пригласившим его в Россию, был, кажется, еще один искатель фортуны барон Иоганн Кристоф фон Урбих, датский дипломат на русской службе и приятель Лейбница, который и играл ключевую роль в «марьяжных» переговорах с русской стороны (кстати, именно у Урбиха находился ок. 1709–1710 гг. в услужении и Анри Лави)²⁶⁰. Уже в августе 1710 г. Шлейниц сообщает кн. Б.И. Куракину, что ему предложено быть в службе царя «за церемониймейстера, интродуктора посольского,

²⁵⁸ Архив князя Ф.А. Куракина. Т. 2. С. 210.

²⁵⁹ Герье В.И. Кронпринцесса Шарлотта, невестка Петра Великого... Кн. 5. С. 26–27, 30, 52–57.

²⁶⁰ Ожеро К. Учреждение первого консульства Франции... С. 16.

также и в характере *consillier d'État*». Не видно, чтобы фигура Шлейница вызывала какое-то отторжение: Куракин, неоднократно сталкивавшийся с ним по дипломатическим делам, чуть позже рекомендует его царю как вполне достойного быть посланником в Ганновере²⁶¹. Сам пригласивший его Урбих, впрочем, уже жалуется к этому времени Лейбницу на чрезмерную активность Шлейница²⁶².

В итоге Шлейниц действительно становится посланником в Ганновере, одновременно числясь обер-гофмейстером кронпринцессы и получая соответствующее жалованье. Попытки Шарлотты, весьма стесненной в деньгах, добиться, чтобы Шлейниц или приступил к своим обязанностям при ее дворе, отказавшись от должности в Ганновере, или же освободил пост обер-гофмейстера, чтобы она могла нанять кого-то другого, успеха не имели: Шлейниц вперед нее нажаловался Петру, царевичу и канцлеру Головкину на притеснения со стороны принцессы²⁶³. Когда Шлейниц все же прибыл ненадолго для исполнения своих обязанностей, дело кончилось новым скандалом. Поползли слухи о связи Шарлотты с одним из молодых придворных, и несчастная принцесса считала, что их распространяет Шлейниц в отместку за попытку уволить его. Так ли это было на самом деле, разумеется, неизвестно. «Он начинает плакать, призывать Бога и небо в свидетели, яростно проклинать тех, которые изобрели подобную ложь и наклеветали на него, клянется в верности, так что можно считать его ангелом. Таким образом, он, без сомнения, в состоянии провести самых тонких людей; нужно хорошо знать его поведение, чтобы не поддаться всему, что он говорит», — писала Шарлотта родителям²⁶⁴.

Осенью 1713 г. Шлейниц, как кажется, попался на попытке играть собственную игру уже в европейской дипломатии. Когда кн. Б.И. Куракин сообщил в Петербург, что Шлейниц по поручению Петра предложил ганноверскому курфюрсту медиацию между северными державами, т.е. роль посредника в мирных переговорах, канцлер Головкин возмутился: ничего подобного Петр Шлейницу не поручал. Головкин требовал от Шлейница ответа, «для чего, противно указа Ево величества он курфюрсту объявил о медиации». Шлейниц в ответ лишь извинился, что он-де, вероятно, «худо понял» указания Куракина и что вообще «сей термин

²⁶¹ Архив князя Ф.А. Куракина. Т. 2. С. 317; Архив князя Ф.А. Куракина. Т. 5 / под ред. М.И. Семевского. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1894. С. 42.

²⁶² Герье В.И. Указ. соч. Кн. 5. С. 26–27, 30.

²⁶³ Там же. Кн. 6. С. 463–464.

²⁶⁴ Там же. С. 466–471.

весьма есть малой важности»²⁶⁵. Никаких последствий для него, как кажется, этот эпизод не имел.

Когда в 1715 г. в Петербурге появляется Сент-Илер, он, судя по всему, представляется Шлейницу вполне удачной партией для его немолодой уже по стандартам той эпохи родственницы. В дальнейшем Шлейниц активно использует француза как партнера по международным интригам. И наоборот, насколько можно судить, увольнение Сент-Илера с поста директора Морской академии само по себе никак не повлияло на положение его свойственника: более того, как мы видели, Шлейниц пытался заступаться за него через Шафирова. Во всяком случае, сам Шлейниц в 1717–1718 гг. упоминается в переписке как вполне доверенный дипломат и даже получает назначение послом в Париж²⁶⁶. Как сообщал весной 1718 г. Лави, оно стало результатом «смертельной ненависти» между кн. Б.И. Куракиным и Шафировым: на этот престижный пост претендовал сам Куракин, но Шафирову удалось провести вместо него Шлейница. Последний описывается как «креатура и личный друг» Шафирова — впрочем, обо всем этом Лави знает со слов самого Шлейница²⁶⁷.

В начале 1719 года, однако, именно вице-канцлеру Шафирову поступает из Франции донос от нового информатора, где связи Шлейница с Сент-Илером уже представляются как компрометирующее обстоятельство. Информатор этот появился у российского правительства летом 1717 г.: вероятно, его взял на службу во время поездки в Париж сам Петр. В присяге, подписанной в Париже в июне 1717 г., этот француз, именуемый «шевалье де Гийе» (*de Guiller*), пред богом и святым Евангелием клянется «в верности Его царскому величеству», обещает держать порученные ему дела в тайне и точно выполнять полученные приказы «в качестве агента во Франции»²⁶⁸. Уже в сентябре того же года он направляет Шафирову и одновременно Макарову сообщение, призванное продемонстрировать его рвение на царской службе: оказывается, он наконец-то обнаружил некоего человека, представившего при французском дворе проект введения нового налога, «*Cens Royal*». Проект этот был представлен регенту герцогу Орлеанскому: предложение прожектера

²⁶⁵ Головкин — кн. Б.И. Куракину, 30 сентября 1713 г.; кн. Б.И. Куракину — Головкину, 25 декабря 1713 г. // Архив князя Ф.А. Куракина. Т. 9. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1901. С. 156–157, 244.

²⁶⁶ См., например, письма Петра к кн. Б.И. Куракину и Авраму Веселовскому весной 1718 г. // Архив князя Ф.А. Куракина. Т. 3. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1892. С. 36, 50, 52, 56, 60, 62.

²⁶⁷ Донесение Лави от 27 марта 1718 г. // СИРИО. Т. 34. С. 325.

²⁶⁸ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1717 г. Д. 14. Л. 1–2.

было «опробовано, исследовано, найдено изрядным и одобрено». Теперь новый царский агент представляет его вниманию Петра под названием «*Cens Imperial ou Dometial*»²⁶⁹. При ближайшем рассмотрении видно, что речь идет о документе, который уже давно известен в российской историографии и в котором, по оценке Е.В. Анисимова, «наиболее последовательно [излагается] идея податной реформы, сопряженной с заменой подворного принципа подушным»²⁷⁰. Проект этот, как мы теперь понимаем, был известен историкам как раз по той копии, которая была направлена агентом Макарову и отложилась в бумагах Кабинета²⁷¹. Он долгое время считался анонимным, однако, как показал Е.В. Анисимов по копии из бумаг Кабинета и как это видно и из посланного Шафирову текста, автором проекта являлся человек по фамилии Фурнье (*Fournier*). Хотя в документе излагаются лишь самые общие принципы реформы, агент обещает прислать более развернутый вариант, если высказанные здесь идеи заинтересуют царя.

Итак, француз Гийе приносит присягу в качестве российского агента во Франции — при том что Сент-Илер надеялся стать русским консулом в этой стране; он вступает в эту должность в Париже как раз летом 1717 г., когда Сент-Илер перебирается из Санкт-Петербурга во французскую столицу; он поставляет царю проекты реформ, основанные на французских образцах. Даже фамилия его отличается от фамилии нашего авантюриста всего на несколько букв. Новый агент кажется похожим на мнимого барона до степени смешения. Не еще ли это одна реинкарнация самого Сент-Илера? Если бы это было так, то оказалось бы, что наш авантюрист приложил руку еще и к важнейшей фискальной реформе петровского царствования. Увы, версию эту приходится отклонить: дело в том, что в интересующем нас доносе на Шлейница, поступившем в Россию в феврале 1719 г. (документ 58)²⁷², содержится самая неблагоприятная информация и о самом Сент-Илере. Здесь сообщаются основные уже известные нам факты его биографии (в том числе, что его настоящее имя Аллер), а также некоторые новые подробности о его прошлом; называются и свидетели, в том числе консул Обер и один испанский капитан, которые могут все это подтвердить. Среди прочего упоминаются и «наглые речи, которые он вел по своему приезду в Париж о Российской империи, ее правительстве и подданных» и которые «заслуживают суровейшего наказания».

²⁶⁹ РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 146. Л. 1–4 об.

²⁷⁰ Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I. Л.: Наука, 1982. С. 48–49.

²⁷¹ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 90. Л. 938–939.

²⁷² РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 146. Л. 5–6 об.

«Этого Сент-Илера арестовали бы во время его последней поездки в Париж, если бы его сиятельство барон фон Шлейниц не заставил его спешно уехать», — уверяет агент.

Основной же пафос доноса направлен против другого интереснейшего персонажа той эпохи, а именно шевалье де Вертона, которого (как это упоминал и Сент-Илер в беседах с Лави предыдущей осенью) предполагалось направить в Россию в качестве дипломатического представителя. Луи Франсуа де Вертон, один из придворных служителей относительно невысокого ранга (*Maitre d'hotel du Roy*), заведовал обслуживанием и питанием царя и его свиты в Париже. Примечательно, что такой пристрастный комментатор, как герцог де Сен-Симон, в своих известных мемуарах описывает его весьма положительно: Вертон-де «был весьма неглуп: принадлежал к неплохому обществу, знал толк в хорошей еде и был любителем игры; он организовал в таком порядке услужение царю и сумел так вести себя, что царь проникся к нему исключительной приязнью, равно как и вся его свита»²⁷³. Приязнь эта распространялась так далеко, что царь не только наградил Вертона при отъезде, но и пожелал видеть его французским дипломатическим представителем в России.

В описании Гийе, однако, Вертон предстает аморальным, распущенным типом, чуть ли не уголовником: очевидно, что такой человек не должен быть принят при царском дворе. Хотя на самом деле Вертон происходил из хорошего нормандского дворянского рода, Гийе уверяет, что это-де «простолюдин по рождению, который провел первые годы по появлению в большом свете в гадких интригах, получая помощь от неких публичных девиц»; в его послужном списке подлоги, мошенничество, суд. Более того, «не удовольствовавшись соблазнением в Англии одной девицы, [Вертон] изготовил дубликат ключей от ее тайника и украл у нее, пока она спала, ценностей из золота и серебра на сумму в десять тысяч гиней». Вертон и Сент-Илер были якобы партнерами по созданию мошеннической компании для торговли с Россией, инвестировать в которую они уговорили некую вдову из Руана: как мы помним, в своей объяснительной французскому правительству Сент-Илер также поминал руанских купцов. По словам доносителя, «она дала им денег на покупку вин и водок для Санкт-Петербурга, но я не знаю, чем это дело закончилось» (уж не эти ли вина и водки продал Сент-Илер в Стокгольме в 1720 г., к возмущению шведских торговцев?). Все эти обстоятельства, пишет Гийе, не могли не быть известны и Шлейницу, так что, намекает он, «у него, должно быть,

²⁷³ Мезин С.А. Петр I во Франции. СПб.: Европейский дом, 2015. С. 72, 76, 154, 218, 227, 233, 244.

были свои резоны» не сообщать о них царю. Как оказывается далее, «господин барон фон Шлейниц оказывал им покровительство, получая обещанную ими для него долю в барыше».

Что за человек был шевалье де Гийе, разоблачающий в доносе Сент-Илера и всю честную кампанию, мы не знаем — но характерно, что не знал об этом, похоже, и сам принявший его на службу Петр! Лишь несколько лет спустя, в 1723 г., Петр приказал своему новому представителю в Париже кн. А.Б. Куракину «осведомится о шевалье Гилерсе, какого он состояния человек, и может ли за агента <...> дела здесь во Франции управлять, и прочее»²⁷⁴. Подобная ситуация, когда правительство не обладало достаточной информацией о представлявшем ее агенте, была, надо сказать, не уникальной. Например, несколькими годами ранее граф Тулузский поручал французскому послу в Голландии собрать сведения об Анри Лави, поскольку «Совет совершенно не знает этого человека и желает знать, является ли его поведение достойным, довольны ли им в Петербурге и является ли его пребывание там необходимым». В данном случае «незнание» было связано и с тем, что наем агентов и обмен информацией осуществлялись во многом через неофициальные каналы: поскольку Лави был назначен Поншартреном, он не принадлежал к числу клиентов нынешних руководителей Совета морского флота, а значит, и был незнаком им. Собирать информацию о Лави предполагалось не где-нибудь, а в окружении российского посла в Гааге кн. Б.И. Куракина, который, надо сказать, дал о нем вполне положительные отзывы²⁷⁵.

В случае с Гийе, наведя справки, кн. А.Б. Куракин сообщал, что «оной Галиерс есть человек зело niskой кондиции, и здесь никто его почитай не знает, и затем подлинного ведения о состоянии его ни от кого не мог получить». Дело выглядит так, будто шевалье де Гийе был еще одним авантюристом-самозванцем на русской службе, сродни обличаемым им Сент-Илеру и Вертону. Вполне может быть, что так оно и было, но и сообщение Куракина также следует воспринимать критически: в нем явно читаются нотки профессиональной конкуренции — уж молодому послу-то точно не нужны были во Франции никакие агенты, которые соперничали бы с ним в качестве поставщиков информации из этой страны. «А что принадлежит для употребления его к каким делам Вашего величества здесь во Франции, и в том как воля Вашего величества есть, — писал Куракин-младший царю, — но я чаю что нужды великой

²⁷⁴ Доношение кн. А.Б. Куракина Петру, 1/11 июля 1723 г. АВПРИ. Ф. 93. Оп. 93/1. 1723 г. Д. 4. Л. 127.

²⁷⁵ Ожеро К. Указ. соч. С. 20.

в нем не будет, понеже и протчие потенции здесь агентов никто не имеют». Вполне предсказуемо, как признавался сам князь, он «Гиliersу сначала приезду его сюда объявил, чтоб он до указа Вашего величества ни в какие дела не вмешался»²⁷⁶.

Не сложились у Гийе, разумеется, отношения и со Шлейницем: как объяснял он в письме, направленном им Петру уже в 1720 г. через кн. Б.И. Куракина из Рима, после прибытия в Париж барона шевалье оказался отстраненным от всяких дел. Поручений от Петра он больше не получал, а содержать себя сообразно «характеру» царского агента было дорого — поэтому он и уехал в Италию. Теперь он направлял царю новые мысли по поводу налоговой реформы и готов был, как только получит приказ от Петра, выехать с семьей в Петербург «для приведения сего дела в практику и ради показания всего что я предлагаю»²⁷⁷. Собственно, и в своем доносе на Шлейница, Сент-Илера и Вертона в 1718 г. шевалье де Гийе прямо пишет, что раскрыть русским министрам всю правду об этой троице он решил, поскольку «горячее усердие, которое я всегда испытывал по отношению к службе Его царскому величеству, моему господину, навлекли на меня ненависть двух недостойных лиц, которые попытались очернить меня в глазах Его сиятельства [барона Шафирова]»²⁷⁸.

Как кажется, прямого влияния на судьбу Шлейница этот донос не имел; неизвестно, попал ли он вообще в руки государя — а если и попал, то какими комментариями его снабжал покровительствующий барону Шафиров. В начале 1720 г., однако, поступают новые доносы. Уволенный ранее Шлейницем его собственный секретарь рисует в своем сообщении картину небрежения и неискusstва барона, который «такие поступки чинил, что часто о том публичные разсуждения к его дезавантажу случались». В частности, Шлейниц снял себе на лето загородный дом в пяти милях от Парижа и по несколько недель ко двору не появлялся, «а особливо в такое время когда дела в самой силе или зрелости были», и когда английские дипломаты старались «регента на всякие Вашего царского величества интересу предосудительные принципы привести». Именно потому Шлейницу и не хватает царского жалованья, что он «по все годы загородныя дома нанимает, всякие другие мобили закупать, экипажы для охоты содержать, всегда богатая платья жене и детям [когда] моды

²⁷⁶ Доношение кн. А.Б. Куракина Петру, 1/11 июля 1723 г. АВПРИ. Ф. 93. Оп. 93/1. 1723 г. Д. 4. Л. 127–127 об.

²⁷⁷ Доношение кн. Б.И. Куракина Петру, 29 апреля/10 мая 1720 г. АВПРИ. Ф. 50. Оп. 50/1. 1720 г. Д. 5. Л. 387. Письмо от Гийе см.: Там же. Л. 389–392.

²⁷⁸ РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 146. Л. 5.

переменяются, и протчие касающиеся до его плезиру депансы». Картины небрежения службой дополняет и обвинение в халатном отношении к государственным секретам: Шлейниц якобы запросто читает гостям поступающие из России депеши и рескрипты, «и часто я первово от доместиков ведаю, что тайного в пришедших к нему письмах писано, нежели он сам мне о том что сообщит <...> шифры его лежат разбросаны туды и сюды в доме, и заставляяет он то своего сына, то дворецкого шифровать и дешифровать». Наконец, Шлейниц позволяет себе непочтительно отзываться о Петре при российских подданных и иностранцах, «безпрепятственно ходит и жалуется пред всяким, что Ваше царское величество его так худо награждает». Сын его публично рассуждал о негативной реакции при французском дворе на тактику выжженной земли, которую использовали русские десанты в Швеции, и что-де напрасно Петр «операции свои в Швеции с такою жестокости произвели, которые королеву шведскую принудили в руки короля аглинского». Якобы даже «в публичных кофейных домах речь шла», что регент намерен был требовать отзыва Шлейница, но отговорил его английский посол: «Мощно оставить для того что он им здесь ничего противного не чинит и им в негоциациях не мешает, что он доброй министр которого мощно забавить, когда же на его место царь другого министра пришлет, то может быть дела так добро не пойдут»²⁷⁹.

Этого мало: примерно в то же самое время Петру поступает еще один донос, на этот раз от русского человека, оставленного в Париже учиться царского денщика и крестника Алексея Юрова, который близко к тексту повторяет письмо бывшего секретаря Шлейница. Юров сообщает, что барон «у двора мало приятен, хотя сам себе и льстить может», «ни малого разума, ни верности не имеет, ниже скрытости в делах». Живет барон полгода за городом, в нескольких милях от Парижа, «а часто бывает что и в месяц не заглянет» ко двору, отчего идут слухи, будто Петр переменяет политику в отношении Франции. Шлейниц публично выражает недовольство условиями службы: «Неумолкаемое же сетование всему свету от него происходит, иногда о том что мал его карактер, и что мало ему жалованья», и что из-за этого он думает покинуть русскую службу. Соответственно, французский двор с ним серьезные дела вести и не хочет, «одним словом, мощно сказать, что ни чести ни прибыли от него нимало является». Регент якобы хотел просить об отзыве Шлейница, но английский посол его отговорил: барон-де «нам не мешает, а ежели будет другой то нам помеха будет в делах». Юров якобы слышал обо всем этом

²⁷⁹ АВПРИ. Ф. 93. Оп. 93/1. 1720 г. Д. 7. Л. 12–24, 32 об.

от «верных друзей» — или же он просто повторял доношение бывшего секретаря Шлейница, которого царский денщик, по его же словам, знал как честного человека?²⁸⁰

Как и в случае других подобных доносов, описание событий, которые, видимо, действительно имели место, густо приправлено здесь корыстными мотивами самих доносителей, которые на поверку оказываются такими же искателями фортуны, что и обличаемый ими Шлейниц. Оправдываясь за увольнение донесшего на него секретаря, Шлейниц называет его предателем, который якобы вскрывал и переснимал его письма и имеет пенсию от английского короля²⁸¹. Вполне вероятно, что Шлейниц преувеличивает, — однако же впоследствии секретарь этот вынужден был признать, что действительно, как его и обвинял барон, он поддерживал контакты с английскими властями: его брат обещал ему добыть рекомендацию в английскую службу²⁸². Юров же, похоже, и сам метил на место Шлейница; во всяком случае, его приключения мало уступают похождениям Сент-Илера. В Париже он инвестировал в акции Компании Миссисипи, разорился на них, пытался поправить свои дела женитьбой на француженке с 1500 рублей приданого («по протекции некоторых здешних господ нашел у одного инспектора де полис, он же директор женерал в некоторых откупах, который с радостью мне аккордовал дочь свою»); по возвращении в Россию стал платным информатором французского посольства, подписал один из проектов 1730 г.²⁸³

С другой стороны, доношения эти отражают и вполне обычные реалии дипломатической жизни того времени. Так, Шлейниц действительно, как это упоминают доносители, жаловался на дороговизну в Париже и на невозможность прожить на царское жалование, ссылаясь вполне обоснованно на высокие представительские расходы, на необходимость содержать себя сообразно «данного мне карактера министра Вашего величества и Вашей собственной славе». Необходимость для представителя великой державы одеваться по моде и снимать на лето загородный дом, как это делают другие дипломаты и светские господа, тоже вполне понятна. Весной

²⁸⁰ Доношение Алексея Юрова, 22 апреля 1720 г. РГАДА. Ф. 15. Оп. 1. 1720 г. Д. 22. Л. 1–2 об.

²⁸¹ Доношение кн. В.Л. Долгорукова, 6 марта 1721 г. АВПРИ. Ф. 93. Оп. 93/1. 1721 г. Д. 7. Ч. 1. Л. 30–31 об.

²⁸² АВПРИ. Ф. 93. Оп. 93/1. 1720 г. Д. 7. Л. 20–21.

²⁸³ Алексей Юров — кн. Б.И. Куракину, 7/18 ноября 1723 г. ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. «С». Д. 39. Л. 96–97 об.; Курукин И.В. Алексей Юров: «Лишний человек» в эпоху петровских реформ и после // Россия в XVIII столетии. Вып. III / отв. ред. Е.Е. Рычаловский. М.: Academia, 2009. С. 136–151.

1720 г. Шлейниц чуть ли не ставит царю ультиматум: он просит повысить жалованье на будущее и заплатить просроченное за прошлые годы. Если же Петр не готов выделить ему «сей прибавочный депанз к содержанию» или вовсе считает его «негодным к услугам», то Шлейниц даже просит его отозвать из Парижа: «Всепоподданнейше прошу меня от сего двора как скоро возможно отозвать и меня паки в Германии употребить, где я могу теми 7000 прожить и доволен быть»²⁸⁴. Как мы знаем, ровно на это же жаловались абсолютно все российские послы и вообще все россияне, посылавшиеся за рубеж по служебным делам, — включая и обличавшего Шлейница Алексея Юрова. Три года позже о невозможности прожить в Париже на государево посольское жалованье будет сокрушаться кн. А.Б. Куракин. «Мне переведенным жалованием не токмо мизерно, но невозможно никоими мерами прожить, — жаловался дипломат Остерману. — И когда я и полной оклад получал, без вспоможения отца моего не можно жить, ныне отец мой вспоможения, за крайним своим недостатком, чинить не может»²⁸⁵. «Вашему величеству есть известно о здешнем дворе, какие лишние издержки пред другими дворами иметь надобно, а особливо для Версалию, — объяснял он Петру, — понеже двор королевский всегда там бывает, и для той надобности лишние лошади иметь, так же в приезд там за постоянное в обержах²⁸⁶ платить как себе и domestikом лишнее держится»²⁸⁷. Получить от казны компенсацию за понесенные им в Париже расходы А.Б. Куракин пытался еще и многие годы спустя.

Особенно обострилась проблема парижской дороговизны именно в 1720 г. на фоне краха Компании Миссисипи: кто-то из россиян инвестировал в акции, кому-то выдали жалованье обесценившимися банковскими билетами, все пострадали от резкого скачка вексельного курса. Разорился, по его словам, на этом пузыре и сам Шлейниц. Примечательно, впрочем, что как раз накануне краха этой финансовой пирамиды сам же Шлейниц, с ведома и одобрения Петра, вел с Джоном Лоу переговоры о приглашении этого ценного финансового эксперта на русскую службу²⁸⁸ — еще один пример того, как близко друг от друга

²⁸⁴ Мемориал Шлейница Петру I, 12/23 апреля 1720 г. АВПРИ. Ф. 93. Оп. 93/1. 1720 г. Д. 56; Реляции Шлейница из Парижа, 1720 г. Там же. Л. 106–107 об.

²⁸⁵ Кн. А.Б. Куракин — Остерману, 20 сентября/1 октября 1723 г. АВПРИ. Ф. 93. Оп. 93/1. 1723 г. Д. 4. Л. 168–168 об.

²⁸⁶ *Auberge* (фр.), «гостиница».

²⁸⁷ АВПРИ. Ф. 93. Оп. 93/1. 1723 г. Д. 4. Л. 161–161 об.

²⁸⁸ См. донесение об этом Шлейница из Парижа в 1720 г. АВПРИ. Ф. 93. Оп. 93/1. 1720 г. Д. 56. Л. 159–160; Троицкий С.М. «Система» Джона Ло и ее русские последователи // Франко-русские экономические связи. М.: Наука, 1970.

проходят траектории авантюристов той эпохи: наш герой оказывается на расстоянии одного рукопожатия и от этого величайшего финансового прожектера столетия.

Вероятно, поступающие на Шлейница доносы имели некоторый кумулятивный эффект, потому что в июне 1720 г. Петр направляет в Париж своего личного эmissара П.И. Мусина-Пушкина. Его поездка была обставлена как настоящая спецоперация: он должен был при помощи Шлейница добиться личной аудиенции с аббатом Дюбуа, а затем, оставшись наедине, устно спросить его, желал бы тот и дальше вести сношения с Россией через Шлейница? Если бы Дюбуа выказал недоверие к Шлейницу, Мусину-Пушкину следовало немедленно заявить, что Его царское величество будет рад прислать другого посла (речь шла о кн. Б.И. Куракине). И в самом деле, как доносил впоследствии Мусин-Пушкин, Дюбуа в ответ заявил, что «о котором деле мы со Шлейником не говорим, все, от слова до слова, в Ганновере, Швеции и Вене известно. Кроме Шлейница некому это разгласить»²⁸⁹.

Возможно, этот отзыв Дюбуа в самом деле отражает как раз утечку информации через Сент-Илера, а возможно, и недовольство Дюбуа и регента причастностью Шлейница к заговору Челламаре. Во всяком случае, уже в ноябре Лави сообщает из Петербурга о слухах, что Шлейниц будет отозван и заменен кн. В.Л. Долгоруковым и что вообще теперь к важным внешнеполитическим вопросам будут допускать только природных русских подданных²⁹⁰. Месяц спустя сам Шлейниц обращается к французскому правительству с довольно неслыханной просьбой: оказывается, он уведомился, что его отзыв — это результат интриг Лави. Якобы именно Лави дал понять царю («*insinuer*»), будто регент хочет видеть на месте Шлейница министра русского происхождения. Посол просит французское правительство опровергнуть эти инсинуации и объясняет, что его отзыв — это происки его врагов, которые стремятся сорвать заключение русско-французского союза²⁹¹. Тем не менее в начале 1721 г. Шлейниц был все же заменен в качестве полномочного министра во Франции переведенным из Дании кн. В.Л. Долгоруковым, причем недоверие к барону со стороны французского министерства прямо называлось в русской

²⁸⁹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен... Кн. 9. С. 285–286; хроника этой миссии в: АВПРИ. Ф. 93. Оп. 93/1. 1720 г. Д. 9. Л. 27–29 об.

²⁹⁰ Донесение Лави, 18 ноября 1720 г. // СИРИО. Т. 34. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1881. С. 119; Т. 40. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1884. С. 123.

²⁹¹ Ноты Шлейница см.: СИРИО. Т. 40. С. 139, 140.

официальной переписке как причина его отзыва. Однако уже в марте 1721 г. Дюбуа дезавуировал свое прошлогоднее заявление о недоверии к Шлейницу: как говорил теперь французский министр кн. В.Л. Долгорукову, «будто он Шлейниц о том секрете писал или словесно некоторым его друзьям сказывал, на то [Дюбуа] изволил сказать что может то быть, только он о том не ведает»²⁹², и вообще что Шлейниц Петру «при здешнем дворе со всяким усердием служил, только некоторым особам о делах говорил»²⁹³.

И действительно, несмотря на предполагаемое недоверие к нему, Шлейниц остается в Париже и продолжает активно общаться с французскими министрами, прежде всего с самим Дюбуа. Более того, опираясь на свои связи в Париже, он фактически участвует в дипломатических сношениях с Францией параллельно с официальными российскими представителями. Особенно тесные отношения у него складываются именно со сменившим его кн. В.Л. Долгоруковым. В доношениях последнего постоянно встречаются фразы вроде «приезжал к барону Шлейницу вчерашняго числа царской министр <...> и между другими разговорами все вышедонесенное ему сказывал»; «барон Шлейниц и я ему аршевеку [Дюбуа] рассуждали»; «аглийский министр сказал Шлейницу». Долгоруков часто упоминает, что советуется со Шлейницем, посылает его ко двору или к министрам, когда сам не может поехать, и проч.²⁹⁴ До некоторой степени эта ситуация сохраняется и с прибытием на смену Долгорукову кн. А.Б. Куракина: последний доносил, например, осенью 1722 г. в Коллегию иностранных дел, что «барон Шлейниц сообщил <...> что кардинал Дюбуа в бытность ево, Шлейница, в Версали объявил ему, барону Шлейницу, что посол <...> из Константинополя писал ко двору», и т.д. Такое общение Куракина с Дюбуа через Шлейница ничуть не смущает Коллегию иностранных дел, князю велено отвечать на подобные сообщения от Дюбуа, просить его о чем-то и т.д.²⁹⁵ Видно, однако, что Куракина, в отличие от Долгорукова, эта ситуация крайне раздражает, он чувствует себя некомфортно — тем более, что, как известно, Дюбуа отнесся к его приезду негативно, а само назначение столь молодого человека, как Куракин, было воспринято как плохой сигнал.

²⁹² Реляция кн. В.Л. Долгорукова, 21 марта 1721 г. АВПРИ. Ф. 93. Оп. 93/1. 1721 г. Д. 7. Ч. 1. Л. 72.

²⁹³ Реляция кн. В.Л. Долгорукова, 17 марта 1721 г. АВПРИ. Ф. 93. Оп. 93/1. 1721 г. Д. 7. Ч. 1. Л. 89 об.

²⁹⁴ Реляции кн. В.Л. Долгорукова, 22 мая, 9 июня, 24 июня, 4 августа 1721 г. АВПРИ. Ф. 93. Оп. 93/1. 1721 г. Д. 7. Ч. 1–2. Л. 161, 189, 221 об., 237 об. — 238.

²⁹⁵ Коллегия иностранных дел — кн. А.Б. Куракину, 16 ноября 1722 г. АВПРИ. Ф. 93. Оп. 93/1. 1722 г. Д. 10а. Л. 16–16 об.

На фоне информации, которую сообщил шевадье де Гийе, примечательно, что Шлейниц посвятил значительные усилия (в том числе и после своего отзыва) лоббированию отправки послом в Россию именно Вертона. Кандидатура его вроде бы была одобрена Петром в ходе пребывания царя в Париже, а осенью 1718 г., как мы помним, Сент-Илер анонсировал в Санкт-Петербурге скорое прибытие Вертона. Вскоре после этого последовал донос шевадье де Гийе. Имел ли он какое-то значение или нет, сказать сложно; но существенно, что не был отправлен не только Вертон, но и никакой другой посол: гораздо более значимыми, чем личные качества Вертона, здесь были, видимо, колебания в политике Франции в целом. Вертон тем временем считал себя назначенным послом. В апреле 1720 г. он просит Петра пожаловать ему орден Св. Андрея, ссылаясь на то что он «рожденной шляхтич, о чем полномочной Ваш министр при сем дворе совершенно ведает». Петра он именует «величайшим императором на свете», добавляя, что нет ни одного француза, который бы не завидовал назначению Вертона «резидовать от короля государя моего при Вашем величестве»²⁹⁶.

В начале 1721 г. в Россию, как известно, приезжает из Стокгольма с посреднической миссией Кампредон, и в этом контексте опять всплывает имя Вертона: Шлейниц всячески интригует в пользу его назначения, причем, насколько можно судить, пользуется в этом отношении полной поддержкой кн. В.Л. Долгорукова. В их донесениях в этот момент отправка Кампредона и задержка отправления Вертона представляются как происки со стороны аббата Дюбуа (к тому времени ставшего кардиналом). Информация эта исходит в том числе и от самого Вертона: «О Кампредоне мне вчера сказывал здесь господин Вертон, что он креатура абе де Буа», пишет Долгоруков. Вертон приходил к князю, рассказывал о своем назначении «в характере» посла, о понесенных им убытках, о том, что Дюбуа «посылке препятствует для короля аглинского». Однако Долгоруков получает подтверждения этой информации и из других источников в Гамбурге и в Копенгагене. «В Гамбурхе от французского посланника Пуцина я о том слышал», — пишет он; а другой его источник, «Криспин, о котором прежними моими доносил», сказывал Долгорукову, что Кампредон имеет пенсию от шведского короля и получает долю из французской субсидии Швеции в размере 50 тыс. ефимков²⁹⁷. Другие

²⁹⁶ Прощение Вертона Петру I, 15 апреля 1720 г. АВПРИ. Ф. 93. Оп. 93/1. 1720 г. Д. 8. Л. 1–1 об.

²⁹⁷ Реляция кн. В.Л. Долгорукова, 6 марта 1721 г. АВПРИ. Ф. 93. Оп. 93/1. 1721 г. Д. 7. Ч. 1. Л. 11–13.

источники («другие сказывали») уверяют Долгорукова, что Кампредон назначен по требованию английского и шведского королей, которые прямо дадут ему инструкцию²⁹⁸.

Очевидно, что сообщения эти отражают в том числе и политическую борьбу во французском правительстве, попытки противников Дюбуа саботировать проводимую им в отношении северных держав линию. Кроме того, возможная посылка Вертона становится частью сложных дипломатических маневров вокруг направления французской дипломатической миссии в Россию вообще. Огрубляя, Санкт-Петербург всячески настаивает на присылке французского представителя, причем возможно более высокого ранга: для Петра это вопрос престижа и международного признания. Париж же пытается сделать приезд посла христианнейшего короля предметом торга, обусловить его выполнением каких-то собственных требований; к тому же, в связи с направлением такой миссии неизбежно вставал бы вопрос о церемониале и титулатуре царя. В апреле 1721 г. Долгоруков напоминает Дюбуа, что хорошо бы направить французского посла в Россию, не упоминая при этом Вертона по имени. Дюбуа в ответ заявил, что надобно, чтобы сначала Кампредон все как следует устроил в отношениях между двумя странами²⁹⁹. В августе уже сам Дюбуа говорит, что, мол, самое время кого-нибудь послать в Россию, а Кампредон нужен в Швеции: примечательно, впрочем, что об этом мы знаем со слов Шлейница: «Потом он, аршевик, спрашивал его, Шлейница, годен ли в тое посылку де Вертон, Шлейниц отвечивал, что годен»³⁰⁰. В сентябре Вертон рассказывает, что его вдруг вызвал Дюбуа и велел, чтобы он «с поспешением готовился ехать»³⁰¹. В октябре, однако, появляются слухи, что постоянным послом в Россию приедет все-таки Кампредон. Долгоруков настаивает в разговоре с регентом герцогом Орлеанским, что «о прибытии Кампредона при [русском] дворе <...> ведомости не имеют, а ожидают по прежним ведомостям де Вертона». Регент отвечает, что Вертона, конечно, отправит, но прежде надо послать Кампредона, «для того что [он] в таких делах уже бывал, а Вертон еще не бывал»³⁰².

²⁹⁸ Реляция кн. В.Л. Долгорукова, 3 марта 1721 г. АВПРИ. Ф. 93. Оп. 93/1. 1721 г. Д. 7. Ч. 1. Л. 58.

²⁹⁹ Реляция кн. В.Л. Долгорукова, 28 апреля 1721 г. АВПРИ. Ф. 93. Оп. 93/1. 1721 г. Д. 7. Ч. 1. Л. 135.

³⁰⁰ Реляция кн. В.Л. Долгорукова, 4 августа 1721 г. АВПРИ. Ф. 93. Оп. 93/1. 1721 г. Д. 7. Ч. 1. Л. 237 об. – 238.

³⁰¹ Реляция кн. В.Л. Долгорукова, 22 сентября 1721 г. АВПРИ. Ф. 93. Оп. 93/1. 1721 г. Д. 7. Ч. 1. Л. 300.

³⁰² Реляция кн. В.Л. Долгорукова, 9 октября 1721 г. АВПРИ. Ф. 93. Оп. 93/1. 1721 г. Д. 7. Ч. 2. Л. 321.

Для наших целей все это существенно, поскольку отражает функционирование за фасадом государственной службы неформальных дипломатических и квазидипломатических сетей, одним из элементов которой и был — или пытался быть — Сент-Илер. В данном случае речь идет о сети, выстраиваемой Шафировым, клиентом, креатурой и «*ami particulier*» которого, как уже говорилось, и был Шлейниц. Именно через эти сети сановники и их клиенты решали свои карьерные задачи, получали и передавали информацию, а зачастую — и пытались реализовывать свою собственную внешнеполитическую программу в противостоянии с конкурирующими сетями. Мы уже упоминали, что Шлейниц вел с Шафировым партикулярную переписку с использованием особого шифра. После своего смещения с поста посла Шлейниц отправляет в Санкт-Петербург собственного сына, поддерживая через него параллельный канал коммуникации. Бывший посол переписывается с сыном с помощью шифра, подробнейшим образом рассказывая ему о политических новостях из Парижа³⁰³. Шлейниц-младший использует эти сведения в общении с Коллегией иностранных дел: например, «в нашей Коллегии иностранных дел одного тайного советника барона Шлейница сын подал экстракт с письма его, тайного советника, к нему писанного из Парижа от 21 сентября/2 октября, в котором написано что кардинал Дюбуа сказывал ему, что везирь турецкой нарочного к нему куриера присылал у него осведомитца, в каком состоянии мы с Францией обретаемся, и как он, кардинал, нынешнии наши воинские действия на Каспийском море и на персидских границах приемлет»³⁰⁴. Кроме этого, уже в июле 1721 г. Шлейниц-младший начинает писать Петру прошения с просьбой о награждении своего отца, потерявшего все свое состояние за время пребывания в Париже. Шлейниц, как объясняет его сын, не совершал никакого преступления: наоборот, потратил «лучшие годы» на русской службе, и теперь Лондон и Вена озлоблены на него за сорванные им дипломатические интриги этих враждебных России держав; правда, негоциации его во Франции успеха не имели, но в том виноваты изменившиеся европейские «конъюнктуры»³⁰⁵.

В этой модели Шлейниц-старший является личным представителем Шафирова в Париже подобно тому, как Шлейниц-младший является агентом своего отца при Шафирове. Донесения французских представителей

³⁰³ См., например: АВПРИ. Ф. 93. Оп. 93/1. 1723 г. Д. 6. Л. 73–88 об.

³⁰⁴ Коллегия иностранных дел — кн. А.Б. Куракину, 16 ноября 1722 г. АВПРИ. Ф. 93. Оп. 93/1. 1722 г. Д. 10а. Л. 16–16 об.

³⁰⁵ Прощение Шлейница-младшего от 26 июля 1721 г. АВПРИ. Ф. 93. Оп. 93/1. 1721 г. Д. 14. Л. 104–105 об.

в России Кампредона и Лави за этот период содержат многочисленные упоминания визитов к ним в Петербурге Шлейница-младшего в качестве доверенного сотрудника и посредника Шафирова, и именно через Шлейница-старшего Франция, по сообщению Кампредона, обещала вице-канцлеру взятку³⁰⁶. С другой стороны, Шафиров прямо сообщает Кампредону, что под Шлейница подкапывались люди, желавшие тем самым повредить ему, вице-канцлеру. «Услуга, оказанная Шлейницу, может расположить Шафирова в нашу пользу», — добавляет французский дипломат³⁰⁷. По словам самого Дюбуа, он действительно заступался за Шлейница перед царем, а кроме того, провел через Регентский совет решение о компенсации ему потерь, понесенных в результате краха Компании Миссисипи³⁰⁸. Примечательно, что хорошие, как кажется, отношения Шлейница со сменившим его в Париже кн. В.Л. Долгоруковым связаны, вероятно, и с тем, что и князь тоже ориентировался на Шафирова, одна из дочерей которого была замужем за одним из Долгоруковых, а не на Куракина.

Попытки Шлейница провести Вертона на должность французского посла в России вписываются в ту же логику: такое назначение позволило бы ему и его патрону Шафирову полностью монополизировать контроль над каналами обмена информацией между Петербургом и Парижем. Неудивительно, что изначально Шафиров и его клиенты воспринимали приезд Кампредона в Россию как угрозу. Но уже к осени 1721 г. Шафиров, как кажется, приходит к выводу, что с Кампредоном как креатурой Дюбуа можно работать, — и Вертон, соответственно, становится больше не нужен. Отчасти это сотрудничество объясняется ориентацией Шафирова на союз с Францией, но, кроме того, Шафирова и Дюбуа естественным образом сближает их общая вражда с Куракиным. Если Шафиров воспринимает Куракина как конкурента в борьбе за контроль над русской дипломатической сетью в Европе, то в глазах Дюбуа Куракин неприемлем тем, что ориентируется на его политических соперников во Франции. Как можно понять из переписки Кампредона и Дюбуа, Куракин — по мнению французского министра — исходил из того, что после совершеннолетия Людовика XV нынешнее министерство падет и что выстраивать отношения надо не с Дюбуа и герцогом Орлеанским, а с их опальными противниками, которые неизбежно придут им на смену. Как мы знаем,

³⁰⁶ Кампредон — Дюбуа, 14 марта 1721 г. // СИРИО. Т. 40. С. 190.

³⁰⁷ Кампредон — Дюбуа, 1 ноября 1721 г. // СИРИО. Т. 40. С. 279–280.

³⁰⁸ Дюбуа — Кампредону, 14 и 22 октября 1722 г. // СИРИО. Т. 49. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1885. С. 212, 251.

во многом именно это и произошло в 1726 г.; но пока Дюбуа воспринимает кратковременный частный визит Куракина в Париж совершенно истерически, как попытку русского дипломата возобновить свои старые контакты с врагами Дюбуа и плести против него заговоры.

Неудивительно поэтому, что Кампредон активно включается в лоббирование реабилитации Шлейница. Уже к началу 1722 г. он, оказывается, «узнал», употребив «все усилия чтобы добраться до источников подозрений царя», что Шлейница на самом деле оклеветал Мусин-Пушкин, который-де сам метил на место посла в Париже³⁰⁹. Что именно на самом деле сказал ему Дюбуа о Шлейнице в беседе с глазу на глаз, мы никогда не узнаем, — как не мог этого узнать и сам Петр. Но примечательно, что Мусин-Пушкин состоял в 1717–1719 гг. именно при кн. Б.И. Куракине в Гааге: в этом смысле весь эпизод с дискредитацией Шлейница вполне вписывается в титаническую борьбу двух кланов в российской внешнеполитической верхушке. Благодаря, видимо, и заступничеству Дюбуа и Кампредона, уже зимой-весной 1722 г. царь, по словам французского посла, обещал восстановить допущенную в отношении Шлейница несправедливость³¹⁰. И в самом деле, хотя в конце апреля 1722 г. Петр подписал ему «абшит», т.е. полное увольнение со службы, решение это не вступило в силу: «Онаго по Его императорского величества указу не послано, а удержан до указу». Вместо этого Шлейницу было велено «ехать из Франции в Брауншви́г где по делам Его императорского величества ему, барону Шлейницу, быть до указу и употреблять его там к делам какие когда случатся» с жалованьем в 2 тыс. рублей в год (в Париже, правда, он получал 7 тыс. руб.)³¹¹.

И здесь мы опять возвращаемся к последнему проекту Сент-Илера. Мы видели, как поддерживал его Шлейниц: он сообщил о нем Петру еще в конце 1720 г.; тогда же — не имея еще на это санкции Петра, — он говорил о нем с Дюбуа. Даже и получив от Петра в начале 1721 г. запрет на переписку с Сент-Илером, Шлейниц счел нужным сообщить царю о визите гессен-кассельского министра; настаивал на том, что проект этот будет поддержан Францией; рвался лично донести о нем государю. После отказа Петра обсуждать этот план он вовсе не исчез с международной повестки. Как сообщал Лави полгода спустя, в Петербурге якобы ожидали, что Кампредону поручено договориться о браке принца Георга с одной из царевен, а сам Кампредон писал, что эту тему зондировал в разговоре

³⁰⁹ Кампредон — Дюбуа, 30 января 1722 г. // СИРИО. Т. 49. С. 30.

³¹⁰ Кампредон — Дюбуа, 23 февраля 1722 г. // СИРИО. Т. 49. С. 68.

³¹¹ Выписки из дела полномочного министра во Франции барона Шлейница о невыдаче ему жалованья. АВПРИ. Ф. 93. Оп. 93/1. 1720 г. Д. 10. Л. 1–2.

с ним прусский посланник Мардефельд. Кампредон отвечал ему, что этот проект — о котором, по его словам, некогда писали все европейские газеты, — кажется ему «существующим лишь в воображении нескольких политиков-любителей»³¹². Тем не менее впоследствии он сам раз за разом возвращается к нему в переписке с Дюбуа, причем настаивает — как это и предполагали ранее и Шлейниц, и Куракин, — что такой брак отвечал бы интересам Франции³¹³. Примечательно, что сразу после вторичного приезда Кампредона в Россию тему эту в разговоре с ним поднял не кто иной, как Шлейниц-младший, «один из доверенных людей Шафирова». По словам Шлейница, было бы вполне возможно расстроить намечающийся брак Анны Петровны с герцогом Голштинским, подыскав ей в мужья принца, который бы играл при ней роль вроде той, что Георг Датский играл при королеве Анне в Англии, т.е. роль не участвующего в управлении принца-консорта. Георг Гессен-Кассельский, по его мнению, был бы гораздо более подходящим кандидатом на эту роль³¹⁴. Таким образом, последний проект Сент-Илера оказывается лишь одним из элементов в гораздо более обширной и продолжительной интриге, разрабатывавшейся шафировскими клиентами, — интриге, которая была, к тому же, прямо связана с остро стоящим вопросом о престолонаследии в России.

Опала Шафирова в 1723 г., разумеется, нанесла удар по его клиентской сети: креатуры вице-канцлера оказались исключенными из российской внешней политики. Шлейниц, несмотря на назначение в Брауншвейг, остается в Париже еще на несколько лет: по его словам, выехать из Франции ему мешают долги. Кроме того, Шлейниц — совместно со все тем же Вертоном — подвизается в эти годы в качестве если не воспитателя, то координатора воспитания русских аристократических юношей в Париже: это помогает ему поддерживать отношения с русскими вельможами. Как мы помним, уже в 1717 г. в доме Шлейница жили сыновья Шафирова и Толстого. В марте 1723 г. Иван Калужкин, сотрудник русской дипломатической миссии в Париже, присматривавший за обучением племянника кн. В.Л. Долгорукова, доносил, что «господин Шлейниц безмерно х князь Якову Александровичю ласков так что по вся праздничные дни берет ево к себе обедать». «*J'ay ete me divertit ce carnaval chez Monsieur*

³¹² Лави — Дюбуа, 24 ноября 1721 г., Кампредон — Дюбуа, 1 ноября 1721 г. // СИРИО. Т. 40. С. 353–354, 282.

³¹³ Кампредон — Дюбуа, 24 ноября 1721 г. // СИРИО. Т. 40. С. 351; Лави — Дюбуа, 21 сентября 1721 г. // СИРИО. Т. 40. С. 265; см. также: СИРИО. Т. 49. С. 69, 98, 184.

³¹⁴ Кампредон — Дюбуа, 17 ноября 1721 г. // СИРИО. Т. 40. С. 328–329.

Deverton», — отчитывался тогда же сам юный *Prince Jacques* Долгоруков³¹⁵. Осенью того же года Шлейниц сообщает, что некий «корабль Вертона» благополучно прибыл в Гавр, после чего тот отправился в Руан (мы помним, что именно с Руаном было связано торговое предприятие Вертона и Сент-Илера), взяв с собой и князя Якова в «*petit voyage*»³¹⁶. Вопреки рассказам шевалье де Гийе о его ужасном прошлом, Вертон в эти годы вхож в те социальные круги, в которых вращается и сам кн. А.Б. Куракин. «Прошу Вас, сообщите мне, что господин де Вертон сказал о нас, голландцах. Полагаю, что мы не скоро увидим его у нас; между нами говоря, с каждым днем становится все скучнее и хуже», — жалуется молодому русскому дипломату одна из его светских приятельниц из Гааги. «Когда люди не знают, что сказать о других, то вымышляют и выдают за верное — такова мода сей очаровательной местности», — добавляет она³¹⁷. К 1727 г. Вертон ухитрился даже задолжать 10 тыс. ливров самому кн. Б.И. Куракину, которые дипломат перед смертью все еще надеялся «при помощи божеской, и на его святую милость [уповая], твердо персонально сам получить»³¹⁸.

Шлейниц-младший тем временем остается все эти годы в России. В 1723 г. он заявляет, что «я уже сам до таких лет дошел», чтобы вступить на государеву службу, и просит назначить его куда-нибудь послом, или хотя бы в посольство, или же дать ему паспорт на выезд из империи³¹⁹. К 1725 г. Кампредон сообщал, что Шлейниц-младший якобы сошелся с оставшимся не у дел Лави; последний поселился у еще одного иностранца, церемониймейстера Ф.М. Санти, дом их «есть открытый притон, куда и сын барона Шлейница ходит оповещать свои новости», т.е. одновременно и представлять себя информированным человеком, находящимся в курсе политических дел, и обмениваться информацией³²⁰.

Со смертью Петра, понятное дело, ситуация меняется. Поначалу Шлейниц-старший пытается даже устроиться на британскую службу:

³¹⁵ Иван Калужин — кн. В.Л. Долгорукову, 1 марта 1723 г.; Я.А. Долгоруков — кн. В.Л. Долгорукову, 23 марта 1723 г. АВПРИ. Ф. 83. Оп. 93/1. 1723 г. Д. 7. Л. 19, 20.

³¹⁶ Шлейниц — кн. В.Л. Долгорукову, 22 сентября/1 октября 1723 г. АВПРИ. Ф. 93. Оп. 93/1. 1723 г. Д. 6. Л. 31.

³¹⁷ С. фон Споркен — кн. А.Б. Куракину, 25 января 1723 г. НИА СПбИИ РАН. К. 238. Оп. 1. № 440. Л. 6–7 об.

³¹⁸ Кн. Б.И. Куракин, «Роспись что долгов на мне», 1727 г. ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. «С». Д. 74. Л. 255.

³¹⁹ Прошение Шлейница-младшего, 26 августа 1723 г. АВПРИ. Ф. 93. Оп. 93/1. 1723 г. Д. 6. Л. 63–66.

³²⁰ Донесение Кампредона, 5 мая 1725 г. // СИРИО. Т. 52. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1885. С. 295.

в середине марта 1725 г. он объявляет, что со смертью Петра у него нет перед Россией никаких обязательств, а воцарившаяся только что Екатерина Алексеевна не имеет никаких прав на престол³²¹. Неделью спустя находящийся в Париже кн. Б.И. Куракин устраивает ему публичный скандал: по словам британского дипломата, оказавшегося свидетелем инцидента, Куракин явился в приемную министра иностранных дел графа де Морвиля и, увидев там Шлейница, во всеуслышание объявил ему: «Я знал, что вы мой заклятый враг: при жизни моего покойного государя вы делали все возможное, чтобы уничтожить меня в его мнении и лишить меня головы; но как я тогда не боялся ни вас, ни других моих врагов, так и сейчас я верю, что моя честь, верность и невиновность защитят меня от ваших попыток очернить меня в глазах царицы». Шлейниц после этого покраснел и стал что-то неловко бормотать в ответ. Позднее он признался британскому дипломату, что речь, наверное, шла о доносе на Куракина, который он по просьбе Дюбуа отправил в свое время в «Московию». Вставить все то, что надиктовал ему кардинал, в официальную реляцию он не решился и вместо этого изложил все в частном письме своему сыну, чтобы тот сообщил его Шафирову. После опалы и ссылки Шафирова это письмо попало к Петру, который отдал его на хранение Остерману. Теперь, догадываясь Шлейниц, Остерман, должно быть, прислал его Куракину — к тому как раз пару дней назад прибыл курьер из России³²². Оказалось, однако, что воцарение Екатерины принесло с собой и возвращение из ссылки Шафирова, а значит, будто бы давало Шлейницам шанс на продолжение карьеры на российской службе. В начале 1726 г. кн. Б.И. Куракин жалуется в Петербург, что «барон Шлейниц не престаёт своих интриг чинить», в чем ему способствует Шафиров. В Париже ходили даже слухи, что сын Шлейница находится «при дворе цесарском с тайной комиссией от нашего двора»³²³. Тогда же Шлейниц-старший возобновляет свои попытки получить причитавшееся ему за все эти годы жалованье; в конце 1726 г., однако, он, наконец, вернулся на брауншвейгскую службу³²⁴.

³²¹ Горацио Уолпол — герцогу Ньюкаслу, 16 марта 1725 г. Report on the manuscripts of Lord Polwarth preserved at Mertoun House, Berwickshire. Vol. 4. London: HMSO, 1940. P. 254–255.

³²² Томас Робинсон — Чарльзу Делафайе, 24 марта 1715 г. NA. State Papers. Foreign. France. 78/181. F. 55–56.

³²³ Кн. Б.И. и кн. А.Б. Куракины — Остерману. АВПРИ. Ф. 93. Оп. 93/1. 1726 г. Д. 5. Л. 13, 48; см. также ноту Шлейница графу де Морвилю, 25 марта 1725 г. // СИРИО. Т. 52. С. 455–468.

³²⁴ Выписки из дела полномочного министра во Франции барона Шлейница о невыдаче ему жалованья. АВПРИ. Ф. 93. Оп. 93/1. 1729 г. Д. 10. Л. 4 об.

Дальнейшая судьба самого Сент-Илера неизвестна. В июле 1727 г. к Наталье Алексеевне, дочери царевича Алексея и кронпринцессы Шарлотты и сестре Петра II, только что сменившего на престоле Екатерину I, обращается с письмом жена нашего героя. «Госпожа де Сент-Илер, урожденная Арним (*Arenheim*)», как она себя называет, поздравляет Наталью с восшествием ее брата на престол и напоминает о своей верной службе покойной матери молодого государя. Прямой просьбы о помощи в письме нет, но упоминания «печальных обстоятельств», в которых находится автор, и «щедрости» покойной кронпринцессы Шарлотты достаточно красноречивы. Характерно, что о чинах и заслугах своего мужа автор письма ничего не говорит; более того, она вовсе его не упоминает. Письмо отправлено из Брауншвейга: следует предположить, что они к этому времени давно уже расстались — вряд ли супруга сопровождала авантюриста во время его вторичной поездки в Россию или в его вояжах в Стокгольм или в Кассель. Вполне возможно, что к этому времени Сент-Илер уже мертв. Во всяком случае, в архивной помете на обложке документ озаглавлен как «Письмо к великой княжне Наталье Алексеевне от вдовы Сент-Гиляр»³²⁵. Получила ли она ответ от Натальи Алексеевны, мы не знаем. О смерти самой «Сент-Илер, урожденной фон Арним» брауншвейгская газета сообщила летом 1745 г.³²⁶

³²⁵ АВПРИ. Ф. 14. Оп. 1. Д. «S» 14 (1727).

³²⁶ Braunschweigische Anzeigen. 1745. 18. Aug. № 66. Sp. 1172. Раздел «Begrabene».

Письма и бумаги барона де Сент-Илера

Биография барона де Сент-Илера, 1716 г.¹

St. Hilaire est plus d'un imposteur. Il est de Toulon, son véritable nom est Allaire, il a résidé pendant plusieurs années à Bayonne en qualité de négociant, il y fit une friponnerie atroce en faisant une fausse police pour la cargaison d'un [na]vire qu'il déclara par cette police être d'une grande valeur, et qu'il fit assurer, cependant les ballots, coffres, et caisses n'étaient remplies que de pierres, et d'herbages. Cet homme prit des mesures pour faire périr le bâtiment qui le perdit en effet à la coste d'Espagne. Ce crime ayant esté découvert, St Hilaire prit la fuite, les officiers de l'amirauté de Bayonne lui firent son procès par contumace et fut condamné aux galères, il se sauva en Espagne où il seût gagner la confiance de M. le Marquis de Bay qui le chargea de la negociation secrète d'une paix particulière avec les Portugais, lorsqu'elle étoit près d'être conclüe il fut assez perfide pour aller declarer cette negociation à l'ambassadeur d'Angleterre à Lisbone, qui luy promit une grande recompense et qui l'envoya à la Cour de Londres pour la recevoir.

La Reyne Anne luy fit donner 500 sterling, mais n'en estant pas content et ayant tenu une conduite suspecte, il eût ordre de sortir d'Angleterre. Il passa à Vienne pour se plaindre à l'Empereur de cette modique recompense, et luy représenter le grand service qu'il avoit rendu à Sa Majesté en faisant rompre ce traité de paix, elle luy donna le titre de baron avec l'intendance de la marine à Naples. Apres luy avoir exposé par un mémoire qu'il y en établirait une [flotte] considérable, il se rendit à Naples où il fit quelque séjour, il vint ensuite à Genes où il eut plusieurs conférences avec le duc d'Useda, il fit trouver la nuit le Sier Coutelet pour luy déclarer sous le secret qu'il avoit de grandes choses à luy dire, il l'assura après bien des mystères qu'on avait formé le projet de bruler les magazines du Roy à Toulon, et les vaisseaux qui étaient dans le port, que c'était un Allemand qui était actuellement à Toulon qui était chargé de l'exécution de cette entreprise, que luy St Hilaire retournait à Naples pour y faire armer un vaisseau de 60 canons qu'il commanderait,

¹ Биография помещена в книге входящих донесений Совета морского флота в качестве примечания на полях к записи от 6 января 1716 г. Неизвестный чиновник реагирует таким образом на одно из сообщений Лави, подтверждая негативный отзыв Лави о Сент-Илере. Протокол подписан графом де Бурбоном и маршалом д'Эстре.

mais qu'il prendrais de juste mesures pour conduire et remettre ce vaisseau dans un des ports du royaume.

Ces avis quoiqu'incertains ne furent pas négligés et on donna tous les ordres possibles pour prévenir le mal, et vérifier s'ils étaient fondés, les éclaircissements que l'on eut persuadèrent qu'ils étaient supposés. On en manda aux Sr Aubert, et tous les détachés de faire arrêter, et envoyer en France St Hilaire lors qu'il passerait de Genes à Livourne sur une felouque qu'il avoit prise, ils donnèrent eux-mêmes cette ouverture, mais cet homme changea [de] sentiment, et alla à Milan par terre, [où] il fut mis en prison pour avoir enlevé la femme d'un Génois. Le Duc d'Useda le fit mettre en liberté, et il retourna à Naples où ayant tenu une mauvaise conduite, et entant d'ailleurs devenu suspect. Le Vice Roy le fit arrêter et mettre dans le château neuf, lorsqu'on instruisait son procès il trouva moyen [de] corrompre un soldat qui était en sentinelle et de se sauver. Ce soldat fut pris et pendu. St Hilaire se retira à Messine pour donner à ce qu'il prétendait de grands amis au Roy de Sicile qui y etoit alors, et luy offrir ses services. Ce Prince l'écouta, il luy fit donner 200 pistoles et l'obligea ensuite à sortir de Sicile.

St Hilaire a passé à Petersbourg avec de prétendus grands projects pour l'établissement de la marine du Czar.

Une fille d'honneur de la Princesse epouse du Prince hereditaire de Moscovie en estant devenue amoureuse, l'a epousé, et au moyen de ce mariage, le Czar a donné à St Hilaire la direction des ecoles d'hydrographie, et le commandement de 300 Gardes Marine que ce Prince a establys suivant le memoire que St Hilaire luy a présenté.

AN. Marine. B⁷ 28. F. 129–130

Перевод:

Сент-Илер всего лишь самозванец. Он из Тулона, его настоящее имя Алер, в течение многих лет он жил в Байонне как купец. Там он совершил гнусное мошенничество, составив подложный страховой контракт на корабельный груз, по которому тот груз был дорого оценен и застрахован, а меж тем тюки, сундуки и ящики были заполнены лишь камнями и травой. Этот человек устроил так, чтобы корабль потерпел крушение, что и произошло с ним у испанского берега. Когда злодеяние это было раскрыто, Сент-Илер бежал, адмиралтейские чины Байонны провели заочный процесс и приговорили его к галерам, он же скрылся в Испании, где сумел снискать доверие господина маркиза де Бэ, который поручил

ему тайные переговоры с португальцами о сепаратном мире. Когда мир уже почти был заключен, он вероломно объявил об этих переговорах послу Англии в Лиссабоне, тот же пообещал ему большое вознаграждение и отправил для его получения к лондонскому двору.

Королева Анна дала ему 500 фунтов стерлингов, но он тем не удовольствовался и стал вести себя подозрительно, тогда ему было велено покинуть Англию. Он отправился в Вену, дабы пожаловаться императору² на такое скудное вознаграждение и разъяснить ему, какую великую услугу он оказал Его величеству, прервав переговоры о мире, и тот пожаловал ему баронское достоинство и пост военно-морского интенданта в Неаполе. Составив меморандум, в котором он пообещал создать там многочисленный флот, он направился в Неаполь, где пробыл некоторое время, затем поехал в Геную, где часто беседовал с герцогом де Уседа. Однажды ночью он добился встречи с господином Кутеле, сказав, что имеет сообщить ему по секрету нечто важное. Приняв весьма таинственный вид, он заверил его, что задумано сжечь королевские склады в Тулоне и корабли в порту, что поручено исполнить это предприятие некоему немцу, который был в то время в Тулоне, что он, Сент-Илер, возвращается в Неаполь, чтобы снарядить там 60-пушечный корабль и командовать им, но предпримет верные меры, дабы привести и передать корабль в один из портов королевства.

Хотя эти предупреждения сочли ненадежными, однако не оставили их без внимания, и были приняты все возможные меры, чтобы предотвратить беду и выяснить, насколько обоснованы опасения; разыскания убедительно показали, что они были вымышленными. Об этом сообщили господам Оберам³ и всем людям на местах и приказали арестовать Сент-Илера и отправить во Францию, когда он проследует из Генуи в Ливорно на нанятой им фелуке. Но он изменил свои намерения и отправился в Милан посуху, где был посажен в тюрьму за похищение жены некоего генуэзца. По указанию герцога де Уседа он был выпущен на свободу и вернулся в Неаполь, где отметился дурным поведением и навлек на себя подозрения. Вице-король⁴ приказал арестовать его и поместить в Кастель-Нуово⁵; пока разбирали его дело, он нашел средство подкупить

² Имеется в виду Карл VI.

³ Обер (Aubert), многочисленная семья, представители которой были в разное время консулами Франции в различных средиземноморских портах, в том числе в Генуе.

⁴ Вирих Филипп фон Даун, вице-король Неаполя в 1707–1708 и 1713–1719 гг.

⁵ Кастель-Нуово — замок в Неаполе, резиденция правителей и наместников, а также тюрьма.

солдата, стоявшего на часах, и сбежал. Солдат этот был взят под стражу и повешен. Сент-Илер удалился в Мессину, чтобы, как он утверждал, представить добрых друзей бывшему там в то время королю Сицилии⁶ и предложить свои услуги. Этот государь выслушал его, приказал выдать 200 пистолей и затем заставил покинуть Сицилию.

Сент-Илер направился в Петербург якобы с великими проектами учреждения царского флота.

Фрейлина⁷ царевны, супруги⁸ царевича, наследника московского престола, влюбилась в него и вышла за него замуж, и благодаря этому браку царь отдал Сент-Илеру руководство гидрографическими школами и командование 300 гардемаринами, которые этот государь учредил по меморандуму, представленному ему Сент-Илером.

⁶ Имеется в виду Виктор Амадей Савойский.

⁷ Кристина Шарлотта фон Арним (1677–1745).

⁸ Имеется в виду Шарлотта Кристина София Брауншвейг-Вольфенбюттельская, супруга царевича Алексея Петровича.

«Дневник моих переговоров о сепаратном договоре между королевствами Франции и Испании и Португалией», 18 апреля 1711 г.¹

Journal de ma negociation pour un traité particulier
entre les couronnes de France et d'Espagne, et le Portugal.

Je m'appelle Joseph Haller, je suis natif de Toulon, établi depuis quatre ans marchand à Bayonne. J'en suis parti dans le mois d'aout 1710 pour venir à la Corogne en Galicie, faire quelques affaires particulières. J'envoyai de là un Capitaine Genoïs à Bayonne pour qu'il fut Capitaine d'un navire à moy sous sa bandière, que j'avois fait charger du brée [=blé] et du fer, et d'autres marchandises pour Lisbonne, lui ordonnant de faire les depeches pour Cadiz, en repassant il relacha à la Corogne pour me prendre avec lui dans le mois de novembre. Quand nous fûmes sur la côte du Portugal nous trouvames un navire de St. Malos corsaire, Capitaine Jolly de Simoualou, qui nous prit et nous mena à Cadiz. Il trouva dans mon dit navire quelques papiers qui parloient de Lisbonne. Cela engagea le dit corsaire à faire avoué au dit capitaine Genoïs et à son équipage qu'il étoit vrai qu'ils alloient à Lisbonne, ce qu'il fut cause que le dit navire et charge fut confisqué et comme par cette confiscation je me trouvai convaincu de vouloir introduire de marchandise[s] prohibées aux ennemis de la France, je n'y osois pas retourner. J'envoya[i] procuration à un ami pour recevoir les assurances de ceux qui m'avoient assuré le dit navire, et charger de m'achepter un autre navire à peu près du meme port et me le charger des memes marchandises que l'autre dit navire Genoïs pris, et me l'envoyer sous bandière Genoïse à Lisbonne depeché pour Cadiz, lui disant en meme temps que je venois à Lisbonne pour en faire les assurances.

Je parti du port de St Marie le premier de fevrier dernier pour venir à Badajox. En y arrivant je fus trouver Monsieur le Marquis de Bay pour lequel j'avois une lettre de recommandation du Marquis de Resbourg que j'avois

¹ «Дневник» содержится в книге входящей корреспонденции по Португалии государственного секретаря Южного департамента. Документ не датирован, дата приводится по описи. В том же деле содержится еще несколько копий и кратких экстрактов этого текста, помеченных более поздними датами.

receu [=reçu] pendant mon séjour à Cadix, sur ce témoignage Monsieur le Marquis de Bay entre autres choses me dit qu'il ne douta nullement que je ne fus bon François, et porté de rendre service à Mon Prince et au roi Philippe, il me charg[e]a de proposer et solliciter les Portugais à faire un traité de paix particulier avec les deux couronnes, et de leur offrir toutes les assurances, et avantages qu'ils pourroient souhaiter. Je partis le 16 de Badajox, en arrivant à Elvas on me mena chés le jeune Marquis das Minhas, qui me disoit au commencement en public, qu'il le trouvât fort etrange que Monsieur de Bay envoyât des gens de cette maniere sans lui en faire part, qu'il y avoit d'autres routes pour aller à Lisbonne, et qu'il ne me laisseroit pas passer par là, après quoi me prenant à l'écart il me demandât des nouvelles d'Espagne, sur lesquelles je le satisfis, lui disant en meme tems que la meilleure que je pouvois lui donner étoit la commission dont Monsieur de Bay m'avoit chargée, il se radoucissoit alors et me faisoit beaucoup de caresses, me priant à dîner avec lui et les autres Messieurs qui s'y trouvoient, entre lesquels il y avoit Monsieur de La Pradelle. A l'égard du traité il me répondit qu'il m'enverroit à Diego de Mendoça Cortereal secretaire d'Es[tat] pour lui parler de cette affaire, me disant pourtant que comme il avoit refusé publiquement de me laisser passer, il faudra sauver les apparences, et le [se] faire solliciter fortement en ma faveur par Monsieur de la Pradelle, ce que je fis. Je partis d'Elvas en poste le 19 pour Lisbonne avec un capitaine de cavallerie Portugais, nous y arrivâmes le 20, nous fumes droit à la secretaire d'Etat, à l'appartement de Monsieur de Mendoça, à qui je fis la proposition du dit traité. Il me répondit qu'il ne pouvoit pour le present donner aucune reponse sur cette matiere, mais qu'il trouvoit à propos que je ne parusse point en ville, — crainte de ne donner quelque soupçon aux ministres des alliés. Il fut convenu que je resterois chés son premier commis Alexandre de Coste Pinheiro et qu'il me rendroit bientôt reponse sur ma proposition. Le soir du meme jour sur les sept heures Diego de Mendoça vint me voir, il me dit comme ma commission étoit verbale, qu'il falloit que j'écrivisse au dit Marquis de Bay de me donner une autorité par écrit.

Je lui écrivis d'abord sur ce sujet, il me répondit le 26 du meme mois, sa lettre arriva à Lisbonne le premier de Mars, elle étoit ouverte, Diego de Mendoça me l'envoya d'abord, et me fit dire d'aller avec mon hôte Alexandre de Coste Pinheiro dans la maison de campagne, où il se trouva. Il me dit qu'il voyoit par la lettre que le Marquis de Bay m'écrivit, que la commission verbale qu'il m'avoit donnée étoit veritable, mais qu'il ne s'expliqua point sur ces propositions. Il fut convenu que j'irois à Badajox dire à Monsieur de Bay qu'on vouloit bien entrer en traité, mais qu'il fallut donner par écrit ou de bouche les avantages qu'il vouloit faire. Je partis pour Badajox le 3 de mars

en compagnie de Pantaleon de Costa domestique de Diego de Mendoça, nous arrivâmes à Estremos le même jour où se trouva le jeune marquis das Minhas, qui me fit donner rendez-vous dans le couvent des Pères de l'Oratoire. Je lui fis part de ma négociation avec Monsieur de Mendoça, il me donna un adjutant de Cavallerie pour m'accompagner jusqu'à Olivenza, avec une lettre pour le Gouverneur de cette ville pour me donner des chevaux et un tambour pour passer à Badajox. J'y arrivai le 5, je n'y trouvais pas Mons[ieur] de Bay, je fut le joindre à Al Curea² à 15 lieues de Badajox, il dépêcha d'abord un courrier au Roi son maître pour lui faire part de ma négociation, et pour qu'il lui envoyât les instructions nécessaires, et un plein pouvoir pour traiter à fond sur la dite négociation. Il fut convenu avec Monsieur de Bay que j'irois l'attendre à Merida, j'y vins et comme je n'y connoissois personne, je me suis résolu de revenir à Badajox, je laissai une lettre à Merida que Alonco Leal trésorier des troupes de l'Estremadura rendit à Monsieur de Bay, lorsqu'il y arriva, par laquelle je lui faisois savoir que m'ennuyant à Merida j'étois retourné à Badajox. Monsieur de Bay en arrivant à Merida me répondit qu'il espéroit me voir en trois ou quatre jours, pour parler à fond sur la matière en question. Il m'écrivit après une lettre du même endroit par laquelle il m'informoit qu'il avoit reçu son courrier de Sarragosse avec un plein pouvoir du Roi son maître, et m'ordonna d'aller incessamment à Lisbonne, d'en faire part à Diego de Mendoça, mais comme je ne croyois pas que mes instructions fussent assez amples, je me résolu d'aller joindre Monsieur de Bay à Merida, je partis pour cet effet le 17. Je le trouvais à moitié du chemin à un village qu'on appelle Loubon³. Il me dit que la lettre qu'il m'avoit écrite étoit suffisante, je retournois ce même jour à Badajox pour prendre un trompette. J'en partis le lendemain pour Lisbonne, passant par Olivenza le gouverneur de cette place me donna un adjutant de cavallerie du régiment de Mons[ieur] Lugou Portugais avec de juments pour venir à Elvas, et ordre de ne point entrer dans la ville, mais aller à St. François, un couvent situé au nord-ouest d'Elvas proche du grand aqueduc. Le jeune marquis das Minhas vint m'y joindre, je lui fis part de tout ce qui s'étoit passé avec Monsieur de Bay. Je lui dit de sa part qu'il ne souhaitoit rien tant que de voir cette affaire conclue, pour avoir l'honneur de l'embrasser. Il me répondit par des remerciemens. Je continuai le même jour ma route pour Lisbonne, où j'arrivai le 19 au soir avec le dit adjutant. Le 22 j'eus un rendez-vous avec Monsieur de Mendoça dans sa maison de campagne, je pris la chaise, et le valet de mon hôte Alexandre de Costa qui me mena au-delà de Roucia où je trouvais Monsieur de

² Видимо, имеется в виду населенный пункт La Albuera.

³ Видимо, имеется в виду населенный пункт Lobón.

Mendoça dans sa chaise toute fermée, je me mis dedans avec lui, et nous fumes ensemble dans sa maison de campagne, parlant à fond sur cette matière, il fut conclud que je retournerois à Badajox dire à Monsieur de Bay qu'on voulut absolument avant nommer de sujets pour cette affaire, savoir les propositions qu'on vouloit faire et qu'ainsi il pouvoit me les dire. Monsieur de Mendoça me pria d'écrire à Monsieur de Vendosme, lui faire part de ma negociation, et lui dire les dispositions qu'ils estoient pour conclure une affaire de cette importance. Le 23 je sui[s] parti pour Badajox et j'y arrivai le 24 au soir, j'écrivis d'abord à Monsieur de Vendosme sur la matiere en question. Monsieur de Bay me dit le meme jour ses intentions et celles du Roi son Maitre, qu'il donneroit au Portugais la Province de Thuy, la Puebla, Badajox et Ayamonte qu'ils pourroient fortifier comme ils jugeront à propos. Je partis de Badajox le 25 pour Lisbonne passant toujours par Olivenza et allant au couvent de St. François d'Elvas ou vint Monsieur das Minhas. Je lui fis part de la proposition, il en parut fort content, et me depecha d'abord pour suivre mon voyage à Lisbonne, où j'arrivai le 26, le meme jour au soir Mon[sieur] de Mendoça m'envoya chercher dans son appartement, je lui fis les offres que Mon[sieur] de Bay m'avoit dit de faire, il en parut aussi content que le Marquis das Minhas, mais il me dit que pour les assurances de ses Flottes, ils auroient besoin de quelques navires françois, et qu'il falloit que je retournasse à Badajox pour demander à Monsieur de Bay trente vaisseaux de ligne depuis cinquante jusqu'à quatre-vingt canons. Je repartis le 27 pour cet effet, le Marquis de Bey me dit qu'il en alloit écrire en Cour, par un courrier qu'il depecha le 28 au soir. Je fis part de la bonne issue de mon affaire à Monsieur de Vendosme, je partis de Badajox pour Lisbonne le 30 passant toujours par Olivenza, et allant au Couvent de St. François d'Elvas, où je vis le Marquis das Minhas. J'arrivai à Lisbonne le 31, Monsieur de Mendoça vint me voir le soir sur les sept heures, je lui dit que Monsieur de Bay avoit écrit en cour pour les navires, et que d'abord qu'il en auroit une reponse, il lui en feroit part. Je repartis le lendemain premier d'avril pour aller attendre cette reponse, j'arrivai à Badajox entre minuit et une heure de 1 à 2 et fis ouv[r]ir les portes, j'y restai cinque jours, Monsieur de Bey me dit alors qu'il avoit reçu une lettre de la Cour pour l'affaire des navires. Il me donna une lettre cachetée pour Monsieur de Mendoça sans me rien dire mais j'ai sçu par le secretaire de Mons[ieur] de Bay qu'on lui accordat les navirres qu'il demandoit, c'est à dire qu'on donneroit les armes, munitions de guerre et equipages mais qu'ils payeroient eux-memes les salaires et les vivres. Je partis le 6 passant toujours par Olivenza, et le couvent de St. François où je vis le Marquis das Minhas. J'arrivai à Lisbonne le 7. Je tendis ma lettre à Monsieur de Mendoça qui me fit

repartir le lendemain avec une autre lettre cachetée pour Monsieur de Bey. J'arrivai le 9 au matin à Badajox après que le Marquis de Bay avoit lû ma lettre, il commença à me quereler, à cause que j'avois écrit à Monsieur de Vendosme sans lui en faire part, disant que c'étoit indigne à moi d'avoir agi de la sorte, puisque j'avois reçu [=reçu] cette commission de lui, qu'il ne fallut pas que j'en voulusse donner la gloire à d'autres, ni vouloir me l'approprier, il me retint toute la nuit dans une chambre, avec une garde, pour que je n'écrivis aucune lettre à Mons[ieur] de Vendosme, il ne voulut point meme me rendre celles que Monsieur Vendosme m'avoit écrit. Il me dit qu'il ne vouloit point de conclusion du traité, et que lorsqu'il seroit en campagne il feroit des nouvelles propositions lui-meme au[x] generaux portugais. Cependant son secretaire me dit avant de partir que l'affaire étoit entierement conclüe, et qu'on devoit nommer la part de Portugal des sujets pour finir le tout, qui entreroient par Albuquerque incognito pour se joindre avec le Marquis de Bay à Merida, chés don Alonco Leal. Il me disoit aussi que je ne devois pas me chagriner de ce que Monsieur de Bay avoit fait à mon egard, qu'il avoit écrit fortement en cour en ma faveur, m'assurant en meme tems qu'on me depecheroit bientôt une patente pour etre consul pour les deux couronnes à Lisbonne ; et me donneroit d'autres gratifications. Je partis le 10 de Badajox, passant à Olivenza le gouverneur de cette place me dit qu'il venoit recevoir une lettre du Marquis das Minhas qui lui disoit de ne me laisser point aller au couvent, mais entrer dans la ville d'Elvas, et que les portes me seroient ouvertes, j'arrivai à Elvas le meme jour avec l'adjutant qui m'accompagnait toujours. Je fus d'abord chés le Marquis das Minhas qui me mit dans la chambre de son homme d'affaire Joseph Martin, pour que personne ne me vit. Il me dit qu'il avoit ordre de ne me laisser pas aller sitôt à Lisbonne, cependant j'écrivis à Monsieur de Mendoça qu'il me permit de venir a Lisbonne pour mes affaires particulieres. Il écrivit au Marquis das Minhas de me faire partir. J'arrivai à Lisbonne avec l'adjutant le 14. Diego de Mendoça vint me voir le soir à l'heure accoutumée, je lui fis de bouche le conte de mon affaire avec Monsieur de Bay, le lendemain il m'envoya dire de bon matin de partir pour Elvas, voir Monsieur das Minhas pour me faire passer à Badajox. Je partis avec mon adjutant qui avoit un gros paquet pour Monsieur das Minhas.

Je ne savois que penser de tout ce menage à mon egard, je connoissois bien qu'on se mefioit de moi et que dans la conclusion on ne voulut point me donner aucune part dans cette affaire, ce qui me fit resoudre de la declarer. Or je fus avec le dit adjutant jusqu'à Aroyollos, y étant arrivé, je feignis d'être incommodé, je me derobois de lui pour une demi-heure pour aller chés Major Général Hogan qui j'avois vû auparavant passant son regiment en reveue

dans cette ville, je le priai de me vouloir faire tenir une lettre à Monsieur de la Pradelle qu'on m'avoit dit, pendant mon dernier séjour à Elvas, être à Estremos, pour l'obliger à faire la diligence que je souhaitois, je lui déclarai l'affaire, il l'envoya d'abord son valet en poste à Estremos porter ma lettre à Monsieur de la Pradelle, qui vint à Aroyollos environ les trois heures du 16 à 17 et sans me parler ni me voir envoya à prendre trois chevaux de poste, qu'il fit mettre dans une maison hors de la ville, sur les six heures du matin pendant que l'adjutant faisoit seller les chevaux pour partir pour Elvas, je m'en fus chès Monsieur Hogan, où je trouvois Monsieur de la Pradelle qui me dit qu'il falloit partir incessamment pour Lisbonne. Nous sortimes de la maison par une fausse porte et fumes joindre nos chevaux où ils étoient. Nous envoyames prier Monsieur Hogan d'amuser aussi longtems qu'il pourroit le dit adjutant pour ne point lui donner lieu d'interrompre notre course. Nous arrivames à Lisbonne le meme jour à dix heures de soir et fumes nous mettre chés Milord Portmore.

Joseph Hallere.

NA. State Papers. Foreign. Portugal. SP 89/21. F. 97–101 v.

Перевод:

Дневник моих переговоров о сепаратном договоре между королевствами Франции и Испании и Португалией.

Меня зовут Жозеф Аллер, я родом из Тулона, четыре года назад обосновался в купеческом звании в Байонне. Я отправился оттуда в августе месяце 1710 года в Ла-Корунью в провинции Галисия по некоторым частным делам. Я послал оттуда в Байонну генуэзского капитана, который командовал под своим флагом одним из моих кораблей, нагруженным зерном и железом и прочими товарами, предназначенными для Лиссабона, и приказал ему направлять корреспонденцию в Кадис. На обратном пути в ноябре месяце он зашел в порт Ла-Коруньи, чтобы забрать меня. У берегов Португалии мы встретились с пиратским кораблем капитана Жоли де Симуалу из Сен-Мало, который захватил нас и привез в Кадис. Он нашел на моем упомянутом корабле некоторые бумаги, в которых речь шла о Лиссабоне. Это побудило упомянутого пирата добиться признания у упомянутого генуэзского капитана и его экипажа в том, что на самом деле они направлялись в Лиссабон, и потому упомянутый корабль и груз были конфискованы, а я, почувствовав на себе подозрение

в желании доставить врагам Франции запрещенные товары, не осмелился туда вернуться. Я послал другу доверенность, чтобы получить страховые выплаты за упомянутый корабль, и поручил купить для меня другой корабль приблизительно такой же грузоподъемности, загрузить его теми же товарами, которые были на вышеназванном генуэзском корабле, и направить его ко мне в Лиссабон под генуэзским флагом, направляя корреспонденцию в Кадис, присовокупив к тому же, что я еду в Лиссабон застраховать корабль и груз.

Я отправился из порта Санта-Мария первого февраля сего года в Бадахос. Прибыв туда, я отыскал господина маркиза де Бэ, к которому у меня было рекомендательное письмо от маркиза Ресбурга, полученное мной в бытность в Кадисе. Ознакомившись с этим поручительством, господин маркиз де Бэ сказал мне между прочим, что нисколько не сомневался, что как добрый француз я готов оказать услуги своему государю и королю Филиппу⁴. Он поручил мне обратиться к португальцам, чтобы убеждать их заключить с обоими королевствами сепаратный мирный договор и предложить им все возможные гарантии и преимущества, каких они пожелают. Я отправился из Бадахоса 16 числа и, прибыв в Элваш, был препровожден к юному маркизу даш Минаш, который сперва объявил мне публично, что находит чрезвычайно странной манеру господина де Бэ посылать к нему людей без предупреждения, что есть и иные дороги в Лиссабон и что он меня не пропустит. Затем, отведя в сторону, спросил у меня о новостях из Испании, в чем я ему дал удовлетворительный ответ, присовокупив к тому же, что лучшей новостью, что я мог ему сообщить, было поручение, данное мне от господина де Бэ. Тогда он смягчился и, весьма лаская меня, пригласил отобедать с ним и другими бывшими там господами, среди коих был господин де Ла Прадель. В отношении договора он мне ответил, что направляет меня к Дьогу д Мендонсе Корт-Реалу, государственному секретарю, сообщить ему об этом деле, добавив, однако, что, поскольку он публично отказался пропустить меня, нужно соблюсти приличия и настоятельно ходатайствовать через господина да Ла Праделя, что я и сделал. Я отправился 19 числа из Элваша в Лиссабон почтовыми лошадьми в сопровождении португальского кавалерийского капитана. Мы прибыли туда 20 числа и прямо направились в кабинет государственного секретаря, в покои господина Мендонсы, которому я сделал предложение о названном договоре. Он ответил мне, что в настоящее время не может дать мне никакого ответа в отношении сего предмета,

⁴ Имеется в виду Филипп V, король Испании.

но находит уместным, чтобы я не появлялся вовсе в городе из опасений вызвать подозрения у посланников союзных держав. Условились, что я останусь у его первого секретаря Алешандре да Кошта Пиньейро и что он вскоре сообщит мне ответ на мое предложение. Вечером того же дня близ семи часов Дього д Мендонса явился ко мне и сказал, что поскольку мое поручение было изустным, то мне нужно написать названному маркизу де Бэ, дабы он дал мне письменные полномочия.

Я тотчас же написал ему на этот счет, он ответил мне 26 числа того же месяца, его письмо пришло в Лиссабон первого марта и было распечатано. Дьогу д Мендонса тотчас же послал мне его передать и сказать, чтобы я вместе со своим хозяином Алешандре да Кошта Пиньейро отправлялся в загородный дом, где он находился. Там он сказал мне, что видит из письма ко мне от маркиза де Бэ, что устное сообщение мое было правдивым, но что никакого разъяснения об этих мирных предложениях он не нашел. Было условлено, что я поеду в Бадахос передать господину де Бэ, что существует готовность к переговорам, но нужно изложить на письме или устно предлагаемые преимущества. Я отправился из Бадахоса 3 марта в компании Панталеона да Кошта, слуги Дьогу д Мендонсы, мы прибыли в тот же день в Эстремос, где находился молодой маркиз даш Минаш, назначивший мне встречу в обители отцов-ораторианцев. Я сообщил ему о своих переговорах с господином Мендонсой, он дал мне в сопровождение до Оливенсы кавалерийского унтер-офицера и письмо к губернатору этого города с приказом дать мне лошадей и барабанщика, чтобы пройти до Бадахоса. Я прибыл туда пятого числа, не нашел господина де Бэ и направился следом за ним Ла-Альбуэра в 15 лигах от Бадахоса. Он тотчас послал курьера к королю, своему господину, дабы сообщить ему о моих переговорах и дабы получить от него необходимые инструкции и полномочия вести названные переговоры до конца. Мы условились с господином де Бэ, что я поеду в Мериду дожидаться его, что я и сделал, но, не будучи там ни с кем знаком, я решил вернуться в Бадахос и оставил в Мериде письмо, которое Алонсо Леал, казначей войск Эстремадуры, передал господину де Бэ, когда тот прибыл в город. В этом письме я сообщал ему, что наскучив в Мериде, я возвращаюсь в Бадахос. Прибыв в Мериду, господин де Бэ ответил мне, что ожидает увидеть меня через три или четыре дня, дабы основательно обсудить известный предмет. Затем он написал мне письмо из того же места, которым информировал меня о получении почты из Сарагосы, содержащей полномочия от короля, его господина, и приказал незамедлительно отправляться в Лиссабон и сообщить об этом Дьогу

д Мендонсе. Но поскольку я рассудил, что мои инструкции были недостаточно подробными, я решился поехать в Мериду к господину де Бэ и отправился туда с этой целью 17 числа. Я повстречал его на половине пути в селении, называемом Лобон. Он сказал мне, что письма, которое он написал мне, будет достаточно, и я вернулся в тот же день в Бадахос за трубачом. На следующий день я выехал в Лиссабон, и, проезжая через Оливенсу, получил от губернатора того места кавалерийского унтер-офицера из португальского полка господина Лугу и лошадей, чтобы добраться до Элваша, а также приказ не въезжать в город, а ехать в обитель Святого Франциска, что лежит на северо-запад от Элваша неподалеку от большого акведука. Молодой маркиз даш Минаш приехал туда ко мне, и я сообщил ему обо всем, что произошло между мною и господином де Бэ. От его имени я сказал господину даш Минашу, что господин де Бэ ничего так не желает, как увидеть настоящее дело улаженным и иметь честь обнять его. В ответ он поблагодарил меня. В тот же день я продолжил свой путь в Лиссабон, куда прибыл с названным унтер-офицером вечером 19 числа. 22 числа было назначено мое свидание с господином Мендонсой в его загородном доме. Я нанял карету, взял слугу моего хозяина Алешандре да Кошта, который вывез меня к площади Росиу, где я встретил господина д Мендонсу в плотно занавешенной карете. Я сел в его экипаж, и мы вместе отправились в его загородный дом. Подробно рассуждая об известном предмете, мы условились, что я вернусь в Бадахос сказать господину де Бэ, что прежде чем назвать представителей на переговоры, совершенно необходимо узнать предлагаемые условия, и, следовательно, чтобы он мне о них поведал. Господин Мендонса попросил меня написать господину де Вандому и сообщить ему о моих переговорах и рассказать о мерах, принимаемых для устройства столь важного дела. 23 числа я отправился в Бадахос, прибыл туда 24 числа вечером и тотчас написал господину де Вандому об этом деле. Господин де Бэ в тот же день сообщил мне о своих намерениях и намерениях Его величества короля передать португальцам провинцию Туи, Ла Пуэбла, Бадахос и Айамонте, которые они могут укрепить, как сочтут нужным. Я отправился из Бадахоса в Лиссабон 25 числа, вновь проехав через Оливенсу и завернув в обитель Святого Франциска в Элваш, куда приехал и господин даш Минаш. Я сообщил ему о предложении, которым он, кажется, остался весьма доволен и тотчас же поторопил меня продолжить путь в Лиссабон, куда я прибыл 26 числа. В тот же день вечером господин д Мендонса прислал за мной сопроводить меня в его покои. Я передал ему предложения, которые господин де Бэ приказал мне

сделать, и он остался ими так же доволен, как и маркиз даш Минаш, но прибавил, что для поддержки его флота нужны несколько французских кораблей и что я должен вернуться в Бадахос, чтобы попросить у господина де Бэ тридцать линейных кораблей, несущих от пятидесяти до восьмидесяти пушек. С этой целью я пустился в обратный путь 27 числа. Господин де Бэ сказал мне, что напишет об этом ко двору с курьером, которого он послал 28 числа вечером. Я сообщил о благополучном исходе своего предприятия господину де Вандому и отправился из Бадахоса в Лиссабон 30 числа, вновь проехав через Оливенсу и завернув в обитель Святого Франциска в Элваш, где виделся с господином даш Минашем. Я прибыл в Лиссабон 31 числа. Господин д Мендонса посетил меня вечером в семь часов, я сказал ему, что господин де Бэ писал к своему двору касательно кораблей и что когда он получит ответ, он им поделится. Я отбыл на следующий день 1 апреля, чтобы дожидаться ответа, прибыл в Бадахос между полночью и часом ночи с 1 на 2 число и заставил открыть себе ворота. Я оставался там пять дней, после чего господин де Бэ сообщил мне, что получил ответ от двора касательно кораблей. Он дал мне запечатанное письмо для господина д Мендонсы, ничего при этом не сказав, но я узнал от секретаря господина де Бэ, что португальцам предоставляли запрошенные ими корабли, то есть давали вооружение, боеприпасы и экипажи, но за провизию и жалование они будут платить сами. Я отбыл 6 числа, проехав как всегда через Оливенсу и обитель Святого Франциска, где видел маркиза даш Минаш. Я прибыл в Лиссабон 7 числа. Я передал письмо господину д Мендонсе, который велел мне отбыть на следующий день с запечатанным письмом для господина де Бэ.

Я прибыл 9 числа утром в Бадахос; после того как маркиз де Бэ прочитал письмо, он принялся мне выговаривать за то, что я написал господину де Вандому, не сообщив ему об этом, и сказал, что с моей стороны было недостойным так поступить, ибо я получил данное поручение от него и мне не следовало ни делиться этой славой с другими, ни присваивать ее себе. Он продержал меня всю ночь в своей комнате под стражей, дабы я не написал ничего господину де Вандому, и даже не соизволил передать мне те письма, которые мне написал господин де Вандом. Он сказал мне, что вовсе не желает заключения договора и что когда вступит в кампанию, то сам сделает новые предложения португальским генералам. Между тем его секретарь сказал мне перед отправлением, что дело уже совершенно решено и что со стороны Португалии должны быть названы представители для подписания договора, которые

проследуют через Альбукерке инкогнито, дабы встретиться с маркизом де Бэ в Мериде в доме у дона Алонсо Леала. Он прибавил еще, что мне не следует печалиться от того, как поступил со мной господин де Бэ, ибо он уже ходатайствовал письмом в мою пользу при дворе, и уверял, будто в скором времени мне пришлют патент консула обоих королевств в Лиссабоне и окажут иные почести. Я выехал из Бадахоса 10 числа и, проезжая через Оливенсу, узнал от губернатора того места, что он только что получил письмо от господина даш Минаша с приказом не пускать меня в обитель, а направить в город Элваш, ворота которого будут для меня открыты. Я прибыл в Элваш в тот же день с унтер-офицером, который по-прежнему сопровождал меня. Я тотчас явился к маркизу даш Минашу, который разместил меня в покоях своего поверенного в делах Жозефа Мартена, дабы никто меня не увидел. Он сказал мне, что получил приказ не пропускать меня в Лиссабон, однако я написал господину д Мендонсе, который позволил мне приехать в Лиссабон по моим частным делам. Господин д Мендонса написал к маркизу даш Минашу, чтобы тот отпустил меня. Я прибыл в Лиссабон с унтер-офицером 14 числа. Дьогу д Мендонса пришел ко мне в обычное время, я устно изложил ему историю моих сношений с господином де Бэ. Рано утром на следующий день он послал сказать мне, чтобы я отправлялся в Элваш на встречу с господином даш Минашем, который пропустит меня в Бадахос. Я отправился со своим унтер-офицером, который вез большой пакет для господина даш Минаша.

Я не знал, что и думать обо всей этой суете вокруг меня, ясно понимая, что мне нет доверия и что в итоге мне не захотели отвести никакой роли в этом деле, потому и решился придать его огласке. Я доехал с названным унтер-офицером до Аройолос, прибыв туда, сделал вид, что занемог, скрылся от него на полчаса и предстал перед генерал-майором Хоганом, которого видел раньше, когда он делал смотр своему полку в этом городе. Я попросил его сообразоваться дать мне письмо к господину де Ла Праделю, который, как мне сказали в мою бытность в Элваше, находился в Эстремосе, и оказать услугу, удовлетворив мою просьбу. Я объявил ему о деле, он тотчас отправил своего слугу с почтой отвезти мое письмо в Эстремос господину де Ла Праделю, который прибыл в Аройолос близ трех часов с 16 на 17 число и, ни поговорив, ни увидевшись со мной, послал за тремя почтовыми лошадьми, которых отправил к дому за городом. Близ шести часов утра, в то время как унтер-офицер седлал лошадей, чтобы ехать в Элваш, я прибыл к господину Хогану, где застал господина да Ла Праделя, сказавшего мне, что нужно неотложно ехать в Лиссабон.

Мы вышли из дому через потайную дверь и взяли ждавших нас лошадей. Мы послали просить господина Хогана, дабы он отвлекал как возможно дольше названного унтер-офицера и не дал ему возможность помешать нам уехать. Мы прибыли в Лиссабон в тот же день в десять часов вечера и предстали перед милордом Портмором.

Жозеф Халлер.

Письма маркиза де Бэ Жозефу Халлеру, февраль–март 1711 г.¹

Copie des lettres du Marquis de Bay à Monsieur [Hallere].

Badajoz le 26 Feb. 1711.

J'ai reçu, Monsieur, la lettre que vous avés pris la peine de m'écrire le 22, par laquelle je vois que vous avez communiqué à Monsieur le Marquis das Minhas la commission que je vous avois donné, qui vous a remis à Monsieur de Mendoca Cortereal qui n'a pas donné de credit à ce que vous lui avez dit n'étant pas autorisé par écrit, c'est pourquoi je vous reitere par cette lettre ce que je vous ai dit de bouche, savoir que si l'on veut entrer avec tout le secret necessaire en des pareilles occasions dans un traité particulier entre l'Espagne et le Portugal, l'on sera pret à le faire de cette part, et comme c'est une affaire qui ne peut resulter qu'au bien et à l'avantage de deux parties, j'ai lieu d'esperer que l'on y donnera aussi les mains de votre coté, et que Monsieur de Mendoca Cortereal me fera savoir les intentions de son maitre là-dessus, avec les mesures qu'il jugera le plus à propos de prendre pour les entreveues entre les sujets, ou sujet que l'on nommera pour cela.

Je donnerai par un courrier part en Cour de cette disposition du moment que j'aurai votre reponse, pour recevoir à fonds mes instructions sur cette matière, de meme qu'un plein pouvoir qui me sera asseurement continué comme l'on me l'avoit donné ci-devant.

Si Monsieur de Mendoca Cortereal jugeoit à propos de convenir des à present avec moi du meme traité qui s'observe jusques au Tage pour ne pas faire la guerre aux païsans, ni à leur bétails, depuis le dit Tage jusqu'au[x] frontieres de Galice, cela pourroit servir de pretexte pour une premiere entreveüe de l'affaire principale.

J'attends incessamment votre reponse et suis, Monsieur, très sincere-
ment votre très humble serviteur

Le Marquis Debay.

Veritable copie. Portmore.

¹ Письма содержатся в книге входящей корреспонденции по Португалии государственного секретаря Южного департамента сразу за публикуемым выше «Дневником» и представляют собой копии, написанные одним почерком.

Merida le 13 de Mars 1711.

J'ai reçu, Monsieur, la lettre que vous m'avez fait la grace de m'écrire par laquelle vous me dites la raison qui vous a obligé de passer à Badajoz, où j'espère de vous voir au premier jour et de parler plus à loisir avec vous, en attendant que vous ayez réponse de vos lettres, et moi de miennes.

Si vous pouviez cependant me faire venir de la belle toile d'Hollande de Lisbonne pour une douzaine de chemises et une douzaine de cravattes de belle mouseline je vous en serai[s] obligé et vous compterez ce que le tout coutera. Je suis, Monsieur, tout à vous.

Le Marquis Debay.

Veritable copie. Portmore.

Merida le 17 mars 1711.

Ayant, Monsieur, reçu reponse du Roi par laquelle il m'autorise pour le traité dont je vous ai parlé, vous pourrez retourner incessamment à Lisbonne pour dire à Monsieur de Mendoca Cortereal que s'il veut nommer quelq'un pour entamer ce traité, je suis pret de ma part à concourir a cela. Je suis, Monsieur, tout à vous.

Le Marquis Debay.

Veritable copie. Portmore.

NA. State Papers. Foreign. Portugal. SP 89/21. F. 103-104

Перевод:

Копии писем маркиза де Бэ господину [Халлеру].

Бадахос, 26 февраля 1711 г.

Я получил, милостивый государь, письмо, которое Вы взяли труд написать мне 22-го числа, из которого я вижу, что вы сообщили о данном мною Вам поручении господину маркизу даш Минаш, который переправил Вас к господину д Мендонсе Корт-Реалу, и что последний не принял на веру сказанного Вами, поскольку у Вас не было письменных полномочий. Посему я подтверждаю Вам этим письмом все то, что я сказал Вам устно. Знайте, что если есть желание, со всеми необходимыми в подобных случаях предосторожностями, заключить сепаратный мирный договор между Испанией и Португалией, мы со своей стороны также будем к этому готовы. Поскольку это предприятие не может не принести блага и преимущества обеим сторонам, я имею основание надеяться, что с Вашей стороны предприятию также будет оказано содействие и что господин д Мендонса Корт-Реал даст мне

знать о намерениях короля своего господина в этом отношении, равно как и о способах, которые он предложит для переговоров с лицами или лицом, назначенными для этого дела.

Как только у меня будет Ваш ответ, я отправлю эти предложения с курьером ко двору, чтобы получить указания по этому вопросу, а также полномочия, которые мне несомненно будут предоставлены, подобно тому, как мне их предоставляли ранее.

Если бы господин д Мендонса Корт-Реал рассудил уместным встретиться со мной для заключения соглашения, подобного тому, что сейчас действует до реки Тахо, то есть о прекращении действий против крестьян и их скота от упомянутой Тахо до границ Галисии, это могло бы послужить поводом и для первых переговоров по основному вопросу.

Я жду с нетерпением Вашего ответа и остаюсь, милостивый государь, Вашим покорным слугой.

Маркиз де Бэ.

Копия верна: Портмор.

Мерида, 13 марта 1711 г.

Я получил, милостивый государь, письмо, которое Вы сооблаговолили мне написать, где объясняется причина, по которой Вы должны приехать в Бадахос, где я надеюсь сразу же увидеться с Вами и поговорить более пространно, ожидая получения Вами ответа на Ваши письма, а мною — на мои.

Если, однако, Вы могли бы привезти мне из Лиссабона доброго голландского полотна на дюжину рубашек и дюжину добрых муслиновых шейных платков, я был бы Вам весьма обязан, а Вы сочтите, сколько все это будет стоить.

Остаюсь, милостивый государь, Ваш

Маркиз де Бэ.

Копия верна: Портмор.

Мерида, 17 марта 1711 г.

Милостивый государь, я получил ответ от короля, которым он уполномочивает меня заключить договор, о котором я вел с Вами речь. Вы можете вернуться в Лиссабон, чтобы сообщить господину д Мендонсе Корт-Реалу, что если ему угодно назначить кого-то, чтобы начать переговоры, я готов со своей стороны способствовать этому.

Остаюсь, милостивый государь, Ваш

Маркиз де Бэ.

Копия верна: Портмор.

N.º 4

Прощение Жозефа Халлера королеве Анне¹

Madame,

Le Suppliant represente à Votre Majesté, que par le service qu'il a crû rendre à la cause commune, Il a abandonné tous les biens qu'il avoit; tant en France qu'en Espagne comme paroît par le memoire ci-joint, lesquels ont été saisís et confisqués.

Il supplie très humblement Votre Majesté de vouloir bien faire attention au triste etat où il se voit maintenant réduit, et qu'il ne soit point exposé aux suites d'une telle perte.

Esperant de la bonté de Votre Majesté qu'Elle voudra bien y avoir egard; comme aussy au service qu'il a rendus. Ce qu'il l'engagera de plus en plus aux interets de votre Royaume et à la prosperite de Votre Majesté.

J. Hallere

NA. State Papers. Domestic. Anne. SP 34/30. F. 74

Перевод:

Мадам,

податель сего представляет Вашему величеству, что, действуя в интересах общего дела, он оставил все имущество, бывшее у него во Франции, а также в Испании, как это отражено в прилагаемой памятной записке, и на это имущество был наложен арест и оно было конфисковано.

Он нижайше просит Ваше величество соизволить обратить внимание на бедственное положение, в котором он ныне находится, и не допустить, чтобы он пострадал от последствий этой потери.

Уповая на доброту Вашего величества, с которой Она примет во внимание эти обстоятельства, а также оказанные им услуги, что подвигнет его к еще большему участию к интересам Вашего королевства и благополучию Вашего величества.

Ж. Халлер

¹ Письмо хранится среди бумаг государственных секретарей, относящихся к внутреннему управлению, среди других обращений к королеве по различным вопросам (пенсии, награды, помилования и т.д.). Здесь же находится и ряд других документов и прошений, относящихся к попыткам Халлера получить пенсию и публикуемых ниже. Документ не датирован, дата приводится по описи.

Халлер — лорду Дартмуту, 28 сентября 1711 г.

Milord,

Monsieur Louis comis de votre grandeur m'a dit ce qu'on avoit résolu à mon egard, et que Sa Majeste la Reine, avoit ordonné, qu'on me donna cinquante piesses [pièces] icy et cents cinquante lors que je seroit rendu où l'on m'a destiné, je suplie très humblement que ce soit dans le royaume d'Irlande, où je pourroy être plus en surétté [sûreté], pour ma personne qu'ailleur[s]; et de me faire la grace d'augmenter la somme qu'on a destiné à me donner icy, puisque je dois dans ce pays environ quarente piesses, depence qu'il m'a fallu faire pour vivre et pour me fere [faire] quelques [h]ardes, puisque je feux [=fus] obligé d'abandonner toutes celles que j'avois aux ministres portugais; je prie le seigneur qu'il veuille conserver la personne de votre Grandeur.

J. Hallere.

Péticion de Joseph Hallere, pour reprezanter à Milord Darmoul¹ ses dernières instances.

Sept 28 1711.

NA. State Paper. Domestic. Anne. SP 34/30. F. 94–95

Перевод:

Милорд,

господин Луи², поверенный Вашей милости, сказал мне, что в отношении меня было принято решение и что Ее величество королева приказала, дабы мне было выдано пятьдесят монет здесь и сто пятьдесят, когда я прибуду в место моего назначения. Я нижайше прошу, чтобы этим местом было Ирландское королевство, где моя персона может быть в большей безопасности, чем в ином месте, и чтобы Вы сделали мне милость и увеличили сумму, которая предназначается мне здесь, ибо я задолжал сорок монет в этой стране, израсходовав их по необходимости

¹ Следует читать Dartmouth.

² Скорее всего, Эразмус Льюис, помощник государственного секретаря, через которого проходила значительная часть относящейся к Халлеру переписки.

на пропитание и некоторые пожитки, ибо я был принужден оставить все свое имущество португальским министрам. Я молю Господа о том, чтобы он хранил особу Вашего сиятельства.

Ж. Халлер.

Петиция Жозефа Халлера с предъявлением милорду Дартмуту своих последних настоятельных просьб.

28 сентября 1711 г.

Халлер — лорду Страффорду, 2 января 1712 г.

A Son Excellence Milord comte de Strafford.

Milord,

J'ay eté aujourd'huy chez Monsieur le baron d'Hems, quy a eté surpris de mon pront [prompt] retour d'Amsterdam, il m'en a demandé le sujet. Je luy ay repondeu qu'ayant appris que Son Altesse devoit passer au premier jour en Englattere, j'étois veneu pour voir si elle auroit bezoin de moy, il m'a repondu que c'étoit bien fait, et qu'il le luy diroit ce soir mais que je ne manquasse pas de l'al[1]er voir demain matin, qu'il seroit peu[t] etre bien aize de me voir. Ce que je feroы et en rendroy un fidel compte à Vostre Excellence; je feroы tout pocible pour me procurer une bonne ocazion pour asseurer Votre Excellence et les seigneur[s] du Gouvernement combien je suis avoué [dévoué] à ses intherest.

Je suis avec respect

Milord

De Vostre Excellence le pleus humble et le pleus affectionné serviteur
J. Hallere.

A La Haye ce 2e janvier 1712.

BL. Additional MSS. 22223. F. 56–56 v.

Перевод:

Его превосходительству милорду графу Страффорду.

Милорд,

я был сегодня у господина барона фон Хеемса, который был удивлен моим скорым возвращением из Амстердама и спросил у меня о его причине. Я ответил ему, что, узнав о том, что Его высочество¹ собирается в ближайшее время отправиться в Англию, я явился узнать, не понадобится ли я ему. Он ответил мне, что я поступил правильно и что он сообщит ему об этом тем же вечером, но чтобы я не преминул явиться к принцу с визитом на следующее утро, может быть, ему приятно будет меня повидать. Я так

¹ Имеется в виду Евгений Савойский.

и поступлю и дам точный отчет Вашему превосходительству. Я сделаю все возможное, чтобы воспользоваться случаем и убедить Ваше превосходительство и господ министров в том, насколько я предан их интересам.

Пребываю с почтением,

Милорд, Вашего превосходительства нижайшим и преданнейшим слугой,

Ж. Халлер.

Гаага, 2 января 1712 г.

N.º 7

Халлер — лорду Страффорду,

2 января 1712 г.

Mylord,

Quelle raison que le baron d'Hems aye pu me proposer et que Son Altaïsse m'aye pu dire pour me mettre dans sa famille pour pacer an Englatte, je suis resoleu d'en rien faire, puisque mes amix m'ont fait la grace de me consserver quelque chozes de mes efaits. Je veux tacher de vivre en repos et en suretté, ne voullant point etre auteur d'aucune choze contre le gouvernement, j'espere que Votre Excellence aura la bonté de faire connoitre à ses seigneurs mes sentiments quy sont tous avoue [dévoués] aux intherest de la nacion et des sciens; je voudroit trouver une seconde ocazion pour les asseurer de mes veritables intencion[s]; je suplie Votre Excellence de voulloir interceder auprès d'eux pour moy, pour qu'ils ayent la charite de m'acorder la petite pention sur la Irlande, que j'ay eu l'honneur de vous parler et qu'on me permit d'y passer pour y proffecer en repos la religion que le Seigneur m'a fait la grace d'ambrasser et pour y faire mon petty comerce, pour tacher avec le secours du Seigneur, de remettre mes affaires, je crois de rester en cette ville encore dix à douze jours. Si Votre Excellence avoit bezoin de moy, je suis logé chez Messieurs Pierre Chaumel et Compagnie Banquiers en cette ville, mes affaires ne sont icy que pour faire les asseurance[s] du navire qu'il me vien de Galice chargé de vin pour Londres, suivant le paceport que j'en ay obtenu de Sa Majeste la Reine, datté du 13e octobre dernier n° 1865, après quoy je me retourneray à la Haye pour en recevoir les ordres qu'il plaira à Votre Excellence me donner, j'ay l'honneur d'estre avec un proffond respect,

Mylord

De Votre Excellence le plus humble et le plus affectionné serviteur

Joseph Hallere

Amsterdam ce 2e jenvier 1712.

BL. Additional MSS. 22223. F. 58–58 v.

Перевод:

Милорд,

какие бы доводы мне ни приводил барон фон Хеемс, и как бы ни увещевал меня Его высочество¹ присоединиться к его семье² и выехать в Англию, я решил не соглашаться, ибо мои друзья сделали мне одолжение, сохранив для меня кое-что из моего имущества. Я хочу, насколько возможно, жить в покое и безопасности и не желаю никоим образом действовать против правительства³. Я надеюсь, что Ваше превосходительство проявит благосклонность, сообщив господам министрам о моих суждениях и моей преданности интересам нации и правительства. Мне хотелось бы получить возможность еще раз изъяснить им свои истинные намерения. Я умоляю Ваше превосходительство ходатайствовать перед ними за меня, дабы они из любви к ближнему сооблаговолили назначить мне скромное пособие в Ирландии, о котором я имел честь говорить с Вами, и дать разрешение переселиться туда, дабы в покое исповедовать ту веру, которую я по милости Божией принял, и скромно вести торговлю, дабы с Божией помощью попытаться поправить свои дела. Я полагаю, что останусь в городе еще десять-двенадцать дней. Если у Вашего превосходительства будет нужда до меня, я живу у господ банкиров Пьера Шомеля и компании в этом городе. У меня здесь нет других дел кроме как застраховать корабль, который следует ко мне из Галисии с грузом вина для Лондона в соответствии с паспортом, полученным мною от Ее величества королевы 13 октября минувшего года за номером 1865. После прибытия корабля я вернусь в Гаагу, дабы получить указания, которые Вашему сиятельству будет угодно мне дать. Я имею честь пребывать с глубоким почтением,

Милорд,

Вашего превосходительства нижайшим и преданнейшим слугой,

Жозеф Халлер

Амстердам, 2 января 1712 г.

¹ Имеется в виду Евгений Савойский.

² Не вполне понятно, о чем идет речь, поскольку Евгений Савойский, как хорошо известно, никогда не был женат.

³ Имеется в виду предложение выступить в парламенте с рассказом о допущенной против него правительством Оксфорда несправедливости, к чему Халлера якобы подталкивал герцог Мальборо.

Халлер — лорду Страффорду, 3 января 1712 г.

My Lord,

J'ay eu l'honneur de voir Son Altesse ce matin vers les 11 heures, il m'a dit qu'il estoit prêt à partir, d'abord que le convoie qui doit escorter Monseigneur l'archeveque de Bristol seroit arrivé, et que je devois me tenir pret pour partir avec luy. Il doit envoyer ou faire partir aujourd'huy une partie de ses domestique[s] et de son equipage. Il m'a encore dit que demain [il] me feroit voir, et me remettroit le facton [?] qu'il prettant que je remette au parlement et dans l'assemblée des seigneur[s], contre l'injustice, qu'il pretend que My Lord Traisorier et My Lord Dartmouth m'ont rendu. Si je puis l'avoir, je le remettray d'abord à Votre Excellence et recevoir d'elle ses ordres qu'elle voudra bien me donner, que j'effectueroi avec toute la fidelité et avec toute la politique qu'il dependra de moy. Je doit aller loger dans la maison du comte de Gallasse lorsqu'il sera arrivé à Londres, voila tout c'est qu'il s'offre pour ce presant digne d'informer Votre Excellence. J'ai l'honneur d'estre avec respect,

My Lord,

De Votre Exc. le plus humble et le plus affectionné

J. Hallere

Une heure après midy, ce 3 jan[vie]r 1712.

BL. Additional MSS. 22223. F. 60–60 v.

Перевод:

Милорд,

я имел честь видеться сегодня утром около 11 часов с Его высочеством¹. Он сказал мне, что готов отправиться, как только прибудут корабли, сопровождающие сюда Его преосвященство архиепископа Бристольского, и что я должен быть наготове, чтобы отбыть с ними. Он должен отослать или отправить сегодня часть своих слуг и своего багажа. Еще он сказал мне, что завтра покажет мне и передаст записку [?], которую требует передать в парламент и в палату лордов, с протестом против

¹ Имеется в виду Евгений Савойский.

несправедливости, которую допустили по отношению ко мне милорд казначей² и милорд Дартмут. Если я смогу ее заполучить, я тотчас же передам ее Вашему превосходительству, чтобы получить указания, какие Вам будет угодно мне дать, с тем чтобы я исполнил их как можно точнее и расчетливее. Я должен буду расположиться в доме у графа Галласа, когда он прибудет в Лондон. Вот к настоящему моменту все сведения, достойные внимания Вашего превосходительства. Имею честь пребывать с почтением, милорд,

Вашего превосходительства нижайшим и преданнейшим [службой],
Ж. Халлер

Час пополудни, 3 января 1712 г.

² Имеется в виду лорд Оксфорд.

Халлер —
 лорду Страффорду,
 5 января 1712 г.

A Son Excellence Mylord comte de Strafford.

My Lord,

J'ay été ce matin chez Son Altesse qui m'a [fait] l'honneur de me demander les dispositions du peuple espagnol et des seigneurs du Portugal, que je pouvois connoître et leur intention et leur fidelité pour la lience [l'alliance] presente, à quoy j'ay satisfait suivant que je le puis scavoir. Il m'a demandé ce que je pense du peuple en general d'Angleterre, je luy ay repondu que les Anglois avoient l'apparence ou l'abord fort creu [cru], et qu'ils n'avoient pas cette maniere exterieure des Francois, qu'à l'égard de la populace, elle avoit son bon et son mauvais [côté], en faveur ou contre ceux pour lesquels se declaroit. Il m'a dit en cela que je luy parle de même qu'un homme qui avoit resté sept années dans ce pays-là. J'ay compris qu'il vouloit parler du comte Gallas. J'ay pris la liberté de luy dire qu'il seroit moins fatigant pour Son Altesse de débarquer à la tour, incognito, et n'avoir avec luy qu'un page et même deguisé, et prendre un carosse de louage comme un particulier, et se rendre dans le palais, où il devoit loger pour éviter le caau [chaos] que la curiosité du minut [menu] peuple pourroit faire naître. En cela il m'a dit, qu'il étoit accoutumé à ces sortes d'empressement, et qu'on luy asseuroient que le peuple anglois étoit fort agité, pour voir quelque personnage nouveau, et que sa curiosité luy permettroit peut-estre de le faire voir au peuple pour voir luy-même leur empressement. En cela je luy ay dit savoir le sujet qui le faisoit passer en Angleterre, il faisoit bien de voir la disposition du peuple. En cela il ne m'a plus rien repondu, et je me suis retiré. Je laisse à Votre Excellence tirer toutes les consequences que son jugement luy permettra.

Votre Excellence soit assuré, Mylord que je fait tout possible pour trouver une bonne occasion à luy persuader, comme au[x] seigneurs du gouvernement, combien je suis avoue [dévoué] à leurs interests. Il ne luy aura rien que se remettre en usage pour leurs rendre mes très humbles services.

A l'égard de ce que Votre Exc[ellenc]e me fit la grace de me dire que la pension que Mylord comte d'Oxford me faisoit la charité de m'accorder, et qu'elle seroit sur un autre nom que le mien, il n'a qu'à le mettre sur le nom

que Sa Grandeur voudra, et come j'ay dessein de me faire naturalisé Anglois, je prendrai le nom qu'on voudra. Je suis avec respect, etc.

J. Hallere.

Fait à midy ce 5e Jan. 1712.

BL. Additional MSS. 22223. F. 62–62 v.

Перевод:

Его превосходительству Милорду графу Страффорду.

Милорд,

я был сегодня утром у Его высочества¹, и он соблаговолил спросить о настроениях испанского народа и португальского дворянства, о которых я могу быть осведомлен, и об их намерениях и верности нынешним союзам. Я удовлетворил его интерес по мере моей осведомленности. Он спросил у меня, что я вообще думаю об английском народе. Я ответил ему, что внешний вид англичан и их обращение весьма грубы и что они не обладают обходительностью французов, и что касается простолюдинов, у этого есть добрая и дурная стороны, смотря по тому, в чью пользу или против кого они выступают. На это он мне сказал, что я говорю, словно человек, проживший в этой стране семь лет. Я понял, что он имеет в виду графа Галласа. Я взял на себя смелость сказать, что для Его высочества было бы менее утомительно сойти на берег инкогнито, имея при себе только одного пажа, даже переодетым, нанять съездную карету, словно обыватель, и отправиться во дворец, где ему назначено проживать, чтобы избежать возможного скопления любопытствующих простолюдинов. На это он мне ответил, что привычен к подобного рода стечению людей, что ему рассказывали о том, что английский народ волнуется при виде нового важного лица, и что из любопытства он, может быть, покажется народу, чтобы увидеть производимое им впечатление. На это я ему сказал, что знаю причину, которая заставляет его ехать в Англию, и что он правильно поступает, желая увидеть народные настроения². На это он мне больше

¹ Евгений Савойский.

² По всей видимости, Сент-Илер имеет в виду, что принц Евгений Савойский хотел бы знать, пользуется ли в Англии популярностью проводимый кабинетом Оксфорда курс на заключение мира с Францией: это можно будет понять по реакции простонародья на появление в Лондоне одного из виднейших военачальников союзников, который прочно ассоциируется с опальным герцогом Мальборо и с партией сторонников продолжения войны.

ничего не ответил, и я удалился. Я представляю Вашему превосходительству сделать из этого выводы по собственному усмотрению.

Милорд, Ваше превосходительство может быть уверено в том, что я делаю все возможное, чтобы получить возможность убедить Вас, а также господ министров, сколь я предан их интересам. Остается лишь вновь взяться за дело, дабы оказать им свои скромные услуги.

Относительно милости, которую Ваше превосходительство оказал мне, сообщив, что милорд граф Оксфорд по своему милосердию соблаговолил предоставить мне пособие, но не на мое имя, а на иное, я скажу, что достаточно переводить пособие на любое имя, какое Его милость пожелает, а поскольку я намереваюсь принять английское подданство, то возьму любое имя, какое пожелают. Пребываю с почтением и проч.

Ж. Халлер.

Написано в полдень 5 января 1712 г.

Халлер — лорду Страффорду, 10 января 1712 г.

My Lord,

Je feus hier chez Monsieur le comte de Gallas. Il me demanda pourquoy je n'avois pas ete à la suite de Son Altesse comme il me l'avoit promix. Je luy ay repondeu que son depars a ete si precipité que je n'y etoit nullement preparez et que d'ailleurs, j'attendois quelque[s] lettres d'Amsterdam, auxquelle[s il] falloit que je repondice avant party [partir]. Sa reponce a ete que c'etoit tampis pour moi.

J'ay encore ete ce mattin chez le baron d'Heems, quy m'a fait dire qu'il etoit occupé, et que je pouvois pas luy parler, je ne scay que comprendre à tout cella, ma crainte est grande à cause que Monsieur le baron de Veldrez, Monsieur de Latmar et Monsieur Vanez depeutés aux etats generaux, etoient mellés dans la resolution de mon depart avec Son Altesse; je seroit l'homme du monde le plus malleureux si les Monsieurы venoient à scavoir mon intelligence avec Votre Excellence, que je suplice [supplie] de m'envoyer le même memoire que j'eu l'honneur de luy envoyer, en cas que si [on] me l'en demandroit, je l'eusse prest, pour luy remettre, à cela fin qu'ils n'eussent aucun doutte de sousson [=soupçon]. Mes affaire[s] me demendent pour quatre à cinq jour[s à] Amsterdam, si Votre Excellence n'a plus besoin de moy, je suis resolleu de party demain par le charriot de la poste. Je seray toujours logez chez Mrs Pierre Chaumel et Compagnie Banquiers. J'espere que Votre Excellence aura heu la bonté d'ecrire an Engleterre en ma faveur, comme elle m'a fait la grace de me prometre, pour me faire obtenir la petite pencion de cents piess[s] pour mon vivant, et la royalle protection de Sa Majesté la Reine, pour laquelle je feray toute la vie de veux pour la conservation de sa royalle et sacrée personnée, pour la pro[s]perité de ses justes armes, pour l'avantage de la nation et pour le soutien de son gouverne[men]t et pour la personne de Votre Excellence à la quelle j'ay l'honneur d'estre avec un profond respect, My Lord,

De Votre Excellence le plus humble et le plus affectionné serviteur

J. Hallere.

A la Haye dimenche 10e janvier 1712.

BL. Additional MSS. 22223. F. 64–64 v.

Перевод:

Милорд,

я был вчера у господина графа Галласа. Он спросил меня, почему я не был в свите Его высочества¹, как он мне это позволил. Я ему ответил, что отъезд был столь поспешен, что я совершенно не был к нему готов и к тому же ожидал кое-какие письма из Амстердама, на которые мне необходимо было ответить перед отъездом. Он отвечал, что тем хуже для меня.

Я был еще сегодня утром у барона фон Хеемса, который передал мне, что занят и что я не могу с ним побеседовать. Я не знаю, как все это понимать, я весьма напуган, оттого что господин барон Вельдре, господин Латмар и господин Ване, депутаты Генеральных штатов, вмешались в решение о моем отъезде с Его высочеством. Я был бы несчастнейшим человеком в свете, если бы эти господа узнали о моих сношениях с Вашим превосходительством, и я умоляю Вас прислать мне ту самую памятную записку, которую я имел честь отправить вам. В том случае, если бы у меня ее спросили, я был бы готов ее им представить, чтобы у них не было никакого сомнения или подозрения. Дела требуют от меня отъезда на четыре или пять дней в Амстердам; если Ваше превосходительство более не нуждается во мне, то я решил отправиться завтра с почтовой каретой. Я по-прежнему буду проживать у господ банкиров Пьера Шомеля и компании. Я надеюсь, что Ваше превосходительство окажет мне любезность написать в Англию с ходатайством в мою пользу, поскольку Вы уже оказали мне милость, пообещав добиться для меня скромного пожизненного пособия в сто монет и высочайшей протекции со стороны Ее величества королевы, для которой я всю жизнь буду возносить молитвы за здоровье Ее священной монаршей особы, за успехи Ее праведного оружия, за преуспеяние нации, за устойчивость Ее правительства и за особу Вашего превосходительства, которого я с глубоким почтением имею честь быть, Милорд,

Вашего сиятельства нижайшим и преданнейшим слугой,

Ж. Халлер.

Гаага, воскресенье 10 января 1712 г.

¹ Евгений Савойский.

Халлер — лорду Страффорду,
15 января 1712 г.

A Son Excellence Milord Comte de Strafford.

Mylord,

Mon voyage d'Amsterdam a eté rompeu par une lettre que je receu lundy dernier, que je prend la liberte de remettre ci-joint à Votre Excellence pour qu'elle prenne la paine de la lire, après quoy je la suplie de me la renvoyer. J'ay presque toujours resté dans ma chambre en attendant que Votre Excellence m'ordonne de repacer an Englatte, comme elle m'a fait la grace de m'asseurer de l'obtenir, comme si bien la petite pencion de cents piesses. Mes affaires particulliere[s] demend[r]on[t] que je feusse à Londres à la fin du prezent mois quy est à peu près le temp que le navire quy me vien chargé de vin de Galice doit y arriver si Dieu veut le conduire à bon port. Ainsy, j'espere que Votre Excellence me le permettra ou qu'elle l'obtiendra des seigneurs du gouvernement je n'ay plus veu Mr le baron d'Hems, mais Mr de Latmar, député aux etats genereaux, m'a fait dire ce matin de me trouver dimanche à neuf heures du matin chez luy pour me parller. Je ne scay que m'imaginer de cette assignation, je m'y rendray et en feray un fidelle recit à Votre Excellence, que je suplie de m'onhorer de la continuation de sa protection, je suis avec tout le respect pocible, Mylord,

De votre Excellence le pleu humble et le plus affectionné serviteur

J. Hallere.

A la Haye, vendredy 15e janv. 1712.

BL. Additional MSS. 22223. F. 66–66 v.

Перевод:

Его превосходительству милорду графу Страффорду.

Милорд,

моя поездка в Амстердам была прервана письмом, которое я получил в прошлый понедельник. Беру на себя смелость передать его Вашему превосходительству, приложив к этому письму, дабы Вы взяли на себя труд его прочитать, после чего я умоляю Вас переслать мне его обратно. Я почти все время провел в комнате, ожидая, что Ваше превосходительство

прикажет мне вернуться в Англию, поскольку Вы оказали мне милость, уверив меня, что я получу на это разрешение, так же как и скромное пособие в сто монет. Мои личные дела потребуют моего присутствия в Лондоне в конце текущего месяца, ибо к этому сроку должен прибыть из Галисии корабль с грузом вина для меня, если Господу будет угодно благополучно привести его к месту назначения. Посему я надеюсь, что Ваше превосходительство позволит мне выехать [в Англию] или добьется такого разрешения у господ министров. Я больше не виделся с господином бароном фон Хеемсом, однако господин Латмар, депутат Генеральных штатов, сегодня утром передал мне, чтобы я явился к нему в воскресенье в девять часов утра для разговора. Не знаю, о чем и думать в связи с этим вызовом, я явлюсь к нему и подробно перескажу разговор Вашему превосходительству, которое я умоляю по-прежнему удостаивать меня своим покровительством. Пребываю со всем возможным почтением, Милорд, Вашего превосходительства нижайшим и преданнейшим слугой,

Ж. Халлер.

Гаага, пятница 15 января 1712 г.

Халлер — лорду Страффорду, 16 января 1712 г.

A Son Excellence Mylord comte de Strafford.

Mylord,

J'ay escrit ce matin à Monsieur de Latmar, pour scavoir par sa reponce que j'auroit creu qu'il m'auroit fait par escrit, si j'auroit été au rendezvous de demain, il me l'a faitte faire verballe quy est que je ne manque pas de me trouver demain dimenche à neuf heures du matin chez luy. Ainsy mylord, Votre Excellence peut laisser, j'ay le Sr Holzendolff pour qu'il puisse estre temoin du temps que je resteray en comference avec ce seigneur, de quoy [je] feray un fidelle raport à Vostre Excellence de tout ce qu'il m'aura dit.

Il est me semble juste, mylord, que puisque j'ay agy tout comme Votre Excellence ay pu souaiter, sous la promesse qu'elle m'a toujour faite de me faire avoir la pencion de cents piesses annuelle pendant ma vie, que j'aye l'honneur de la supplier de me faire scavoir, au sûr, en quoy je puis m'en tenir ; si je me voy une fois cette pention seure et la continuation de la protection de Sa Grandeur mylord Grand Traizorier; je pourray rester dans ce pays tout autant qu'il conviendra à Sa Grandeur; j'ay assez donné de preuves de mes bonnes intentions en general pour la nation puisque j'ay commencé d'abandonner generally tout ce que j'avez au monde, pour son service, lorsque je vain me rendre chez mylord comte de Portmor; et aujourd'huy pour le service particulier de Sa Grandeur, j'ay sacrifié toutes les promesses que les ministres allements [allemands] me faisons pour suivre Son Altesse e prince Hugenne de Scavoye [Eugène de Savoie] pour presenter à la chambre des seigneurs la requeste que j'ay remise en auriginal à Votre Excellence. Ainssy, mylord, il me paroît resonable que je supplie Vostre Excellence d'escire pour m'asseurer cette pention sur quel nom qu'il plaira à Sa Grandeur, après quoy je resteray tranquille et si je me donne quelque mouvement, ce ne sera que pour le service en general de S[a] M[ajesté], M la Reine et de son gouvernement, et en particulier pour celluy de Vostre Excellence, à laquelle j'ay l'honneur d'estre avec un profond respect,

Mylord,

De votre Excellence le plus humble et le plus attentionné serviteur

J. Hallere.

Samedy 16e janvier 1712.

BL. Additional MSS. 22223. F. 68–68 v.

Перевод:

Его превосходительству милорду графу Страффорду.

Милорд,

я написал сегодня утром господину Латмару, дабы узнать из его ответа, который, как я думал, будет письменным, следует ли мне явиться на завтрашнюю встречу. Он передал мне в ответ устно, чтобы я не приминул явиться к нему завтра в воскресенье в девять часов утра. Посему Ваше превосходительство может быть покойно, у меня есть господин Хольцендольф, который будет знать, сколько времени я проведу на переговорах с этим господином, о которых я составлю подробный доклад для Вашего превосходительства и упомяну об всем, что он мне скажет.

Мне представляется справедливым, милорд, поскольку я действовал целиком в согласии с пожеланиями Вашего превосходительства и на основании обещаний добиться для меня пожизненного пособия в сто монет ежегодно, которые я от Вас постоянно получал, чтобы я имел честь нижайше просить Вас дать мне знать, на что в точности я могу рассчитывать. Как только я пойму, что получу это пособие наверняка и по-прежнему буду пользоваться покровительством Его милости милорда великого казначея, я смогу оставаться в этой стране так долго, как то будет необходимо Его светлости. Я представил для нации вообще достаточно доказательств своих добрых намерений, поскольку после моего обращения к милорду графу Портмору я вообще постепенно теряю все, что имел в свете ради службы [английской] нации. И сегодня ради личной услуги Его милости я пожертвовал всеми обещаниями, которые мне делали германские послы, чтобы я последовал за Его высочеством принцем Евгением Савойским и представил палате лордов прошение, оригинал которого я передал Вашему превосходительству. Посему, милорд, мне кажется разумным нижайше просить Ваше превосходительство письменно подтвердить получение мною этого пособия, на какое бы имя Его милости ни было угодно его назначить. После этого я обрету покой и если и буду совершать какие-либо действия, то только ради службы Ее величеству королеве и ее правительству вообще и в частности ради Вашего превосходительства, которого я имею честь оставаться с глубоким почтением, Милорд,

Вашего превосходительства нижайшим и преданнейшим слугой,

Ж. Халлер.

Суббота 16 января 1712 г.

N.º 13

Халлер — лорду Дартмуту,

21 марта 1712 г.

A sa Grandeur mylord Comte de Dartmouth.

Mylord,

Puisque je suis assez malheureux de trouver tant d'obstacle[s] à pouvoir resté dans un pays pour lequel j'ay tout risqué, je supplie Votre Grandeur de voulloir permettre que j'en res[s]orte, et me faire la grace de me prescrire ce que les lois impozent à seus [=ceux] qui les contreviennent, j'asseure Votre Grandeur que si je ne les observe pas, je veux me soumettre à toutes les rigueurs, le monde est grand je trouverois peut-estre quelque reffuge pour soupirer mon imfortune, et me reprocher la legereté avec laquelle j'ay pris un partty sans en prevoir les avénements. Ce qu'y fait aprezant [=à présent] ma consolation est d'avoir ambrasser une religion qui seule peut me procurer mon salut, en ayant abandonner une qu'y n'est remplie que de vices d'idolatrie[,] de supersticion et de sacrilège. C'est toute la felicité que je puis me faire et l'esperence que j'ay que votre grandeur m'acodera [=accordera] la grace que j'ay l'honneur de luy demander, je suis avec un proffond respect, Mylord

De Votre Grandeur le plus humble et le plus affectionné serviteur

J. Hallere.

Mar. 21, 1711/12¹.

NA. State Papers. Domestic. Anne. SP 34/18. F. 42-43

Перевод:

Его милости милорду графу Дартмуту.

Милорд,

поскольку я был столь несчастлив встретить столько препятствий, мешающих мне остаться в стране, ради которой я всем рисковал, то я умоляю Вашу милость позволить мне ее покинуть и соблаговолить сделать предписание о том, какие наказания ждут тех, кто нарушают законы. Я уверяю Вашу милость, что если не буду их соблюдать, то готов испытать на себе

¹ Новый год по старому стилю в Англии в этот период все еще отсчитывался с 1 апреля, следовательно январь, февраль и март, относимые на континенте уже к 1712 г., в Англии еще считались 1711-м.

всю их суровость; мир велик, я, быть может, найду убежище, где смогу оплакивать свое несчастье и упрекать себя в легкости, с которой я отнесся к делу, не предусмотрев последствий. Сейчас я утешаюсь тем, что обратился к той вере, которая одна может спасти меня, и отрекся от той, что наполнена лишь пороками идолопоклонства, суеверий и кощунства. Вот вся радость, которая мне остается, и я надеюсь, что Ваша милость окажет мне милость, о которой я имею честь просить. Пребываю с глубоким уважением, Милорд,

Вашего сиятельства нижайший и преданнейший слуга

Ж. Халлер.

21 марта 1711/12 г.

N.º 14

Халлер — лорду Дартмуту,

21 марта 1712 г.

A Sa grandeur mylord Comte de Dartmouth.

Mylord,

J'espere que Votre Grandeur sera plainement satisfaite de ma justification et du sujet quy m'a fait retourner dans ce pays. C'etoit mylord pour y venir recevoir les debrits des efaits qui m'ont eté sauvé en Espagne et en France avec lesquels j'avés formé le dessain de continuer, dans ce pays le comerce. J'ay ces effaits entre les mains de gens dont la probiete [=probité] n'est pas bien assurée et qu'ils pourrions proffitter de mon emprisonement pour me l'enportter. Je serois l'homme du monde le plus malheureux, si un pareil malheur m'arrivoit d'ailleurs mylord ce quy luy a de plus cruel à moy est d'estre arreter de la part de la plus grande Reine du monde, sans qu'on me fasse donner ma subsistance, et si je n'avoit pas de quoy faire ma depence je seroit expozer à mourir de fain. Je suplie Vostre Grandeur d'avoir de charitables egards à tout ce que j'ay l'honneur de luy reprézentter, et de me faire donner ma liberte, soit pour rester dans le royaume de Sa Majeste p[ou]r y faire mon comerce, ou d'en ressortir pr l'aller faire allieurs à cela fin que je ne soit pas exposé à tous les advenements dont je suis menassé. Je feray de[s] v[eu]x au ciel p[ou]r la conservation de la personne de Votre Grandeur ; pour l'asseurer que je suis avec un profond respect, Mylord,

De votre grandeur le plus humble et le plus affectionné serviteur

J. Hallere.

Ce 21e mars 1712.

NA. State Papers. Domestic. Anne. SP 34/33. F. 44

Перевод:

Его милости милорду графу Дартмуту.

Милорд,

я надеюсь, что Ваша милость будет полностью удовлетворен моим оправданием и причиной, которая заставила меня вернуться в эту страну. Я сделал это для того, милорд, чтобы забрать те остатки моего имущества, которые были сохранены для меня в Испании и во Франции и с которыми

я намеревался продолжить торговлю в этой стране. Эти вещи находятся в руках людей, за чью порядочность нельзя ручаться, и которые могут воспользоваться моим тюремным заключением, чтобы их похитить. Я был бы несчастнейшим человеком в мире, если бы со мной случилась подобная беда. Впрочем, милорд, самое обидное для меня — это быть арестованным по велению величайшей из королев в мире и не получить содержания, а если бы у меня не было средств на расходы, я бы подвергся опасности умереть с голоду. Я умоляю Вашу милость с состраданием принять во внимание все, что я имел честь Вам изъяснить, и даровать мне свободу либо для того, чтобы остаться в королевстве Ее величества и заниматься торговлей, либо для того, чтобы покинуть страну и торговать в иных краях, не подвергаясь всем тем превратностям, которые мне угрожают. Я буду молить небо о сохранности особы Вашей милости; заверяю Вас, что пребываю с глубоким уважением, Милорд,

Вашей милости нижайшим и преданнейшим слугой

Ж. Халлер.

21 марта 1712 г.

Халлер — лорду Оксфорду,

29 марта 1712 г.

To the Right Honorable the Earl of Oxford and Mortimer Lord High Treasurer of Great Britain.

The Humble Petition of Joseph Hallere.

Humbly Representeth Onto Your Lordship

that it is very hard, that after my discovery of the pernicious designs intended by the court of Portugal to Her Allies, in making a secret peace with France and Spain, and my having hind'ed that the English Troops in that country were not sacrificed to the fury of the Spaniards by a sham battle which they designed to give, after the conclusion of their intended secret peace, to serve them for a pretext to excuse their designs to her allies; that I must have a prison for a reward of all my services, seeing that my aim and real intention in all was designed only for the good and advantage of this Nation; for by such discovery I have sustained the loss of all my estate which was very considerable, except about 700 sterl. which was saved by some of my friends, the which is but a part, according to the account which Milord Dartmouth ordered me to give him of it at my arrival from Portugal. Had I not, Milord, been soe happy by the means of my friends to have rescued what is above mentioned, I visibly saw my self exposed to the Extremest Poverty. Moreover Your Lordship knows very well that my conduct during my stay in Holland was only for the particular service of Your Lordship. I could not but think that after my affectionate carriage and behaviour, Your Lordship would have been pleased to have granted me Your Protection and the pension, which was promised by Your Lordship's letter to His Excellency the Earle of Strafford on my behalf, and that Your Lordship would have also procured me the protection of Her Majesty.

I humbly beg further of Your Lordship to consider that my real loss is about 9000 sterl.; and that I have been for about a year like a poor distressed wandered in the world. These reflections will, I hope, mover Your Lordship to pity my condition, and give order that a just and equitable satisfaction may be done, which is due to the merits of my cause; and that Your Lordship will not suffer me to spend in a prison that little which I have saved, for ever since I have been under arrest, I have been obliged to live at my own proper costs, having had nothing from Mr. Chapman the messenger, but boarding and fire.

It seems to me reasonable that Your Lordship will be pleased to order that I may have my daily expense reimbursed, and think it just that seeing I been put under arrest by order of the Greatest Queen in the World, I should not live at my own charges while kept in prison.

I therefore most humbly beg of Your Lordship to procure my liberty that I may thereby be enabled to settle my commerce in this country, as I design'd, of which I have given an account in the letters which I have had the honour to write to onto Your Lordship.

I hope that from the justice and goodness of Your Lordship, Your Lordship will be pleased to grant me the favours which I most humbly beg of Your Lordship, and for which Mylord, as a just and due acknowledgment I shall ever pray for the prosperity and continual preservation of Your Lordship, of whom I am with profound respect and veneration, Mylord,

Your Lordship's most obedient and most humble and devoted servant
Joseph Hallere.

NA. State Papers. Domestic. Anne. SP 34/33. F. 135–136

Перевод:

Достопочтенному Графу Оксфордскому и Мортимеру, Лорду Казначею Великобритании.

Смиренное прошение Жозефа Халлера.

Смиренно представляю Вашей светлости, что мне весьма досадно, открыв пагубные замыслы португальского двора по отношению к его союзникам, клонившиеся к заключению тайного мира с Францией и Испанией, и предотвратив принесение английских войск в этой стране в жертву ярости испанцев в притворной битве, которая должна была, после заключения этого предполагаемого тайного мира, оправдать их поступки перед лицом союзников; что мне должна достаться лишь тюрьма в награду за все мои услуги, при том что моя цель и истинные намерения во всех случаях клонились к выгодам и преимуществам этой нации. Раскрыв этот заговор, я потерял все свое имущество, которое было весьма значительным, за исключением около 700 фунтов стерлингов, спасенных моими друзьями, что составляет лишь малую часть учтенного в описи, которую я по прибытии из Португалии предоставил по его приказу милорду Дартмуту. Если бы мне не удалось, милорд, с помощью моих друзей спасти вышеуказанное, то я был бы принужден видеть себя в крайней нищете. Более того, Вашей светлости хорошо известно, что

мои действия во время моего пребывания в Голландии были направлены лишь к услугам Вашей светлости. Я не мог не думать, что после показанной мною преданности Вашей светлости будет благоугодно даровать мне Ваше покровительство и пенсию, обещанную для меня в письме Вашей светлости Его превосходительству графу Страффорду, и что Ваша светлость также добьется для меня покровительства Ее величества.

Я также смиренно прошу Вашу светлость принять во внимание, что мои настоящие убытки составляют около 9000 фунтов стерлингов; и что уже около года я подобен несчастному бедняку, блуждающему по миру. Эти размышления, я надеюсь, подвигнут Вашу светлость снизить до моего положения и распорядиться, чтобы я получил справедливое и полное удовлетворение, как я этого и заслуживаю по обстоятельствам моего дела; и что Ваша светлость не потерпит, чтобы я тратил в тюрьме то небольшое из моих средств, что мне удалось сохранить, получая от г-на Чапмена, смотрителя, лишь крышу над головой и дрова.

Мне кажется резонным, что Ваша светлость будет рада распорядиться, чтобы мне возместили мои повседневные расходы, и сочтет справедливым, что, будучи арестован по приказу величайшей королевы в мире, я не должен жить за собственный счет, пока меня держат в тюрьме.

Поэтому я смиреннейше прошу Вашу светлость доставить мне свободу, чтобы я мог завершить свои торговые дела в этой стране, как я и намеревался, и о которых я дал отчет в письмах, которые я имел честь писать Вашей светлости.

Я надеюсь, что в силу справедливости и великодушия Вашей светлости Ваша светлость соблаговолит даровать мне те милости, о которых я смиренно прошу Вашу светлость, и в качестве справедливого и должного воздаяния за которые, милорд, я буду вечно молиться о процветании и неизменном благополучии Вашей светлости, которого я с глубочайшим уважением и почитанием остаюсь, милорд,

послушнейший, смиреннейший и преданнейший слуга

Жозеф Халлер.

Халлер — Эразмусу Льюису,

8 мая 1712 г.

Monsieur Louis¹.

Monsieur,

J'ay eu l'honneur de vous dire hier par ma lettre que je feray tout mon possible p[ou]r que l'on me fasse mon procès si je suis coupable, ou d'avoir ma liberte si je ne le suis pas, et comme je n'ay rien à me reproché de ma conduite depuis que j'ay prix le partty de la juste cause comune et que je me voy emprisonner si innocemment et ayant demander souvent ma liberte sans pouvoir l'obtenir, J'ay prix le partty de consulter mon affaire suivant les loys du pays ainssy mon conseil portte que l'on me fera transferer au barreau pour y estre jugé et comme j'ay apreandé que semblable conduite pourroit faire de la paine à Sa Grandeur mylord comte de Dartmouth, j'ay voulu avant la mettre en ezeution, vous en informe[r] et vous prier si par la bonté de Sa Grandeur je pourray avoir mon elargissement. Il ne manque pas des honnestes gens en ville et fameux marchands qui repondrons de ma conduite supposé qu'il soit nessecaire de donner de caution, ainsy monsieur j'attendroy la reponse qu'il vous plaira me faire esperan[t] de vos bontés cette grace et celle de croire que j'ay l'honneur d'estre avec tout le respect pocible, Monsieur,

Votre très humble et très obeissant

J. Hallere.

Ce 8e may 1712.

NA. State Papers. Domestic. Anne. F. 133–133 v.

Перевод:

Господину Луи.

Милостивый государь,

я имел честь сообщить Вам вчера в своем письме, что сделаю все возможное, дабы добиться над собою суда, если я виновен, или получить свободу, если я невиновен. Поскольку мне не в чем себя упрекнуть за свое поведение с тех пор, как я решился на участие в общем правом деле,

¹ См. примечание к документу № 5.

а я нахожусь в тюремном заключении без вины и часто прошу о свободе и не могу ее добиться, то я решился на слушание своего дела по законам страны. Посему мой защитник советует, чтобы я был доставлен в зал суда и был там заслушан. Поскольку я опасаюсь, что подобный поступок может причинить неприятности Его милости милорду графу Дартмуту, то я пожелал, прежде чем привести это решение в действие, оповестить Вас и спросить, не могу ли я по доброте Его милости получить освобождение. Если понадобится поручительство, в городе нет недостатка в честных людях и известных купцах, готовых ответить за мое поведение. Посему, милостивый государь, я буду ждать того ответа, который Вам будет угодно мне дать, надеясь при Вашей доброте на эту милость. Будьте уверены, что я имею честь быть со всем возможным уважением, милостивый государь,
Вашим нижайшим и преданнейшим [слугой]

Ж. Халлер.

8 мая 1712 г.

Императорский патент
на имя барона де Сент-Илера,
18 ноября 1712 г.

Viena a 18 de noviembre de 1712.

Patente de Capn. de Mar, y Guerra en Persona del Baron Don Joseph de Saint Hillaire, flamenco de nación.

Don Carlos por la gracia de Dios Rey de Castilla &.

Atendiendo à los meritos del Baron Don Joseph de Saint Hillaire de nacion flamenco, y à la fidelidad y zelo, con que hà obrado siempre en mi cesarea, Real servicio; Y no dudando la continuará en adelante con el mismo cuidado, que asta aqui, hé venido en concederle (como en virtud de la presente le concedo) el grado de Capitan de Mar, y Guerra en mis Armadas con el sueldo, que le corresponde y llevan, y gozan todos los demas que se hallan con esta graduacion empleados en mi servicio, y es mi voluntad se guarden y mantengan à d[ic]ho Capn. Baron Don Joseph de Saint Hillaire todos los honores, prerogativas, exempciones, e inmunidades que le pertenezen, como a tal Capitan de Mar, y Guerra de mis cesareas, y Reales Armadas, y gozan los demas de sugenero; Y en su conseq[ue]ncia ordeno, y mando a todos mis Capitanes Gen[era]les y Gobernadores de mis Armas maritimas, y à otros qualesquiera cabos, y oficiales de ellas, a quien en qualqra manera toque, o tocar pueda el cumplimto de todo lo expresado guarden y executen, y hagan guardar y cumplan esta mi Al cedula segn su contenido, y asi mismo mando se registre, y note en las partes a onde tocara su puntual y entera observancia, que asi procede de mi voluntad. Dado en Viena à 18 de Noviembre de 1712.

Don Joseph Baron de St Hillaire, por una patente de cap[ita]n de marigera es del primero navia que le hara en el puerto y ciudad de Naples, con el salario y prorogativo de los demas capitan.

C[edula] Patente de Capitan de Mar, y Guerra con el sueldo, y prerogativos de los demas capitanes.

OeStA/HHStA. Italien-Spanischer Rat. Neapel Collectanea. 20 (alt 34)

Перевод:

Вена, 18 ноября 1712 г.

Патент дону барону Жозефу де Сент-Илеру, фламандцу, на чин капитана военно-морского флота.

Дон Карлос, Божьей милостью Король Кастилии и проч.

Принимая во внимание заслуги барона дона Жозефа де Сант-Илера, фламандца, и верность и рвение, с которыми он всегда служил на моей императорской и королевской службе, и будучи уверенным в том, что и в дальнейшем он будет служить с таким же усердием, как и до сего времени, я решил произвести (и этим патентом произвожу) его в чин капитана моего морского и военного флота с окладом, соответствующим тому, что и другие того же чина на моей службе получают, и я повелеваю, чтобы капитану барону дону Жозефу де Сент-Илеру предоставили почести, преимущества, права и привилегии, которые ему полагаются в качестве капитана моего императорского и королевского военно-морского флота, так же, как они предоставлены другим подобным чинам, и, следовательно, я велю и приказываю моим генерал-капитанам и управителям военно-морского флота, а также всем остальным начальникам, которые должны будут исполнять данный приказ, привести в исполнение настоящий мой патент, и таким образом приказываю всем регистрировать и отмечать его исполнение там, где это понадобится, потому что такова моя воля. Дано в Вене, 18 ноября 1712 г.

Дон Жозеф барон де Сент-Илер, согласно патенту на чин капитана военно-морского флота, должен сесть на первый корабль, отправляющийся в порт и город Неаполь, с окладом и преимуществами капитанского чина.

Патент военно-морского капитана с окладом и преимуществами капитанского чина.

Сент-Илер — графу фон Дауну,
18 апреля 1714 г.

1714, avril 18, Rome.

A Son Excellence Monseigneur le comte de Daun.

Monseigneur,

Je me suis fait la plus grande violence du monde, avant de prendre la resolution que j'ay prise: Il est naturel à un honnest homme de [se] soustraire de la tyrannie après avoir fait avec autant de zelle que d'inclination mon devoir à l'affaire dont j'étois chargé, puisque je me suis proscrit à jamais de ma patrie, sacrifier mon bien, mes amis et mes parents. Et par l'imposture du plus insigne [indigne] et le plus perfide de tous les homme[s], je me suis vu sacrifier dans un temps don[t] je m'attendois une recompence proportionnée aux service que j'ay eu l'honneur de rendre à l'auguste maison d'Autriche: j'ay toujours rendu à Votre Excellence la justice qui luy est due et je n'ay jamais cru que l'opression [oppression] que l'on m'a fait ait été directement de vos ordres, j'ay connu en plusi[eurs] occasion[s] que Votre Excellence ne pouvoit me faire ny bien ny mal et qu'elle avoit fait à mon egard, s'y j'ose me servir de ces terme[s], ce que Pilate fit à l'egard de Nostre Sauveur qu'après s'être laver les mains de l'iniquitable [l'inéquitable] accusation qu'on luy fit, le livra aux escribes et farisiens, c'est insy qu'il faut traitte[r] le duc d'Usedda et ces adevens. J'espère de la justice divine qu'elle fera connoitre au plus auguste et au plus equitable et plus clemens empereur l'iniquité de cest [ce] mechant homme, qui a sacrifié par son humeur altièr milles victimes innocentes.

A mon arrivée en cette ville j'ay eu l'honneur d'crire une lettre à Son Excellence Monseigneur le Comte de Pallas [Gallas] luy declaran[t] que j'étois prêt à me depposité où Sa Majesté l'empereur l'ordonneroit à condition qu'on me donna de comissaire nactionnal et inparcial [impartial], afin qu'elle vue ma droiture, et l'imposture de mon acusateur. Je resteroy icy jusques assés que je n'aye vue la reponce où avent prendre aucun party.

J'ay seu [su] par une personne qui est venue de Naples, que Votre Excellence avoit fait arrêté le paisan qui m'apporté du vin dans ma prison à cause qui m'avoit lavvé mon linge, j'auray l'honneur de représenter à V[otre] E[xcellence] que cet homme n'a aucune part à ma fuite puisque je ne luy remit mon linge que pour me l'engager au mont de la pieta, c'est le preteste [prétexte] que je pris pour ne luy donné aucun sou[p]çon de mon dessain, et

pour encore mieux le tromper je luy dit le samedy saint qui vain [qu'il vînt] pour un baril de vin que je devoit sortir de ma prison une des faittes de paques à cause de la paix faite.

Si Votre Excellence veu[t] scavoir de la manière que je suis sortit en voissy un abrégé. Il y avoit plus de trois mois que je monte tous les jours sur une des tours du château acompagné avec la sentinelle qui restoit dans ma chambre, le jour que je pria la resolution de me sauver, j'y feu [=fus] le soir à r'heure et demy et dans le tans [temps] que je me promenoit, je pria le soldat qui me suivé de m'aller chercher ma tabasquiere que j'avais laissée dans ma chambre ce qu'il fit. Et comme lui desendoit par un degrait [degré] je descendy par l'autre qui me mena à la place du château je sorty comme ça par votre propre palais je feus [=fus] d'abord achepter une epée, après quoy je m'en feu à Pocito [Procida], p[our] prendre mon linge ; un paisan que je pris à chaise me servis de guide pour trouver celluy à qui j'avois remis mon linge ; après quoy vaint avec moy jusques à Ponçolo [Pozzuoli], et pour sauver les aparence[s] de ma fuitte, je luy fis croire que je pourssuivoit un vallé qui m'avoit vollé 108 pistoles, que j'avois envoyer un homme du loste [poste?] de Monfridoni, et un autre du loste [poste?] de Capua afin de laresté [l'arrêter], que moy j'avois pris cette routte a [au] cas qu'il eu pris le chemin de la mer, que je vouloi aller à Procida, et à Isca [Ischia] pour prier les Gouverneur[s] de le faire arrêté s'il passoit par là, à cette derniere ville je peus voir le gouverneur à qui je dis la meme chose. Il eu[t] la bonté de donner dans le panneau, je le pria de me faire donner une falouque pour me mener à Gaete [Gaeta] et à Terrechina [Terracina], afin de luy couper le chemin si par [h]azard on l'avoit manquer à Lapona ce qu'il fit ainssy. J'arriva la derniere jatte à midy à Terrechina, il sembloit que Dieu par la divine clemence favorisoit ma fuitte puisque je ne seu pas pleustost [plutôt] party de cette jatte, qu'un vent d'est souffla autant que je le souaitte. Les mariniers de la falouque m'en felicitoient et atribué cella à un miracle en disant que dieu vouloit me faire avoir mon vallé [valet] et par concequant mon argent; J'oblier de dire à Votre Excellence que pour ne pas alle[r] à Gaète, je dis aux matelots que puisque le vent etoit si favorable qu'il falloit aller à Terrechine avant d'aller à Gaète, que je laisseroit les ordres au Gouverneur de cette place afin qu'il arresta mon vallé [=valet], et qu'après cette expedition nous descendrions à Gaète et après à Naples. Il feurent fort estonnés, lorsque je luy dit de sans [s'en] retourner à Isca et de remercier de ma part le gouverneur de la bonté qu'il avoit eu de me procurer une terre des seureté [=sûreté], voilla Monseigneur de la manière que je me suis conduit. J'espere que cette relation divertira Votre Excellence et qu'elle verra du moins de quoy je suis capable. J'espere qu'elle renvoyra le

j[e]une hom[m]e que j'ay laisser à ma place dans sa patrie, ou icy pour que je le face moy-meme. A l'égard de mon equipage je suis seur [sûr] que l'équité de Votre Excellence voudra qu'elle me soit envoyée, afin que je ne dise pas que je me suis mis en chemise au service du plus equitable prince du monde. J'espere Monseigneur cette grace de Votre Excellence et celle de croire que je seray toutte ma vie avec tout le respect pocible, Monseigneur,

Votre tres humble et tres obeissant serviteur

St Hillaire.

A Rome le 18^e avril 1714.

OeStA/HHStA. Italien-Spanischer Rat. Neapel Collectanea. 39 (alt 60).

Fol. 239–242

Перевод:

1714, 18 апреля, Рим.

Его превосходительству господину графу Дауну.

Ваше превосходительство,

я совершил над собой тягчайшее насилие, прежде чем принять то решение, что я принял, но для честного человека естественно избегать тирании. После того как с таким усердием и склонностью справился с делом, что было мне поручено, я навсегда расстался со своим отечеством и принес в жертву свое имущество, своих друзей и своих родственников. И через обман самого низкого и коварного из всех людей, в то самое время, когда более всего в том нуждался, я оказался лишен вознаграждения, соответствующего услугам, которые я имел честь оказать августейшему императорскому австрийскому дому. Я всегда отдавал должное Вашему превосходительству и никогда не думал, что притеснения, чинимые мне, исходили из непосредственных Ваших приказов. В различных обстоятельствах я изведal, что Ваше превосходительство не может причинить мне ни блага, ни зла и что Вы поступали в моем отношении, если я могу позволить себе употребить такое выражение, так же, как Пилат поступил в отношении нашего Спасителя, умыв руки после возложенного на него несправедливого обвинения и передав Его книжникам и фарисеям, ибо так следует именовать герцога де Уседа и его присных. Я возлагаю свою надежду на небесное правосудие, которое уведомит августейшего, справедливейшего и милостивейшего императора о несправедливости сего злого человека, спесивости которого приносятся тысячи невинных жертв.

По прибытии в этот город я имел честь написать письмо Его превосходительству графу Галласу, объявив ему, что готов дать показания там, где Его величество император прикажет, при условии, что я предстану перед беспристрастным императорским судьей, дабы Его величество узрел мою правоту и лживость моего хулителя. Я останусь здесь достаточное время, до тех пор пока не получу ответ, прежде чем принять какое-либо решение.

Я узнал от некоего лица, прибывшего из Неаполя, что Ваше превосходительство приказало арестовать крестьянина, который приносил мне в тюрьму вино, за то, что тот стирал мое белье. Я имею честь представить Вашему превосходительству, что этот человек не имеет никакого отношения к моему побегу, ибо я передал ему свое белье лишь для того, чтобы заложить его в ломбарде. Я воспользовался этим предложением, дабы не вызвать у него подозрений касательно моих намерений, и чтобы ввести его еще больше в заблуждение, велел ему в святую субботу принести мне бочку вина, которую я должен был вынести из тюрьмы в один из дней на пасхальной неделе в честь заключения мирного договора.

Если Ваше превосходительство желает знать способ, которым я бежал, он найдет далее краткое изложение. В течение трех с лишком месяцев я каждый день поднимался на одну из башен замка в сопровождении часового, бывшего в моей комнате. В день, когда я принял решение бежать, я поднялся туда в половине второго часа пополудни и пока прогуливался, попросил солдата, ходившего за мной, принести мою табакерку, забытую в комнате, что он и исполнил. Он спускался по одной из лестниц, я же пошел по другой, которая привела на замковую площадь, и я вышел таким образом через Ваш собственный дворец. Я тотчас купил шпагу и после этого отправился на остров Прочида забрать свое белье. Крестьянин, у которого я нанял носилки, указал мне путь, чтобы найти того, кому я доверил белье. После этого он добрался со мной до Поццуоли, и, дабы скрыть видимость побега, я уверил его, будто гонюсь за слугой, укравшим у меня 108 пистолей; будто отправил одного человека почтовой каретой в Монфридони, другого почтовой каретой в Капую, дабы арестовать беглеца; будто сам я двинулся по этой дороге на случай, если он решил бежать морским путем; будто я хочу попасть на острова Прочида и Искья просить губернаторов арестовать его, буде он появиться там. В последнем из этих городов я смог увидаться с губернатором и сказал ему то же самое. Он был настолько любезен, что поддался на обман. Я попросил его дать мне фелуку добраться до Гаэты и Террачины, чтобы отрезать тому путь, если его случайно упустили в Лапоне [?], что и было исполнено. Таким образом я добрался в полдень до Террачины;

кажется, Господь по своей великой милости покровительствовал моему побегу, ибо как только я вышел в море, как подул сильный восточный ветер, какого я только мог желать. Матросы с фелуки поздравляли меня с этой удачей, приписывая ее чудесному вмешательству Господа, пожелавшему, чтобы я настиг своего слугу, а значит, и вернул деньги. Я забыл упомянуть Вашему превосходительству: дабы не плыть в Гаэту, я убедил матросов, ссылаясь на попутный ветер, плыть прежде в Террачину, а после в Гаэту, и сказал им, что оставлю указания губернатору того города арестовать моего слугу, а после исполнения этого дела мы остановимся в Гаэте, а затем в Неаполе. Каково же было их удивление, когда я приказал им возвращаться на Искью и поблагодарить от моего имени губернатора за любезность предоставить мне прибежище на своей земле. Вот, милостивый государь, тот образ действий, что я избрал. Надеюсь, что эта реляция позабавит Ваше превосходительство и Вы увидите, по крайней мере, на что я способен. Надеюсь, что Вы отошлете того молодого человека, которого я оставил вместо себя, в его отечество, или ко мне, чтобы я сам это исполнил. Относительно же моего туалета, я уверен, что Ваше правдолюбие повелит Вашему превосходительству выслать его мне, дабы я не мог сказать, будто заступил на службу справедливейшего из государей мира в одной сорочке. Я уповаю, милостивый государь, на эту милость со стороны Вашего превосходительства и прошу верить, что пребуду всю свою жизнь, милостивый государь,

почтительным, нижайшим и покорнейшим слугой Вашей милости
Сент-Илер.

Рим, 18 апреля 1714 г.

N.º 19

Анри Лави — маркизу де Торси,
19 ноября 1714 г.

Monseigneur,

Depuis que j'ai eu l'honneur d'offrir à Vostre Excellence mes très humbles services à Pettersbourg en Ingrie, où je vais pour y faire, jusqu'à nouvel ordre, les fonctions de commissaire de la marine, j'ay rencontré à Berlin Mr le baron de St Hilaire, gentilhomme (soy disant de Provence). Comme il m'a dit qu'il a eu l'honneur d'écrire à Vostre Excellence sous le ply de Mr le Comte de Rottemberg, j'ay cru devoir en faire le portrait à Vostre Excellence et à l'informer de ce que j'ay observé dans sa conduite et dans ses projets.

Ce baron pretend avoir quitté la France et le service de la marine, dans lequel il a esté employé, pour un duel, à Naples il a esté intendant de la marine et a exercé cette charge plusieurs années jusqu'à ce que le duc d'Uceda l'eu rendu suspect à la Cour de Vienne, luy supposant une correspondance criminelle avec la France, de laquelle, s'en estant justiffiée à Vienne, l'Empereur l'auroit voulu retablir dans son poste.

Le baron mecontent de cette satisfaction, s'adressa à Mr De Matweof, ministre du Czar, pour l'engager à luy procurer à Pettersbourg, le mesme employ qu'il a exercé à Naples. Ce ministre, prevenu en sa faveur (par raport à ces memoires d'une dangereuse consequence, qu'il avois fait pour procurer à l'Empereur les moyens d'agrandir sa puissance), l'aurois recommandé au Czar son maistre, de manière que ce Prince luy fit une reponce favorable, et si j'en dois croire ce baron, il aura en Moscovie, l'intendance de la marine russe, il est agé d'environ 36 ans, bien fait de sa personne, d'un esprit subtil et penetrant, facile à decouvrir son secret, et celuy d'autrui, amateur du sexe à l'exez [l'excès], suceptible de la flatie, et n'ahissant pas le vin, mais comme il a trahy les Portugais, en revelant (estant à leur service) un secret d'Etat d'une grande consequence, on ne peus luy confier rien sans estre exposé à un semblable traitement, du temps que Milord Portemoore commandoit en Portugal les troupes auxiliaires de la Grande Bretagne au nombre de 10 000 hommes, il fut resolu dans le conseil portugais de les egorger, il revela ce secret au dit Milord qui luy procura les moyens de se sauver en Angleterre, où il auroit eu 10 000 £ sterling de recompense, s'il eut pu se conserver l'estime de Milord Oxford.

Voicy l'extrait d'un memoire qu'il a eu intention de presenter à l'Empereur, mais qu'il n'a pas fait, en estant mécontent. Si Vostre Grandeur m'envoie

un chiffre pour m'en servir lorsque j'auray occasion de luy ecrire des choses qui meritent le secret, qu'elle ait la bonté de l'adresser sous le ply de M. le comte de Rottemberg (voici, Monseigneur, les particularitez de ce qui est arrivé aux commis des negotians de St Malo à Pettersbourg, il est désagble [=désagréable] que leur imprudence leur ait suscité cette mauvaise affaire).

Je continueray mon voyage après-demain pour Pettersbourg, d'où j'auray l'honneur d'informer Vostre Excellence de ce que j'y trouveray digne de son attention.

J'ay l'honneur d'être avec un très profond respect,
Monseigneur
De Votre Excellence
Le très humble, très obeissant et très soumis serviteur

La Vie.

A Königsberg, 19 novembre 1714.

АМАЕ. Correspondance politique. Russie. Supplement 6. F. 102–103 v.

Перевод:

Милостивый государь,

с тех пор как я имел честь предложить Вашему сиятельству свои скромные услуги в Петербурге, что в Ижорской земле, куда я следую, дабы выполнять до получения новых указаний обязанности комиссара по морским делам, я повстречал в Берлине господина барона де Сент-Илера, дворянина (якобы из Прованса). Поскольку он сказал мне, что имел честь направить письмо Вашему сиятельству с почтой господина графа Ротемберга¹, я почел за должное составить его портрет для Вашего сиятельства и сообщить Вам, что я заметил в его поведении и его замыслах.

Этот барон утверждает, что оставил Францию и морскую службу, в которой состоял, из-за дуэли. В Неаполе он был интендантом морского ведомства и отправлял эту должность в течение многих лет, пока герцог де Уседа не навел на него подозрения венского двора, облыжно обвинив в преступной переписке с Францией. Он оправдался в том в Вене, и император будто бы пожелал восстановить его на посту.

Не удовлетворившись такой сатисфакцией, барон обратился к господину Матвееву, царскому посланнику, с просьбой добиться для него в Петербурге той же должности, которую он отправлял в Неаполе. Сей

¹ Имеется в виду граф Конрад-Александр Ротембург, чрезвычайный посол Франции в Пруссии.

посланник, будучи расположенным в его пользу (основываясь на тех опасных записках, которые он составил, дабы предоставить императору возможность укрепить свое могущество), будто бы порекомендовал его царю, своему господину, таким образом, что сей государь дал ему благосклонный ответ, и, если верить барону, он получит в Московии пост интенданта российского флота. Лет ему около 36, хорошо сложен, умом гибок и проницателен, легко раскрывает секреты, свои и чужие, чрезмерно охоч до женского пола, чувствителен к лести и не брезгует вином. Но поскольку он предал португальцев (будучи у них на службе), раскрыв государственную тайну великой важности, ему ничего нельзя доверить, не подвергаясь опасности удостоиться подобного же отношения. В то время, когда милорд Портмор командовал в Португалии вспомогательными войсками Великобритании численностью в 10 000 человек, португальский совет принял решение истребить их. Он раскрыл сей секрет названному милорду, который предоставил ему средства, чтобы скрыться в Англии, где он получил бы 10 000 фунтов стерлингов вознаграждения, если бы сумел сохранить благосклонность милорда Оксфорда.

Вот выдержка из памятной записки, которую он намеревался представить императору, но не сделал этого, будучи им недоволен. Если Ваша милость пришлет мне шифр, дабы я мог им пользоваться, когда буду иметь случай писать Вам о делах секретного характера, то будьте любезны отправить его с почтой для господина графа Ротемберга (вспомним, милостивый государь, что приключилось с поверенными торговцев из Сен-Мало в Петербурге, досадно, что их неосмотрительность привела их в такие дурные обстоятельства).

Завтра я продолжу свой путь в Петербург, откуда буду иметь честь сообщить Вашему превосходительству то, что сочту достойным Вашего внимания.

Имею честь быть с глубочайшим уважением, милостивый государь, Вашего сиятельства нижайшим, покорнейшим и послушнейшим слугой

Лави.

Кёнигсберг, 19 ноября 1714 г.

Сент-Илер — Петру I, 2 марта 1715 г.

Августейший и мочнейший кесарь,
всепочтенно представляю Вашему освященному величеству, что по Вашим
указам толкование двум пунктам вручил я господину Остерману, тому
две недели есть.

Тому 8 до 10 дней есть, как имел я честь подать о том же копию го-
сподину великому адмиралу¹. Первый пункт есть толь наипаче полезней-
ший Вашему освященному величеству, что изволите довольствие иметь
усмотреть в последовании времени, что возможет Ваше величество иметь
из подданных своих так добрых морских офицеров, как и протчие мор-
ские державы.

Что касается до второго пункта, о предложении, которое я имел
честь Вашему величеству учинить для строения нескольких кораблей на
берегах Адриатического моря, в том весьма потребно есть, что [бы] Ваше
освященное величество повелело таковых кораблей сделать один или
два, и тогда изволит Ваше величество усмотреть, что все предложении,
которые я имел честь учинить, могут быть исправлены.

Вашему освященному величеству неизвестно есть, что от того вре-
мени, как король гишпанский подвергнул под свою власть Каталонию
и город Барселон², бесчисленное число семей пошли искать своего убе-
жища в Италии. Безсумнительно есть, что естли б те бедные люди знали,
или б кто нибудь обнадежил их, что они найдут в Вашем освященном
величестве милость и убежище подлинное в империи Вашем, то б они
моменту не мешкали, чтоб тем себе пользу получить и сесть на предло-
женные корабли, дабы прибыть и стяжать тою милостию и вольностями,
которые Ваше освященное величество возможет им позволить.

Между теми бедными людьми много есть таких, которые имеют
знание во всяких механических и вольных науках (то есть в ремеслах

¹ Здесь и далее, под «адмиралом» и «генерал-адмиралом» имеется в виду Федор Матвеевич Апраксин.

² В ходе Войны за испанское наследство Каталония поддерживала габсбургского претендента на трон, эрцгерцога Карла (будущего императора Карла VI). Барселона была, после продолжительной осады, взята войсками Филиппа V 11 сентября 1714 г., после чего все автономные политические институты Каталонии были ликвидированы.

и рукоделиях), чрез способ которых возможет Ваше освященное величество установить многие мануфактуры и удовлетворять механическими (науками) публичные потребности. Возможно еще привлечь сюда несколько добрых и славных архитекторов и резчиков из Италии, тако ж и иных людей потребных для нужды государственной.

Возможно еще внушить торговым людям всех городов самых торгующих, лежащих в краях италийских, французских, гишпанских и португальских, о торговле сих стран, и мочно им подать к тому охоту, изображая им авантажи, которые они от того получают.

Многие люди из Европы не знают, где есть Санкт Петербург, или, естли они о нем ведают, то они чают, что сия земля неприступна есть. И так, когда они уведомятся от какого человека о противном их мнению, и когда тот человек обнадежит их о доброте земли (края), то безсумнительно есть, что пошлют они прикащиков в сей новой и славной город для установления своих кантор, что удобствовать будет исправлению великих намерений Вашего освященного величества.

Несть ни единого от тех торговых городов, в которых бы я не был, и где б я фамилиарно знаком не был.

Я еще имею знание о торговле, которую всякой может чинить в сей пристани. Итак надобно только о том им внушить, дабы их ободрить.

Также Ваше освященное величество возможет велеть предложить какой нибудь трактат о торговле при гишпанском дворе, дабы там иметь те ж прерогативы (вольности), как французы, агличаня, датчаня, шведы и голанцы оными стяжают, понеже большая часть товаров Вашей империи транспортированы суть в торговые гишпанские и португальские места от иностранных народов, которые их там продают с великою прибылью.

Ежели б я так счастлив был, чтоб я мог сам о всем донести Вашему освященному величеству без толмача, то б я дерзал себя ласкать Вашему величеству дать изъяснения толико ради морских дел, как для арсеналов и торговли, что все дело б Вашему величеству полезно было.

Я прилежу со всяким возможным радением к учению руского языка, да мог бы я, когда Вашему величеству и обойтись толмача, когда возмогу иметь честь приблизиться к Вашему освященному величеству для разговоров о разных материях.

Я обнадеживаю меня, что ежели возмогу когда достигнути того великосчастия, то Ваше освященное величество найдет в том пользу, не имея иного какого вожделения (желания), разве чтоб неким образом умножити славу так великого монарха и засвидетельствовать ему действием

ревность и верную склонность, которую я буду иметь во всю мою жизнь для службы его, а то учреждением твердым морских его арсеналов.

Я употребляю сей случай, дабы представить Вашему освященному величеству, что я учинил великую и трудную дорогу, споследованную великим иждивением. Которое приключение мне учинилось в дороге для того, что я хотел иметь честь представить всенижайшие мои услуги, Ваше освященное величество, а то по простому обещанию, которое господин Матвеев, посол Ваш, мне учинил в Венне, что я принят у Вашего освященного величества в том же чине и жалованье, которое я имел в службе римского кесаря.

Всенижайше прошу Вашего освященного кесарского величества рассмотреть, что уже два месяца есть, как я здесь обретаюсь с великим повседневным иждивением, и что я ни в отчестве моем, ни в деревнях моих есмь, дабы я мог снести должайшее пребывание. И так пристойно б мне было, чтоб ваше освященное величество милостиво изволило принять о мне склонную резолюцию, понеже Ваше величество учинило мне милость велеть мне сказать многожды, что Ваше величество дало свои указы великому адмиралу, дабы дела мои окончить, которой велел мне надеяться до сего дни, что он ожидает резолюции от Вашего освященного кесарского величества,

Барон С. Гиллер.

В Санкт Петербурке, 2 марта 1715.

РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Д. 24. Л. 13–17 об.

«Проект для сочинения морской академии», 1715 г.

Его царское величество имеет сочинить корпус двух или трех сот младых шляхтичев выбранных лет 15ти и до 24х, велеть их одеть всех одноцветно и учредить их в юти бригадах равным числом, дать им бригадира и подбригадира.

Бригадир имеет быть искусной карабельной капитан порутчик, а подбригадир порутчик, и надобно им дать команданта (правителя) дабы он во всем том имел генеральное правление. Его величество имеет именовать такого господина, которого за благо разсудит, и которой бы искуснейший был в навигации.

Надобно иметь одного или двух мастеров математических и гидрографических (водоучение), також рисовального мастера. Поставить дом, в котором бы были многие большие покои, и надобно чтоб оной дом был в арсанале, ежели возможно, или неподалеку от него, чтоб всякой мастер имел свой покой для учения кадет (в том что до него надлежит). Сие есть имя, которое надобно чтоб имели те, которые сочинят выше реченной предложенной корпус.

Когда все то учинено и уставлено будет, то надобно чтобы кадетов к нему водил бригадир и подбригадир повся утра в 6м часу летом, а зимой в 7м: и да идут они в салы уставленные для экзерцией, и где найдутся мастера для письма, рисования, математические, от фортификации и гидрографии. Побыв два часа в той экзерциции, да идут они в иную, где будут мастера танцования, фехтования и копейного учения, от которых они будут учиться два ж часа всему, что может послужить учинить их досужими.

Два часа после полдень да найдутся они в назначенном месте в арсенале для мушкетного учения. Оставя ружье свое, да идут они в салу строения, где карабельные мастера и искуснейшие офицеры будут им толковать чрез правило маниру как корабли строить и пропорции всех штук, которые те корабли составляют. Оттоль да ведут их в пушечную школу для обучения.

Бригадир и подбригадир, входя в школы, имеют свои бригады смотреть и радеть, чтоб молчание было, також чтоб всякой поочередно дело свое делал. Да поставят они часового у дверей всякой школы, дабы никто

вон не выходил без позволения, которое не надобно давать, разве для добрых раций. А которое время останется им после школы, то да употребят к тому, чтоб они были при делех, которые будут делатца в арсенале. Також к тому, чтоб они учились знать добрые и худые качества таваров, служащих ко оснащению караблей.

Адмирал, командант их, и арсеналный интендант (надзиратель) да выбирают с согласия с радеющими о учении кадетов тех которые будут взрослее и охотнее в ынженерах быть, и да велят им чертить планы (подошвы {или местоположении}) разных мест без плану, ниже карт тем местам. И как они то дело зделают и доношение о том учинят, да идут они на экзамен (досмотрение) в присудствия помянутых адмирала и протчих к инженеру от пристани, которой в то время да дает им надобные советы, дабы им трудиться в своем деле правильное.

Да будут их роздавать по караблям когда учинят какое либо вооружение, и да служат они на оных как салдаты и будут делать все факции (дела) без отмены яко чиня часть салдатцких рот. В то время как они будут на море, тогда для содержания и приращения знаний (наук), которые они поняли в пристани, комендант их с согласия с капитаном от карабля да назначат четыре часа определения для разных экзерцицей их.

Первой час на пилотаж (или навигацию), и на гидрографию, или водоучение, чему да учит их пилот штюрман сущей на карабле. Офицер радеющий о кадетях да присудствует и смотрит, дабы пилот имеющий оных учинить, исправлял свою должность и тщился научать их всему, что он сам знает в деле своем.

Второй да будет определен на мушкетную науку и на воинские учении, сею экзерцицию да будет командовать офицер ими командующий.

Третей да будет употреблен на пушечную экзерцицию, толико в теории, которую да будет учить карбельной первой канстапель¹, как в практике, которая возможет чиниться с деку или между двух палубов, как лутче разсудят.

Четвертой да употребится на карабельные морские дела или экзерциции, когда время на то позволит, и да будет тою экзерцициею командовать главной капитан, или капитан секунд, ежели первому дело случитца для службы. Оной капитан да велит ту карабельную экзерцицию делать кадетам, всякому по очереди, да учит их над всяким делом и толкует им случаи, в которых надобно те экзерциции употреблять. По возвращении из всякой кампании да делают роспись кадетам которые служили; на стороне той

¹ Констапель — в XVIII в. первый офицерский чин в морской артиллерии.

рописи да значат, как всякой из них поступал, какой успех они учинили, и какое радение они имели в учении, ту же роспись да подпишут и свидетельствуют командант от эскадры, капитаны от всякого карабля и офицеры приставленные к кадетам. Гидрографической мастер да разделит свои школы на ровные классы {чины} для роздавания своих лекций (учения) смотря по склонности, и по[н]ятности оных кадет, которые только начнут и никакого начала иметь не будут. Тех да учит он арифметики для надобных счетов и начальным дефинициям (окончениям) геометрических терминов, которые употребляют в навигации и карабельном ходу.

А которые нечто уже знают, тем да даст он описание о свере (глобусе), и да будет им толковать розные карты и вразумить им употребление оных в навигации. Також да будет он их учить разделению времен, числу златому², эпакту³ {то есть, 11 дней, которые солнечной год больше имеет, нежели лунной год}, течениям, прибавлениям и убавлениям моря, употреблению цыркула и морского компаса.

Потом да учит он их как знать инструменты, служащие смотрит на астры (тела небесные), как те инструменты делаются, и как они употребляются. Еще да будет он их учить способу, как иметь доброе рассуждение о карабельном дериве {то есть, авдрендинг}, вариация премеение компаса.

Також да учит он их способу, как на бусоль (или компас) смотреть, и как его поправлять. Учинившие наибольше успеху да будут обучены в ходе карабельном.

Два штурмана из флота да присудствуют всегда при гидрографическом учении, и да учит школьников не гораздо обученных как делать арифметические правила и как им употреблять инструменты, касающиеся до их дела.

Порутчики и прапорщики да присудствуют регулярно повся дни в школах при экзерцициях, дабы практику делать того, что они выучили.

Повся месяцы да чинятся две конференции в присудствие Его величества, или адмирала, команданта от кадет и арсенального интенданта. Також в присудствии мастеров от школ и экзерцицей. И да будет одна от тех конференций для экзамену (расспрашивания и смотрения) порутчиков и прапорщиков, а другая ради кадет.

² Золотое число — порядковый номер года в так называемом «метонове цикле», состоящем из 19 лет по 12 месяцев и 7 добавочных месяцев; используется для соотнесения лунного месяца и солнечного года.

³ Эпакт — возраст Луны от новолуния в сутках на 1 января любого года. Эпакт позволяет определить дату новолуний и полнолуний по возрасту Луны на 1 января.

Ежели в том экзамене найдутся такие, чтоб знали все что потребно есть в деле их, то таковые да будут свободены присудствовать в школах и при экзерцициях: однакож да будут их вопрошивать о всем по вся три месяцы к тому определенные мастера при вышеимянованных офицерах. А которые не будут ответствовать так как надобно на вопросы которые им учинятся, да будут те принуждены паки присудствовать в школах их при экзерцициях.

Экзамен имеет быть чинен с равною правдою без всякой льготы, ниже отмены, во всем что доброй навигатор должен знать.

Морские офицеры, которые будут на караблях, да держат всякой особливо журнал о навигации своей; и да чинят они сами потребные при-смотрении в пути своем, а при возвращении из кампании да будут они принуждены о всем том донести во академии, дабы то рассмотрено было от гидрографического мастера при адмирале или каком ином офицере, для того дела определенном.

Да изберут с согласия со офицеры командующим кадетов место на берегу при воде, которое б могло быть атаковано и оборонено, где да сделают редут. А то для того, чтоб кадетов обучать одна или двжды в месяц во атаке и обороне того редута. Для сей экзерциции да дадут им ружье и порох потребной, також несколько снастей для случая ежели их заставят транжамент отворять (раскапывать), а в доношении которое имеет чиниться Его величеству о поступке кадетов, да упомянут о сердце, храбрости и досуге, которой они в той экзерциции покажут.

Из того корпуса да берут во офицеры для флота, повышая их от градуса до градуса по старости и по успехам, которые всякой может учинить, а то без кривды, ниже похлебства, и не смотрят ни на кого.

Когда кого из одного корпуса возьмут в чин, да будет его место наполнено другим, чтоб число, которое кадетом постаноят, всегда было полное и постоянное.

РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–7 об.

Проект строительства кораблей на Адриатике, 1715 г.

Ежели Его величеству надобно зделать генеральной регламент для арсеналов своего флота, дабы все делалось порядком и без конфузии (инакоже надобно опасатца чтоб) ежели злощастливо Его величество заплатит пошлину, которую все человеки должны натуре, чего не дай боже во многия лета, [то] достохвальное установление, которое Его величество учинило в морских делах великими деньгами, радениями и трудами, не исчезло вдруг, то конечно потребно есть таковой регламент учинить, дабы то служило не токмо ныне, но и вопредки, яко основателный камень.

Есть у Его величества во флоте ученые и искусные навигаторы, и так надобно бы созвать собрание искуснейших навигаторов для сочинения артикулов из всякого пункта надлежащего до всех употребленных в чинех или работающих в морских делах, чтоб то служило яко ордонанция (указ), в которой повинность, правило и порядок имеет быть хранено, как то есть у всех протчих морских европейских держав. Я предлагаю такой регламент дать, в котором Его величество может повелеть рассмотреть искуснейшим морским офицерам, дабы они убавили чему они почаят непотребну быть, или б прибавили, что они заблаго разсудят для службы.

Ежели Его величество изволит иметь таких людей, которых я имел честь предложить чрез един от мемориалов моих, то надобно чтоб Его величество повелело соорудить два или три карабля в Фиуме {пристань, лежащая на истринском берегу в море адриатическом, или в венецыйской проливе за 40 миль в сторону ост сюд ост от города Венеции}, оное пристанище надлежит римскому цесарю. Дубу и иного годного леса х карабельному строению там изобильно, и все то дешево, також все что потребно к строению и вооружению кораблей. Так что мочно построить корабль от 40 до 50 пушек железных со всею принадлежностью, со всем его оснащением, чтоб шесть месяцев могли на море быть, також с воинскою и съестною аммунициею на содержание 3х сот или 400 человек и з заплатою жалованья, на 40 000 до 50 000 рублей.

Мастеры строители венецыйские приезжают туда для строения кораблей, когда они надобны, которые обязуются карабли построить за такую сумму как в том согласятца и поставят их в готовности к вооружению

в назначенное время. Его величество может ежели заблаго разсудит, дать или повелеть дать тем караблям рисунок, которой велят исправить со всяким тщанием.

Возьмут на карабли матросов словян, италианцов и французов, которых зело много есть в Венеции, Ливурне и в Генне¹, которые поедут безо всякого затруднения и сами собою, дабы иметь честь Вашему величеству служить.

Что касаетца до экипажмейстеров и годных людей для навигации и галер, и до иных людей всякого дела, то надобно с вышепомянутыми караблями ехать в Марсель, где оные карабли нагрузят французского горячего вина, которое коштует² только 2½ рублей квинтан³ {100 фунтов} или 45 до 50 рублей бочка в 2000 фунтов весом. В оном городе и в Тулоне могу я получить такое число экипажмейстеров и иных людей годных к навигации галерной, какое Его величество повелит.

Что касается до людей всякого мастерства, то потребно будет чтоб Его величество изволило дать тем людям, которые для сего исправления посланы будут, полную мочь для дозволения на прерогативы (вольности) всем тем, которые будут знать какое мастерство, и похотят ехать установиться здесь. Також надобно будет им дать проезд и корм на оных караблях даром.

С помянутыми караблями заедут в Мессину, Неаполь, Ливурну, Генну, в Барселонну, Аликант, Малага, в Кадикс и Лисбон. Сии города наполнены иностранными людьми всякого мастерства, которых бедность или малодельствие понудит сюды ехать, как скоро дадут им знать о добrote земли и о аванжах, которые они найдут.

Я сумневаюсь, чтоб 2 или 3 карабля могли в себе содержать всех тех, которые похотят сюды ехать.

В таковом случае надобно, чтоб Его величество изволило дать число людям и мастерствам, которые Его величеству угоднейшие будут.

Я найду купцов в Италии, которые будут давать потребные деньги, толико на строение караблей и на вооружение, по 4 до 5 на сто в год, с тою кондициею, чтоб им дали вексели на Галандию или Гамбург, на знатных купцов, дабы они те вексели акцептовали. Его величеству не надобно будет денег выдавать, ибо возможен заплатить карабли и на грузении из прибылью, которая будет из горячего вина, которое они привезут, от которого прибыль будет великой. Ежели Его величество изволит желать,

¹ То есть в Ливорно и Генуе.

² То есть стоит (укр., пол.).

³ Имеется в виду квинтал — устаревшая мера веса и массы, ок. 50 кг.

то мочно, для лучшей надежности в том вине, велеть в Голландии асеку-
ровать⁴ для страху на море.

Я прошу только кредиту в Голландии и Гамбурге для трех или четы-
рех человек, которых я хочу с собой иметь. А верность бы их и искусство
в делах была Его величеству ведома, чтоб они имели правление в росхо-
де и покупках.

Я обещаю, что в 12 или 15 месяцев буду здесь с 2 или 3 караблями
предложенными и с числом людей, которых Его величество повелит
вывести. Надобно будет смотреть, чтоб в Балтийское море не входить
прежде начала весны, но прежде нежели шведы на море выдут, чтоб на-
дежнее ехать.

Покажу свободной способ, что Ваше величество может платить
суммы, которые займы взяты будут таварами здешняго государства, по
которым купцы будут присылать сюды в Санкт Питер бург или к Архан-
гельскому городу. Я обещаю найти в Голландии кредит, которой потребен
будет к предложенному делу на помянутых кондициях, так что Ваше ве-
личество не принужден будет наличные деньги держать.

Учинено в С.П.бурге февр. 12, 1715.

РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 7. Л. 8–11

4 То есть застраховать.

«Капитуляция» Сент-Илера, 14 апреля 1715 г.

Во имя божие и пресвятой троицы,

1. Его цесарское величество великой и малой России и прочая, изволяет мне иметь по своей милости чин генерала директора от академии Гидрографической, Геометрической, Фортификацей, и иных для навигации, потребных обучений, которую академию изволит Его величество устроить и установить в Санкт Питерсбурхском своем арсенале, ради учения корпуса молодых дворян, такого числа, какое Его цесарское величество изволит, и тех будут называть гвардиєю морскою.

2. Команда над тем корпусом гвардии морской будет мне одному дана, под повелением же Его цесарского величества и милостивого государя моего адмирала, чтоб мне велеть им исправлять их должность во всех экзерцициях против того проекту, которой я имел честь поднести о том Его величеству. Еще будет мне дана совершенная мочь политично их наказывать, когда они дела своего исправлять не будут и того, что им предписано будет для обучения их. О житии и учении их, також и о моем правлении, не должен я буду ответ давать иному, разве Его цесарскому величеству и милостивому моему государю адмиралу, и не будет мною повелевать никто ж иной ни прямо ни посторонне.

3. Дадут мне из адмиралтейской канцелярии патент Его величества, карактеризуя меня генералом директором помянутой академии и комендантом главным над корпусом, составляющим оную. И то под повелением Его величества милостивого моего государя адмирала. Тот патент даст мне ранг контр адмирала и генерала маеора во армиях Его величества.

4. Зделан будет дом в таком месте, где Его величество укажет; и оной будет употреблен на академию, где стоять оной гвардии морской, також де для моего и фамилии моей жития, то по плану, которой учинит архитектор Его величества господин Трезин¹ по чертежу, которой я ему о том дам. Також де от Его цесарского величества дано будет дрова, свечи и бумага сколько потребно будет для затопления горничных печей той академии и моего ложаменту² и ради письма и свету, в котором морская гвардия и я нужду будем иметь, будут даваться от Его величества.

¹ То есть Доменико Трезини.

² То есть жилища (фр. *logement*).

5. Дастся мне драгоман, которой б умел говорить и писать по русски и италиански или по русски и французски. Також де дадутся мне б мужиков, которые б служили как слуги в черной работе той академии и моего домостроения; а содержаны б они были от Его величества, как те, которых по обычаю дают морским офицерам. Квартира, которую господин генерал Чернышев велел господину Фентену мне дать, будет ему заплачена, как и та, на которой я теперь стою (покамест академия построена будет, и я в ней жить буду), ис казны Его величества.

6. Жалованье мое будет мне заплачено от начала сего году, а имянно в первой год 1200 рублей, во второй 1800 рублей, а третей 2400 рублей. Будут мне платить наперед по кварталу, а после закрепы сей капитуляции заплатят мне за прошлое время от 1-го дня сего году и за квартал наперед, еже мне надобно для экипажу³ моего. Також дастся мне шлюпка со 8ю гребцами и с кормщиком для службы моей.

7. После тех трех лет службы позволено мне будет ехать в такое место Европы куды похочю, хотя морем или сухим путем, и дастся мне паспорт Его величества или от того министра, которой в том управление имеет, без всякого препятства под каким видом ни буди.

8. По силе сей капитуляции я, Иосиф барон де Сант Гиллер, обещаюсь служить добре и верно Его величеству в сем распространении моего чина, пролить последнюю каплю крови моей, ежели в том нужда будет, для службы Его величеству, а то под штрафом наказания, по случаю смотря. Я же обещаю не иметь ни прямо, ни посторонним образом корреспонденции ни с каким человеком, то есть противно интересом Его величества, ниже с неприятели государства Его величества. В таковом случае принужден буду все приобщить Его величеству или министром Его под штрафом наказания по требованию случая.

9. Его цесарское величество обещает по своей августейшей милости и праводушию ему, барону Иосифу з десант галеры⁴, повелеть своим министром и начальным своим и нижним офицером содержание сей капитуляции исполнить, которую подписал и повелел приложить свою цесарскую печать.

Учинено в Санкт Питербурге 14 месяца апреля 1715 г.⁵

РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 7. Л. 30–31 об.

³ То есть для экипировки.

⁴ Так в оригинале.

⁵ Здесь же (л. 32–35) помещен черновик этого документа, также датированный 14 апреля 1715 г. В конце черновика (л. 35) указано: «переписано 20 апреля».

Сент-Илер — Петру I,
12 мая 1715 г.

12 мая.

Освященное и августейшее величество,

Вашему величеству со всякою покорностию и почтением представляю, что я уже подписал ту капитуляцию, которую господин адмирал мне дал после резолюции которую Ваше величество благоизволило приять о девяти пунктах состоящую оную (капитуляцию). Я принял за великую милость ту честь, которую Ваше величество мне учинили, понеже могу я потому Вашему величеству служить. Не для интересу хочу я иметь славу Вашему величеству служить, но ради той славы, которую я хочу иметь в установлении академии ведомой, которую я приведу в такое состояние, что она мне много чести учинит, а Ваше величество ею же зело доволен будет. Дерзаю Ваше величество обнадежить, что Ваше величество будет ис той академии таких добрых офицеров иметь, что ровны возмогут быть с наилучшими, а то радением и тщанием моим, которое я для того употреблю. Еще дерзаю Ваше величество обнадежить, что со временем больше найдет Ваше величество из подданных своих годных к морским делам, нежели тех иностранных, которые ныне служат Вашему величеству во флоте, и которых и впредь можно будет миновать или обойтись. Для достижения такого доброго намерения нижайше Ваше величество прошу явить мне милость и дать имянные свои указы для исправления того регламенту, которой я дал, и чтоб мне немедленно драгомана¹ дали, также квартиру и двух служителей, которые от Вашего величества мне поставлены. С великою болезнию всепокорно Вашему величеству представляю, что список капитуляции которой мне отдали несходен находится с тем, которой я подписал. Сия вина принуждает меня притекать к Вашему величеству, прося всенижайше повелеть, чтоб мне дали такой список, каков от меня требовали, понеже оная капитуляция предложена и довольна мне по указу Вашего величества

Рвение склонное, которое я имею к славе Вашего величества, принуждает меня представить, что я хочу выписать на своих проторях² двух или трех самых искусных экипажмейстеров для Адмиралтейства. Те люди

¹ То есть переводчика.

² То есть за свой счет.

довольны будут здесь 50 ру. на месяц, а Вашему величеству будет от них иметь больше службы, нежели от некоторых которым дается великое жалованье. Те люди уже служили лет по тридцати так в арсеналах французских, как в морских войсках.

Тако ж хочу Вашему величеству выписать добрых архитекторов и ресчиков на дереве, извести и мрамаре³. Ежели Вашему величеству надобны помаранцовыя деревья и всякие иные плодоносных, то я таковых велю выслать из Гишпании и Италии сколько Ваше величество пожелает без всякого кошту ни для покупки, ни ради привозу.

Ежели Ваше величество пожелает повелеть купить несколько мраморовых кумиров и иных штук ис того камня, как ступени на лесницы в домах, камни к воротам, коми[...] и на пол в коморах и инде, також и иные штучки которые мочно в Италии найти, то я всею обещаю выписать бес кошту за провоз. Я прошу у Вашего величества только одного корабля транспортного от 100 до 150 бочек, которой я вооружу и нагрзу товарами ис Вашего государства и пошлю с Вашею комисиєю и флагом во Францию, Португалию, Гишпанию и Италию, и возвратится оной корабль с товарами ис тех земель. От сего познают Ваш флак в тех землях, где его еще не знают. Кроме того, внушу я чрез письма к начальным торговым людям, резидующим в тех городах, куды я тот корабль пошлю, о здешней торговле и о пользе, которая от сего придет. Сие возможно их понудить к посылке своих прикащиков сюды для установления своих кантор или ради согласия о торговле с торговыми людьми, обретающимися здесь.

Ежели я вышепомянутых людей, древ и протчих, что я предложил, не выпишу, то я обязуюсь заплатить за тот корабль по возвращении его вполы больше, нежели он стоит.

А ежели я все то исправлю по удовольствию Вашему величеству, то оной корабль отдастся мне в собство для путешествий против тех же обязательств.

Барон [де Сент-Илер⁴]

В С.П.бурге 12 мая 1715.

РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 7. Л. 36–39

³ То есть на мраморе.

⁴ Утрата фрагмента текста.

«Представление» Сент-Илера Петру I, 18 сентября 1715 г.

Присноприбавительнейший и пресильный кесарь всея России &, &, &.
Освященное и присноприбавительнейшее величество.

Нижайший и вернейший слуга барон С. Гиллер всепочтенно представляет Вашему кесарскому величеству, что его превосходительство великий адмирал дал ему знать, что Ваше кесарское величество изволит, дабы морской корпус был в числе трех сот молодых дворян, которых нельзя учить всем эзерцициям, упомянутым в учреждении, которое он имел честь Вашему кесарскому величеству представить, без великого смущения и ежели смею сказать, и невозможно, по трем рациям.

Первая [рация] сия что надобно, чтоб все молодые люди были поставлены и кормлены в академии, из которой они не выходили, кроме нужных дел, и чтоб они там были повседневно в те часы, которые им предписаны будут для учения их, что они не возмогут исправить, естли они будут стоять и есть инде.

Вторая рация сия есть, что надобно будет шесть мастеров профессоров всякого учения, и то учинить числом шестидесяти мастеров профессоров.

А третья рация сия есть, что не возможно найти такое число искусных профессоров в Вашем государстве.

Я нашел способ как достигнуть до намерения, которое я представил, и чтоб установить все дела в порядке, которые б были тверды, Вашему кесарскому величеству полезны, а мне славны.

1. Надобно, чтобы Ваше кесарское величество немедленно повелел построить подворье или двор ради академии, а то по рисунку, которой я имею честь Вашему величеству представлять¹, для того что Кикинов дом² ни мало к такому делу не годен.

2. Для бесхлопотности Вашему кесарскому величеству, министром Вашим и трех ста морских стражей {гвардии}, которых ваше Величество изволит установить, я возьму на себя весь расход оной академии, кроме

¹ Рисунок обнаружить не удалось.

² То есть дом адмиралтейств-советника Александра Васильевича Кикина (казнен в 1718 г.) в Санкт-Петербурге. Не путать с сохранившимися до настоящего времени в Санкт-Петербурге «Кикиными палатами».

снастей, инструментов и потребной бумаги всем мастерам профессорам и школьникам ради экзерциций их.

3. Буду я их кормить по вся вечера и утра честно. Буду я платить всем домашним людям, так поваренным как и другим ради домостроения, и поставлю я на мои деньги всю посуду поваренную и столовую.

4. Выпишу я из Голландии или из иных немецких краев самых искуснейших профессоров, которых здесь нельзя будет найти, и которые потребны будут, и ту плату я сам платить буду против договору, которой они с приятелями моими учинят, которым приятелям велю я оных принимать. А покамест оная академия не построена будет, и я тех трех сот {морских} стражей на мои руки не приму, то помянутым мастерам профессорам реченую плату, также и за дорогу их чрез море, до сего места Ваше кесарское величество платить будет. Однако ж в ожидании того сделаю я сему делу начало в Кикином доме, и употреблю тех мастеров профессоров, которые найдутся здесь и на Москве.

5. Шестьдесят мастеров профессоров будут на меньшей конец требовать всякой 600 рублей на год, что всего учинит 36 000 р.

На прокормление тех трех сот морских стражей, по 16 копеек за всякого, чинить со всем 17 280 р.

На плату поваров и иных высоких и нижних домовых людей по 1200 рублей на месяц 1200 р.

За мытье и на столовое белье 1000 р.

На топление 200 печей по 6 р. на печь 1200 р.

За свечи, по одной всякому морскому стражу, за 8 месяцев в году 1000 р.

Со всем 57 680 р.

6. За весь помянутой расход Его кесарское величество повелит всякому морскому стражу платить мне на месяц по шестнадцати рублей. Кроме того Величество пожалует мне деревню около сего города, где б я мог держать домашнюю мою потребность, как быков, коров, баранов, телят и домашних птиц, также огородное сажение. Кроме всего сего дастся мне пятьдесят мужиков для потребной черной работы. А жалование, которое Ваше величество мне дает, также даваться мне будет. Однако ж когда все установлено будет предписанным образом, и разсудит за благо Ваше величество тот расход из своей казны держать, то я буду получать только одно мое жалованье.

7. Ежели ваше Величество примет сие предложение, то надобно будет указать вашим министрам, пребывающим в Голландии и Гамбурге, чтоб они помогали и подтверждали те обязательства, которые приятели мои учинят с потребными профессорами.

8. Никто в здешней земли не знает честной чин, которым Ваше величество милостиво изволили меня пожаловать, для того что мало меня почитают. Такой чин имеет во Франции генерал поручик королевских морских войск. В дацкой земле вице адмирал тот же самой, которой такую академию установил противу образца, которой он о том снял во Франции, которой образец ровен с тем, которой я хочу Вашему величеству установить.

9. Все экзерциции будут делать и учить на голандском и немецком языках для того что морское установление учреждено будет против порядку сих земель.

10. Нижайше прошу Вашего величества милостиво мне позволить, чтоб я все установил против того, что я имел честь Вашему величеству предложить регламентом моим, или чин мой с меня снять. Легче мне сей чести лишиться, нежели не имея того довольства чтоб Вашему величеству устроить такое установление, какое я намеревался, и которое было б Вашему величеству и подданным вашим полезно, а мне самому славно честным, и протч.

Барон С. Гиллер.

В С.Петербурге 18го Сентября 1715.

РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 7. Л. 40–43 об.

Сент-Илер — Петру I,
сентябрь 1715 г.

Всепресветлейший и державнейший император
Барон де St. Гилер, директор морской академии Вашего освященна-
го цесарского величества, должности своей быти разсудил изобразить
29 артикулов, которые во учреждение служить имеют корпусу морской
гвардии, над которою Ваше освященное цесарское величество оному
честь учинили поверить команду во всех экзерцициях, как в академии,
так и вне оной, такожде над учителями и профессорами.

Того ради он всепокорнейше просит Ваше освященное цесарское
величество за благо принять оные пункты, или все как Ваше величество
за потребно разсудит к своей августейшей службе, и под каждым арти-
кулом назначить таковой штраф, как Ваше величество за благо изволит
всем оным, которые в том погрешат, и сие учреждение подписать и госу-
дарственную печать Вашего величества приложить повелеть, дабы оной
артикул был в канцелярии Адмиралтейства, чтоб оной всегда смотреть
возможно было когда нужда, и указать копии с онаго прибить в каждой
сале академии, служащей к экзерциции морской гвардии, дабы содержа-
ние онаго им ведомо было.

Барон де St. Гилер

РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 7. Л. 44–44 об.

Сент-Илер — Петру I,
20 октября 1715 г.¹

Tres Illustre et tres puissant empereur de la grande et petite Russies
Je supplie tres humblement Votre Sacrée Majesté, que je lui represente que l'annee mil sept cent onze, me trouvant en Portugall, au service du même nom, mais a la paix [=paie] de la Reine d'Angleterre. Je decouvrit un François envoyé a la cour de Portugall par celle de France et d'Espagne, lequel avoit conclu un traité de paix particulier avec le ministere de Portugal, en faveur des couronnes de France et d'Espagne, au prejudice de ses hauts alliez. J'en inform[a] Milord comte de Portmore, commandant les forces d'Angleterre en Portugall, lequel me donnât ordre de faire tout le possible pour enlever ce dit François, lorsqu'il partiroit pour Badajox, place d'Espagne en Extramadour, frontiere de Portugall. Je fit si bien que j'executai l'ordre que ce general me donnât et lui ammené le dit François avec un aide de camp du marquis de l'admiral general portugais, lequel avoit été donné a ce François pour l'accompagner jusques sur les frontieres d'Espagne et lui faciliter des chevaux de poste. On trouvoit parmi les papiers que ce François avoit, le traite et l'original qu'il venoit de conclure avec la couronne de Portugal en faveur de celles de France et d'Espagne.

Milord Portmor fit d'abord assembler tous les ministres etrangeres de son parti, qui residoient pour lors a Lisbonne pour leur communiquer cette affaire et conferer avec eux sur cette conjoncture. Il fut convenu que Milord Portmore enverroient son secretaire premier a la Reine d'Angleterre, avec le traité en question et l'original, et toutes les lettres qu'on trouva a cet envoyé françois que Diego Mindosa, secretaire d'État du roi de Portugal, escrivoit a monsieur le Duc de Vendome, dans cet empire le generalissime des troupes espagnoles, et a monsieur le Marquis de Baÿ aussy general d'Espagne commandant les forces d'Extramadoure, et les ministres etrangeres en enverront chacun une copie a leur maitres.

Je fut obligé de me tenir chez Milord Portmore pour ne pas etre exposé a la fureure des Portugais, en attendant qu'il plut a la reine d'Angleterre de donner ses ordres a mon egard a Milord Portmore, ce qu'elle fit trois mois apres le depart de son secretaire, lui aiant fait écrire par Milord Comte de

¹ Сокращенный перевод письма см. документ № 28.

Dartmouth, secretaire d'État de la Grande Bretagne, l'exhortant de la part de la reine de me garder chez lui, jusqu'à ce qu'il se presente des vaisaux de guerre pour m'embarquer dessus craint[e] que je ne tombat entre les mains des François, si je partoais avec un paquebot.

L'il pouvoit me promettre de la part de la reine que d'abord que je serois arrivé en Angletterre, qu'elle m'assigneroit cinq cent livres sterling par an de pension ma vie durant, puisque j'étois d'une religion qui suivant les loix d'Angletterre je ne pouvois occuper directement aucun emploi a son service.

Mon malheur voulut qu'il ne se presenta aucune occasion pour m'envoier en Angletterre que quatre mois apres l'ordre que Milord Portmore reçut de la reine, lorsque je fut arrivé en Angletterre, je rendit a Milord Oxford grand Tresorier, et a Lord Dartmouth, secretaire d'Etat, les lettres que Milord Portmore m'avoit donné pour l'un et pour l'autre, lesquels me firent un accueil tres favorable, me remerciant de la part de la reine du service que je venois de lui rendre, et qu'incessamment elle feroit sentir les promesses qu'elle m'avait fait espérer par Milord Portmore

En sollicitant cette recompense, j'eus le malheur que Messieurs les François mirent par leur intrigue le gouvernement d'Angletterre dans leur interets, avec lequel ils traitterent la paix particuliere a l'inscû de ses autres allies, et me voiant amusé des paroles, je suivit un jour Milord Oxford et Milord Dartmouth a Winsor, ou la reine se trouvoit, j'écrivis une lettre de mon auberge a Milord grand Tresorier pour lui représenter mon etât, et le suppliai de finir mon affaire, tendis qu'il se trouvoit aupres de la Reine. Ce ministre trouva dit il dans cette lettre une expression menaçante, ce fut le pretexte qu'il prit pour me disgracier a la sollicitation de Messieurs les François qui alors triomphoient dans leur esprits, il me fit arreter et mettre sous la garde d'un messenger d'Etat pour me prendre les pieces justificatives de ma pretension et du service que je venoit de rendre, cela etant fait, me fit donner cinq cent livres sterling pour une seule fois et m'envoia en Hollande. Arrivant a la Haye, j'eus l'honneur d'y trouver Milord duc de Malbrough a qui je representai le mauvois traitement qui m'avoit été fait apres le service signalé que je venois de rendre. Il me fit la grace de m'en temoigner du chagrin et me promit de me donner toutte son assistance et sa protection, s'il pouvoit jamais etre en etat de le faire, il me presenta au prince Eugène de Savoye qui me donnat des lettres pour l'empereur des Romains qui me donna de l'emploi a son service jusqu'a la conclusion de la paix derniere.

Je supplie tres humblement Votre Sacrée Majesté Imperiale de me faire la grace de m'accorder une lettre de fave[eur] pour le roi de la Grande

Bretagne, afin qu'il aÿe la clemence de me rendre la justice qui m'est deu et qui jugera raisonnable; Quoi faisant je continuerai mes voeux pour la santé et la prosperité de Votre Sacrée Majesté Imperiale.

de St. Hilaire.

A St. Petersbourg le 20me Octobre 1715.

РГАДА. Ф. 150. Он. 1. 1715 г. Д. 3. Л. 1–2

Сент-Илер — Петру I¹

Державнейший царь, государь милостивейший.

Вашему царскому величеству во всей покорности нижайше донести дерзаю, каким образом 1711 году, будучи в Португалии в службе сего короля, на плате королевы аглинской блаженные памяти², явился тайным образом присланной ис Франции и Гиспании для трактования секретного миру с королем португальским в предосуждение немалое высоким своим союзником.

О чем я уведомясь, дал знать того ж часу милорду Портмату³, главному камандиру над аглинскими силами в Португалии, которой приказал мне, поймав тайно сего француза, привести к нему в Лисбон. И я сие его повеление исполнил и того присланного француза купно с португальским генералом Ласминас, которой дан ему был для провожания, на дороге поймав, привез ночью в дом помянутого милорда Портмута, и найден у них заключенной с Франциею трактат. Против которого протестовал аглинской милорд крепко, на что король португальской склонясь, разорвал тот трактат и паки согласился с милордом, а я между тем принужден был скрытца в доме помянутого милорда, пока от королевы получен указ, чтоб меня прислать в Англию чрез надежной случай на воинском карабле, и обещано мне от Ея величества ежегодной пенсион по пяти сот фунтов стерлинков, и ежели приму веру калвинскую, то дастся мне знатной чин⁴. И я по некотором времени отослан в Лондон, где принят зело милостиво и обещано мне содержать годовой пенсион. Токмо паче моего чаяния начались при оном дворе французские интриги, и выслуга моя уничтожена, и дано мне за все только тысяча фунтов стерлинк с таким объявлением, чтоб ехать в Галандию и отнюдь более в Англию не возвращатца. Прибыв в Гагу, имел честь видеть милорда Мальборука, которой зело удивился

¹ Документ представляет собой сокращенный перевод документа № 27. Перевод не авторизован и не датирован, но на первой странице другим почерком проставлена дата «октябрь 1718».

² То есть королевы Анны, скончавшейся в 1714 г.

³ Так в тексте.

⁴ В оригинальной версии (№ 27) Сент-Илер выражается более определенно: «...j'étois d'une religion qui suivant les loix d'Angleterre je ne pouvois occuper directement aucun emploi a son service»; речь идет об Актах о присяге 1672 и 1678 гг., которые фактически исключали занятие католиками любых должностей на службе короны.

такому худому за мои службы воздаянию и обещал мне, когда состояние аглинского двора изменитца, всякое тогда учинить вспоможение и рекомендовал меня принцу Евгению. По которой рекомендации принят я был в службу цесарскую, и как ныне бывшей курфирстр ганноверской достиг до короны аглинской⁵, и Мальборук пришел в прежнее свое состояние⁶, писал я к нему с прошением напомнить свое обещание. На что изволил приказать мне ответствовать чрез своего секретаря, что ежели похощу возвратитца в Англию, то хочет исполнить учиненное мне в Гаге обещание. Но понеже я обязан в службе Вашего царского величества, того ради сего пути предвосприять не мог, и всепокорнейше прошу Вашего величества да изволите мне пожаловать рекомендальную грамоту к Его королевскому величеству великобританскому о учинении справедливости в моем деле, которую грамоту может вручить сродственник мой, Вашего величества посланник в Брунсвике⁷ господин Шлейниц, когда король великобританской прибудет в свои наследственные ганноверские земли. За что пребуду во всю жизнь мою с неотменною ревностию и подданнейшим почтением,

Вашего величества покорнейший раб

барон Сентилер.

РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 7. Л. 59–60

⁵ То есть Георг I, с 1708 г. курфюрст Ганноверский, с 1714 г. король Великобритании.

⁶ После смерти Анны и воцарения 1 августа 1714 г. короля Георга герцогу Мальборо были возвращены его прежние должности.

⁷ То есть в Брауншвейге.

№ 29

А.А. Матвеев — А.В. Макарову,

8 февраля 1716 г.

Господине секретарь,
усильно прошу приложенныя Их царским величествам нижайше поднести.

При бытности Ея величества государыни царицы здесь слезно просил я о всеконечных нуждах своих, довольно вам сведомых, и она, всемилостивая наша государыня мать, божести милосердуя, повелела мне, челобитную написав, до вашей милости, для донесения Их величествам прислать, которая есть при сем. Для того прошу о сем, с доклада Ея государынина учинить, как об ней укажет.

Естли возможно, изволь донести Его величеству, чтоб мне для усмотрения деревенского при сей небытности его государевой на время быть освобожену, которыхя чрез 17 лет отлучки моей¹ в конец разорились, и мне в короткое трех месяцев время будучи на Москве того исправить отнюдь было нельзя. Будет же то явитца неугодно, то я хотя еще большия себе трудности впредь понесу, нежели чтоб было противным Его величеству.

Повеленное мне дело академии с радостию я принял, и, как бог наставит, исправлять его стану и впредь. Донос по получении вашего к себе ответу до милости вашей пришло, о чем надобно будет Его величеству доложить.

В протчем вручаюся в вашу милость и остаюся всегда вам, господине секретарь, нижайшим слугою,

граф Матвеев.

Из Санкт Питерсбурга февраля в 8 день 1716 г.

РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 28. Л. 328–328 об.

¹ Матвеев находился на различных должностях за рубежом начиная с 1699 г., когда он был назначен послом в Гаагу.

№ 30

А.А. Матвеев — Петру I,
8 февраля 1716 г.

Из Санкт Питербурга февраля в 8 день 1716 г.

Всемиловитейший царь государь,
по указу Вашего величества повеленое мне дело и попечение о академии
с радосною душою я принял, ведая, что то к угодности Вашей есть.

Токмо недостаток мой последней к исправлению двороваго строе-
нья и к покупке двора отнюдь не допустит меня, как о всем Ваше величе-
ство, милосердо вняв из моего слезнаго нынешнаго челобитья, призреть
на беспомочное сиротство мое соизволит.

Вся моя безродная фамилия по бозе вручена Вашему величеству¹,
и никого в том своем безродстве себе покровителя, ни помощника, кроме
вас, всемиловитейшаго отца и государя, и супруги Вашей, всемилосер-
дой государыни нашей, царицы и матери, отнюдь не имею.

С горькими слезами упадчи, обнимаю ноги Вашего величества.

Из последних нижайшей раб ваш,

А. Матвеев.

РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 28. Л. 329

¹ Говоря о своей «безродности», Матвеев намекает на гибель своего отца Артамона во время стрелецкого бунта 1682 г., после чего его осиротевшие потомки и оказываются «вручены» Петру.

№ 31

А.А. Матвеев — А.В. Макарову,

17 марта 1716 г.

Из Санкт Питербурга марта в 17 день 1716.

Государь мой Алексей Васильевич,

прошлаго февраля в 8 день просительно писал я к вам, моему государю, о всеконечных своих нуждах з государственным вице канцлером, з бароном Петром Павловичем Шафировым, и при том же отправил и протчие письма до их царских величеств и челобитную свою.

Но вручены ли оне вам, моему государю, по се время никакой ведомости от вас, мой государь, к тяжкому мне сокрушению, отнюдь не имею, ниже о доходе их.

Для того еще с слезным моим прошением о том вам, моему государю, на память приношу, ведая великое и всегдашное многодельство ваше.

Естли же, свыше чаяния моего, каким случаем те письма утратилися, прошу милостиво о том уведомить меня, чтоб я дубликаты с них тотчас прислал.

Истину вам, моему государю, доношу, что я, [...]ехав с Москвы, подмосковную свою деревню з домом и с каменною церковию заложил в трех тысячах рублех иноземцу Вахромею Меллеру на пребывание здешное и на искупление долгов, и на ростовыя деньги, за свои заклады в Галандии и в Вене, чтобы того последнего в свете достатченку моего у бедной моей фамилии вовсе не згубить.

Ныне к тому ж еще для близости от академии принужден я за полторы тысячи рублев купить здесь себе яковлевской двор Полтева, в долгу же, а чем впредь за него платить, того ум мой воистинну не осязает, потому что никакowo государева денежного жалованья мне от академии не идет. Тем весьма пришел я в конечную погибель от долгов и от нищеты своей.

Однако ж без отчаяния всю мою крепкую надежду на высокое их величеств, яко на отеческое безродному сиродству моему призрение уповаю, и на ваш, моего государя, милостивой о себе донос, и до моей жизни в вечном рабстве пребываю всегда вам, моему государю, всепокорным и всепослушным слугою верным,

граф Матвеев.

РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 28. Л. 330–330 об.

«Ордонанция» об обучении гардемаринов, 20 марта 1716 г.

Список с ордонанции повелением Его царского величества о том, чему надлежит обучать кадетов, которые определены будут на флот.

Все кадеты, которые определены будут на корабли, отданы будут в команду порутчика того корабля, на котором они служить будут.

16. Детавементы¹ кадетов, которым быть и служить на кораблях, да чинят командантом под управлением адмиральским, или кто вместо ево командовать будет. Да делают они все салдацкие дела безо всякие отмены, яко чиня часть салдацких рот.

17. Для [содер]жания и охранения наук, которые они в окадемии поминут, да назначит порутчик ими командующего с согласия капитанского четыре часа определенные на разные их эксерциции.

Первое на штурманство и гидрографию, которые науки да показывает им карабельной штурман. Афицеры, надзирающие над кадетами, да бывают при оных учениях и смотрах, чтоб штурман учивый их чинил свою должность и учил бы их всему, что он знать будет.

Второй час да будет употреблен на мушкетную эксерцицию и на воинское обучение. Сию эксерцицию да управляет порутчик командующий ими.

Третий час да употребят на пушечную эксерцицию так в теории, которую да учинит карабельной констапель, как [и] в практике, которые возможет чиниться с верхней батареей или между двумя палубами, что мочно определить по рассмотрению.

Четвертой час научения карабельного управления в добрую погоду, а показывать сие управление да будет карабельной капитан или капитан во вторых.

То карабельное управление да велят они делать морским гардам всякому по очереди.

Да будут оне же вопрошать и учить о всяком подробном карабельном управлении и да толкуют им о случаях, в которых таковые управления надлежит делать.

Кадеты да не сходят со своего корабля бес повеления от афицера камандующаго ими, хотя б они то повеление и получили от своего

¹ То есть «деташменты», подразделения.

карабельного капитана, а когда они на землю с карабля сойдут, то надлежит ими командовать их афицерам, а не карабельным афицерам, которые хотя старейшие будут.

18. По возвращении из всякой компании да делают роспись кадетам которые служили, а на стороне оной росписи да пишут поступки всякого кадета, происхождения их в науке и радение их в учении. Ту роспись да подпишет капитан от эскадры и капитан всякого карабля, на которых они буду служить, также порутчиком надзирающи над ними

Учинено в морской академии

В санктпитер бурхе 20 марта 1716

У подлинного приписано: борон С. Гилер.

РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 121. Л. 58–58 об.

А.А. Матвеев — А.В. Макарову,

14 апреля 1716 г.

Из Санкт Питербурга, апреля в 14 день, 1716.

Государь мой Алексей Васильевич,

зело склонныя вашей милости, из Данциха писанныя ко мне прошлаго марта от 16 и 20 чисел, исправно здесь получа и вразумев, за те ваши, моего государя, незаплатныя ко мне и ко всем моим заочныя милости, нижайше благодарствуя, вечным и верным рабом вашим быть должен.

Вчера ис Правительствующаго сенату здесь указ Его царского величества уже моей жене¹ сказан: ехать отсюды по просухе за государынею царевною Анною Ивановною в гофмистринах до Курляндии, чему она всепокорно с рабским своим послушанием повинувся, ехать туды готова.

Денежного жалованья назначено ей на подъем и на житье противу госпожи генеральши Балковой, которая ис полного дому и из великаго годового жалованья мужня прежде отправлена.

Но моей жене, как вам, моему милостивцу, уже давно подробну известно, христиански объявляю по совести, ни серег в ушах нет, — все в Голандии и в Венне осталось в закладе, а из моих малых деревень во истинну ни трехсот рублей на год мне оброку не придет, ис которых уже одну подмосковную заложил, о чем вам известнее будет по моему отсюды письму марта прошлаго от 14 дня, отправленному лейб гвардии с капитаном з господином Румянцовым.

Ис такой уже моей самой последней скудости и по безвестному о времени впредь з женою моею из горькаго сего разлучения свиданью, не только от себя мне ее чем там снабдевать будет, но и сам здесь в нищете без нее из голоду таять.

Известно вам, моему государю, чем тысячью рублями путь ей управить, и в чужем крае кареты, лошади и платье свое и либерею² людем, и в протчем по ее чину порядочно содержать, а от меня к себе и помыслить

¹ Первая жена Матвеева умерла в 1699 г., вопрос о том, была ли у него после этого еще одна или две жены, не вполне прояснен. Речь, вероятнее всего, идет не о последней (третьей?) жене Матвеева, Анастасии Ермиловне Аргамаковой (по фамилии первого мужа), а о предполагаемой второй супруге графа, о которой известно лишь (по французским источникам), что она была в девичестве княжна Барятинская.

² То есть ливрею.

впредь ожидать нечего, впадчи уже во всеконечно и невозвратное свою горькослезною своею фамилиею разорение и падение.

Только на едину еще после бога надежду несумнительную уповаю и на высокославную по всему свету Их всемилостивейших царских величеств к себе отеческую милость, что по вашему, государя моего, милостивому о нас доношению Их величества напаятуя ясную причину и долголетныя верныя службы и раны родителя моего, и смерть при своих очех, и мои службы повсюды, не допустят ту заслуженую фамилии до последней ее гибели.

Что же впредь за милостивым вашим, моего государя, доносом по прежнему моему челобитью и по письмам до милости вашей о том учинитца, повели по своей особой милости меня здесь, а жену мою в Курляндии уведомить и в своих прежних приятельских милостях при тамошней ее скуке и скрухе³ не оставлять.

В том во всем воистинну твердое общее наше с нею упование возложу на неотменные те впредь милости ваши к себе, до моей жизни пребуду в неотрешимом долгу всегда вам, моему милостивцу и государю, нижайшим и верным служителем.

Граф Матвеев.

РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 28. Л. 332–333

³ Скорбь, печаль.

№ 34

А.А. Матвеев — А.В. Макарову,

20 апреля 1716 г.

Государь мой Алексей Васильевич,
на прежния ваши, моего государя, зело склонныя ко мне письма з долж-
ным моим благодарением отповедью моею уже услужил я сего ж месяца
в 14 [день] при случае отъезду отсюды в поход курира господина Юшкова,
и надеюся тому письму исправно вам, моему государю, впредь быть вручену.

Понеже указом Его царского величества милостивейше назначено
жене моей быть за царевною Анною Ивановною в Курляндии, и никакой
иной особе из нас для провожания ее ехать до того места отсюды еще по се
время не определено, и бес того по видимому обойтитца нельзя, для того,
надеяся на ваши, моего особливаго милостивца, великия заочныя к себе ми-
лости, покорно прошу, естли то будет мочно, чтобы проводить ее, царевну,
до Курляндии повелено было мне.

Ныне [...] то, все кадеты из академии с Ревельскою и с Кроншлоцкою
эскадрами отсюды отправлены, и токмо самое малое число из них остаются
здесь, которых свободно и без меня директор барон управит.

К тому ж ныне во академии той начинается каменное строение, кото-
рое управляет генерал маеор господин Чернышев, и за тем всем моя быт-
ность здесь не нужна есть.

Мне, мой государь, ни для чего иного крайняя самая в том подлежит
нужда, чтоб при первом случае управить там жену мою и всю малую мою фа-
милии, которую всю отпускаю с нею, и чего она при своем том первом и мно-
готрудном ей прилучае одна собою исправить по належнтости¹ не может.

В чем твердое мое надеяние на ваши, моего государя, приятельския
к себе и заочныя милости возложу при обождании склоннейшаго вашего
ответу, верно в вечном иге работы со всею тою моею фамилиею до живота
нашего пребуду всегда

Вам, моему милостивцу и государю, низайшим и вседолжным слугою,
граф Матвеев.

Из Санкт Питербурга
Апреля в 20 день, 1716.

РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 28. Л. 331–331 об.

¹ Должным образом, по принадлежности.

**«Известие» о Морской академии,
весна 1716 г.**

По всегдашнему обыкновению во французской морской академии недорослая шляхта, которая к тому делу употреблена, больши науки практикою самую действительные проходят там в свое совершенство.

Тому ж примеру последуя, всемерно надобно для такой великой пользы, из здешних кадетов учиня деташмент из ста человек, в пополнку к прежнему числу отправлению недавно в Ревель из тех определить равно по здешним караблям, которые впредь пойдут нынешняго лета в море.

Практика та в 6 месяцев может у искусных капитанов произвести их в прибыльное дело, нежели 10 месяцев здесь будучи запертым по школам, и подаст целое им обыкновение и способ вскоре произойти в вышние чины, а инако без практики и когда оне уростут, до совершенства навигации приттить отнюдь не могут.

Число академии той определенное 300 человек, естли порядочно и чинно содержать их, то ненадобно такое множество здесь иметь их, как ныне всех налицо с новоприсланными из Москвы и еще вскоре ожидаемыми едва не вдвое будет здесь того имянным Его царского величества указом определенного числа, которых впредь содержать великие проторы и напрасно станут на них чинитца. Из них есть, которые из Сухоревой башни науки свои уже совершают, а другие из них уже гораздо уросли, а повидимому зело тяжко будет им доходить до тех наук, и из того еще смущение в делах за таким многолюдством их умножатца в той академии всегда станет.

РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 119. Л. 14–14 об.

«Правила» для Морской академии,

11 мая 1716 г.

Regles que l'on doit observer pour tout ce qui devoit tenir dans l'accademie de Marine etablie à Saint Petersbourg.

1. Chaque detachment qui se fera des cadets de la Marine pour s'embarquer sur le vaisseaux de sa Majesté Czarienne doit estre fait par le general directeur, lequel choisira ceux qui auront fait le plus de progrez sans aucune partialité pour personne.

2. La police et dissipline qui se doit observer dans l'accademie doit estre exercées par le general directeur, lequel doit avoir le pouvoir absolu de faire chastier les cadets quand ils manqueront à leur devoirs, sans aucune partialité ny distinction excepté que ce ne fut quelque cas extraordinaire et que le crime commis demanda une punition rigoureuse, pour lors le general directeur en informera le Comte de Matusof, lequel de [concert] avec le commandant de la Marine, qui sera à St. Petersbourg et du general directeur le fairont chastier suivant les lois etablies par les ordonnances militaires.

3. Il n'y aura que le general directeur à qui les cadets de l'accademie s'adresseront pour avoir permission de sortir de l'accademie pour quelques affaires que se puisse être dans Saint Petersbourg, lequel donnera après s'estre bien informé de la necessité qu'ils ont de [le croire].

4. Si c'étoit pour sortir hors de Saint Petersbourg en ce cas sera le Sieur Comte de Matusof qui en donnera la permission par escrit aux cadets qui la demanderont pour quelque affaire indispensable suivant l'information qui en sera faite, et toute fois quand aucun cadet aura reçu son passeport du Sieur Comte de Matusof, il ne partira point sans le faire enregistrer dans la chance[lle]rie établie dans l'accademie et par l'ordre du general directeur.

5. Il ne se fera ny ne se changera rien dans l'accademie et dans les salles qui servent à l'instruction des cadets de Marine sans l'ordre expres du general directeur.

6. La garde qui sera etablie dans l'accademie sera montée et relevée sous les ordres du general directeur.

7. Le corps des cadets de Marine doit estre fixé et en consigner le nombre au general directeur et ne donner aucun congé aux dits cadets sans l'ordre expres de sa Majesté Czarienne, quand une fois les cadets seront receus dans l'accademie, ils doivent estre destinés pour toujours dans la Marine comme

il se pratique partout, et [assurer] que quelqu'un d'eux aura fait quelques progrès dans la theorie et que les experiences pour la pratique de la mer les rende capables pour devenir officiers. Ce doit estre le general directeur qui en doit informe[r] sa Majesté ou l'admiral.

Tous les cadets qui seront tirés de leur corps pour estre officiers ou que quelqu'un d'eux viendra à mourir, il en sera mis d'autre à leur place pour qu'il y ay tousjours le mesme nombre etably.

Tous les cadets doivent estre l'elite du pays et gens qui doivent avoir du bien puisqu'ils doivent être par la suite des officiers de Marine comme cela se pratique partout ou il y a de pareils etablissemments.

Le corps des cadets de Marine doit avoir le premier rang sur tous les autres corps militaires etablis dans les États ou il y a un corps de Marine; en France et en [...] Dannemarck ils ont cette prerogative.

8. Le Comte de Matusof ne se doit mesler que de la distribution de l'argent que sa Majesté Czarienne destine pour les soins de l'accademie et de faire attention aux remontrances que le general directeur luy fait pour le necessaire des ecolliers sans se mesler directement ny indirectement dans l'interieur de l'accademie ny d'y donner aucun ordre.

Mais au contraire, s'il avoit quelque ordre de la part de sa Majesté Czarienne ou de Monseigneur l'admiral, il doit en ce cas le communiquer au general directeur pour que de concert ils la fasse[nt] exécuter.

9. Toutes les plaintes de l'accademie doivent être faites au general directeur affin que luy même y mette ordre, mais si au contraire, quelqu'un de l'accademie avoit quelque sujet de plainte pour quelque injustice qu'il auroit pû avoir faite ou qu'il eut eu plus de partialité pour les uns que pour les autres ou qu'il eut commis quelque malversation contre les integrités de sa Majesté Czarienne, et de ses ordres, on en portera les plaintes au dit Comte Matusof lequel en informera sa Majesté affin de recevoir les ordres pour luy faire subir la peine qu'il meritroit, comme ordinoirement cela se pratique dans toutes les accademie du monde.

Le B[aron] de St Hilaire.

A St Petersbourg, le 11e may 1716.

РГАДА. Ф. 370. Он. 1. Д. 7. Л. 51–52 об.

Перевод:

Правила, которые должны соблюдаться всеми, кто состоит в Морской академии, учрежденной в Санкт-Петербурге.

1. Всякий отряд, образуемый из кадет для отправки на кораблях Его царского величества, будет составлен генерал-директором, который будет выбирать тех, кто добился наибольших успехов, без всякого пристрастия.

2. Благочиние и дисциплина, которую следует наблюдать в академии, должны чиниться генерал-директором, который должен иметь полную власть наказывать кадетов, когда те не выполняют своих обязанностей, без всякого пристрастия или различий, за исключением разве некоторых чрезвычайных случаев, когда совершенное преступление требует сурового наказания, о которых случаях генерал-директор сообщит графу Матвееву. Последний вместе с командующим над флотом который будет в Санкт-Петербурге и генерал-директором определяют наказание в соответствии с законами, установленными воинскими уставами.

3. Да не обратятся кадеты ни к кому, кроме генерал-директора, за разрешением покинуть академию для какой бы то ни было надобности в Санкт-Петербурге, который даст таковое, лишь когда довольно сведает о имеющейся надобности.

4. Если же надобно покинуть Санкт-Петербург, то в таком случае господин граф Матвеев даст на то письменное разрешение тем кадетам, которым оно требуется для некоторых необходимых дел, следуя полученным сведениям, и во всех случаях любой кадет, получив паспорт от господина графа Матвеева, не отбудет [из Санкт-Петербурга], не записавшись в ведомости в канцелярии, устроенной в академии по приказу генерал-директора.

5. Да не будет ничего изменено ни в академии, ни в залах, которые служат для обучения морских кадет, без прямого приказанья от генерал-директора.

6. Караулы, которые будут определены в академии, будут расставляться и сменяться по приказу генерал-директора.

7. Корпус морских кадетов должен быть устроен и представлен в полном числе генерал-директору, и не должно давать никаких отпусков кадетам без прямого приказа Его царского величества. Когда кадеты будут зачислены в академию, они должны быть отделены навсегда от флота, как это принято везде. И по мере того как кто-то из них добьется успеха в теории и наберется опыта в морской практике, они смогут стать офицерами. И это обязанность генерал-директора сообщать об этом Его величеству или [генерал-]адмиралу.

Вместо всякого кадета, взятого из корпуса для производства в офицеры, или того, которому случится умереть, должно взять другого, чтобы их число было неизменным.

Все кадеты должны быть из лучших семей страны, и люди с достатком, потому что они должны в будущем стать морскими офицерами, как это обыкновенно повсюду, где есть подобные заведения.

Во всех странах, где есть морские корпуса, корпус морских кадет должен иметь первенство среди всех других воинских корпусов; во Франции и в Дании у них есть такое преимущество.

8. Граф Матвеев должен заниматься лишь распределением денег, которые Его царское величество определил на нужды академии, и обращать внимание на представления, которые ему делает генерал-директор для нужд школьников, не вмешиваясь прямо или косвенно во внутренние дела академии и не давая никаких приказаний.

Но если же, напротив, он получит некоторый приказ от Его царского величества или господина адмирала, ему должно в таком случае их сообщить генерал-директору, дабы в согласии с последним их исполнить.

9. Все жалобы в академии должны приноситься генерал-директору, который сам должен восстанавливать порядок. Но если, напротив, кто-то в академии возымеет повод жаловаться о некоторой совершенной несправедливости или о некотором пристрастии к одним перед другими, или же о некоторых прегрешениях против интересу Его царского величества и Его приказаний, следует подать жалобу названному графу Матвееву, который известит Его величество и получит указания, чтобы подвергнуть их тому наказанию, которого они заслуживают, как это обычно установлено в Академиях во всем мире.

Барон де Сент-Илер.

В Санкт-Петербурге 11 мая 1716 г.

№ 37

Сент-Илер — А.А. Матвееву,

20 мая 1716 г.

Мой господине,

Яко Вашего превосходительства возвождение в опекуны академии хочет пременить все Его величества чрез указы установленныя вещи, и того ради надобно, чтоб вы изволили вашу инструкцию мне неотменно дать о моем поведении впредь во всем, что я долженствую творить как в экзерцициях кадетов, так и обучениях и протчих чинах академии. И да изволите, ежели вам угодно, предлагать мое подтверждение и також сие, что все они, которые во академии суть, мне должны наказать, чтоб мне мощно было исполнять повеления Вашего превосходительства и всегда бы оправдание предложить о моем поведении и о всем что буду делать по вашему повелению, и чтоб мое слово отдать надобно было о случаях, которые впредь могут приключиться. И бес того мне невозможно ни в какое дело вступать, ежели Ваше превосходительства вещи в таковом состоянии не оставит, как от Его величества приказы были, которое Его величество меня чрез кантракт обязали, чтоб оные в действо произвести. Я ожидаю резолюцию Вашего превосходительства и честь имею быть со всяким почтением и проч.

Le Baron de St. Hilaire

В 20 день мая 1716.

РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 119. Л. 50

Сент-Илер — Петру I,
1 августа 1716 г.

Всепресветлейший державнейший царь, всемилостивейший государь, Вашего царского величества прирожденная и в Вашем преславнейшем владении везде просияющая милость и правда меня обнадеживает, что яко Ваше величество меня генеральною дирекциею новыя в Санкт-Петербурхе уставленныя академии морского флота пожаловать соизволили, тако и мне сему достоинству моему принадлежащая прифилегии всемилостиво преданы будут. Таковыя ж прифилегии мне очень нужны суть, понеже без оных предлаганное щасливое намерение и благополучие сея академии получитьи мне невозможно будет.

Аз дерзнул Ваше царское величество уже многократно не упокоевать и Вашему величеству причины всепокорно предлагать, которыя меня препинали¹ сию академию в таковое состояние произвести, в како[вых] состояниях академии во иных землях обретаютца. [...] дня, как во академию вступил, многия мемориалы те [...], которым Ваше царское величество попечение о академии [...], и которым еще дело вручено было, и от них сие, что к т[...] уставление мне нужно, желал, но мне до сего числа не[...] было в желании своем нечто от оных получить. Така[...] стократно предлагал и просил, чтоб тех кадетов кот[...] Ваше царское величество к здешной академии выбрать со[...]ют известное число было. Но и сие не мог получить, и коз[...] 400 во академию посланы, тогда тех паки отнимали, потом ж мне новых давали, и тех опять отняли, и того ради примы[...] лабиринит² есть (ежели смею сие слово употреблять), которой конца не имеет. Аз верую, что в моей академии с того числа, как она уставилась, больши 2000 кадетов было, от которых некоторые 16 дней, иные же один месяц, и [...] во оной никакую пользу или прибыль не приносит. Которыя ради вины, Вашего царского величества указ зело нужен, чтоб мне 300 кадетов, которыя от фамилии богаты, вручить, и чтоб сие число постоянно во академии осталось тому учитца, что искусному морскому человеку разумети надлежит. Сии речь аще некоторые от оных кадетов добре аванжируют³ в эксерцициях, яко в теории, тако и в практике пред

¹ То есть препятствовали.

² Вероятно, «лабиринт».

³ То есть продвигаются.

прочими достойны обрящутся, чтоб Ваше царское величество оных чином корабельного порутчика пожаловали, и дабы вместо тех мне иных давать, или тако ж де, аще некто умрет или недостоин к службе обрящется, чтоб число всегда равно было. Яко везде на сие смотрят, нужно, чтоб кадетов в компании разделить, и дабы их афицеры морские люди были. Вашему царскому величеству мощно указать младым русинам, которые в прошлом году из чюжих земель возвратилиси вспять и на море ездили, ныне же на морском флоте служат, чтоб иные были порутчики, иные же знаменщики сея академии. Должно порутчикам за капитаны, и знаменщиком за порутчики в компаниях служить; всякая компания имеет одного капитана, 2 порутчика в компаниях, от сея стати сержантов да капралов не требует.

Когда Ваше царское величество соизволяет, чтоб мне добрым щастием или благополучием в моем достоинстве служить, то я всепокорно прошу, да изволит Ваше величество указать тем, которые имеют попечение о академии, чтоб им с внутренним действием академии дело никакое не было, по[...] что генеральному директору надлежит именем Вашего царского величества или господина великого адмирала владение в той академии иметь, чтоб все чинне случилось. Графу Матвееву или оной персоне, которой попечение о академии вручитца, только есть дела чтоб ведали академические оклады, в чем что денег выдавать нужно; на мемориалы, которые из-за нужды академии подаю, смотреть, и вся вещи мне промышлять, тако ж де по всякой месяц от меня состояние академии (в чем я поступлении всякого академисты объявить буду) принять и оное Вашему царскому величеству подавать. Таковым образом Вашему царскому величеству мощно изве[с]тно быть о сщастливом поступе в уставлении сея академии, инако бо никогда невозможно будет нечто истинного и постоянно[го] в дело произвести. Ежели б я токмо на собственную пользу или прибыль свою смотрел, то бы сыскал от всякия беды свободен быть и не предлагал бы Вашему царскому величеству порядок, который те, которые академию ведают, во оной держат, ибо я знаю, что я чрез сию их недружбу и неприязнество [...] привлекаю. Однако ж я лутче хочу в сию небезпечность впадать, неже нечто оставить от должности моя и службы, которую аз Вашему царскому величеству обязан. Прошу убо всепокорно на сей мемориал всемилостиво смотреть и указать, чтоб мне безмедленно известное число кадетов, которых Ваше величество к здешной академии выбирать соизволяют, тако ж нужных афицеров да профессоров предать, и дабы [...] в академию послать, чтоб мне оным представлену быть, и им бы за своего генерального директора да камандира почитать, иногда бо они мне николи же послушные не будут.

В надежде Вашего царского величества совершенного указа и резо-
люции я со низайшим изыществом пребываю,
Вашего царского величества всепокорнейший раб,
Le B[aron] de St. Hilaire.
В Санкт Питербурхе августа в 1 день 1716 году.

РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 28. Л. 802–803

Описание происшествия в Морской академии, август 1716 г.

Копия показанной супротивности графа Матвеева к барону Сентилеру за 5 гардемарин, которых барон штрафовать велел за их неудобные дела.

Сентября¹ в 13 день сего 1716 году навигатор Семен Боборыкин сказал: и по вышеписанной памете Семен Боборыкин сего де сентября в 4 день в учебной полате на доске школьника Василья Обошешева непристойные слова про него, Обошешева, написаны были. Про [то], де, сказывал ему и другим школьником Василей Плещеев, и что написано, то он видел, а кто писал, того ему те школьники никто не сказал, а он не видал. И Плещеев же ему на улице, что то написал школьник Шокуров, не сказывал. А с той, де, доски те слова непристойные стер он на третей день для того, что по той доске надобно учитьца. А про то, де, доносил он господина барона перевоотчику ево, чтоб он донес о тех словах ему, господину барону. А к вышняму командору, к его графскому сиятельству того дни не пошел для того, что его графское сиятельство не домогал и видеть было его графского сиятельства за тем невозможно. И что, де, оне, Кикин и Аничков сказали в допросе своем, бутто ему, Боборыкину, сказывал на дороге Василей Плещеев, что такие слова писал школьник Шокуров, того он, Боборыкин, от него, Плещеева, не слыхал.

1716 августа в 25 день: сыскав навигатора Боборыкина, допросить именно о причине дела того, и для чего он вышнему своему командиру по своей должности о том важном деле репорту своего не чинил, и мимо того объявлял меньшему, унижая достоинство того своего вышняго командора, [в] которое по высочайшему Его царского величества именному указу произведен он, и о винах ничей в концеляри[и] на письме не подал, которая для той большей расправы установлена есть; чтобы он, навигатор, сказал подробку в допросе своем против сей со всякою очисткою, а его, навигатора, посадить до указу за орест.

Августа в 27 день: по сему допросу, сыскав тот час кораульных кадет и салдата, которой при том был, и кадета князя Волконского, которой

¹ Вероятно, описка. По смыслу должно быть «в августе».

не хотел рукою своею подписатца, и прочих, кто при том случае был, допросить о таком неистовом деле и во академиях непристойной их кадетов дерзости и неслыханом безчинстве, и их порознь имянно со всякою очисткою. И естли оне, кадеты, станут в том заператца, освидетельствовать руками их².

Августа в 31 день: против сего допросить школьников Окунева и князя Михаила Волконского со всякою очисткою, и ежели он, князь Волконской, запретца в том, дать ему очную ставку с салдатом и с кадетом со Алексеем Веламиновым; навигатора Семена Боборыкина до указу освободить на поруки.

Сентября в 10 день: против их сказак всех кадетов, которыя приличились к таким неистовым письмам, и свидетелей, и навигатора Боборыкина сыскав, тот час допросить порознь, и подлинною со всех очисткою, и для чего он, навигатор, ту числа о том репорту по своей необходимой должности стер те скаредные слова.

РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 28. Л. 810–811

² То есть взять образцы почерка.

А.А. Матвеев —
Сент-Илеру,
26 августа 1716 г.

Мой господине,

вчера в вечеру получил я ваше письмо, здесь писанное ко мне сего месяца от 25 дня, которое вы в конце мемориалом быть значите, и о чем мочно было вам самим со мною говорить того дни с утра, при вашей у меня бытности. Я, выслушав то письмо, отвечаю.

Я о шестом часе у себя был, а об вашем приезде к себе ни от кого не слыхал, что же требуете некоторых еще денег за книги, в том щете надобно рассмотретца, для того что по прежней вашей росписи, поданной на покупку книг во академию, то число на перевод векселя в Галандию сполна вам на те книги было отдано.

Вы ж, мой господине, пишете в том своем с неудовольствием и с дерзливостию, якобы указывая нам в причине взятца за арест навигатора Бабарыкина, которой, уничтожа достоинство вышняго своего командора и мимо его, о важных того правления делех рапорт свой чинил меньшему, которой такова последования суда и расправы в делех иметь не может [и] без ведения нашего собою располагать те и без рапорта тому своему вышнему командору, до кого тот сам зависит.

Если же, мой господине, вы сами такое важное дело без меня по своему особому произволу учинить изволили и тех кадетов, которых уже действительно при науке салдацкой экзерциции обретаютца нарочно употребленного к тому делу именным Его царского величества указом от лейб гвардии порутчика у господина Бестужева без него, их, кадетов, один салдацким штрафом¹ наказывали, наипаче же того ж дни вы сам, быв у меня, о том деле рапорту не учинили, что вы чинить указом Его царского величества всегда повинны, для того извольте на письме к нам прислать, по какому розыску то дело от вас определено, и каким порядком по письменному ли известию, и по каким явственным заручным скасками и свидетельствам, и по какому вашему письменному приговору те кадеты так жестоко наказаны были, и то дело к нам прислать, ибо на то канцелярия устроена у нас, и на словах дела в здешнем империи не

¹ То есть батогами.

отправляютца. Но понеже озлобленные от вас кадеты, князя Волконския и Плещеев, и Кикин, и протчия, прошение свое приносили з жалобою о неповинном себе и о неразсмотрительном вашем том наказании, для того я по высокому Его царского величества данному мне указу, имея верховную перед вами в той академии, каманд и судебную расправу над ними всеми навигаторы и кадеты, долженствую по правам и по самой истинне на письме вновь о деле том розыскать, освидетельствовать и решение на него учинить.

Вам, мой господине (то правда есть), что все прилежание, непрестанной дозор и в неисправе наук наказывать их, кадетов, после нас вручено есть, а не вышней суд на себя имать без ведома нашего, и в самых регламентах печатных явствуется светло, что вы, мой господине, о всех важных делах должны рапорт свой чинить вышнему начальнику.

Для того, мой господине, важных дел и к нашей расправе весьма зависящих впредь без рапорту нам и без согласия общаго собою самовластно чинить не извольте. Естли же вы большую передо мною имеете власть над теми делами, извольте нам объявить Его царского величества имянной указ, в особливости данной вам на такую мочь после того, как имянным же Его царского величества указом повелено в той академии президентом быть мне, ибо после того вы, мой господине, сами вы указ тот нам объявляли и отречься от того не можете, что сиятельнейший господин генерал и адмирал граф Федор Матвеевич Апраксин, прислал до вас оной указ за власною своею рукою, чтобы вы моей коменде послушными были.

Что ж вы, мой господине, пишете о винности тех кадетов, за что оне дельно были наказаны, нежели то по будущему делу так найдется, николи не токмо в том, [но и] доньше ни в меньшем делах попущено им от нас не бывало и впредь не будет, и как те дела больше есть самой моей повинности по природной моей верности.

В том же письме под розными подлоги притворяете от себя вы, мой господине, и за такими малыми причины отваливаете неустройство той академии в иное мнение, и по-видимому всякому ясно ныне мочно увидеть, что при моем ведении в лутчее дела те пришли, ибо, мой господине, хотя ваших и до меня проектов было много, но на самом деле сказать нечего, и то вы, мой господине, про себя больше сами ведаете.

Из того же письма вашего увидели мы с ужасом, что вы, мой господине, угрозами пишете не по пристойности, обязався контрактом письменным за своею рукою в службу Его царского величества и получа великое годовое денежное от Его величества себе жалованье, а ныне по

своей особой воли в том письме дерзостно значите, что не хотите больши в те дела себя мешать, я в том ответен за вас быть не могу.

В протчем со всяким моим доброжеланием есмь,

В Санкт Питербурге августа в 26 день, 1716 г.

РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 28. Л. 353–354 об.²

² Еще одна копия документа в РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 199. Л. 39–40 об.

А.А. Матвеев — Сент-Илеру,

27 августа 1716 г.

Мой господине,

получил я ваше сего месяца от 26 дня, которое труд вам понесло писать больше по неосмотрительной вашей страсти и недействительной ярости, паче же по непристойности вашей меньшей особе к своему вышнему командору.

На которое свыше воли моей принужден я за ваше жестокосердое уничижение не мне, но наипаче высоким Его царского величества указам, потом и моему знатному перед собою достоинству за лаетельную дерзость сим моим отвечать.

Я доныне еще ни от кого не слыхал, чтобы вы над лейб гвардиею Его царского величества и над офицерами ея полковником были, и суд той гвардии на себя похищали, но офицеров тех субальтернами¹ быть претендовали, что я больши смехотворным быть вменяю.

Что же вы в том же письме своем не по своему чину притязуете, чтобы я послушником был вам, на что вы никакова отнюдь права не имеете и делаете то от особой своей безразсудной одной продерзливости, ибо уже я к вам сего ж месяца в 26 день явственню писал, что вы обязаны послушными мне быть, и в том своем письме достоверно розность между себя и вас в явственных терминах вам изъяснил.

Вы ведаете, мой господине, что я по многие времена уже сказывал вам, что приналежало к моему правлению в той академии, и что в особливости к вашей должности, не унимая ничего отнюдь, что прямо до вашей належитости есть, и мне бы ответну впредь быть за то, ежели бы я, безумным будучи, без ымянного Его царского величества указу все вам вручил, и был бы стеною повапленою, нежели предводителем того дела, и вы бы ясную ис того причину возимели всегда меня глупцом называть.

Ис того же письма вашего увидел я произвольную вашу от себя самого похвалу по установлении академии здешной. Мы кроме проектов твоих в большом числе, истинным рассмотрением Его царского величества отставленных и к вашему прибытку наполненных, не видим. Естли же регламенты и иныя расположения подачи вашей велишь нам приписовать

¹ То есть своими подчиненными (фр. *subalterne*).

к особой своей должности, те уже ни твоим разумом, ни дельностью, но искони во Франции учинены и напечатаны, и кто любопытным быть хочет, я чаю что не з большим за гривну купя там и сюды перевезши, переписать своею рукою может и всякому подовать их свободно, ибо, мой господине, я сам во Франции будучи, не хваляся, скажу, что не меньши вас о тех делах сведом.

На самом же действительном успехе тех наук (для которых принели вы себе имя генерального директора в той академии) не только изобилия наукам тем или цветущей их плод видим, но ежели бы не случились здесь аглинския профессоры, в той академии и освидетельствовать [бы] было некому, кто ис кадетов свою науку совершил. Как вы сами о себе ведаете, что вы по тому чину своему никакой еще пробы ис силы превозхождения вашего в тех науках донныне от себя не показали, что все до того вашего чину необходимо зависело.

Разве то в нечто вменить, что не только навигаторы, но и самыя ундерофицеры от лейб гвардии, присланныя имянным Его царского величества указом для обучения тех кадетов, (не по шляхецкому обычаю) из рук ваших дубинами в гроб забитыи. В сем им ис той академии под жестокими вашими угрозами и наказанием весьма запрещено свое убежище ко мне иметь. Ис того я не знаю, по вашему самовласному разсудку, каким я лоскутком к той академии пришит.

Что же вы в том письме бездельно безчестите меня, что я будто сам начальное имя президенское приписую себе, понеже президент ничто иное есть, токмо первое имеющей место при своем деле, о чем можете быть что вы не знаете. И то, мой господине, имя я не похитил, ибо мне из канцелярии Его царского величества то достоинство пишут, и ис того можете разсмотреть, что я то имя действительно содержу. И я также могу ровным весом еще сумневатца и о вашем баронстве, и о прежних чинах, и о свидетельствах за монаршескими руками прежних правительств ваших, и всех хвальных дел, которыя, кроме внешних фигур, но самом свидетельстве свету еще не показаны, ибо я во Франции и в Вене был и гораздо знаю ваши славные такія дела, которые можете разве в сумерках, а не пред со[л]нцом объявлять.

Знаю я, мой господине, что приналежит до директора, ведаю также, что до моей должности, и в том мне вам законов ваших собственных приписовать отнюдь никакова указу не дано.

Что же действительно касается до моей покорнейшей пред Его царским величеством природной службы во академии той, я больши вас горечае и прилежнее рабское ныне наемничье прилагаю к тому управлению

сердце, и если спорыватца² вам в том со мною, то бы противу совести своей вы чинили, и ничто ни в чем в той академии не опущено, как я о своем и о вашем поведении явственнее уже написал к вам в вышепомянутом прежнем своем. Что же вы пишете, не осмотряся, о моем себе супротивлении, то чинилось и впредь будет чиниться для лутшаго исправления дел, как оныя сами о себе явят к соблюдению высокой чести и для прибыльного интересу Его царского величества, понеже твоей самовласной и притязуемой воли по вашим прихотям послушником быть я отнюдь не обязан, и что до вас не приналежит, николи вам в том не попустится.

Того ради вас, мой господине, прошу впредь бездельно не бесчестить меня, а знать себя, и кроме прямых рапортов, должных от вас мне, таких, ни к чему не потребных и наглых сплеток и лай ко мне от себя не писать. Сохраняю чесно свою должность, что в особливости на вас зависит, и меня таковыми незаслуженными от вас, меньшаго служителя Его величества, афронты не беспокоивать, каких я от жизни моей от своего всемилостивейшаго манарха не слыхал, нежели от вас, гораздо рядового человека. Естли же инако со мною, не удержався от таких безлепиц, впредь поступите и продолжаться в такой своей дерзости станете, я свободно найду к истинному суду и к управе Его царского величества свое убежище за то явное уничижение дерзостное ваше, касающееся самой наивысшей державы самого Его величества в своем непослушании, и за неповинное и незаслуженное от вас себе бесчестие и напрасное озлобление. И таковыя письма впредь в глаза будут назад брошены тем, кто их принесет.

Что же будете о прямых делах к пользе той академии до нас писать, на те всегда со сердною готовостью определение со всяким поспешением и приказы наши на те дела присланы к вам будут, а сами извольте видатца со мною во академии и труда не иметь ездить ко мне.

В протчем остаюсь всегда.

В Санкт Питербурге августа в 27 день, 1716 г.

РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 28. Л. 354 об. — 357³

² То есть спорить.

³ Еще одна копия документа в РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 199. Л. 41–43.

А.А. Матвеев — Ф.М. Апраксину,
3 сентября 1716 г.

Всемерно Вашему сиятельству уже известно есть, что высоким Его царского величества всемилостивейшего государя нашего именным указом назор и управление академии здешней положено на меня, и что указ чрез письмо Вашего сиятельства за власною вашею рукою к директору барону Сентилеру прислан, чтоб ему быть мне послушну.

Я доныне не оставил от себя никакова случая, чтоб доброго согласия х пользе всегдашней тех дел с ним не иметь, отгребаясь от безсоюства, во всем должныя расположения ему, барону, от себя определил, что моей каманде и его особой должности в той академии принадлежало, не вмешиваясь отнюдь в собственное его то дело. Но с великим сожалением, долговременно терпев, усмотрел я, что не только плод цветущей тоя академии в происходех тех наук при нем действительно [не] умножился, но и ежели бы не случились здесь из Москвы аглинские профессоры, Фархварсон и Гвын (о которых Вашему сиятельству не неизвестно есть), то бы поистине школьников, как они из науки одной ф другую происходят, освидетельствовать было некому. А до меня ничего того у него, барона, не было, из науки в науку без свидетельства преходили, и сам он того не знает, и денежная прибавка была все просто, почему бы впредь и разобрать невозможно. Но к тому ж самыя безчинства и досады во оной академии, лейб гвардии ундер офицеры, навигаторы и самыя кадеты из рук его бароновых [...] побиты дубьем, и приходить им, навигаторам и кадетам, ко мне он, барон, под жестоким наказанием всем приказал, а кто придет ко мне из оной академии навигаторы или кадеты, за то бьет без милости, и то начальство мое весьма он унимает и уничтожает. Гораздо бы было лучше, естли бы та академия во всех науках приказана была вышепомянутым профессорам, которыя поистине сто раз те науки перед ним знают, а он только разве один чин свой, фигурую бесполезною у того дела находится.

Потом сего ж месяца в 29 день с утра пришед он, барон, в дом мой с великою дерзостию и бесчинством неслыханым, при бытности тогда у меня лейб гвардии порутчика господина Бестужева напал на меня нагло и спрашивал у меня с великою своею дерзостию Его царского величества указ на письме, какой я имею указ начальствовать в академии и быть выше его, и сказал мне что он один генеральной директор и командор

всей академии, а не иной кто, и меня вменя быть только камисаром, и от правления отказывал. Но я ему, барону, коротко ответствовал, что ему никакова указа объявлять не должен, и на все довольно отвестовано ему от меня на письме. И увидя такую ево необычную смелость и неистовую [...], что он, барон, искал того чтоб до великой ссоры мне с ним достигнуть, для того тотчас вышел при нем, господине порутчике, из той своей хоромины в другую.

Понеже ево бароново поведение и дело с обещанием и с обязательством в службу Его царского величества отнюдь не сходно, и прилежание к тому делу не только плохое, но и [...] к управлению их, школьников, непредусмотрительное дело есть, для того ныне ко оправданию моему собственному имею токмо свое убежище до Вашего сиятельства. Ест ли впредь в той академии от его, баронова, нерадения и от небрежения о тех делах при беззаботном непорядке дела той академии все неисправно от него пойдут, чтобы особливо мимо его от Его царского величества на мне одном истязаны отнюдь не были, и я бы напрасно в том такого о себе ответу на себе один не понес, оправдав себя во всем чрез сие мое [письмо] пред Вашим сиятельством, которой з глубочайшим моим почитанием безотступно пребываю всегда,

Вашего сиятельства всепокорный и всепослушный слуга,

Граф Матвеев.

Из Ст.питербурга сентября в 3 день 1716 г.

P.S. О том же здесь для очиски своей и светлейшему князю¹ на письме, при коем же свое оправдание подаю.

РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 119. Л. 29–30 об.

¹ Имеется в виду А.Д. Меньшиков.

А.А. Матвеев — А.В. Макарову,
28 сентября 1716 г.

Милости секретарю от кабинета, Алексею Васильевичю Макарову.
Государь мой,

перед несколькими временем с великою радостью получил я здесь письмо ваше, моего государя, отпущенное ко мне ис Копенгагена прошлаго августа от 2 дня сего текущего году, и выразумев из него безмерную никогда мною не заслуженную вашу заочную к себе милость.

За оную ни я, ни вся моя фамилия вам, моему государю, никогда заслужить не может, только вышняя рука всемошная своею наградой великою воздаст ту вам и всему дому вашему милость.

По униженному моему вам, моему государю, благодарению доношу, что бы лукаво николи чрез вас, моего государя, не донес я Их царским величествам суетную доuku мою, естли бы уже не был при последнем падении своем, и разлучася ныне з домом своим малым, надвои протори¹ здесь и в Курляндии держу.

Для того остатная моя невозможность из нищеты безвременной понуждает меня еще трудить вашу милость: ежели нельзя по прежней челобитной моей за случаи нынешними учинить мне резолюции, хотя бы я до того времени денежным годовым жалованьем при отсутствии Их величеств призрен был милосердо и з голоду не умер.

Никому та[к] как вашей милости все обстоятельства закладов и долгов моих и бедственных нужд безо всякаго подлогу известны.

Ныне прикладываю я при сем, не допечатав, всепокорное и слезное мое прошение ко всемилосердой государыне нашей царице, которое прочетши и допечатав, прошу вас, моего государя, вручить Ея величеству и остатную в том со мною сотворить милость.

О том ж для вспоможения и общаго согласия и к вице канцлеру, к барону Петру Павловичю Шафирову, к моему милостивому благодетелю, ведая между вами, моими государьми, добрую гармонию, сего ж времени писал я.

Отсюды вам, моему государю, доношу, что я всю мою малую фамилию отпустил прошлаго месяца в 21 [день] в Курляндию и уже больше

¹ То есть двойные расходы.

трех недель никакой от ней, ко всевременному моему сокрушению, ведомости не имею и не знаю, что бог с ними там делает.

В академии здесь все идет при сей моей бытности порядочно, кадеты в науках прилежно преуспевают и салдацкой экзерциции так хорошо обучились, как бы старые. Только присматриваю дело господина барона так посредственное, что те деньги в великом числе дозволенные ему, как бы в окно выкинуты бывают. Если бы не случилось у меня аглинския профессоры, то бы некому освидетельствовать было, никакова окончания наукам, чему он, барон, несведом. И которые регламенты от него поданы, не были его практики, токмо из французской академии морской с правила печатного переписаны и якобы за некоторую новость от него были поданы.

Строение новоначатая той академии так плохо идет, что едва нынешним летом деревянное основание есть поставлено, но понеже то дело во многих руках есть и не до меня зависить, я уже о том подлинно вашей милости объявлял в прежних своих письмах, во всем остерегши себя.

Сугубо еще благодарствую вам, моему государю, за милость особливую супруги вашей, государыни моей милостивой, к моей жене в бытность ее здешнюю и тестя вашего, особливаго моего благодетеля, Ивана Петровича² и супруги его ко мне и ко всему малому моему дому.

В протчем вруча себя неотъемлемым вашим, моего государя милостем, сам ж до моей жизни пребуду в вечном моем обязательстве безотступно всегда вашей милости нижайшим слугою верно.

Граф Матвеев.

P.S. Приложенныя покорно прошу по их адресам приказать от себя исправно тем особам вручить.

Из Санкт Питербурга сентября в 28 день, 1716.

РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 28. Л. 343–344 об.

² Тесть Макарова — Иван Петрович Топильский, в 1716 г. ландрихтер Московской губернии.

№ 44

А.А. Матвеев — Ф.М. Апраксину,

9 октября 1716 г.

Государь мой,

Высококосклонное Вашего сиятельства письмо, отправленное ко мне от Аланта¹ недавно минувшего сентября от 21-го дня, з достойным респектом здесь получа, всеудовольственнно выразумел я из него не только Вашего сиятельства древних и особливых преждебывших ко мне милостей обновление, но и наивящее тех усугубление, которые милости ваши поженут меня во вся дни живота моего с верным усердием Вашего сиятельства к собственной и к покорной всегда службе.

По моему униженному благодарению за те милостивя Вашего сиятельства к себе склонности доношу, что я как прежде отнюдь ни меньшею причиною раздору и безсоюства з бароном Сентилером не был, и впредь никаким способом то от меня не отродится, и лучше утесню себя острою терпеливостию, нежели продерзливою и бесполезною наглостию; ибо всемерно из высокорожденного Вашего сиятельства и великодушного сердца увещал я себя, что без лицепрятия всякого истинною целою разсмотря и впредь все извольте тем больше меня принять в свою вышнюю протекцию и от всех злонамеренных и безсовестных клеветников, которые бы тем купечеством упражнятца и себя веселить суетно хотели, орудием правды милостиво защитить соизволите.

Впротчем, вруча себя впредь в неотъемлемыя и нерушимыя Ваши милости, сам единожды навсгда до остатных дней з глубочайшим моим почитанием пребуду безотступно, как и ныне пребываю,

Вашего сиятельства всепокорный и в послушный слуга верный,

Граф Матвеев.

Из С.Питер бурга октября в 9 день 1716 г.

РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 119. Л. 31–31 об.

¹ То есть с Аландских островов.

№ 45

Челобитная навигатора Федота Угримова, октябрь 1716 г.

Державнейший царь государь милостивейший, служу я тебе, великому государю, во академии, учю кадетов навигацкой науке, и в нынешнем, государь, 1716, сего октября в 12 [день], пришед в первую школу господин барон, в которой я, нижеименованный раб твой, учю кадетов, и почел меня, раба твоего, бить по щекам и палкою при всей школе напрасно, видя меня, раба твоего, беспомощного. И сказал чрез перевотчика, будто я, нижеименованный раб твой, просил господина секретаря, чтоб по докладу ево Его царского величества тайнаго советника и президента академии графа Андрея Артемоновича Матвеева приказано мне было быть в другой школе. А я того, нижеименованный раб твой, и не знаю, не токмо что проситца, а хотя бы я и просился, для того что я науку свою знаю до географии, а нас в первой школе в такой науке двое з Баборыкиным, а в других школах ниже меня навигаторы наукою. А служу я тебе, великому государю, во академии сего 1716 году марта с 23 дня, а от него, господина барона, чтоб чрез ево тщание и труды хотя б последняя была показана нумерацио нам и кадетам, и того никогда не бывало, и науки от него никакой я, раб твой, не видал. Да он же, господин барон, бив меня, раба твоего, говорил, будто я навигатора Семена Бабарыкина не слушаю: он, де, твой мастер. А Семен Бабарыкин такой же навигатор что и я, а я, раб твой, учился в Москве, у господ профессоров Андрея Фархвалсона и Степана Гвына, а не у Семена Бабарыкина, и в том я своей вины никакой не знаю. Также и в учении кадетов во всем я оправлен, и вышеписанную мою вину, бив, он, барон, говорил чрез перевотчика при всей школе, и в том во всем шлюсь первой школы на всех кадетов.

Всемилоостивейший государь, прошу Вашего величества, да повелит державство Ваше против сего моего челобитья учинить свой царского величества милостивой указ, и не вели, государь, ему, барону, меня, раба своего, бить напрасно.

Вашего величества нижайший раб, от академии навигатор Федот Угримов 1716 году октября в день.

Да к той челобитной навигатор Федот Угримов руку приложил.

РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 28. Л. 351–351 об.¹

¹ Еще одна копия челобитной в РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 199. Л. 63–63 об.

Доношение А.А. Матвеева Ф.М. Апраксину

Копия з доношения поданного генералу адмиралу для решения ниже-означенных пункт:

1. По усмотрению, во академии навигаторы, к тому делу приставленные, немногия годными были для всегдашних кадетам наук, для того освидетельствованы оне профессорами аглинскими, и что кадеты те без назору профессоров успевать скоро в свои дальния науки не могут, как явствует при сем список с того свидетельства из доносу их. И чтобы впредь затем наукам тем большего замедления не было, для того всемерно надлежит приказать им, профессорам, во академии той не только над кадетами, [но и] над самими ими, навигаторами, всегда наук тех надзирать.

2. Сентилер, которой по кантракту в ту академию директором поставлен, он по должности чина своего не только науки всякия управлять, но и самих профессоров поправлять долженствует. Однако ж он никаких тех наук несведом и свидетельствовать в успехах их, кадетов, отнюдь не мог, что чинилось всегда чрез их, профессоров, и в год бытности ево до меня ни один человек из науки в науку не произведен, и большее его дело и труд состоит только что в одних в осмотрах поденных; и мне в том полагатца на него без профессоров невозможно, и чтоб на все на то определение учинить.

3. По имянному Его царского величества указу назначено 300 человек кадетов в гвардии морской быть, а ныне под ружьем 189 человек, да всех при всяких науках 274 человека, и непрестанно к тому ж в пополнку из розных канцелярий присылаютца, и чтоб впредь конечное определение учинить о уреченном числе, сколько им, кадетам, под ружьем и во академии при науках впредь быть.

4. По требованию из Адмиралтейства книг арифметик печатных, и логарифмы, и хартин плоских и меркоторских, которые прежде были куплены в Москве для науки их ж, кадетов, и сюды привезены, тому уже многое время во академию не отпущены, и за тем многая остановка кадетам в науках их чинится; чтоб дозволить их из Адмиралтейства во академию прислать.

5. По другому требованию оттуды ж барабанов на 12 человек барабанщиков той же гвардии морской на счет академии без денег не отпущено, и за тем тому учению их помешка есть; чтоб приказать те барабаны на счет академии отпустить.

6. Деньги, которые при ведении моем в приходе у подпорутчика Кудряваго были на сей 1716 год на всякия той ж академии расходы, ныне за расходы теми всеми налицо только с 500 рублей, как явствует имянно всему расходные книги, чтоб дозволить определенное то уже число денег в ту академию для содержания ее на последующей 1717 год прислать, потому что жалованные всяких чинов люди о выдаче на тот год непрестанно докучают.

7. В той ж академии некоторым офицером и служителем даван правянт сверх денежного жалованья ис правянской канцелярии Адмиралтейства, и опять при моем ведении приказом именным сиятельнейшаго генерала и адмирала те правянты им даваны, а ныне в том отказывают, а во академии никакова правянту нет; чтоб тот правянт по прежнему давать непременно, кому надлежит, из канцелярии правянской Адмиралтейства.

8. Самыя бедныя и беспоместныя кадеты, которые в той ж академии под штрафом находятца, безотступно за крайнюю нищетою своею просят на пропитание правянту, чтоб им по миру не скитатца, и предъявляют пример своей братии штрафованных, которым прошлаго лета на кораблях тот правянт даван был, а во академии правянту нет, и давать нечего, на что требуется решение.

9. Мундир звычайной той ж академии гвардии морской затем не зделан, что еще полного числа трех сот человек комплементу¹ им кадетам нет, и добрать не из чего, потому что во академии которые кадеты ныне есть самые малолетные и к службе той еще не способные, и естли на неполное число то зделать оной мундир, а впредь иные в комплект приберутца, чтоб в старом и в новоприбавачном мундире розни не было, и на все так ж требуется определения.

10. Директор академии Сентилер свыше контракту своего просит запросом своим еще в прибавку третьяго на десять месяца на сей год, а на будущей по кантракту своему дву тысяч четырех сот рублей, и естли рассмотреть за ним поистинне за тот труд и дело его ни десятой доли он не заслужил того что ему дано и даетца, о чем донесши требую решения, чтоб та дача на мне впредь спрошена не была.

РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 28. Л. 348–350²

¹ То есть комплекта, предусмотренного штатом числа.

² Сверху на документе проставлена литера «В» (см. документ 52). Еще одна копия документа в РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 199. Л. 60–62.

А.А. Матвеев — Сент-Илеру,
9 ноября 1716 г.

Мой господине,
письмо ваше вчера здесь получа (но в нем ни числа, ни году, под каким то подлогом чинилося не нашедчи), сим ответую.

Бумага профессорам чужестранных языков в таком многом числе по запросом их не отпущена по рассмотрению нашему, ибо еще малыя кадеты обучаяся по книгам языков, не имели случая письму учитца и употреблять такова великого числа, 150 дестей, оной бумаги, разве на прихоти. И для того надлежит с умеренностию того впредь требовать вам по рапорту к нам.

Что же упоминаете о компасном ремесленнике в том же своем письме, что он вам докучает, нам до него ни малой причины нет, для того что которые инструменты потребны были и еще до моего ведения в канцелярии адмиралтейской подряжены, тех довольное число к подпорутчику Кудрявому отосланы и розданы кадетам, и к тому ж у нас есть научены того ж художества из кадетов академии.

Если бы в пополнку к тому ж надобно было что ис тех ж учинить, о том бы надлежало нам ваш рапорт на письме за рукою учинить по своей должности и подать, а не за труд учиненной того регламента дятчить¹ за него, а обрасцовые от вас взятые у него компасы отдать ему назад.

Ис того же вашего письма со удивлением и с смехом увидел я, что вы мое прямое дело и должность высшаго перед собою правителя обхуждаете самовольнически, что будто я, наруша право академическое, отсылаю кадетов в своих науках до свидетельства господ аглинских профессоров. То, мой господине, дело прямое чинитца весьма согласно не только с правом той академии, наипаче же к особой службе Его царского величества, понеже навигаторы те, бывшия прежде в учениках их, профессоров, не могут освидетельствовать наук их лутче самих мастеров. И сие чинитца к собственной пользе и к лутчему проходу в тех науках им, кадетам, нежели за особое одно любочестие ваше, ни к чему не сходное, чтоб только пред вами неспособные к тому свидетельству оне, навигаторы, такова последования дела собою не могли оканчивать, в котором начальстве

¹ Так в тексте.

предпрятаго вам чина генерального директора еще мы ничего отнюдь не видали, чтоб вы из достоинства того вашего превозхождение в науках великих тех, как должность есть директорская, себя над профессорами оказали. Тою причиною оные кадеты из академии к тем профессором агличаном для вернаго свидетельства наук их ныне отсылаютца и впредь отсылатца будут, понеже оные профессеры по имянному Его царского величества указу, хотя вам не ведомы, однако ж в ту ж академию присоединены, и не чужими оне мастерами есть, как вы об них, не осмотряся, то непорядочно пишете.

Что же в том письме вашем по безосновательным к себе слухам (как присматриваю изо всего и из всех небезвестных уже мне ваших коварств потаемных), что вы самовольной и напрасной от себя в недельной причины со мною опять починаете искать вражды и пишете, не опомняся, что я вас поношу. В том мне отнюдь нужды никакой нет, и необыкновен я в том быть характере, и о чем мне надлежало было к вам писать, я, не устыдяся вас, прежде писал к вам. И разве ваша совесть, может быть, обличает вас в каких поносных тех делах до фамилии вашей, какова бы она и несть, здесь ни случай, ни дело меня к тому не позывает, и к вам себя выхвалять. А естли вы диплом баронской от Его цесарского величества у себя не имеете, как сами в том же своем ко мне пишете и то признаете, в том не можете никого понуждать свой произвол себя тем чином величать, чего у вас в руках не бывало и нет. Об аглинском ж деле вашем нечего повторять, ибо до вас довольно я был сведом.

Ис того же письма вашего зело чувственно услышал я вашу злобную дерзость, что вы, мой господине, уничижа безчестно высокую Его царского величества ко мне милость и честь мою тайного советника, уязвили, не опомняся, собою ли, или от злонамеренных вам советов чюжих, что я внушаю одноземельцам своим на вас, и характер мне приписуете такой, чего честным людям чинить того не надлежит, ибо я о вас и думать позабыл, и ежели бы памятовал о вас когда.

Разве возмнилось вам то суеверие напрасно, что светлейший князь Александр Данилович Меншиков, фельт маршал и губернатор сей столицы, при моей бытности у его светлости в доме за некоторые явныя ваши бесчинства прямою истинною словесно наказать вас изволил, и мне в то дело вступать причины не было.

Того ради прошу, впредь оставя меня в моей обыклой тишине, больше не озлоблять и не безчестить бездельно меня такими смышлеными своими и неистовыми вымыслы и злобы, ведая за известно, что я нигде и ни в чем безсловесным перед вами во всех ваших коварствах намеренных не

буду, и в чем прельщать себя не извольте, и найду под высокою протекци-
ею Его царского величества суд на вас и сатисфакцию важную.

В Санкт Питербурге ноября в 9 день, 1716 г.

РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 28. Л. 357–359²

² Еще одна копия документа в РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 199. Л. 43 об. — 46 об.

Сент-Илер — Петру I,
15 ноября 1716 г.

Державнейший царь государь милостивейший, я многократные мемориалии, а имянно 12 марта, 20 апреля и последнюю 24 числа июля, до Вашего величества посылал, в которых я Вашему царскому величеству всенижайше о конфузии новоучрежденной академии, в которой Ваше величество поверил всемилостивейше мне, доносил. Но понеже на помянутые еще никакой, также и последние мои письма, которые одресовал к господину барону Шафирову, резолюции нет, и я принел вольность сию мою, 4 мемори послал. А первых днях, как я вступил во академию, чинил [...] Матвееву письменное известие [...] неотступно просил, мне по то дос[...]нию кадетов потребно имею [...] число оно-го получить невозмог. Еще ему со сто раз сказывал, чтоб во академи[и] образчающихся кадет учинить уреченное число, и того получить не мог, а дает мне ино по 300 и по 400 человек, но две недели отбирает и отпускает их во свои маетности, а на их места мне опять дает новых, и сей не-порядок и по сие число продолжаетца. Я вашему царскому величеству всенижайшее уверить имею, что с начала, как академия зачлась, с 2500 человек в ней перебивалось, иные 2, а иные по 4 недели во оной обра-щались. И такой академии окончания никогда не может быть с намерением Вашего царского величества согласно.

А когда Вашего царского величества всемилостивейше есть на то воля, чтоб мне сию академию так учредить, как ей быть надлежит, то про-шу со уничижением Вашего царского величества соизволя указать, чтоб мне даны были 300 человек кадетов, которые от шляхетства и от пожи-точных были, что в протчих землях, где такие новозаведенные суть ака-демии зело обсервуют, также б оные сверх всех протчих почитаны были.

Большая половина во академии кадетов, которые не получают жало-ванья, а своего пожитку не имеют, чем они принуждены повсядневно по улицам Санкт-Петербурским ходят и просят милостины, которые чести и той академии супротивно чинится, и прошу со уничижением Вашего величества сие мое предложение милостиво разположить.

Число кадетов надобно, чтоб непоколебимо было, и те, которые вда-дутся, чтоб опять их не о[...]тать, разве изобращуся некоторыми недо-стойными, или которые свою эксерцицию, также и навигацию произвести

могут в действе, и которые место марского ундер афицера занять были достойны [...] том Ваше царское величество оных всеми[илостивей] ше в афицеры произвести, а на их местах [...] учредить можете. Сим образом приведет [...] академия в доброе и прибыльное состояни[...] Матвеев всему сему испорядил в супрот[...] в которой порядок доброй академи[и] и моим [...] которые Ваше царское величество изо[...] очень содержитца в супротивность.

[...] пре[д] двумя и тремя прош[...] месяцами со возможным решпек- том и тшательно представлял, что он очень чинит неудобно в чинени[и] ордеров во [ака]демии, которое ни его ремесло, ни повинность чина есть, и что Ваше царское величество меня до своих услуг принял [и] по моим по проектом, которые [я] Вашему царскому величеству объявил, всеми- лостивейше чинить указал. Однако ж он на то не обращался, но от Вашего царского величества ординированные на прогрешиваших штрафы отста- вил, и как я рассмотрел, что мне некоторыми словами ничего от него не приизобрести, и что все его зачинания к убыльным расходам склоняют на уме все удобства отнюдь чем бы мне [...] академию привести по сво- ему обещанию была можно, то изобрел себя повинна, хотя сие и моему токмо партикулярному интересу касалось, ему письменно объявил, что вся его зачинания в супротивность указу от Вашего царского величества чинится, и что, когда он будет сие продолжать, чтоб мне дал письменно для оправдания своего достоинства, и что я ему в том больше следо[...] нет, и что я ничего за тем чинить не мог, что обещал Вашему царскому величеству, и что он, граф Матвеев, сам не знает, что делает и делать хо- чет, весь ево кондвет тлендот и бесфондаментен¹.

А он всем во академи[и] обретающимся приказал, и чтоб ордеры ни у кого кроме него не требывать, по всех их нуждах своих прибежище б опричь его не имели и определенным от Вашего царского величества по школам салдатом заказал, чтоб без именного его приказу кадетов не штрафовать, и со мною с самим учинил процессу, когда я пять кадетов, которых про мастера своего в школе на стене написали непристойные скаредные слова тайным удом, и за то их штрафовал постанов[...] чтоб мне дать вольные руки, чтоб мне так мочно было ту академию основать,

¹ В РГА ВМФ имеется другой перевод данного письма, также авторизован- ный. В нем данный пассаж выглядит так: «ево кундовите [...] весь походит на одново слепово, которой ничево не видит и тот воспримет я б ему не в скорости оной письменной разговор подал лих». РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 119. Л. 48 об. «Кондвет» и «кундовит», очевидно, искаженное *conduite* (фр.), «поведение». «Тлендот», следует полагать, также какое-то искаженное французское слово.

как я в моем контракте Вашему величеству обещал, или ис того контракту ту статью вынетъ, которая меня обязует такую основать академию, как я ее описал, чтоб в будущее за то не отвещать было и в окончани[и], и в сем крепкое имею надеяние на Ваше величество, наипаче же понеже то Вашего царского величества интересе есть.

Графу Матвееву или кому кроме его попечение во академи[и] вручит-ся, только дело есть в раздаче жалованья, и по моим мемориам, которыя я ему буду давать, учинить решение, и мне вся нужные дела исправлять. И по вся месяцы о состояни[и] академи[и] о прафесорах и кадетах всех [чтоб] требавано было от меня, чтоб ему мошно было Вашего царского величества обо всем репортовать, и сим оброзом может притти академии в доброе и счасливае основание, а инак во веки исправить доброго во академи[и] невозможно.

Граф Матвеев так много в той академии писал, сколько в целой армии не пишется, а все за нопрасно оных под ружье то, он того профессора посадил за орест и обвинил его, для чего он мне мимо его просил.

И как я резолюцию и давно ль того графа Матвеева рассмотрел разум, то, как ради интересу Вашего царского величества, тако ж де и моей собственной для чести, поехал я к князю Меншикову и представил ему сие также и непорядок, в котором меня граф Матвеев оставляет, при том прося помянутому графу приказать, чтоб мне жить и испровлять по указу Вашего царского величества, и привел я в доброй порядок. Однако ж на ту мою меморию ответствия я не получил, чего для прилагаю ту меморию при сем.

Когда б я свой собственной смотрел интерес, то б я во всем графу Матвееву без жадного² супротивления потакал, и таким образом жил бы я с ним в ноилутшем согласии и дружбе. Но понеже я хошу лутче весьма бросить оную, нежели в [...] чем в своей и повинности супротивится, прошу Вашего царского величества всенижайше указать, понеже, когда сочиняются кадеты компаниею, то повинен каждой командир, которой командирует компаниею, падать по вси месяцы генералу директору, а он презентует оное в концелярию академи[и] чесною, чтоб тому, у которого денежная раздача, всегда верное имел число и по тому б роздовал жалованья.

Порутчик Бестужев, которой мне придан учить кадетов эксерции, никогда от меня установленных и от Вашего величества зарученным регламентом [не] повиновался и никакого от меня ордера не получил,

² То есть «ни одного, никакого, ни единого».

и мне никакого извещения не чинит, но всегда хотел быть повиновен графу Матвееву, хотя ему часто регламенты Вашего царского величества объявлен.

Таким же образом граф Матвеев, которые учатся у профессоров аглинских, присланы с Москвы быть во академи[и] мне не поручил, но отвел им особливые дворы и их по своему желанию учить велит, а во академи[и] только 5 или 6 человек русских мастеров, но таким, которым больше самим учиться надобно, нежели учить.

Я ж многожды требовал, чтоб мне здесь во академи[и] канцелярию, в которой бы все инструменты, также и другие кадеты надлежащие всякие инструменты, чтоб комиссару, который, оные ведают, способнее раздавать было можно, однако ж то не получил. Граф Матвеев супротив предложения и чрез извычайном в своем доме учинил приказ под судом одного от писарей, которой в том приказе такой же порядок, как в московских школах содержится. Таковую канцелярию надлежит быть во академи под ведением генерала директора, и все указы от Вашего царского величества, также и от адмирала, все надлежат к генеральному ж директору присыланы, и от него отправленным быть надлежит, какой везде обычай есть.

Когда по указу Вашего царского величества или адмиральскому, некоторых кадетов на море выбрать надлежит, и таковое отправление чинится чрез же генерального директора, и тот обо всем, что обретаецца во академии, исведомление имеет, по сие ж число мне и толмача не дано, хоть и в моей капетуляции предложена есть вкратке донести, что множество в той академи молодых людей [...] рятку³ без надлежащих книг и без

³ Между листами 807 об. и 808 разрыв текста. На л. 808 имеется одна лишь надпись: «Повторительная копия с письма от графа Матвеева к барону Сентилеру 27 числа августа 1716 году». Принадлежность фрагмента после разрыва (на л. 808 об.) к данному письму устанавливается по другому переводу этого письма, сохранившемуся в РГА ВМФ. В нем данный абзац дан в таком виде:

«И ежели по указу Вашего царского величества или адмиральскому кадеты во флот понадобны, все от генерала директора надобно [...] и ему во всем что в академии делаетца отповедь давать и доныне м[не] не дано, а в кантракте моем абещано я припометываю все ма[...] академии доныне многие младые ученики без ордеров и без [ин]струментов и без профессоров.

Ежели бы Ваше императорское величество не имел милости пожаловать указы позитив, бы то я никогда осмелился установить гардемарин, також и академию, но понеже я нахожу себя аблихована предложить Вашему величеству со всяким моим решпектом, якоже и долженствует верному рабу, такому как я имею честь быть Вашему величеству, а что граф Матвеев есть человек весьма неспособный. Все то делом и непостоянством графа Матвеева и ево намерением и абычаем, он хочет что в Москве были школы как там состоитца, а мне неможно артикула и регламенту своево отставить, для того что мне воли нет, и чаю что Ваше

инструментов, также без професоров суть за сию притчины и для постоянного сопротивления графа Матвеева, которой обычаем, которые есть в московских школах, хочет подражать, а мне невозможно было некоторой ни каждого артикулов учинить исполнить от моих регламент, чего для уповаю, что Ваше царское сие от меня должествующее и всенижайшее доношение всемилостивейше восприимете, и понеже ваше академию до сего моим поданным проектом не основано, мне в вину того не причесть, токмо по нижайшему моему предложению, что я выше сего предствоял милостиво учинить указ, чтоб больше непотребных и убыточных коштов не было, но больше чтоб та академия привелась во основания.

Le B[aron] St. Hilaire⁴.

В Санкт Питербурхе ноября 15 дня, 1716 году

РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 28. Л. 804–808 об.

царское величество сию мою меморию в сей академию которую я всенижайше Вашему царскому величеству подаю и донныне еще в состояние привести, но и на мне в том после вины не взыскало и впредь бы, о чем я прошу милостивого указу получить, чтоб впредь никаких убытков учинено бы была». РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 119. Л. 49–49 об.

⁴ Перевод подписан рукой Сент-Илера.

Доношение А. Фархварсона и С. Гвина

А.А. Матвееву,

22 декабря 1716 г.

Копия

1716 году декабря в 22 день, великого государя во академическую канцелярию, его царского величества тайному советнику и президенту академии графу Андрею Артемоновичю Матвееву, школ математико навигацких наук профессору Андрей Фархварсон и Степан Гвын доносят.

По указу царского величества повелено нам навигаторов освидетельствовать в науке: Семена Бабарыкина, Федора Алфимова, Митрофана Кашинцова, Михайла Страхова, Григорья Охлопкова, Степана Орликова, Ивана Дьяконова. И оные вышеозначенные навигаторы в науке освидетельствованы и в том своем деле отчасти знают так чтоб им учить арифметики и геометрии, и тригонометрии, даже до навигации, а навигации и протчия науки им учить без нашего надзрения невозможно, а один из них вышеписанных навигаторов, Степан Орликов, от науки мало знает. Да к ним же которые для всякой способности в пополнку тех же наук определены школьники из московской школы с Сухоревской башни: Федот Угримов с товарищи, и оные ученики еще не освидетельствованы, для того что надобно их, учеников, освидетельствовать по три человека, а когда освидетельствованы будут в своем деле, и хто что знает, и о том подадим во академическую канцелярию ведение за руками. А когда мы были прежде в Москве над науками, и тех учеников математико навигацких науках сами обучали, а в то время навигаторов в учении том не было.

А то свидетельствованное письмо профессоров аглинских Андрея Фархварсона и Степана Гвына за руками их.

РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 28. Л. 351 об. — 352

N.º 50

А.А. Матвеев — Ф.М. Апраксину,
30 декабря 1716 г.

Копия с мемориалу, врученного генералу адмиралу декабря в 14 [день],
прошлого 1716 году.

Сиятельнейший генерал и адмирал, мой государь,
известился я, что Сентилер, директор академии, прикрывая неискуство
и неведение своего дела во академии, в которое он себя вплел, недавно
подал Вашему графскому сиятельству на письме коварную клеветою на
меня и именовал меня в том, больши по мнению своему произвольному,
невежею при том деле быть, которое, то правда, не по великому иску-
ству моему, но по природной рабской должности именным Его царского
величества всемилостивейшаго государя нашего указом повелено мне
первым над ним во академии быть. И Ваше графское сиятельство пись-
мом за власною рукою вашею к нему, Сентилеру, послушным мне быть
ему приказал, и для того президенское имя в начальстве над подручными
под собою везде по всей Европе имеется, и в том же письме у меня от-
нял высокую Его царского величества милость и достоинство тайного
советника. То свыше всесветнаго обхождения и страмно всем слышать,
что он, Сентилер, напрасно похитил назвище генерального директора,
котораго преимущество долженствует всегда в ведении совершенном,
в ыскустве полном и в назоре бестрастном над всеми профессорами, не
только над навигаторами и кадетами, той академии быть. Но он, Сенти-
лер, насупротив тому в свою бытность годищнаго времени ни жадной¹
души ис кадетов в дальнюю науку не произвел, и свидетельствовать ни
самой меньшей науки отнюдь непоятен, и ничего по своей должности не
только профессоров превосходит, ни навигаторского учения не знает, как
свидетельствует приложенной список с челобитья записанного на него
от навигатора Федота Угримова. И которые кадеты дале не обучилися
науке, те все при моем ведении освидетельствованы профессорами аг-
линскими, и если бы их, профессоров, под ведением моим не случилось,
невозможно бы было отнюдь по неискуству его, сентилерову, в десеть
лет жадного кадета из науки в науку произвести. Что же он, Сентилер,
противяся по неосмотрительной своей дерзости высокому Его царского

¹ Никакой, ни одной.

величества повелению, превозносит себя самовольно надо мною и уничижает большее перед собою правлении, и выкручая ложно недостаток явно в сем видимой малаго самого искусства своего в той академии за свое любочестие одно, я в том свидетельствуюся письмами своими, посланными к нему, Сентилеру (с которых для ведома присоединены здесь списки, а подлинны за его рукою содержатся у меня), что я ничего в той академии ис пристойной ему власти у него не унимал и, усмотря худобу самую дел его неискусных, его должности и весьма в пользу Его царского величества приумножении той академии непрочных и безчинных, возбранил и впредь ему попускать не могу, чтоб то все потом от Его царского величества мимо его, Сентилера, на одной моей должности изыскано не было. А регламенты все исправны и здесь напечатаны, и в дело произведены, которые не его мозгом, но за многия лета до него во французской академии морской учинены и напечатаны, и те только он, Сентилер, труд принял, с печати переписав, поднести Его царскому величеству и коварно то приписать к своему имени и искусству, и то его дело суетным больше есть, нежели порядочным.

В том ж письме своем написал он, Сентилер, что лейб гвардии порутчик господин Бестужев с ундерофицерами от той гвардии не под его командою называются, и тот порутчик и офицеры в списке за рукою обер камисар и подполковника господина Ватковского присланы ко мне, а не к нему, и росправа кадетам по первенству моему перед ним, Сентилером, весьма приналежит ко мне. Однако ж он, Сентилер, презря Его царского величества имянной указ, многих ундерофицеров от той лейб гвардии и кадетов из знатных домов, безчеловечно бив из рук своих дубьем, заказывал им и угрожал тем ж боем для росправы ко мне ходить. А ему, Сентилеру, по чину его, кроме надзирания наук, никакой причины до того не было, и озлоблял меня всегда напрасно, не по чести шляхетцкой, как то же все подлиннее явствуется в моих ответных к нему письмах, приложенных при сем, о чем я во свое время буду у Его царского величества милости просить к своей на него обороне. Что же комплементу трем стам человек кадетам по се время не учинено, того мне собою было исправить нельзя, как изволите подлиннее увидеть из нынешнего моего поданного Вашему сиятельству известия. Которые же кадеты для необходимых и крайних своих нужд отпущаны были в дома свои, кроме штрафованных, и на те места иные в салдацкую экзерцицию верстаны отнюдь не бывали, что он, Сентилер, весьма лжет, и ис той экзерциции ни весною, ни в лете прошлом жадного человека ис под ружья в отпуске никуды не было, кроме нынешняго определенного зимняго им времени, и в чем верно

свидетельствуюся всеми, ис того всего явно та ево, сентилерова, ложь
вскроется. Я, остерегая себя, и прежде светлейшему князю² и Вашему
графскому сиятельству о тех ж великих несправах ево, сентилеровых,
подлинно объявлял в письмах своих августа в 31 и сентября в 3 день сего
1716 году. Что же еще пишет он, что прибавливаютца в ту же академию
всегда кадеты, в том мне без определения будущего возбранить никому
нельзя, за что б я ответным быть мог. Для того Ваше графское сиятельство
прошу определить, чтобы он, Сентилер, впредь не в свое дело не мешал-
ся, и не противился Его царского величества указу, и по своей должности
послушным был, и не озлоблял меня напрасно, потому что в том, кроме
его бездельного кичения, состоит Его ж величества интерес, за которой
я ему и непорядошному его делу и неискуству принужден противиться,
или инако дело той академии с рук моих сняв, вовсе на него положить,
чтоб мне впредь от таких ево умысленных пронырств истязану не быть.
О прочих же делах прикладываю при сем особое доношение и требую
от Вашего графского сиятельства как на сей мой мемориал, так и на те
пункты полного и немедленного себе решения; в протчем со всяким моим
почитанием пребываю всегда

Вашего графскаго сиятельства всегдашний слуга,

Граф Матвеев.

В Санкт Питербурге декабря в 30 день, 1716.

РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 28. Л. 345–347

² Имеется в виду А.Д. Меншиков.

№ 51

Сент-Илер — Ф.М. Апраксину,
январь 1717 г.

Генерал адмирал и губернатор, тайный советник и ковалер,
Сиятельный граф,

Граф Матвеев чинит мне такую тежелину в крепком моем копитуляционе моево жалованья¹ расплачивать, для чего я призван ныне Вашего сиятельства ниженно просить, чтоб помянутому графу Матвеву приказать, чтоб он мне оное жалованье выдал.

Вашего сиятельства в любвительной правде мне в добром намерении ожидаю на сие милостивой отповеди, и было б сие мое прошение Вашей милости не во гнев, что я дерзил сие написать и во всей верности и нижевна решпекту остаюсь Вашего сиятельства послушный и всенижайший слуга барон де Сиентелаире.

Le B[aron] de St. Hillaire.

[Санктпи]тербурх
[Ян]варя дня 1717.

РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 119. Л. 47

¹ Имеется в виду, что Матвеев чинит Сент-Илеру затруднения в получении его жалования, закрепленного «копитуляционом», или «капиталиацией», т.е. заключенным с царем контрактом.

А.А. Матвеев — А.В. Макарову,
11 января 1717 г.

Его милости секретарю кабинету, моему государю Алексею Васильевичу.

Мой государь,

в сем летоначатце новаго году и во многия будущия при всеусердном моем поздравлении со всем высокопочтенным домом вашим желаю вам, моему государю, из всей моей души от господа всех временных и вечных благ и неперменнаго помножения ваших особливых к себе впредь неотъемлемых милостей. Безсумнительно чаю, что прежняя мои письма, отправленные отсюда, одно с курьером, господином Юшковым, в прошлом 1716 году сентября 28, а другое на почте ноября от 2 чисел, вашего вручения достигли. В первом тот объявлю я вашей милости вкратце неискуство и непорядок директора Сентилера, мнимаго барона без всякой дипломы. Ныне в прибытие сюды господина генерала и адмирала, прикрывая он, Сентилер, недостойнство свое в том деле, жаловался на меня притворно и ложно, что я, прежде и ныне усмотря прямое неведение его и неспособность к тому делу, принужден был по своей верности светлейшему князю и ему, сиятельному адмиралу, при небытности здесь Его царского величества письменно объявлять во всем том, остерегши себя, и подтвердил еще мемориалом своим в нынешнюю его адмиральскую бытность здесь; о всем о том он, господин адмирал, на прошлой почте донос свой к Его величеству отсюда учинил. Для того я, всемерно выстерегая себя, понужден к вам, моему государю, писать, и при сем прилагаю копии с моего мемориалу под литерою А; с пунктов под литерою В; из доносу профессоров агличан под литерою С; ис челобитья навигатора на него ж, Сентилера, под литерою D. Ис тех изволите, зрело рассмотря, определение конечное высоким Его царского величества указом впредь мне учинить, что я ни по какой страсти на него писал, только весьма выстерегая должность свою, и что то дело, в которое он, Сентилер, напрасно себя вплел, никакова плода впредь к пользе Его величества отнюдь не принесет, и берет великое жалованье ни за что, и чтоб на мне то все не истязалось. Он, Сентилер, не токмо какия науки вышняя и сходныя с его должностью знает, ни меньшей части нумерации из арифметики;

и практику морскую кадеты прошлого лета на караблях российских без него имели, и он сколько правит оным делом явственнее в том моем мемориале описаны. Воистину, мой государь, я такова злонаправного и пакосного человека от жизни моей нигде не видал, и никому с ним ужитца невозможно отнюдь, для того всепокорно прошу вас, моего государя, меня от него охранить, или все то дело, вруча ему, меня от него освободить, чтоб я от него впредь невинно не поврежден был. Также вседоучно прошу и на те пункты мои исходатайствовать милостивую Его царского величества резолюцию, без чего мне академию содержать при отсудстве Его величества ни по которой мере невозможно. В прочем при обождании милостиво вашей к себе на все то отповеди, з должным моим почтением остаюся всегда

Вам, моему государю нижайшим слугою верным.

Граф Матвеев.

Из Санкт Питербурга

Генваря в 11 день 1717.

РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 33. Л. 183–184

N.º 53

Сент-Илер — А.А. Матвееву,

1 марта 1717 г.

Monseigneur,

J'ai appris que Sa Majesté Czarienne, notre auguste maistre a été informé d'une brouillerie qu'on dit qu'il y a entre Votre Excellence et moy, je vient auprès d'elle pour la suplier très humblement de la faire cesser; en me laissant executer mes engagements, affin que nous puissions avoir la gloire d'établir l'accademie d'une manière que Sa Majesté en puisse tirer l'avantage qu'elle s'est proposée.

En cette considération, je veut bien assurer Votre Excellence que je vient luy sacrifier tout le mauvais traitement qu'elle m'a fait et suscité, puisque par les insinuations que Votre Excellence a faittes à Son Altesse Serenisime Monseigneur le prince de Mensikoff, il m'a menacé de coups de batons pour apprendre à vivre, disoit-il, à la nation françoise.

Votre Excellence n'ignore pas que de pareils traitemens ne se font point à un gentilhomme du continent de notre Europe, ni encore moins à un homme qui a l'honneur d'estre carracterisé de la direction generale d'une accademie imperialle.

Oublions, je vous suplie, toutes ses vétilles et concourons de concert à bien servir notre Auguste Maistre et faisons vraiment cesser tout sujet de plainte.

Votre Excellence peut être assurée que j'auray tousjours pour elle tout le respect et toute la veneration dûe à son carractère.

de St Hilaire.

A St Petersburg, ce 1 mars 1717 V.S.

РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 927. Л. 1–1 об.

Перевод:

Милостивый государь,

я узнал, что Его царское величество, наш августейший господин, был уведомлен о размолвке, которая, как говорят, существует между Вашим сиятельством и мной. Приступаю к Вам с нижайшей мольбой прекратить ее, позволив мне исполнять свои обязательства, дабы мы могли, к нашей

славе, учредить академию таким образом, чтобы Его величество могло извлечь из нее намеченную выгоду.

Приняв сие во внимание, я хочу уверить Ваше сиятельство, что предам забвению то дурное обхождение, которое претерпел от Вас и по Вашему наущению, ибо через наветы, что дошли от Вас до Его светлости господина князя Меншикова, он грозил наказать меня палками, дабы научить жить, по его словам, французскую нацию.

Вашему сиятельству прекрасно известно, что в наших краях Европы подобное обхождение невозможно по отношению к благородному лицу, ни тем паче по отношению к особе, удостоенной чести носить чин директора императорской академии.

Умоляю Вас, забудем все эти пустяки и станем союзно трудиться на службе нашего августейшего господина и пресечем в самом деле всякие поводы для жалоб.

Ваше сиятельство может быть уверено, что я всегда буду питать к Вам все уважение и почтение, приличествующее Вашему достоинству.
де Сент-Илер.

Санкт-Петербург, 1 марта 1717 года старого стиля.

N.º 54

Сент-Илер — графу Тулузскому,
29 декабря 1715 г.

A Son Altesse Royale Monseigneur le Comte de Thoulouze
Pour estre porté au conseil de Regence.
Delibéré par le Conseil de marine tenu au Louvre
le 17e fev. 1716, La Chapelle.

Decision du conseil de Regence: Laisser cette affaire en suspens.

Monseigneur, l'esperance que j'ay que Votre Altesse Royale me fera la grace d'agréer que je me donne l'honneur de luy escrire. Je n'eusse jamais osé prendre cette liberté, si le zèle que je conserve actuellement pour la gloire du Roy mon legitime souverain et pour l'honneur d'une nation aussy honorable que la nôtre, ne m'obligeoit à le faire, quoy que j'aye été contraint pour une affaire d'honneur de quitter la France et forcé contre mon inclination de servir les precedentes guerres contre ma patrie pendant quinze à seize années.

Le sort m'a fait chercher du service auprès de Sa Majesté Czarienne qui m'a fait la grace de m'honorer de la direction generale des ecolles d'hid[r]ographie et du commandement en chef d'un corps de trois cents gardes marine qu'elle a etably dans cet arcenal sur le même pied qu'en France, suivant le projet que j'ay eü l'honneur de luy presenter.

J'auray l'honneur de représenter à Votre Altesse Royale qu'il est venu depuis un an dans ce pays le Sieur La Vie avec un brevet de commissaire de la Marine pour resider en cette Cour et y exercer cette fonction, Sa Majesté Czarienne fut fort surprise qu'un tel homme vint dans ce pays pour y faire les affaires de la France sans lettres creditrices ni aucune recommandation mais seulement un simple brevet. Il ordonna neantmoins qu'on eü pour luy tous les egards imaginables et qu'on luy fit tous les honneurs possibles, comme venant de la part d'un monarque pour lequel il a toute la veneration possible.

La conduite dudit commissaire La Vie a si peu correspondu à tous ces honneurs qu'on luy a fait, que Sa Majesté a été obligée de les faire cesser. Et son irregularité dans son genre de vie luy a attiré le mepris de tous ce qu'il y a icy de gens de distinction et de toute la ville, ce qui fait un tort considerable à la nation qui n'est pas connue en general de ce peuple. J'ay été obligé

de solliciter et d'insinuer à tout ce qu'il y a icy de gens de distinction qu'il ne falloit point imputer la malversation d'un particulier [à] toute une nation.

Le peu de marchands françois établis dans ce nouveau monde sont dans une consternation des plus déplorables, leur credit entierement perdu par les mauvaises affaires que leur chef prétendu a fait, il a emprunté du Czar et de ses sujets les sommes d'environ quatre à cinq mil roubles qui font vingt à vingt cinq mil ducats de France, qu'il a dissipées par une vie vagabonde.

On l'avoit même arrêté. Si je n'avois insinué et fait insinuer par mes amys que comme il avoit un brevet du Roy, qu'on seroit peut estre mal de le faire sans en informer sa Cour, je ne scay pas même si l'on ne l'arretera point encore, ce qui tourneroit au grand désavantage de la nation. Il est certain qu'on ne le laissera jamais sortir du pays qu'il ne paye tout ce qu'il doit.

Estant informé qu'il ne pouroit point avoir son passeport qu'il n'eût satisfait tout ses engagements, forma le dessein de se sauver, et pour cet effet s'est voulu servir [?] contre son droit du credit de M. le resident de Prusse qui est party pour sa Cour depuis huit jours, auquel il proposa de le prendre à sa suite sous le titre de son valet de chambre, ce que le resident refusa.

Les marchands françois se voyant en proye du mépris et abandonnez de toute protection, sont venus en corps chez moy pour me prier de leur accorder ma protection, dans le besoin, ce que je leur ay accordé avec beaucoup d'honneur et de plaisir pour avoir occasion de leur témoigner le zèle que j'ay pour ma patrie, je supplie très humblement Votre Altesse Royale d'estre assurée que j'agiroy en tout sans aucune reserve pour les soutenir et d'employer tout le peu de credit que j'ay tant auprès du monarque que je sers que de son ministère, j'espère qu'ils me donneront par la suite en témoignage de la fidélité avec laquelle je les soutiendray.

Je croy que Votre Altesse Royale ne trouvera pas mauvais que je luy represente ce que cette Cour a seü au sujet dudit commissaire de France.

1. Qu'il est natif de la ville de Bourdeaux protestant d'origine, où il a fait deux banqueroutes frauduleuses pour raison desquelles il a été prisonnier et poursuivy criminellement au parlem[ent] de Bourdeaux de laquelle prison il s'est sauvé.

2. Après son evasion il s'est retiré en Angleterre où il a esté encore obligé de se sauver.

3. D'Angleterre il a passé en Italie où il a encore fait faillite.

4. D'Italie, s'est retiré à Hambourg où il s'estoit fait luthérien et a abjuré sa religion protestante reformée par vœux d'intérêt.

5. Qu'il a fait entendre à M. le comte de Pontchartrin pour avoir son employ, qu'il avoit fait abjuration de ses religions et qu'il avoit embrassé la

religion catholique apostolique et romaine cependant l'on voit icy qu'il suit encore sa premiere religion a liscandal [?] de tous les François catholiques romains qui sont icy.

6. Qu'il a couru toutte l'Allemangne pendant quatre à cinq années faisant [?] toute sorte de personnages

Touttes ces decouvertes n'ont pas laissé, Monseigneur, de faire croire à cette Cour les choses du monde les plus desavantageuses contre le ministère du plus grand Roy de l'Europe, de s'estre servy d'un tel homme pour la premiere fois sans se payer où il auroit falu, Monseigneur, si j'ose le dire à Votre Altesse Royale, un homme de toutte probité et auquel ont eu pû rien reprocher, puisque je croy qu'il convient pour les interets de la France, d'établir un commerce dans ce nouveau monde, d'autant mieux que Sa Majesté Czarienne est toutte portée à estre et vivre dans une étroite armonie avec Sa Majesté très Chrétienne de quoy je puis assurer Votre Altesse Royale de laquelle j'ay l'honneur d'estre avec le respect le plus profond,

Monseigneur,

De Votre Altesse Royale, le très humble et très obeissant serviteur

de St Hillaire, Baron du St. Empire.

A Saint Petersbourg

Vingt neuf décembre 1715.

AN. Marine. B⁷ 265. F. 209–210 v.

Перевод:

Его королевскому высочеству графу Тулузскому

Для вынесения на Регентский совет.

Обсуждено на заседании Совета морского флота, состоявшемся в Лувре

17 февраля 1716 г., Ла Шапель.

Решение Регентского совета: Оставить дело без решения.

Милостивый государь, уповаю на то, что Ваше королевское высочество милостиво позволит мне иметь честь писать к Вам. Я бы никогда не взял на себя такую смелость, если бы меня не обязывали к этому ревностная преданность, которую я сохраняю к славе короля, моего законного повелителя, и чести столь славной нации как наша, хотя я и был принужден покинуть Францию из-за дела чести и вопреки моим склонностям

служить во время прошедших войн врагам моей родины в течение пятнадцати-шестнадцати лет.

Судьба заставила меня искать службы у Его царского величества, который соблаговолил удостоить меня должности директора гидрографических школ и назначить командующим корпусом из трехсот гардемаринов, которые он учредил в военной гавани на тех же основаниях, что и во Франции, в соответствии с проектом, который я имел честь ему представить.

Имею честь сообщить Вашему королевскому высочеству, что год тому назад в эту страну приехал господин Лави с патентом комиссара по морским делам для представительства при здешнем дворе и исполнения этой должности. Его царское величество был весьма удивлен тем, что подобное лицо прибыло в страну вести дела Франции без верительных грамот и какой-либо рекомендации, имея лишь простой патент. Тем не менее он приказал, чтобы ему оказывались все мыслимые знаки уважения и все возможные почести, поскольку он прибыл от имени монарха, к которому он питает глубочайшее почтение.

Поведение названного комиссара Лави столь мало соответствовало всем тем почестям, которые ему оказывались, что Его величество был принужден приказать прекратить их. Невоздержанность его образа жизни навлекла на него презрение всех здешних видных особ и всего города, что наносит значительный ущерб нашей нации, с которой этот народ в целом не знаком. Я был принужден ходатайствовать перед всеми здешними видными людьми и внушать им, что не следует судить обо всей нации по злоупотреблениям одного частного лица.

Те немногие французские купцы, что обосновались в этом новом свете, пребывают в самом прискорбном огорчении. Они совершенно утратили доверие из-за дурных дел, которые совершил их мнимый глава. Он позаимствовал у царя и его подданных денег на сумму от четырех до пяти тысяч рублей, что составляет от двадцати до двадцати пяти тысяч французских дукатов, и промотал их, ведя разгульный образ жизни.

Дошло до того, что его арестовали. Если бы я не прибегнул к внушениям и не смог внушать через своих друзей, что было бы, наверное, неправильно так с ним поступать, не сообщая об этом его двору, ибо у него есть королевский патент, не знаю даже, не арестовали бы его еще раз, что обернулось бы великим неудобством для нашей нации. Определенно, его никогда не выпустят из страны, пока он не заплатит все долги.

Узнав, что не сможет получить паспорт, пока не удовлетворит все свои обязательства, он вознамерился сбежать и для этого, вопреки закону,

решил воспользоваться доверием господина прусского резидента¹, который отбыл неделю назад к своему двору и которому он предложил взять его в свою свиту в качестве камердинера, от чего резидент отказался.

Французские купцы, став жертвами презрения и оставшись без всякой защиты, явились ко мне в полном составе, дабы просить меня взять их под свою защиту в случае нужды. Удовлетворить таковую их просьбу было для меня великой честью и удовольствием, поскольку это дало мне случай засвидетельствовать им ревностные чувства, что я испытываю к своей родине. Я нижайше молю Ваше королевское высочество быть уверенным в том, что я стану действовать во всех делах без изъятия с тем, чтобы их поддержать и использовать то малое доверие, которым я пользуюсь у монарха, которому служу, и у его министров. Надеюсь, что в дальнейшем они воздадут мне за преданность, с которой я их поддерживаю.

Полагаю, что Ваше королевское высочество не сочтет за дурное, если я сообщу Вам, что здешний двор узнал о названном комиссаре Франции.

Во-первых, что он по происхождению протестант и родом из города Бордо, где он дважды жульнически притворился банкротом, за что попал в тюрьму и подвергся уголовному преследованию со стороны парламента Бордо, но из тюрьмы совершил побег.

Во-вторых, после побега он укрылся в Англии, откуда снова был принужден бежать.

В-третьих, из Англии он переехал в Италию, где опять разорился.

В-четвертых, из Италии он сбежал в Гамбург, где сделался лютеранином и отрекся от своей протестантской веры из корыстных соображений.

В-пятых, чтобы заполучить свой пост, он внушил господину графу де Поншартрену, что отрекся от своей веры и принял католическую апостолическую римскую веру, хотя здесь видят, что он следует заповедям своей первой веры к возмущению всех живущих здесь французов — римских католиков.

В-шестых, за четыре-пять лет он объездил всю Германию, нанимая всякого рода особ.

Все эти открытия, милостивый государь, не преминули создать у здешнего двора самые неприятные представления о правительстве величайшего из королей Европы, которое на первый случай воспользовалось услугами такого лица, не понеся расходов там, где следовало бы поместить, милостивый государь, если осмелюсь сказать Вашему королевскому

¹ Вероятно, речь идет о фельдмаршала графе Карле Фридрихе фон Шлиппенбахе, который находился в это время в Санкт-Петербурге для заключения русско-прусского союзного договора.

высочеству, человека безупречной честности, которому нечего было бы поставить в упрек. Ибо я полагаю, что в интересах Франции установить торговлю с сим новым светом, тем более что Его царское величество расположен к тому, чтобы быть и жить в тесном согласии с Его христианнейшим величеством, в чем я могу заверить Ваше королевское высочество, к которому я имею честь питать глубочайшее почтение,

Милостивый государь,

Вашего королевского высочества нижайший и преданнейший слуга,
де Сент-Илер, барон Священной Римской империи.

Санкт-Петербург

Двадцать девятого декабря 1715 г.

N.º 55

Сент-Илер — графу Тулузскому,
12 февраля 1716 г.

Le Baron de St Hilaire à Petersbourg 13 fev[ier] 1716.

A Son Altesse Royale Monseigneur Le comte de Thoulouze

Sur le commerce à etablir, de France en Moscovie

Monseigneur,

J'ay pris la liberté d'écrire à Votre Altesse Royale au commencement de ce mois sur le sujet du sieur Henry La Vie. J'auray l'honneur de luy dire qu'il a demandé son passeport au vice-chancelier de l'empire qui luy a fait dire par un de ses commis qu'il ne pouvoit pas le luy depecher qu'au prealable il n'eu satisfait ses creanciers. Sa conduite a donnée une si mauvaise réputation aux marchands de France etablis en ce pays qu'elle leur a osté toute la confiance qu'on avoit deja eu en eux.

Il me paroist estre necessaire qu'on etablisse en France une compagnie pour le commerce de ce pays et pour Riga pour en tirer masts [=mâts], chanvres, gouldron et autres marchandises necessaires aux arcenaux de la marine pour la construction et equipement des vaisaux. Les Anglois et Hollandois font ce commerce avec grand avantage partie en troque de denrées de France et partie en argent comptant.

Je puis assurer à Votre Altesse Royale que Sa Majesté Czarienne est ceinserement portée à favoriser ce commerce. Si de votre costé on luy faisoit faire quelque proposition, il donneroit autant de protection aux François qu'il en a donné aux Anglois et Hollandois et ne souhaite rien tant que d'entretenir une bonne armonie avec le Roy et Son Altesse Royale Monseigneur le Duc regent, ce monarque party hier avec la Czarienne Son auguste epouse pour l'Alemangne prendre les bains de Carlsbat. On croit cependant qu'il pouvoit aller prendre ceux d'Aix-la-Chapelle suivant la consulte qu'il fera faire de quelque habile medecin à Berlin, si cela est, il se pouvoit qu'après avoir pris ceux du printemps, il yroit en France pendant l'estée pour revenir en automne. De quel maniere qu'il en soit, son voyage sera une année, il a conclu avant de partir le mariage de Son Altesse Czarienne la princesse Catherine, fille aînée du feu Czar son frère et de toute glorieuse memoire avec le Duc de Meklembourg. Cette princesse est partie avec luy pour en faire la confirmation à Scherin [=Schwerin], capitale des États de Meklembourg. Je ne scait si Votre Altesse Royale scait que ce prince est marié avec une princesse Welfrise qu'il a repudiée.

Le Czar a deux jeunes princesses, une de neuf années et l'autre de six, la princesse future de Melkembourg a deux soeurs, l'une est la veuve de Courlande agée de vingt années belle comme l'amour sa cadette, et la troisieme de dix-huit qui n'est pas moins belle que les autres.

Je serois ravy, Monseigneur, d'estre à la Cour de quelque utilité et à mon légitime Roy et en particulier à Votre Altesse Royale, que j'assure que si un tel bonheur m'arrive je m'y employeray avec la franchise du monde la plus imense pour luy temoigner que j'ay l'honneur d'estre avec le zèle et le respect le plus parfait,

Monseigneur,

De votre Altesse Royale

Le très humble et très obeissant serviteur

Le B[aro]n de St Hillaire.

A St Petersbourg

ce treize febvrier 1716.

AN. Marine. B⁷ 267. F. 1-2 v.

Перевод:

Барон де Сент-Илер, Петербург, 13 февраля 1716 г.

Его королевскому высочеству графу Тулузскому

Об учреждении французской торговли в Московии

Милостивый государь,

я имел смелость писать Вашему королевскому высочеству в начале сего месяца о господине Анри Лави. Имею честь сказать Вам, что он попросил паспорт у вице-канцлера империи, который передал ему с одним из своих чиновников, что он не может ему его выслать, пока тот не удовлетворит всех своих кредиторов. Его поведение создало французским купцам, обосновавшимся в этой стране, столь дурную репутацию, что они потеряли из-за нее всякое доверие, которое уже успели к себе внушить.

Мне кажется необходимым учредить во Франции компанию для торговли с этой страной и с Ригой, дабы доставлять мачты, пеньку, деготь и прочие товары, необходимые для в военно-морских гаванях для постройки и снаряжения кораблей. Англичане и голландцы ведут такую торговлю с большой выгодой, частью обменивая на французский товар, частью платя наличными деньгами.

Могу заверить Ваше королевское высочество, что Его царское величество искренне расположен содействовать сей торговле. Если бы

с Вашей стороны было сделано некоторое предложение, он оказал бы то же покровительство французам, какое оказал англичанам и голландцам, ибо он ничего так не желает, как поддерживать доброе согласие с королем и Его королевским высочеством господином герцогом регентом¹. Этот государь вчера отправился с царицей, своей августейшей супругой, в Германию на карлсбадские воды. Между тем полагают, что он может отправиться на ахенские воды, следуя совету некоего искусного лекаря, к которому он обратится в Берлине. Если случится так, то возможно, что посетив эти воды весной, он прибудет летом во Францию и вернется осенью. Как бы то ни было, его поездка продлится год². Перед отъездом он заключил брак между Ее царским высочеством царевной Екатериной, старшей дочерью блаженной памяти покойного царя, своего брата, и герцогом Мекленбургским³. Царевна поехала вместе с ним, дабы пройти конфирмацию в Шверине, столице Мекленбурга. Не знаю, известно ли Вашему королевскому высочеству, что этот государь был женат на принцессе Вельфриц⁴, с которой развелся.

У царя две юных дочери, одной из них девять лет, другой шесть. У будущей герцогини Мекленбургской есть две сестры, одна из них вдова герцога Курляндского, двадцати лет, прекрасная как ангел, третьей сестре восемнадцать лет и она столь же красива, как и прочие.

Я был бы рад, милостивый государь, быть чем-либо полезным двору, моему законному королю и в особенности Вашему королевскому высочеству. Уверяю, что если мне представится такое счастье, то я стану действовать со всем возможным чистосердечием, дабы засвидетельствовать Вам, что я имею честь пребывать с совершеннейшим рвением и уважением, милостивый государь,

Вашего королевского высочества нижайший и преданнейший слуга,
барон де Сент-Илер.

Санкт-Петербург

Тринадцатого февраля 1716 г.

¹ Имеется в виду герцог Орлеанский.

² Имеется в виду второе большое заграничное путешествие Петра, в ходе которого он действительно посещал и Париж.

³ Свадьба состоялась в апреле 1716 г. в Данциге.

⁴ Имеется в виду София Гедвига Нассау-Дицская, с которой герцог Карл-Леопольд развелся в 1710 г.

Письмо неизвестного
к своему агенту,
29 января 1717 г.

Wohlgebohrner

Hochgeehrter Herr.

Ew. Wohlgeboren an Mich abgelaßene Schreiben vom 3, und 7 December habe ich vor einiger Zeit und nun zuletzt das vom 17 Jan[uar] wohl erhalten ich würde nicht ermangelt haben, Ihnen noch auf die beyde erstere so forth wieder zu andworten, wann ich nicht, auch noch von dem ohnlängst zurückgekommenen Herrn Capitain Romainzow vernommen gehabt, daß Sie verreiset, und einige Zeit hero nicht in Lubeck gewesen, und ich gefölglich nicht gewußt, wo eine Briefe Sie antreffen, und wohin Sie sicher adressiret werden könnten.

So Wolgeboren Herrn Capitain Romainzow betrifft so hath der selbe nicht die geringste Wißenschafft davon gehabt, daß Ew Wohlgeboren in Ihro Czarische Majestät dienste sind, gefölglich auch selbiges nicht debiti- ren können, wohl aber hath der selbe berichtet daß beÿ seiner ankunfft in Lubeck solches bereits gantz publice, und Stadt kundig gewesen, welches desto weniger von jemand der Unsrigen hath divulgiret werden können, alß außer Mir sonst Niemand das geringste davon gewust, und ich sogar von die Cantzeleÿ bediente, die gantze Sache biß hiez zu decretiret habe. Diesem nach kann auch durch Niemanden, alß durch Ew Wohlgeboren selbst die affaire eclatiret seÿn. Worinnen Sie doch billig mit mehrerer circonspection hätten verfahren sollen oder mus solches nur vor <...> gemuhtmasset worden seÿn.

Ew Wohlgeboren haben sich nur zu erinnern waß von Ihnen verlangt worden, und wozu Sie sich engagiret, nemlich eine vertraute persohn (in Schweden, und Stockholm zu halten, der mit Ihnen correspondiren, und von alldemjenigen waß dasselbsten vorgienge zuverlässige Nachricht einschicken sollte. Biß dato aber vernehme ich noch nicht, daß solches wäre bewerckstelliget worden und werden also Ew Wohlgeboren, daferne Sie anderst lust haben in Ihro Czarische Majestät diensten zu bleiben, Ihnen angelegen seÿn laßen Ihrem Versprechen in diesem Stücke ein genügen zu leisten, und will Ich Nachricht erwarten, waß durch Sie hierinnen ausgerichtet werden wird.

Wass Ihnen von dem Schwedischen Ministro Baron Görtz berichtet worden ist falsch, und ohne allen grund, auch können Ew Wohlgeb[or]en versichert seÿn, dass Ihro Czarische Majestät an einen particulier Frieden nicht einmahl gedencken, viel weniger mit Görtzen, oder jemand anders darüber tractiren laßen werden, und haben Sie demnach auch dieserwegen sich gar keine Mühe.

Weiters zu geben.

v. S.

Amsterdam vom 29 Jan[uar] 1717.

РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 7. Л. 61–62 об.

Перевод:

Милостивый государь мой,

недавно я получил ваши сообщения от 3 и 7 декабря, а теперь, наконец, до меня благополучно дошло письмо от 17 января. Я непременно сразу же ответил бы на оба первых письма, кабы не услышал от г. капитана Румянцева, который сам буквально только что вернулся, что вы уехали, и с тех пор в Любеке вас нет. А потому я не знал, где найдет вас письмо, и куда вам наверняка можно было бы писать.

Что касается г. капитана Румянцева, то он даже не догадывался, что вы состоите на службе Его царского величества. А потому никаких подробностей он не знал, сообщил только, что по приезде в Любек он обнаружил, что в городе чуть ли не на всех углах о таком судачат, о чем мало кому из своих до сих пор известно было. Кроме меня, никто больше не знал об этом, и мне даже пришлось побывать в канцелярии, чтобы все уладить. Засим лишь от вас могли узнать об этом деле, в котором, надо заметить, вам следовало бы быть осторожнее, а иначе [жди подобных неприятностей].

Сударь, позвольте напомнить вам, чего от Вас ждут и для чего вас, собственно, ангажировали: приискать верного человека в Швеции, в Стокгольме, чтобы он присылал вам надежные реляции обо всех тамошних событиях. Однако до сих пор я не получил ничего такого, что бы меня устроило. Если Вы желаете оставаться на царской службе, то потрудитесь, сударь, обещания свои по этому делу исполнить. Итак, я жду от Вас донесений.

Сведения, добытые вами о шведском министре бароне Гётце, — ложь и выдумка. Заверяю вас также, сударь, что Его царское величество

ни о каком особом мирном договоре не помышляет, и менее всего в связи с Гётцем. А может, на кого другого это неблагодарное дело возложат, и хлопотать Вам более о нем не придется.

Надлежит передать далее.

фон С.

Амстердам

29 января 1717 г.

Сент-Илер — Шлейницу,
25 февраля 1717 г.

Monsieur,

Je reçois dans ce moment l'honneur de votre lettre dattée du 20e du courant n.s. j'auray celui de vous dire que je n'en ay point reçu d'autres de votre part Monsieur depuis celle du 12 decembre dernier.

Je vois Monsieur ce que Son Excellence Monsieur le baron de Schaphiroff a eu la bonté de vous écrire en considération de l'alliance du sang que j'ay l'honneur d'avoir avec vous; je vous suis sensiblement obligé Monsieur des avis que vous me faites la grace de me donner touchant la pretendue querelle qu'on dit que j'ay avec Son Excellence Monsieur le conseiller privé comte de Matveoff.

J'auray l'honneur de vous dire Monsieur que c'est une grande injustice qu'il me fait en se plaignant de moy, puisque j'ay tousjours eu tout le respect et toute la veneration due à son caractere.

Le devoir que je dois à l'auguste service de Sa Majesté Czarienne notre très auguste maistre et la direcction de l'accademie dont il luy a plû m'honorer, m'a obligé de faire journellement des representations à Son Excellence Monsieur le comte de Matveoff pour me faire fournir ce que j'avois besoin pour l'établissement de cette academie, affin de me disposer d'executer les ordres que j'ay de Sa Majesté, il m'a été toujours impossible d'avoir pû rien obtenir de luy; il m'a même revoqué les ordres que j'avois de Sa Majesté pour l'establissement et la discipline de l'accademie; je me suis plaint comme vous scavez Monsieur à Sa Majesté, j'en portay encore mes plaintes à Son Altesse Serenissime Monseigneur le prince Mensicoff et à Son Excellence Monseigneur le grand admiral lorsqu'il fut de retour de sa campagne de Finlande. Je l'informay encore de l'etat de l'accademie et de l'impossibilité où j'estoy d'en pouvoir executer mes engagements par les oppo[sit]ions que le comte Matveoff y faisoit.

Dois-je passer sous silence la conduite dudit comte Matveoff contre les interets particuliers de Sa Majesté et à mon devoir.

Que dois-je faire dans une accademie qu'on m'a obligé d'establir par contract d'abord qu'on me revoque les reglement[s] que j'en ay fait, lesquels ont été approuvé de Sa Majesté.

Je suis trop honneste homme pour pretendre manger le pain d'un monarque sans pouvoir luy rendre aucun service. Ainsy je n'ay rien autre chose

à me reprocher dans ma conduite (c'uposé [=supposé] que ce soit un reproche que je doit me faire auprès de Son Excellence Monsieur le comte de Matveoff) que de luy avoir représenté que tous ce qui s'est fait par son ordre dans l'accademie ne servoit à autre chose que empecher l'establisement et par consequent des depenses inutiles.

Je ne pouvois pas faire de moins pour me mettre à couvert des evenemens puisque Sa Majesté m'auroit demandé tost ou tard pourquoy est-ce que je n'avois pas executé les promesses que je luy avois fait par mon dit reglement; à quoy m'auroit-il servy alors de luy dire que Son Excellence Monsieur le comte de Matveoff s'y estoit toujours opposé. Il me repondroit sans doute pourquoy est-ce que je l'aurois laissé faire et de ne m'en estre pas plaint. Le comte Matveoff n'auroit pas manqué de dire alors que comme je ne luy avois rien dit qu'il avoit crû bien faire et qu'estant directeur general de l'accademie, j'aurois dû luy représenter mes sentimens.

Je vous laisse presentement à juger Monsieur ce que Sa Majesté auroit pû penser de moy après quoy je vous supplie très humblement Monsieur, de représenter à Son Excellence Monsieur le baron de Schaphiroff toutes mes raisons ci-dessus alleguées et le prier de me rendre la justice qui m'est deüs [=due]. Il est trop éclairé et trop equitable pour ne pas me la rendre.

Le jour de Noël et le premier de l'an je fus chez Monsieur le comte Matveoff pour luy rendre mes devoirs et je l'assurais par beaucoup de protestations que j'eü l'honneur de luy faire, que je ne pouvois pas faire autrement pour le service de notre très auguste maistre de m'être opposé à tous ce qu'il vouloit faire dans l'accademie et que s'il vouloit remettre les choses sur le pied que Sa Majesté l'avoit ordonné avant son depart, je prenois tous les évènements sur moi-même, et que je me soumettois de perdre ma tête si je ne l'establissois comme je m'y estois engagé, qu'autrement j'estois forcé de tous abandonner, affin de ne me point rendre responsable du mal qu'il y avoit dans l'accademie.

Voyez Monsieur si après cette demarche l'on doit m'imputer quelque chose.

Si je suis assé malheureux d'être privé du service de Sa Majesté Czarienne, je veux du moins que l'on sache que ce n'est point par manque de mon devoir ni pour être incapable de la servir, j'aime mieux estre disgracié pour un motif de bien faire que par celui de l'ignorance. Je crois cependant Sa Majesté trop equitable pour ne pas me rendre justice puisque je n'ay d'autres intentions que de la bien et fidellement servir et de meriter par là ses graces.

Il s'agit donc de scavoir si Sa Majesté veut établir une accademie ou non. Si elle veut former un corps de gardes marines comme nous avons en France,

affin qu'elle puisse par la suite tirer de ce corps des officiers très considerables puisqu'il se pourrai passer à l'avenir des etrangers. Si Sa Majesté est dans ce sentiment comme je ne doute point, il est necessaire qu'il ordonne qu'on me laisse executer mes engagements autrement. Je suis obligé car honneste homme de luy représenter que je lui suis inutile, et pour qu'elle connoisse encore mieux ma franchise et le zèle que j'ay pour son auguste service, je vous envoie, Monsieur, la coppie de la lettre que le comte Estela ministre de l'Empereur des Romains m'a écrite le deux juillet dernier par ordre special de son auguste maistre, vous pouvez Monsieur, si vous le jugez à propos, la communiquer à Son Excellence Monsieur le baron de Schaphiroff, non pas pour lui faire connoistre que je puis avoir du service ailleurs, mais bien pour luy faire voir le refus que j'en ay desja fait, attendu les engagements que j'ay pris avec Sa Majesté Czarienne pour lequel je veux sacrifier tout pour luy dévouer mon zèle et mon attachement.

Je vous prie, Monsieur, d'envoyer la lettre que j'ay pris la liberté de vous envoyer pour mon ami de Bourdeaux, il y a d'autre[s] affaire[s] que celles de Monsieur votre neveu, qui me paroît comme vous dittes monsieur, bien inconstant, je me remet à ce que j'ay eu l'honneur de vous dire, par ma dernière à son sujet, Madame de St Hilaire vous assure de ses très humbles respects, de même qu'à Mad de Schleinitz à qui j'assure aussy le mien.

Je suis avec toute la veneration pocible, Monsieur,
Votre très humble et très obeissant serviteur

De St. Hilaire.

A St Petersburg, le 25e fevrier 1717

P.S. J'ay écrit à Monsieur Weber touchant ma pretencion, je vous supplie, Monsieur, de la luy recomander de votre part.

РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 7. Л. 53–58

Перевод:

Милостивый государь,

я имею честь получить сию минуту Ваше письмо от 20 числа текущего месяца по новому стилю. Имею также честь сказать Вам, что я не получал от Вас иных писем после последнего от 12 декабря прошлого года.

Как я вижу, сударь, Его превосходительство барон Шафиров имел любезность написать Вам в виду кровного союза, который я имел честь заключить с Вами. Я премного обязан Вам, сударь, за советы, которые Вы мне даете, и за милость, которую Вы оказываете в связи с мнимой

ссорой, что я будто бы имел с Его превосходительством тайным советником графом Матвеевым.

Имею честь сказать Вам, сударь, что он весьма несправедлив, жалуясь на меня, ибо я всегда выказывал все должное уважение и почитание, подобающее его чину.

Мой долг в связи с высокой службой Его царскому величеству, нашему августейшему господину, и управление академией, которое он соблаговолил мне поручить, обязывали меня каждодневно подавать представления Его превосходительству господину графу Матвееву, дабы получить необходимое для устройства сей академии и дабы иметь возможность исполнять приказания, полученные от Его величества. Я никогда не мог ничего добиться от него, и он даже отменял приказания, полученные от Его величества относительно учреждения и распорядка академии. Как Вам известно, сударь, я пожаловался Его величеству, я также подал жалобу Его светлейшему господину князю Меншикову и Его превосходительству господину генерал-адмиралу¹, когда тот вернулся из похода в Финляндию. Я уведомил его также о состоянии академии и о своей неспособности исполнить свои обязательства из-за препятствий, чинимых графом Матвеевым.

Разве могу я умалчивать о поведении названного графа Матвеева, противного прямым интересам Его величества и моему долгу?

Что должен я делать теперь в академии, которую мне приказали учредить в соответствии с договором, когда установленный мною и одобренный Его величеством регламент отменяется?

Я не настолько бесчестный человек, чтобы есть хлеб монарха, не имея возможности оказывать ему услуги. Таким образом, мне не в чем упрекнуть себя в своем поведении (если предположить, что я должен упрекать себя за отношения с Его превосходительством графом Матвеевым), кроме как в том, что все происходящее в академии по его приказу только мешало учреждению и, следовательно, вело к бесполезным тратам.

Я не мог поступить иначе, закрывая глаза на происходящее, ибо Его величество спросил бы меня рано или поздно, почему же я не исполнил данные ему в моем вышеназванном регламенте обещания. К чему бы мне было говорить ему тогда, что Его превосходительство господин граф Матвеев постоянно этому препятствовал? Он бы без сомнения меня в ответ спросил, почему же я позволил ему так поступать и на это не

¹ Имеется в виду Ф.М. Апраксин.

пожаловался. Тогда бы граф Матвеев не преминул сказать, что поскольку я ему ничего не сказал, то он почитал свои действия за правильные, и что, будучи главным директором академии, я должен был выразить ему свое отношение.

Теперь оставляю Вам самому судить, милостивый государь, что мог бы подумать обо мне Его величество, и после сего нижайше прошу Вас, милостивый государь, представить Его превосходительству господину барону Шафирову все приведенные мною выше доводы и просить его отдать мне должную справедливость. Он как весьма просвещенный и беспристрастный человек не сможет не отдать мне этой справедливости.

В день Рождества и первый день года я был у господина графа Матвеева, дабы оказать ему должные знаки внимания. Я имел честь многократно заверить его, что нисколько не питаю к нему злобы, но будучи на службе у нашего августейшего господина, не могу не противиться тому, что он пожелал сделать с академией, и что если он пожелает вернуться к тому порядку, который Его величество перед своим отъездом приказал установить, то я сам займусь изменениями и соглашусь поплатиться головой, если не устрою все в соответствии с данным мною обещанием, в противном же случае я буду принужден все оставить, дабы не брать на себя ответственность за беспорядок в академии.

Посудите, милостивый государь, должно ли ставить мне что-нибудь в упрек после сего поступка.

Если я буду столь несчастлив, что потеряю службу у Его царского величества, то хочу, чтобы было по крайней мере известно, что это случилось не из-за того, что я пренебрегал обязанностями или не был способен приносить пользу. Я предпочитаю подвергнуться опале из-за того, что был усерден, а не невежественен. Между тем, я нахожу Его величество достаточно беспристрастным, чтобы отдать мне должное, ибо у меня нет иных намерений, кроме как хорошо и преданно служить Ему, дабы заслужить этим Его милости.

Посему необходимо узнать, желает ли Его величество учреждать академию или нет, желает ли Он создать корпус гардемарин, каковые есть у нас во Франции, дабы он мог получить затем из сего корпуса весьма видных офицеров и мог обойтись в будущем без чужеземцев. Если Его величество придерживается сего мнения, в чем я не сомневаюсь, тогда следует получить от него приказ, дабы мне было позволено исполнить мои обязательства. В противном случае я как честный человек буду принужден объявить Ему о своей бесполезности. И дабы Он узнал еще лучше мою откровенность и усердие, которое я питаю к Его августейшей службе,

посылаю Вам, милостивый, копию письма, которое граф Эстела², министр римского императора, написал мне 2 июля прошлого года по особому повелению его августейшего господина³. Если Вы, милостивый государь, сочтете уместным, то можете передать сие письмо Его превосходительству господину барону Шафирову, но не для того, чтобы уведомить его о том, что я могу получить службу в ином месте, а для того, чтобы показать ему, что я уже отказался от этого предложения ввиду обязательств, принятых перед Его царским величеством, для которого я хочу принести в жертву все, дабы явить ему свое усердие и свою привязанность.

Прошу Вас, милостивый государь, отослать письмо, которое я осмелился послать Вам, моему другу в Бордо. Существуют и иные дела, помимо дел господина Вашего племянника, который кажется мне, как Вы говорите, сударь, весьма непостоянным человеком. Я вновь принимаюсь за то, о чем имел честь Вам писать в последнем письме на его счет. Госпожа де Сент-Илер шлет уверения в своем глубочайшем уважении Вам, а также госпоже фон Шлейниц, которую я тоже уверяю в своем уважении.

Пребываю со всем возможным почтением, милостивый государь,
Вашим нижайшим и покорнейшим слугой

Сент-Илер.

Санкт-Петербург, 25 февраля 1717 г.

P.S. Я написал господину Веберу о своем требовании, молю Вас, милостивый государь, ходатайствовать о нем с Вашей стороны.

² Имеется в виду граф Рокко Стелла.

³ Имеется в виду Карл VI.

N.º 58

Сент-Илер — П.П. Шафирову,

25 июня 1718 г.

A son excellence monseigneur le B. Descha[firov]

Monseigneur,

Son excellence, Monsieur le Baron de Schleinitz m'a envoyé icy, sous l'adresse de Monsieur Négucelin, l'incluse pour votre excellence. J'ay crû qu'il estoit nécessaire de la luy envoyer par la poste, affin qu'elle aille plus viste que moy.

J'ay encore une lettre pour vostre excellence que monsieur le Baron de Schleinitz m'a remis en passant de Paris pour rendre en main propre à vostre excellence. Je la suplie très humblemens de faire attention à la prière qu'il vous fait par l'incluse, afin que je puisse trouver les passe pour qu'il demande à mon arrivée à St Pétersbourg, et à celle que je vous ai déjà fait pour envoyer des ordres à Mitteau ou à Riga pour avoir des chevaux pour me conduire à St Pétersbourg.

J'ay l'honneur d'estre, avec une très profonde vénération

Monseigneur

De Votre excelence le très humble et très obeissant serviteur

Le B[aron] de St Hilaire.

Kunigsberg le 25e Juin 1718.

РГАДА. Ф. 370. Он. 1. Д. 7. Л. 63–64

Перевод:

Его превосходительству господину барону Шафирову

Милостивый государь,

Его превосходительство господин барон Шлейниц прислал мне сюда на адрес господина Негюклина¹ прилагаемое письмо для Вашего превосходительства. Я решил, что необходимо вам его переправить с почтой, дабы оно добралось до Вас быстрее, чем я.

¹ Идентифицировать это лицо не удалось.

У меня еще есть одно письмо для Вашего превосходительство, которое господин барон Шлейниц передал мне, возвращаясь из Парижа, дабы я вручил его Вашему превосходительству в собственные руки. Нижайше прошу Ваше превосходительство обратить внимание на просьбу, заключенную в прилагаемом письме, дабы по моем прибытии в Санкт-Петербург я мог получить запрашиваемые паспорта; а также и на уже сделанную мной ранее просьбу отдать приказы в Митаву или Ригу, дабы для моего возвращения в Санкт-Петербург были приготовлены лошади.

Имею честь быть с глубочайшим почтением, сударь,

Вашего превосходительства нижайшими и покорнейшим слугой.

Барон де Сент-Илер.

Кёнигсберг, 25 июня 1718 г.

N.º 59

Шевалье де Гийе — А.В. Макарову,
19 февраля 1719 г.

Дésavantageuses [...] Verton, St H[ilaire], La Motte

Monseigneur,

Il m'est revenu que le zele ardent que j'ay toujours eu pour le service de Sa Majesté Czarienne mon maître, m'a attiré la haine de deux indignes personnages lesquels pour oster le credit à mes lèvres ont taché de me denigrer auprès de Son Excellence, craignant, que je ne l'informat de leurs caracteres, ce que je devois faire il y a longtems, sans me contenter d'en avertir Son Excellence M. le baron de Schaffiroff qui peut-être a gardé le silence par raison. L'un est le Grand Verton, l'autre le heros St Hylaïre, il est necessaire que je fâce [fasse] une digression, Votre Excellence, de ces deux personnages, pour qu'elle soit enregistrée [en la] Chancellerie d'État et conservée pour le besoin.

Je commenceray par Verton né roturier, qui n'a vescu les premieres années qu'il a paru dans le monde par de vilaines intrigues et par les secours qu'il a tirré de certaines filles de joyes. Mais voyant que ce revenu étoit fort cazuel, il s'est avisé pour prevenir à ses depences extraordinaires de supposer des entreprises, et d'y [...] personnes qui auroient du bien, il hypotequoit l'argent qu'il pren[...] res qui n'ont jamais été ou sur des chateaux qui ne lui appartenoient pas. Il a été mis en justice pour avoir commis ces sortes de stelionats [...] il a sceu [...] iner quelques unes de ces mauvaises affaires par la voye qui se peut [...] en France qui est, de donner à propos la moitié d'une somme qu'on a gagné [...] pour jouir paisiblement de l'autre, et Verton entend à merveille la [...] du passage à ce sujet qui dit que les dons et les presents changent le cœur des hommes, car sur ce principe il en fait souvent et de très magnifiques amis toujours au depends d'autrui, cependant il a tant fait de friponnades de cette nature que les expedians se sont épuisez, et il étoit sur le point d'être condamné au Parlement de Paris, lorsqu'il a publié qu'il étoit nommé pour Envoyé de France près Sa Majesté Czarienne, qu'il alloit rendre la charge de Maître d'hostel du Roy, et qu'il payeroit un chacun; ses creanciers ne se sont pas tout à fait fiez à ses parolles, ils ont presenté un placet à Son Altesse Royale Monseigneur le duc d'Orleans Régent, qui a répondu qu'il ne sortiroit pas du royaume qu'il ne les eut contentez.

Dans ce temps là, il s'est donné des mouvements pour former une compagnie de commerce entre la Russie et la France, dans la vüe d'attrapper

quelques duppes, quoiqu'auparavant par ses mauvais discours joint à ceux de St Hylaïre, il en eut fait échoüer une qui auroit été très bonne, n'étant composée que de gens d'honneur et fort puissants. Mais Verton voyant qu'à Paris il étoit trop connu pour qu'on se confiat à luy, il envoyat à Roüen le dit St Hylaïre qui après avoir parcourut tous les marchands de la ville, n'a trouvé qu'une veuve nommée Judice désireuse de profiter beaucoup de son argent qui a donné dans le piège et, l'ayant leurée qu'elle quatrupliceroit son fond dans un an, elle leur a donné de quoi achepter des vins et des eaux de vies pour St Petresbourg, je ne scay comme la chose a reussit, Son Excellence Monsieur le baron de Schleinitz les a protegez moyenant une part qu'ils luy ont promis dans le profit.

Cependant il ne pouvoit pas ignorer que Verton fut un aussi grand fripon que St Hylaïre puisque je luy avois dit qu'il n'avoit qu'à parler à Monsieur Bontan premier valet de chambre du Roy très chretien et capitaine des chasses à Varenne du Louvre, lequel connoit Verton depuis son enfance et scay toutes les infames manœuvres qu'il a faites, et qu'il luy repetera ce qu'il m'a dit à moy, que Verton est accusé, entre autres choses, de ne s'être contenté d'avoir abusé en Engleterre, d'une demoiselle très [...] en ayant fait faire de fauces clefs de son cabinet, il luy avoit volé pendant qu'elle dormoit en or et en argent pour la valeur de dix mil guinées, et que [...] il prit la poste pour s'en venir à Douvre et repassat en France où pour avoir du repos, payat à son arrivée au moyen de ce larcin perfide, plus de vingt cinq écu de ses dettes. Par toutes ces operations on peut inferer qu'un homme ambitieux et entreprenant comme celui-là est très dangereux dans un Estat où il y a des mecontants, car Verton est capable d'entrer dans de nouvelles conspirations, mesme d'en sùsiter [susciter], et de troubler la tranquillité de l'Empire dès qu'il y envisagera quelque interest particulier.

il est certain que Verton n'est pas en état de soutenir le caractère d'Envoyé, la cour de France ne paye point, de son chef il n'a rien, devant beaucoup plus qu'il ne retire de la charge, ceux qu'il a trompés ne tarderons pas à s'en appercevoir, leur bources luy seront fermées aussitôt ce dont il est bien persuadé, ainsi il n'y a que l'esperance de reussir dans quelque mauvais dessein qui aye pu luy avoir fait prendre la resolution d'aller en Russie! Ce qui peut fortifier cette pensée est qu'il veut y introduire des gens de sa façon, en proposant de La Motte, sous le tittre de general, ce La Motte est fils d'un praticien au Chatelet de Paris, qui s'appelloit Michel qui est son veritable nom de famille et que ce La Motte a changé parce que son père fut condamné aux galleres de Marseilles où il est mort, atteint et convaincu de faussaire; ce soi-disant la Motte s'est avancé dans les armes par le moyen de femmes

de la moyenne vertu qui l'ont aidé leur servant de souteneur, et il étoit parvenu à être lieutenant colonel du regiment de Nouaille d'où il a été chassé honteusement pour filouterie et lacheté; après quoy il a passé en Espagne et s'étant proposé à Sa Majesté catholique pour lever un regiment, il luy fut donné l'argent nécessaire pour ce faire et quand le regiment fut complet, il trompâ et trahit le roy d'Espagne car il vendit le regiment à l'archiduc, qui étoit pour lors à Barcelone. Avec cet argent, il s'en est venu à Venise où il ne s'est pas acquit beaucoup d'honneur, s'étant caché en dernier lieu dans un fossé à Corfou, dans le tems où devoit commander pour aller aux ennemis! Monseigneur le marechal de Schulem[bourg] pourroit dire ce qui en est, car il commandoit en chef dans cette isle; ce Verton pour surprendre Monsieur le baron de Schleinitz, luy a donné le fils de ce [...] page, et ce credule ministre sans s'informer davantage de [...] en sa faveur comme s'il l'avoit connu toute sa vie, ce qui peut tirer à grande conséquence, et pour faire voir que ce que j'ay l'honneur de marquer à Vôte Excellence n'est pas de mon cru, je luy veux citer l'auteur qui m'a si bien informé de ce La Motte. C'est [...] Aubert qui a été capitaine et tresorier des troupes en France et du depuis secretaire d'Estat de Son Altesse Monseigneur le duc de Mantoue, il habite presentement à Venise. Son Excellence Monsieur le comte Sava est son compère, luy ayant tenu un enfan à baptême.

Il est temps de parler du Sr St Hylaïre, beau frère de Son Excellence le baron de Schleinitz, cet homme là a pris un nom sùposé, il s'appelle Alair, il est fils d'un batelier qui gaignoit sa vie à porter dans une petite esquif les étrangers du port de Toulon aux vaisseaux, et les parants y font actuellement les metiers les plus vils. Cet Alair soi-disant St Hylaïre a été longtems valet de marchands foirains, et finalement pour avoir vôle sur un batiment où il étoit embarqué à Bayonne, il a été condamné par contumasse à l'amirauté de cette ville à être pandu; et il seroit facile de lever sa sentence au greffe criminel de ce tribunal; c'est Monsieur d'Aubenton ci-devant intendant de l'armée d'Espagne par les mains duquel cette affaire a passé qui m'a dit toutes ces choses, et ce St Hylaïre auroit été arrêté à son dernier voyage à Paris si Son Excellence Monsieur le baron de Schleinitz ne l'eût fait partir incessamment; ce même fourbe a trompé l'Empereur, qui l'avoit fait emprisonner à Naple, et s'il ne se fut sauvé de la prison, il auroit fini ses jours aux gâleres; je suis persuadé que ce St Hylaïre n'échappera jamais la corde, les discours téméraires qu'il a tenu à son arrivée à Paris, de l'Empire russe, de son gouvernement et de ses sujets, meritent le dernier sùplice; et c'est luy qui par les malignes relations sans doute, suggerées par les Holandois qui lui avoit promis quelque recompence pour ce faire, c'est luy dis-je, qui fut cause qu'une fameuse compagnie composée de

Monsieurs Coulomier, Nicolas et autres riches negociants qui étoient sur le point de la former fut dissipée, ce qui a fait un tort considerable à la Russie, car ces Monsieurs avoient des fonds pour faire seules tout le commerce de cet Empire avec la France.

Monsieur le baron de Schaffiroff, très digne fils de Vôte Excellence, a goûté les émerveillement de ce carnaval. Il se dispose à partir aux premiers jours, j'ay l'honneur de luy faire ma cour assiduellement, je l'ay supplié de rendre compte de ma conduite à Vôte Excellence en luy presentant un memoire dont il a eu agreable de se charger et j'attendray venir les ordres qu'il plaira à Vôte Excellence de m'envoyer concernant son resultat. Je suis avec un très profond respect,

Monseigneur Vôte Excellence,

Le très humble, très obeissant et très soumis serviteur

Le Chevalier de Guiller.

Le 25 fevrier 1719

РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 146. Л. 5–6 об.

Перевод:

Неблагоприятные [...] Вертон, Сент-Илер, Ла Мотт

Милостивый государь,

до меня дошли сведения, что горячее усердие, которое я всегда испытывал по отношению к службе Его царскому величеству, моему господину, навлекли на меня ненависть двух недостойных лиц, которые попытались очернить меня в глазах Его превосходительства, дабы лишить мои слова доверия, опасаясь, как бы я не сообщил об их нравах, что я и должен был уже давно сделать, не ограничиваясь предостережением Его превосходительству барону Шафирову¹, который, быть может, заставил себя хранить молчание. Один из них — великий Вертон, другой герой — Сент-Илер. Мне необходимо, Ваше превосходительство, сделать подробный рассказ об этих двух лицах, дабы он был записан государственной канцелярией и сохранен для надобности.

Я начну с Вертона, простолюдина по рождению, который провел первые годы по появлению в большом свете в гадких интригах, получая помощь от неких публичных девиц. Но понимая, что этот доход весьма

¹ Судя по всему, имеется в виду Исая Петрович Шафиров, единственный сын Петра Павловича Шафирова (см. упоминание о нем ниже в этом же письме).

зависит от случая, он вздумал для покрытия своих чрезвычайных расходов создавать подложные предприятия и вовлекать в них людей, располагающих средствами. Он закладывал деньги в залог недвижимого имущества, которое никогда не существовало, или замков, которые ему не принадлежали. Он был отдан под суд за такого рода мошенничество [?], он сумел [...] некоторые из своих нечистых делишек путем, который возможен во Франции, а именно отдать вовремя половину вырученной суммы, дабы спокойно пользоваться другой половиной. Вертон чудесно умеет переходить [...] к этому предмету, который гласит, что дары и презенты смягчают сердца людей, и потому по этому принципу он часто поступает и заводит себе столь славных друзей, и всегда в ущерб своему ближнему. Между тем он совершил столько мошеннических сделок в таком роде, что истощил все уловки, и уже почти был осужден парижским парламентом, как вдруг публично объявил, что назначен французским посланником при дворе Его царского величества, что он собирается сложить с себя должность королевского дворецкого и что со всеми расплатится. Его кредиторы не вполне поверили его словам и представили челобитную Его королевскому высочеству господину регенту герцогу Орлеанскому, который ответил, что Вертон не покинет королевство, пока не удовлетворит кредиторов.

В это время он усердно хлопотал о создании компании для торговли между Россией и Францией, дабы привлечь и обмануть доверчивых, хотя он ранее своими злыми речами, которые повторял и Сент-Илер, сорвал планы другой такой же компании, которая могла быть очень хороша и состояла только из честных и весьма могущественных людей. Однако Вертон, понимая, что в Париже он слишком хорошо известен, чтобы люди ему доверились, отправил названного Сент-Илера в Руан, где тот, обойдя всех купцов в городе, отыскал только вдову по фамилии Жюдис, пожелавшую извлечь большую прибыль и угодившую в западню, и соврал ей, что она вчетверо увеличит свой капитал через год. Она дала им денег на покупку вин и водок для Санкт-Петербурга, но я не знаю, чем это дело закончилось. Его превосходительство господин барон фон Шлейниц оказывал им покровительство, получая обещанную ими для него долю в барыше.

Между тем он не мог не знать, что Вертон — такой же великий мошенник, что и Сент-Илер, ибо ему достаточно было побеседовать с господином Бонтаном, первым камердинером христианнейшего короля и распорядителем королевской охоты в Варен дю Лувр, который знает Вертона с детства и осведомлен обо всех совершенных им гнусных проделках, и он

повторит ему все, что он сказал мне. А именно, что Вертон обвиняется, помимо прочего, в том, что, не удовольствовавшись соблазнением в Англии одной весьма [...] девицы, изготовил дубликат ключей от ее тайника и украл у нее, пока она спала, ценностей из золота и серебра на сумму в десять тысяч гиней. Он [...] сбежал в почтовой карете в Дувр и вернулся во Францию, где по прибытии, дабы обрести покой, заплатил с помощью этой коварной кражи более двадцати пяти экю из своих долгов. Из всех этих предприятий можно сделать вывод, что такой честолюбивый и смелый человек, как этот, представляет весьма большую опасность в государстве, где есть недовольные, ибо Вертон способен вступить в новые заговоры, даже спровоцировать их и потревожить спокойствие империи, как только у него возникнет там какой-либо частный интерес.

Вертон определенно не в состоянии соответствовать рангу посланника: французский двор сколько не платит, а он сам ничего не имеет и должен гораздо больше, чем приносит его должность. Обманутые им скоро заметят это, и их кошельки будут тотчас для него закрыты, в чем он и сам убежден. Посему для него существует только одна надежда: удачно осуществить какой-нибудь злой замысел, который бы помог ему поехать в Россию! Эту мысль может подкрепить и то, что он хочет привезти в страну людей своего сорта, предлагая Ла Мотта в чине генерала. Этот Ла Мотт — сын врача в парижской тюрьме Шатле по имени Мишель, это его настоящая фамилия, которую Ла Мотт сменил, ибо его отец был осужден и сослан на марсельские галеры, где и умер, уличенный и изобличенный в подлоге. Этот человек, называющий себя Ла Моттом, выдвинулся в армии благодаря помогавшим ему женщинам легкого нрава, которым он служил сутенером. Ему удалось стать подполковником в полку Ноайя, откуда его изгнали с позором за жульничество и трусость. После этого он уехал в Испанию и предложил Его католическому величеству создать полк. Ему были выделены необходимые для этого деньги, и когда полк был набран, он обманул и предал испанского короля, ибо продал полк эрцгерцогу², который находился в ту пору в Барселоне. С этими деньгами он уехал в Венецию, где не снискал большого почета, спрятавшись наконец в каком-то рву на Корфу, в то время как должен был командовать наступлением на врага! Господин маршал Шулембург³ мог бы рассказать, как это было, ибо он был командующим на этом острове. Этот Вертон, чтобы поразить господина барона фон Шлейница, отдал ему сына этого [...] пажа, и этот

² Имеется в виду будущий император Священной Римской империи Карл VI.

³ Имеется в виду граф Маттиас Иоганн фон дер Шуленбург.

доверчивый посланник, не разузнав об [...] больше, [...] в его пользу, как если бы был знаком с ним всю жизнь, что может привести к весьма неприятным последствиям.

Дабы показать, что все, что я имел честь изложить Вашему сиятельству, не является моей выдумкой, я хочу назвать того, кто так хорошо осведомил меня об этом Ла Мотте. Это [...] Обер, он был капитаном и военным казначеем во Франции, а позднее государственным секретарем при Его высочестве господине герцоге Мантуанском⁴, сейчас он живет в Венеции. Его сиятельство господин граф Сава⁵ приходится ему кумом, ибо держал его ребенка на крещении.

Пора рассказать о господине Сент-Илере, зяте Его превосходительства господина барона фон Шлейница. Этот человек взял вымышленное имя, его зовут Алер, он сын лодочника, который зарабатывал на жизнь, перевозя на маленьком челне иноземцев из тулонского порта на корабли, а родственники его и сейчас заняты там самым низким ремеслом. Этот Алер, называющий себя Сент-Илер, долгое время был в услужении у рыночных торговцев и наконец был заочно осужден адмиралтейством Байонны на повешение за кражу корабля, который он загрузил в этом городе. Найти этот приговор в канцелярии суда будет не трудно, обо всем этом поведал мне господин д'Обантон, бывший интендант испанской армии, через руки которого прошло это дело. Этого Сент-Илера арестовали бы во время его последней поездки в Париж, если бы Его превосходительство барон фон Шлейниц не заставил его спешно уехать. Этот же самый плут обманул императора, который приказал заточить его в тюрьму в Неаполе, и, не соверши он побег, то окончил бы свои дни на галерах. Я убежден, что этот Сент-Илер ни за что не избежит петли: наглые речи, которые он вел по своем приезде в Париж о Российской империи, ее правительстве и подданных, заслуживают суровейшего наказания. Именно он при помощи своих пагубных происков, без сомнения, вдохновленных голландцами, пообещавшими ему за это некое вознаграждение, именно он, говорю я, был причиной тому, что известная компания, состоявшая из господ Куломье, Николя и прочих богатых купцов, готовых ее учредить, распалась, от чего Россия потерпела значительный урон, ибо эти господа располагали капиталами, чтобы в одиночку вести всю торговлю между Вашей империей и Францией.

Господин барон Шафиров, достойнейший сын Вашего превосходительства, наслаждался чудесными развлечениями во время нашего карнавала. Он намеревается отправиться в путь в самое ближайшее время.

⁴ Имеется в виду Карл Фердинанд Гонзага.

⁵ Имеется в виду Савва Рагузинский.

Я имел честь неустанно сопровождать его и низжайше просил дать Вашему превосходительству отчет о моем поведении и представить памятную записку, которую он любезно согласился передать и относительно которой я буду ожидать распоряжений, каких Вашему превосходительству будет угодно мне дать. Пребываю с глубочайшим почтением,

Милостивый государь, Ваше превосходительство,

Нижайший, преданнейший и покорнейший слуга

Шевалье де Гийе.

25 февраля 1719 г.

Автобиография Сент-Илера, ок. 1719 г.

Le Baron de St Hilaire a exposé sa vie et sacrifié ses plus beaux jours pour les services du Roy: il a cela de commun avec quantité d'autres sujets.

Content d'avoir rendu des services très importants à l'Etat, il n'a ni cherché à jouir de la gloire qui lui en devoit revenir, ni demandé la recompense qu'il pouvoit pretendre. En cela il a eu peu d'imitateurs. Il a fait plus: contraint pour servir son Roy plus utilement et plus sûrement de soutenir un role equivoque et susceptibles de mauvaises interpretations, il a gardé un silence dont la reputation a souffert; et il ne se determine à le rompre que parce qu'il n'est plus necessaire par rapport à l'Etat; et qu'il croit qu'il est tenu de lever le voile qui a derobé jusqu'à present presque à toute l'Europe les veritables motifs de sa conduite. Il s'y resout d'autant plus volontiers qu'il est informé qu'on a conceu des idées très desavantageuses de lui et très différentes de celles que l'on aura lorsqu'on connoitra la vérité.

Depuis le mois de decembre 1710, jusqu'au mois de fevrier 1711, il fit plusieurs voiajes de Badajoz à Lisbonne par ordre de Monsieur le Marquis de Bay pour engager les Ministres du Roy de Portugal à entrer dans quelque traité avec les deux Couronnes.

De Badajoz il alloit à Elua d'où le Marquis de Las Minas le faisois passer à Lisbonne.

Il rendit plusieurs lettres du Marquis de Bay à Dom Diego de Mendoza secretaire d'Etat et eut plusieurs conferences avec lui et avec le Duc de Carana.

Le Marquis de Bay voiant que les Ministres du Roy de Portugal ne faisoient que des reponses vagues et jugeant qu'il n'y avoit pas lieu de rien esperer de solide de cette tentative, prit le parti de s'en servir pour rendre le Roy de Portugal suspect aux alliés.

Dans cette veuë [vue], il chargea le Baron de St Hilaire de quelques lettres pour Dom Diego de Mendoza [dans] lesquelles il affecta d'employer des termes qui donnent à entendre qu'effectivement le Roy de Portugal etoit disposé à traiter avec la France et avec l'Espagne.

Il ordonna au Baron de St Hilaire de tacher de [se] faire enlever par quelque officier des troupes a[ngloi]ses qui etoient pour lors en Portugal.

Etant arrivé à Elua, il s'adressa au Sier Mo[...] Brigadier dans les troupes d'Angleterre et François réfugié: il lui témoigna qu'il etoit très mécontent du service d'Espagne, lui dit qu'on l'exp[loite ?] tous les jours à des courses perilleuses, sans lui do[nner] aucune recompense; qu'il avoit fait

plusieurs [voya]ges à Lisbonne pour un traité qui se negoc[i]roit en[tre] l'Espagne et le Portugal et qu'il avoit actuellement des lettres du M. de Bay pour Dom Diego de Mendoza, qu'il ne seroit pas fâché que ces lettres tombas[sent] entre les mains de Mylord Portmore pourvu qu'il ne parut point que ce fut de son consentem[ent], que pour cela, il n'y auroit pas de meilleur moien que de le faire enlever dans quelque endroit de la rou[te].

Cela fut ainsi executé, le Baron de St Hilaire enlevé à St Ernos est mené à Mylord Portm[ore] qui estoit à Lisbonne.

Ce Milord aiant lu les lettres, même des art[icles] préliminaires qui paroissent par les memes [...] prest à signer fit grand bruit et se plaignit av[ec] beaucoup d'aigreur du prétendu traité sur le point d'être signé. Ce Prin[ce] et ses ministres auront beaucoup protesté que ce n'étoit d'autre chose que des propositions hazard[ées] sur le Marquis de Bay, auxquelles on n'au[roit] jamais fais aucune reponse favorable, les ter[mes] dans lesquels le Marquis de Bay s'exprimoit dans ses dernieres lettres, accomodées à son destein, les pretendus articles preliminaires, le temoinage du Baron de St Hilaire qui assuroit avoir f[ait] plusieurs voyages de Badajoz à Lisbonne, avoir eu plusieurs audiences des Ministres portugais, tout cela parut si serieux et si digne d'attention au Mylord Portmore qu'il jugea à propos d'envoyer le Baron de St Hilaire à Londres pour instruire la Cour de toutes les circonstances de cette negociation.

Le Baron de St Hilaire etant arrivé à Londres n'oublia rien pour faire croire que le Roy de Portugal avoit des relations étroites avec le Roy d'Espagne et cette opinion se fortifia tellement dans l'esprit de la Reine Anne et de ses Ministres, qu'il y a de l'apparence qu'elle ne contribua pas peu à les determiner à conclurre la paix avec la France.

La Reine Anne fit donner cinq cens livres sterlings au Baron de St Hilaire et comme la religion catholique dont il fait profession estoit un obstacle à son avancement en Angleterre, on trouva bon de l'envoyer à l'Empereur avec de fortes lettres de recommandation et une ample instruction concernant le prétendu traité entre les deux Couronnes et le Portugal.

L'empereur lui donna le tittre de Baron cinq mille florins et l'emploi d'intendant de la Marine à Naples.

Dans le mois de mars de l'année 1713, un sujet du Duc de Savoie de la Comté de Nice proposa à l'Empereur de bruler les vaisseaux et l'Arsenal de Thoulon, on l'envoia au Duc d'Usseda à Genes pour concerter avec lui les moiens de reussir dans cette entreprise.

Le Duc d'Usseda eut ordre en mesme te[mps] de prendre sur cela les avis du Baron de St Hilaire comme aiant une exacte connoissance de la situation des lieux se rendit de Naples à Genes où il fut pri[s] à plusieurs conferences

qui se tinrent [à] ce sujet; voiant toutes les mesures pris[es] pour l'exécution il en informa le Min[istre] de France qui étoit alors à Genes et en[suite] écrivit à Monsieur de Torcy. On prit [des] precautions convenables pour se garen[tir] contre ce dessein et le Duc d'Usseda l'a[vait] voulu mettre à exécution. Il y ehoüa, il [y] eut meme des gens arretés et punis.

Le Duc d'Usseda ne pouvant comprendre comment son dessein avoit été eventé, soupçonna le Baron de St Hilaire et in[for]ma l'Empereur de ses soupçons, en sorte que lorsque le Baron de St Hilaire fit retour à Naples il y fut arreté. Au bout de neuf mois, il rompit son arrêt et se rendit à Vienne pour se justifier au[près] de l'Empereur.

Comme la paix étoit prête à se faire [entre ?] la France et l'Empereur et qu'il ne pou[vait] esperer aucune occasion d'être utile a[u] Roy, il passa au service du Czar.

Le Czar lui donna un brevet de consc[ien]ce avec le commandement de cinq cens gardes [marine] etablis sur les memoires et la Direction des Académies de Marine et etablies aussi jusqu'[aux] plans qu'il en a fournis.

En décembre 1715 le Czar lui fis epouser la nièce du Baron de Schleinitz: il repassa en France lorsque le Baron de Schleinitz y fut envoyé en qualité de Ministre plénipotentiaire de sa Majesté Czarienne.

Il arriva à Paris dans le mois de décembre 1717. Son intention étoit de donner dès ce tems-là les eclaircissemens qu'il donne aujourduy. Mais l'occasion s'étant présentée de faire un traité avec quelques marchands de Rouen pour la cargaison de deux vaisseaux qu'il proposa d'envoyer à St Petersburg, pour les mettre dans le gout du commerce et de la mer Baltique dans la veuë, après cette première epreuve, de presenter des memoires à la Cour pour faire connoitre les grands avantages que la France pourroit tirer d'un commerce réglé avec la Moskowïe. Il partit de Paris dans le mois de mai de l'année 1718 pour se rendre à St-Petersbourg et pour y avoir soin de la vente des marchandises que lui et ses associés envoioient en ce païs-là.

A peine fut il arrivé à St Petersburg qu'il apprit que ses ennemis faisoient courrir le bruit que son voyage avoit pour objet de negocier auprès du Czar en faveur de l'Espagne : cette calomnie repanduë sans fondement l'a entièrement déterminé à repasser en France et à donner le present mémoire, dont il ne demande de retirer d'autre avantage que de faire connoitre son inviolable fidelité et les services qu'[il] est capable de rendre au moien des ha[...] des qu'il a fait tant en Allemagne qu'[en] Prusse et en Russie, et par les alliances avec lui donne dans plusieurs des meille[ures] familles d'Allemagne, son mariage avec Mademoiselle Arnims qui étoit premiere Da[me] d'honneur de la Princesse de Wolfenbut[el], epouse du Zarowitz.

On est très humblement prié d'observer deux choses.

La première, que si l'on veut employer le Baron de St Hilaire, le pre-se[ent] mémoire et ce qu'il contient doit être tenu très secret, on en voit les raisons.

La seconde, que le Baron de St Hilaire a un grand intérêt que le Baron de Schleini[tz] n'ait aucune connoissance du même mémoire. Cela romproit toute la bonne intelligence qu'il y a entre l'oncle et le neveu, le Baron de St Hilaire aiant cach[é] à Monsieur de Schleinitz et à sa propre femme le secret qu'il développe icy.

АМАЕ. Correspondance politique. Russie. Supplement 2. F. 274–275 v.

Перевод:

Барон де Сент-Илер рисковал своей жизнью и жертвовал своими лучшими днями ради служения королю: в этом он сходен со множеством других подданных.

Удовлетворенный возможностью оказать важнейшие услуги государству, он не снискал и не стремился снискать причитающиеся ему почести, и не требовал вознаграждения, на которое мог бы претендовать. В этом отношении у него было мало подражателей. Он совершил и нечто большее: дабы служить своему королю с большей пользой и надежностью, он был принужден исполнять двусмысленную роль, подверженную неблагоприятным истолкованиям, так что он хранил молчание, от которого пострадала его репутация; и он намерен нарушить его только потому, что государство в этом молчании больше не нуждается; и что он считает, что он должен снять завесу, которая до сих пор скрывала почти от всей Европы истинные мотивы его поведения. Ему тем легче на это решиться, что, как ему стало известно, о нем составилось весьма неблагоприятное мнение, совершенно отличное от того, что известно тем, кто знаком с истиной.

С декабря 1710 г. до февраля 1711 г. он совершил несколько поездок из Бадахоса в Лиссабон по приказу маркиза де Бэ, чтобы склонить министров короля Португалии к участию в некоторых переговорах между двумя королевствами.

Из Бадахоса он отправился в Элаш, откуда маркиз де лас Минас направил его в Лиссабон.

Он передал несколько писем от маркиза де Бэ дону Диего д Мендонсе, государственному секретарю, и провел несколько совещаний с ним и с герцогом Караной.

Увидев, что министры короля Португалии дают лишь весьма неопределенные ответы и что, судя по тому, нет надежды, что из этой попытки выйдет нечто основательное, г-н де Бэ решил воспользоваться этим, чтобы привести португальского короля в подозрение в глазах его союзников.

С этим намерением он снабдил барона де Сент-Илера некими письмами для дон-а Диего д Мендонсы, в которых он притворно употребил такие выражения, что можно было понять, будто и впрямь король Португалии намеревался вести переговоры и с Францией, и с Испанией.

Он приказал барону де Сент-Илеру устроить так, чтобы его похитил какой-нибудь офицер английских войск, что находились тогда в Португалии.

Прибыв в Элаш, он обратился к господину [...], бригадиру английских войск, французскому беженцу. Он признался тому, что весьма недоволен испанской службой; сказал, что его каждый день подвергают опасным поездкам, не давая никакого вознаграждения; что он совершил несколько поездок в Лиссабон ради договора, о котором будут вести переговоры Испания и Португалия, и что располагает теперь письмами от маркиза де Бэ к дону Диего д Мендонсе; что он не будет против, если эти письма попадут в руки милорду Портмору, лишь бы только не было видимости, что это случилось с его согласия; что для этого не было бы лучшего средства, как только похитить его где-нибудь по дороге.

Так все и было исполнено: барона де Сент-Илера похитили в Сент-Эрносе и отвезли к милорду Портмору, что находился в Лиссабоне.

Сей милорд, прочитав письма, уже их предварительные пункты, где шла речь о подписании [...], громко возмутился и посетовал с великой досадой на то, что мнимый договор скоро будет подписан. Сей государь¹ и его министры затем заверяли изо всех сил, что речь шла лишь о предложениях, которые позволил себе сделать маркиз де Бэ и на которые никогда бы не был дан никакой положительный ответ. Выражения, в которых изъяснялся маркиз де Бэ в своих последних письмах, в сравнении с событиями его жизни, мнимые предварительные пункты, свидетельство барона де Сент-Илера, который утверждал, что совершил несколько поездок из Бадахоса в Лиссабон, имел несколько аудиенций у португальских министров, — все это показалось столь серьезным и достойным внимания милорду Портмору, что он счел уместным отправить барона де Сент-Илера в Лондон, дабы уведомить двор обо всех обстоятельствах этих переговоров.

¹ Имеется в виду король Португалии.

Прибыв в Лондон, барон де Сент-Илер приложил все усилия, дабы убедить, что король Португалии был в тесных отношениях с королем Испании, и это мнение так запало в душу королевы Анны и ее министров, что, по всей видимости, весьма помогло склонить их к заключению мира с Францией.

Королева Анна приказала выдать пять тысяч фунтов стерлингов барону де Сент-Илеру, а поскольку католическая религия, которую он исповедует, была препятствием для его продвижения по службе в Англии², то сочли за доброе отправить его к императору с основательными рекомендательными письмами и пространной инструкцией в отношении мнимого договора между двумя королевствами и Португалией.

Император дал ему титул барона, пять тысяч флоринов и должность морского интенданта в Неаполе.

В марте месяце 1713 года подданный герцога Савойского из графства Ницца предложил императору сжечь корабли и арсенал Тулона, его отправили к герцогу де Уседа в Геную, дабы согласовать с ним средства для достижения успеха в этом предприятии.

Герцог де Уседа в то же время получил приказ узнать об этом мнение барона де Сент-Илера, как от человека, имеющего точные познания о ситуации в тех местах; барон направился из Неаполя в Геную, где был допущен к нескольким совещаниям, что проводились об этом предмете. Увидев, что все меры для исполнения приняты, он уведомил об этом французского посланника, который находился тогда в Генуе, и затем написал господину де Торси. Были приняты соответствующие меры, дабы противодействовать этому намерению, которое герцог де Уседа хотел привести в исполнение. Его постигла в этом неудача, его люди были арестованы и подвергнуты наказанию.

Не понимая, как его замысел был раскрыт, герцог де Уседа заподозрил барона де Сент-Илера и уведомил императора о своих подозрениях, так что по своем возвращении в Неаполь барон де Сент-Илер был арестован. Через девять месяцев он вышел из-под ареста и направился в Вену, дабы оправдаться перед императором.

Поскольку Франция и император были близки к заключению мира, и он не мог надеяться ни на какой случай быть полезным королю, то перешел на службу к царю.

Царь дал ему патент и поставил под его начало пятьсот гардемаринов, учрежденных по его мемориалу, и Морскую академию, также учрежденную по предоставленным им планам.

² Здесь, как и в других эпизодах, Сент-Илер имеет в виду Акты о присяге, принятые в Англии в 1660–1670-х годах.

В декабре 1715 г. царь женил его на племяннице барона Шлейница. Он вернулся во Францию, когда барон Шлейниц был послан туда в качестве полномочного посланника Его царского величества.

Он прибыл в Париж в декабре месяце 1717 г. Его намерением с того времени было дать разъяснения, которые он дает сегодня. Однако представился случай составить договор с некими купцами из Руана о загрузке двух судов, которые он предложил отправить в Санкт-Петербург, дабы привить им вкус к торговле и Балтийскому морю, и с намерением, после этой первой попытки, представить ко двору мемориалы, дабы уведомить о великих выгодах, которые Франция может извлечь из налаженной торговли с Московией. Он отправился из Парижа в мае месяце 1718 г. в Санкт-Петербург, дабы заниматься там продажей товаров, которые он и его компаньоны будут поставлять в эту страну.

Лишь только он прибыл в Санкт-Петербург, как узнал, что его недруги распространяют слух, будто его поездка имеет целью начать с царем переговоры в пользу Испании. Эта клевета, распространяемая без оснований, окончательно убедила его вернуться во Францию и представить настоящую записку, от которой он не желает получить никакой иной выгоды, кроме как возможности сообщить о своей нерушимой верности и услугах, которые он способен оказать благодаря связям, что он завел как в Германии, так и в Пруссии и в России, и союзам со многими лучшими семьями Германии через брак с мадемуазель Арним, которая была первой фрейлиной принцессы Вольфенбюттельской, супруги царевича.

Нижайшая просьба принять во внимание две вещи.

Первое: если к услугам барона де Сент-Илера захотят прибегнуть, то настоящий мемориал должен храниться в тайне, причины этого очевидны.

Второе: барон де Сент-Илер весьма заинтересован, чтобы барон Шлейниц не проведал об этой самой записке. Иначе то доброе согласие, что существует между дядей и племянником, было бы нарушено, ибо барон де Сент-Илер скрыл от господина Шлейница и своей собственной жены тайну, которую он раскрывает здесь.

Барон де Сент-Илер —
королю Швеции Фредрику I,
6 июня/25 мая 1720 г.

Ce 6 juin/25 may 1720.

Au Roy.

Sire,

Je me croit en devoir de faire rapport à Votre Majesté de nôtre navigation depuis le jour que nous avons fait voile jusqu'aujourd'hui. Il me paroît, Sire, que c'est plustot pour nous promener que pour aller attaquer l'ennemi, et il me semble que l'amiral Norris pençe tout autrement que d'exécuter ce qu'il a promis à Votre Majesté. La manœuvre [manœuvre] que nous avons fait la nuit passée a été toute des plus mauvaise[s], et si la tempête que nous avons eu, avoir été du vent du Nord, votre flotte Sire, et celle d'Angleterre auroient péri sans aucune ressource. Nous voissy retourner à l'isle de Gottkesand [=Gotska Sandön] sans scavoir pourquoy et aucune resolution pour aller attaquer l'ennemi; il me paroît absolument necessere que vos amiraux fasse[nt] espliquer tout de bon l'amiral Norris, car à faire ce que nous avons fait jusqu'aujourd'hui, cette flotte nous est d'aucune utilité, et la vôtre Sire peut faire ce que nous faisons[s] sans aucun danger, sans le secours des Anglois. Il me paroît aussy Sire, qu'il se trouve parmy vos amiraux quelqu'un qui ne s'enbarrasse guierre [=guère] de la conduite de l'amiral Norris et qu'il aimeroit mieux croiser que de faire aucune tentative. Sy une flotte aussy belle que celle-cy ne fait rien, cette campagne, il [n']y a pas à esperer grand chose par la suite. Ainssy il me paroît obsolument necaissere d'attaquer l'ennemi d'une manière ou d'autre, voila Sire ce que je croit être de mon devoir de représenter à Votre Majesté et la sup[p]lie de croire que je fais avec un zele inviolable et la veneration la plus profonde,

Sire,

De Votre Majesté le tres humble et tres soumis serviteur,

B[aron] de St. Hilaire.

A l'isle de Gottke Sand, le 6 juin/25 may 1720.

*Riksarkivet Marieberg, Stockholm. Riksarkivets ämnessamlingar.
Militaria. M 1689 [без пагинации]*

Перевод:

6 июня/25 мая 1720.

Королю.

Сир,

я чувствую свои долгом доложить Вашему величеству о нашем плавании с того дня, как мы вышли в море, до сего дня. Мне кажется, Сир, что наша экспедиция скорее напоминает прогулку, нежели нападение на неприятеля, и мне представляется, что адмирал Норрис вовсе не помышляет о том, чтобы исполнить обещанное Вашему величеству. Маневр, что мы совершили прошедшей ночью, оказался неудачнейшим, и если бы шторм, настигший нас, сопровождался северным ветром, то Ваш флот, Сир, равно как и английский, вовсе погиб бы. Нынче мы вернулись на остров Готска-Санден¹, сами не зная, почему, и не решаясь напасть на неприятеля; мне представляется абсолютно необходимым, чтобы Ваши адмиралы всерьез объяснились с адмиралом Норрисом, ибо если действовать так, как до сих пор, то этот флот не сослужит нам никакой службы, а Ваши корабли, Сир, могут действовать тем же манером и без помощи англичан, не подвергаясь никакой опасности. Мне также сдается, Сир, что некоторые среди Ваших адмиралов совершенно не заботятся о поведении адмирала Норриса и предпочитают крейсировать вместо того, чтобы попытаться напасть. Если такой прекрасный флот, как этот, не добьется ничего в эту кампанию, то и в дальнейшем ожидать нечего. Таким образом, мне представляется совершенно необходимым атаковать неприятеля тем или иным способом. Вот, Сир, что я считаю своим долгом сообщить Вашему величеству и заверяю, что тружусь с непоколебимым усердием и глубочайшим почтением как Вашего величества, Сир,

нижайший и покорнейший слуга,

барон де Сент-Илер.

На острове Готска-Санден, 6 июня/25 мая 1720 г.

¹ Готска-Санден (Gotska Sandön) — остров в Балтийском море в 100 км от побережья Швеции.

Сент-Илер — графу Спарре,

1 ИЮНЯ 1720 Г.

Ce 1 ju[i]n 1720.

A Son Excelence Monsieur le Comte Spaar [=Sparre], Senateur et grand Amiral de Suede.

Voissy, Monsieur, les observations que j'ay fait, en allant reconnoitre, avec Monsieur l'Amiral Comte de Wagemachter, la baye, les fortifications, et les avenues du molle et de la ville de Rewal:

1er. A 200 pas du ruisseau qui coule dans la baye at[t]enant le monastaire de Sainte Brigita, j'ay observé, qu'il y a un fort, nouvellement fabriqué et baty dans la mer sur de piloty [=pilotis] à la distance d'un coup de mo[u]squet de la terre, où j'ay veu passer un batteau et une gallere à la voile. Ce fort m'a parû etre monté de plussieurs piesses de gros canons. Il y a à son cote goch [côté gauche] un vaisseau de 50 piessse de canon, et une brame de 40 piessse à sa droite. Le premier est du cote de la ville et la brame du cote de la mer, et de la Brigita.

2e. Le molle du port m'a parû de six à sept cent toises et suit est, et ouest en traversant le bassin. Il est couvert d'un grand nombre de canons; il y a meme un fort à l'ouest at[t]enant sous le mole à ras d'eau, qui m'a parû etre batty sur de piloty, et revetu de gazon pour defendre les avenues du molle.

3e. J'ay decouvert sur le glacy [=glacis] de la ville une double batterie revetue de gazon, elle est à droite ligne du grand clocher de la ville, nord et sud avec le molle.

4e. Malgray toutes ses dificutés [=difficultés], il m'a parû qu'on pourroit bombarder le bas[s]in et le molle, en poussant les galiotes à bombe[s], entre la langue de terre ferme et les carres nord-ouest et sud-est du chatteau de la ville, et la rade, où nous avons trouvé environ 3 brasses d'eau à une demy lieu de distance de la ville et du molle, où l'on peut être à couvert de ces fortifications, mais on serait exposé au canon de la double batterie qui est sur le glacy de la ville. S'il vouloit faire un bombardement, on pourroit faire soutenir les galiotes par les fré-gates de la flotte, qu ils [=qui] pourroient venir à 6 ou 7 brasse d'eau à la distance du coup de mosquet de la terre ferme, et d'autant des galiotes à bombe[s].

5e. J'ay encore observé qu'on pourroit placer les galiotes sur la pointe d'une des carres, qui est du cote de la baye faisant point au molle, en fasse

au fort de la Brigita. Mais elles seroient exposées aux canons de toutes les fortifications sy dessus mentionnées.

6°. S'il on avoit de[s] troupes, on pourroit faire un débarquement, proche la Brigita, pour attaquer le fort, et le vaisseau et la brame qui sont à son côté par une batterie qu'on pourroit faire à terre, ou les canonant à boulet[s] rouge[s], et les bombes pourroient les bombarder, alors on pourroit plus aisement attaquer le molle, et le bassin de Reval.

De St. Hilaire.

Ce 11/1er juin 1720.

*Riksarkivet Marieberg, Stockholm. Riksarkivets ämnessamlingar.
Militaria. M 1689. [Без пагинации]*

Перевод:

1 июня 1720 г.

Его Сиятельству графу Спарре, сенатору и овер-адмиралу Швеции.

Вот, милостивый государь, наблюдения над бухтой, укреплениями, подступами к молу и городу Ревелю, сделанные мной совместно с господином адмиралом графом Вагемахтером¹, во время рекогносцировки.

1. В 200 шагах от ручья, который впадает в бухту близ монастыря святой Бригитты, я заметил новопостроенный форт, стоящий в море на сваях на расстоянии одного мушкетного выстрела от берега, рядом с которым прошли корабль и парусная галера. Этот форт кажется оснащенным множеством артиллерийских орудий. С его левой стороны стоит пятидесятипушечный корабль, а с правой стороны — сорокапушечный прам². Корабль располагается со стороны города, а прам со стороны моря и Святой Бригитты.

2. Мол порта составляет приблизительно от шестисот до семисот туазов³ и тянется с востока на запад, пересекая гавань. Он прикрывается большим количеством пушек; с западной стороны есть даже форт для укрепления подступов к молу, прилегающий к молу на уровне моря, стоящий на сваях и покрытый дерном.

¹ Имеется в виду граф Ханс Карл Вахтмейстер, адмирал шведского флота (1719), командующий эскадрой в Финском заливе в 1720 г.

² Разновидность артиллерийского корабля, плоскодонная плавучая батарея.

³ Старинная французская мера длины, примерно равная двум метрам.

3. Я обнаружил на городском валу двойную батарею, укрытую дерном; она стоит по прямой линии от большой городской колокольни и на линии север-юг, смотря от мола.

4. Несмотря на все эти препятствия, мне показалось, что возможно произвести обстрел гавани и мола, выставив бомбардирские корабли между береговой косой и северо-западным и юго-восточным углами городского замка и рейдом длиной, на наш взгляд, в три морских сажени, лежащим в полулиге от города и мола, где можно оставаться под защитой этих укреплений, но тогда корабли окажутся под огнем пушек двойной батареи, стоящей на городском валу. Если решиться на обстрел, то можно было бы выставить в поддержку бомбардирским кораблям фрегаты, которые бы подошли на глубину 6 или 7 сажень и расстояние одного мушкетного выстрела от земли, и на такое же расстояние от бомбардирских кораблей.

5. Я также заметил, что можно было бы разместить бомбардирские корабли на угловой стороне замка, что находится со стороны бухты и упирается в мол, и напротив форта Бригитты, но тогда они попали бы под огонь пушек со всех вышеупомянутых укреплений.

6. Если бы мы располагали войсками, можно было бы произвести высадку вблизи Бригитты, дабы атаковать форт, корабль и прам, стоящие с той стороны, при помощи батареи, которую можно было бы выставить на земле, или беспрестанно обстреливать их калеными ядрами и бомбами, тогда бы сподручнее было атаковать мол и ревельскую гавань.

де Сент-Илер.

11/1 июня 1720 г.

N.º 63

Сент-Илер — Фредрику I, 5 июня 1720 г.

Au Roy.

[Reçu à] Stockholm 5 juin 1720.

Sire

J'espere que Votre Majesté me fera la grace de recevoir favorablement, les observations que j'ay fait, en reconnoissant les avenues du molle, et de la ville de Reval. C est feut [=Ce fut] avec le Comte et Amiral Wagarmachter, et avec la chaloupe que nous fimes toutes nos observations, afin de pouvoir mieux s'ap[p]rocher, qu'avec les navires.

Il n'y a guierre d'aparence de faire quelque mal à cette place sans risquer beaucoup, et même je veux sup[p]ose[r] qu'on la pourroit prendre, on seroit obliges de l'abandonner, puisqu'on ne pourroit pas la garder presentement; il me semble qui n'y a guierre d'aparence que les Barbares fassent cette an[n]ee[-]cy aucune invasion sur les terres des États de Votre Majesté. Ainssy, Sire, l'unique objet de Votre Majesté doit etre St Pettersbourg, qui en le detruisant l'on fera plus de mal au Czar que s'il on luy conquistoit la moitie de ses États. C'est une expedition qui doit se faire sans di[f]ferer, pour empecher l'ennemi de se fortifier de ce coste la [=côté-là]. Je seroit d'opinion qu'on embarqua autant de troupe[s] qu'on pourroit pour faire cette expedition cette année, tandy [=tandis] qu'on a les Anglois.

S'il on ne detruit pas le Czar de St Pettersbourg, ou qu'on le luy laisse par une paix, on doit s'attendre que tout autant faire une invation [=invasion] de toute la mer Baltique et même du Sund. Ainssy Sire, s'il on [=si l'on] peut reussir, comme je l'espere, Votre Majestée aura tout [à] gagner et delivrera la mer Baltique et toutes ses costes d'une puissance sy redoutable aû genre humain. Voila Sire ce que mon zele pour l'auguste service de Votre Majestée, m'oblige à leur représenter. Je souhaiteroit d'avoir une bonne occasion pour la preuve de mes veritables intencions, et luy prouver par les efaits [=faits] que je suis avec la veneration la plus profonde,

Sire,

De Votre Majeste

Le tres humble et tres obeissant serviteur

De St Hilaire.

De la flotte suedoise mouillée à la rade de Reval, le 12/2 juin 1720.

*Riksarkivet Marieberg, Stockholm. Riksarkivets ämnessamlingar.
Militaria. M 1689. [Без пагинации]*

Перевод:

Королю.

[Получено] в Стокгольме 5 июня 1720 г.

Сир,

я надеюсь, что Ваше величество соблаговолит милостиво принять те наблюдения, которые я сделал, проведя рекогносцировку подступов к молу и городу Ревелю. Мы провели ее с адмиралом графом Вагармахтером и наблюдали на шлюпке, ибо так было сподручнее подойти ближе, чем на кораблях.

По всей видимости, нельзя нанести малейший урон этому городу, не пойдя на большой риск, и я даже предполагаю, что буде мы возьмем его, то окажемся принуждены его оставить, ибо не сможем удержать в настоящий момент. Мне представляется, что по всей видимости варвары не совершат в этом году вторжений во владения Вашего величества. Таким образом, Сир, единственной целью Вашего величества должен быть Санкт-Петербург, уничтожив который, Вы нанесете царю больший урон, нежели захватив половину его владений. Такая экспедиция должна быть произведена безотлагательно, дабы помешать неприятелю укрепиться с той стороны. Я придерживаюсь мнения, что нужно отправить как можно больше войск для осуществления экспедиции в этом году, пока англичане с нами.

Если мы не уничтожим царя в Санкт-Петербурге или оставим ему город по мирному договору, то должны готовиться к такому же вторжению¹ по всем берегам Балтийского моря и даже Зунда². Таким образом, Сир, если исполнится вышесказанное, Ваше величество сможет приобрести одну лишь выгоду и избавить Балтийское море и его берега от опаснейшей для человеческого рода державы. Вот что усердие в службе Вашему августейшему величеству, Сир, велит мне Вам изъяснить. Я желал бы иметь счастливую возможность доказать свои истинные намерения и подтвердить делами, что являюсь с глубочайшим почтением,

Сир,

Вашего величества нижайшим и покорнейшим слугой,

де Сент-Илер

Со шведского флота, стоящего на рейде Ревеля, 12/2 июня 1720 г.

¹ Имеются в виду крупномасштабные десантные операции, проводившиеся в 1719 г. Россией на шведском побережье с целью вынудить Швецию к миру. Сопровождались большими разрушениями, уничтожением посевов и скота.

² Пролив между Швецией и Данией.

Сент-Илер — Фредрику I,

20 ИЮНЯ 1720 Г.

Au Roy

Sire,

Je sup[p]lie très humblement Vôte Maj[es]té de me permettre que je luy represente avec autant de soumission que de respect, que j'entends dire avec beaucoup d'étonnement, que mon intention étoit plustôt de faire echoüer la flotte combinée sur l'Isles de Ratosarÿ que de faire du mal à l'ennemi, alléguant qu'il y avoit 10 à 12 mille hommes sur la dite Isles.

Je veux supposer, Sire, qu'il y en eût eu 50 mille au lieu des 10 à 12 et que même toute la côte de l'Ingrie eût été garnies des troupes moscovites. N'étions nous pas les maîtres de la mer, avec une flotte de 10 vaisseaux de guerre? Et par consequent n'avions nous pas le prendre et le laisser sans cour[r]ir aucunes risques? Vôte Majesté aura la bonté de se souvenir que l'Amiral Baron de Wachtmeister luy dit en ma présence: qu'il connoissoit l'endroit qu'il n'y avoit rien à risquer, et que nous aurions le prendre ou le laisser. Plaît à Dieu, Sire, que tout le monde eût été de son sentim[en]t et qu'on eût embarqué les sept ou huit cent milles hommes que je demandois pour aller attaquer Ratosarÿ ou Petersbourg, nous aurions certainement fait une plus heureuse campagne que celle que nous avons faites; du moins nous aurions empêché la perte des 4 fregattes que les Moscovites ont pris ou fait échouer sur le sable. Je soutiens encore sur ma tête que si nous avions attaqué Ratosarÿ ou Petersbourg, que nous aurions détruit l'un ou l'autre, supposé que les Anglois eussent eu l'envie de se battre.

Je supplie Vôte Majesté de considérer que je suis venu icy luy offrir mes services, sans aucune vüe d'interêt ni de recompense, mais bien pour Vous témoigner à Vous seul, Sire, un zèle qu'un penchant naturel m'a inspiré, par la grande reputation que Vôte Majesté a dans le monde. J'espere que Vôte Majesté sera persuadée de cette verité par la manière avec laquelle je me suis embarqué, laissant icy comme à l'abandon 15 à 20 mille ecus des effets que j'avois aporté avec moy, dont je veux taire le prejudice que j'en ay souffert, pour m'être fié à un valet de chambre et un bourgeois d'icy, qui en ont eu la direction au risque de tout perdre si je fus venu à mourir, sans conter les dépenses excessives que j'ay fait dans mon voyage pour venir icy, et celles que je fais depuis que j'y suis.

C'est fort triste pour moy, Sire, qu'après un pareil sacrifice, j'aÿe un si mauvais remerciement, si c'étoit le commun peuple qui le dit, je mepriserois la chose mais ce sont, Sire, Vos premiers Ministres qui le disent actuellement. Quelle envie qu'on pourroit avoir, Sire, de se sacrifier pour Vôte Majesté, de pareil remerciem[en]t de Vos Ministres n'engageroient guere d'autres gens à venir Vous offrir leurs services. Il est certain que je m'étois proposé de faire venir icy ma famille pour vivre tranquillem[ent] sous Vôte glorieux reigne, des révenus que la Providence me donne annuellement de mes biens, en attendant que Vôte Majesté connût en quoi je pourrois luÿ rendre mes services, soit contre son ennemi, que pour l'arrangement et le retablissement de sa marine, dont elle a grand besoin, et principalement une flotte de galleres, tant necessaire pour le salut de la Suède. Tout le monde sait, Sire, de combien j'ay contribué à celles du Czar, et de quelle utilité luÿ est l'academie de Marine que je luÿ ay établie moy même, qui me donnoit deux mille ducats d'or d'ap[p]ointement, logement, six valet[s], et fourages pour 12 chevaux chaque année. Ce Prince pour mieux m'engager dans son service, me maria avec la frêle d'Arnimb, Premiere Dame d'Honneur de la Princesse Czarewits, née Duchesse de Brounsvic Marckenbourg sa Belle Fille, qu'Il la declara sa gouvernante avec de gros appointements après mon mariage. J'avou[e]rai franchement à Vôte Majesté que je n'aurois jamais quitté son service, si ce Prince et ses sujets étoient moins cruels, et plus humains qu'ils ne sont.

Je suplie très humblement Vôte Majesté, d'avoir la bonté de me faire dire ce qu'elle souhaite de moy, et si elle veut que je reste icy en attendant qu'il luÿ plaise de m'employér à ce qu'elle croira que je puis luÿ être necessaire, l'assurant qu'elle me trouvera toujours disposé de l'asseurer par les effets et à tous égards du zèle et de la profonde veneration avec laquelle je serai toute ma vie,

Sire,

de Vôte Majesté

Le très humble et très soumis serviteur

B[aron] de St Hilaire.

20 ju[i]n 1720.

*Riksarkivet Marieberg, Stockholm. Riksarkivets ämnessamlingar.
Militaria. M 1866. [Без пагинации]*

Перевод:

Королю.

Сир,

нижайше молю Ваше величество позволить мне сообщить Вам с равными покорностью и уважением, что я с удивлением внимаю слухам, будто моим намерением было не нанести урон неприятелю, а погубить соединенный флот у острова Ратосари¹, на котором, по утверждениям, находилось от 10 до 12 тысяч неприятелей.

Предположим, Сир, что их было 50 тысяч вместо 10 или 12 и что даже весь берег Ингерманландии² был бы усеян войсками московитов. Разве не были бы мы все равно хозяевами моря, имея флотилию в 10 военных кораблей? И, следовательно, разве не были мы вольны взять его или оставить, не подвергаясь ни малейшему риску? Ваше величество имеет милость помнить, что сказал Ему в моем присутствии адмирал барон Вахтмейстер³: он знает это место, риска нет никакого, и что мы завладеем им или оставим его. Если [бы] Богу было угодно, Сир, чтобы все разделяли это мнение, и были собраны семь или восемь тысяч человек, о которых я просил, чтобы атаковать Ратосари или Петербург, тогда бы наша кампания имела несомненно больше успеха, чем имеет сейчас. По крайней мере, мы бы избежали потери четырех фрегатов, которые московиты захватили или принудили сесть на мель. Ручаюсь еще своей головой и за то, что, если бы мы атаковали Ратосари или Петербург, то уничтожили бы или тот, или другой, при условии, что англичане пожелали бы сражаться.

Умоляю Ваше величество принять во внимание, что я прибыл предложить Вам свои услуги, не помышляя о выгоде или вознаграждении, лишь для того, чтобы засвидетельствовать Вам одному, Сир, рвение, вдохновенное естественной склонностью и Вашим добрым именем, известным всему миру. Я надеюсь, что Ваше величество убедится в истинности этих слов, узнав также, в каком состоянии я сел на корабль, оставив привезенного имущества на 15–20 тысяч экю словно на произвол судьбы. Я умолчу об ущербе, нанесенном этому имуществу камердинером и одним из здешних мещан, которым я его доверил в управление со страхом все потерять,

¹ Имеется в виду остров Котлин (финское название — *Retusaari*) в Финском заливе, на котором располагается город Кронштадт.

² Иначе Ингрия, Ижора, Ижорская земля. Примерно соответствует российскому побережью Финского залива в современных границах.

³ Барон Карл Ханс Вахтмейстер (1682–1731), шведский адмирал, двоюродный брат адмирала графа Карла Ханса Вахтмейстера.

если мне доведется погибнуть, не говоря уже о чрезмерных расходах, сделанных мною по пути сюда и за время моего пребывания здесь.

Мне весьма печально, Сир, оттого что после стольких жертв я получил такую худую благодарность; и если бы так судачили обыватели, я бы относился к подобным речам с презрением, но так говорят нынче, Сир, Ваши первые министры. У кого же возникнет желание, Сир, предлагать свои услуги и жертвовать собой ради Вашего величества при такой благодарности от Ваших министров. Я решительно намерен привезти сюда свою семью, чтобы спокойно жить под Вашим славным скипетром на доходы, которые Провидение посылает мне ежегодно от моего имущества, пока Ваше величество решает, каким образом я могу оказать Ему услуги: или против Его врагов, или для устройства и восстановления Его флота, в чем Он так нуждается, в особенности в галерном флоте, столь необходимым для благоденствия Швеции. Всем известно, Сир, сколь много я способствовал устройству флота царя и сколь полезна ему Морская академия, которую я сам для него основал, за что получал от него две тысячи золотых дукатов жалования, жилище, шесть слуг и фураж для 12 лошадей ежегодно. Чтобы укрепить меня на своей службе, этот государь женил меня на девице Арним, фрейлине супруги царевича, урожденной герцогини Брауншвейг-Бланкенбургской⁴, своей невестки, каковую фрейлину он назначил после нашей свадьбы ее гофмейстериной, положив ей большое жалованье. Чистосердечно признаюсь Вашему величеству, что я ни за что бы не покинул его службу, если бы этот государь и его подданные отличались меньшей жестокостью и большей человечностью.

Я нижайше прошу Ваше величество милостиво сообщить мне, чего Он от меня ожидает, и желает ли Он, дабы я остался здесь в ожидании Его решения, для какого дела меня употребить. Я уверяю Его, что пребуду всегда расположенным подтвердить делами и во всех отношениях свое рвение и глубокое почтение, с которым я останусь на всю свою жизнь,

Сир, Вашего Величества нижайший и преданнейший слуга

барон де Сент-Илер.

20 июня 1720 г.

⁴ Имеется в виду кронпринцесса Шарлотта.

Сент-Илер — князю Б.И. Куракину,
10 февраля 1721 г.

Monseigneur

Je ne revoque point en doute que Votre Excellence n'aye sù que j'ay passé de Hollande (où j'étois l'année derniere) en Suède, que cette conduite aura fait croire que je m'étois entierement declaré contre Sa Majesté Czarienne. Les graces que j'ay receu de ce grand monarque et celles que je reçois actuellement de sa Majesté le roy de Suède m'ont inspiré des sentiments justes et equitables, et pour en temoigner à l'un et à l'autre ma vraie reconnoissance, je me suis imaginé de former un projet qui fournit des moyens pour leurs procurer une paix, où ils peuvent trouver leurs interêts reciproques.

Je l'envoyai il y a trois mois à Son Excellence Monsieur le baron de Schleinitz, qui m'a repondu que la chose seroit facile à mettre en execution, mais comme il y a un bruit que ce ministre est, ou pourroit etre congedié de Sa Majesté Czarienne, j'ay cru necessaire de m'adresser à Votre Excellence, luy envoyer mon projet et l'asseurer que Sa Majesté le roy de Suède et Son Altesse Sérénissime Monsieur le landgrave son père l'ont aprouvé et ne souhaitent rien tant que de savoir la même chose de Sa Majesté Czarienne.

Sur la reponse que j'eus à Stokholm du baron de Schleinitz, le roy me fit partir pour icy, afin de faire traiter cette affaire par Son Altesse Sérénissime son père, pour ne donner aucun ombrage à la cabale angloise qui est fort grande en Suède. J'aurai donc l'honneur de dire à Votre Excellence que j'ay engagé moy seul le roy de Suède et le Landgrave, de faire une paix particuliere avec Sa Majesté Czarienne et d'entrer dans toutes les mesures qu'elle croira necessaire pour leurs interêts communs à l'exclusion de toutes les puissances du Nord confederées et particulièrement à celle du roy d'Angleterre et celles du Dannemark et de Pologne, et un mariage entre le prince George de Hesse Cassel son frère avec la princesse Czarienne fille ainée du Czar, de conformité à mon projet. Il me semble qu'il [n']y a pas de tems à perdre. Ainsi, il seroit bon que Votre Excellence en fit sans perdre de tems les ouvertures à Sa Majesté Czarienne de luy envoyer un courier, homme de confiance, le faire passer icy et lui donner ordre qu'il me cherche chez Mr le president d'Alençon. Je le presenterai à Son Altesse Sérénissime Monsieur le landgrave qui l'asseurera de bouche la verité de ce que j'ay l'honneur de vous dire afin qu'il en informe Sa Majesté Czarienne et qu'on se dispose de part et d'autre

de prendre les moyens les plus justes à la conclusion d'un si bon dessein. Si vous voulez m'honorer d'une réponse Votre Excellence peut l'adresser icy à Son Excellence Monsieur le baron de [Dalvviq] premier ministre de Son Altesse Sérénissime Monsieur le Landgrave de Hesse Cassel et son conseiller d'Etat prince?

Au reste je serois dans le comble de ma joye si un si petit sujet que je suis, Dieu me faisoit la grace d'etre l'instrument d'une ouvrage qui a paru jusqu'au aujourd'hui si difficile. Votre Excellence n'en auroit pas moins de gloire et je puis vous dire en confidence qui le Roy de Suède et Monsieur le Landgrave temoigneroient largement leurs reconnoissance à Votre Excellence de laquelle j'ay l'honneur d'etre avec une parfaite veneration.

[Cassel] le 10e fevrier 1721.

ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. «С». Д. 37. Л. 274–275 об.

Перевод:

Милостивый государь,

я нисколько не сомневаюсь, что Вашему превосходительству известно, что я перебрался из Голландии (где я был в прошлом году) в Швецию и что этот поступок может заставить подумать, будто я окончательно выступил против Его царского величества. Милости, которые я получал от этого великого монарха, и те, которые я теперь получил от Его величества короля Швеции, преисполнили меня стремлением к правде и справедливости, и дабы выразить им обоим мою искреннюю признательность, я придумал, как составить проект, который дал бы способ привести их к миру, что будет отвечать их взаимным интересам.

Я отправил его три месяца назад Его превосходительству барону Шлейницу, который ответил, что его будет легко осуществить, но поскольку ходит слух, что этот министр может быть отставлен или уже отставлен Его царским величеством, я счел необходимым обратиться к Вашему превосходительству, направить свой проект и заверить, что Его величество король Швеции и Его высочество ландграф его отец его одобрили и ничего так не желают, как услышать то же самое и от Его царского величества.

После получения мною в Стокгольме ответа от барона Шлейница король отправил меня сюда для переговоров об этом деле с Его высочеством его отцом, чтобы не вызвать никаких подозрений у английской клики, которая очень сильна в Швеции. Поэтому я имею честь сообщить

Вашему превосходительству, что я лично склонил короля Швеции и ландграфа к тому, чтобы заключить сепаратный мир с Его царским величеством и пойти на все меры, которые он сочтет необходимым в их общих интересах, помимо всех прочих союзных держав Севера, в особенности короля Англии, равно как и Дании и Польши; а также устроить брак между принцем Георгом Гессен-Кассельским, его братом, и царской принцессой, старшей дочерью царя, в соответствии с моим проектом. Мне кажется, что время терять нельзя. Таким образом, было бы хорошо, если бы Ваше превосходительство без промедления направили Его царскому величеству эти предложения, послав к нему курьером надежного человека, который бы прибыл затем сюда с приказом отыскать меня у господина президента д'Алансона. Я его представлю Его высочеству господину ландграфу, который устно подтвердит ему истинность того, о чем я имею честь Вам писать, дабы он сообщил об этом Его царскому величеству и дабы с обеих сторон приуготовлялись принять надлежащие меры, чтобы привести к завершению такое доброе намерение.

Если вам будет угодно удостоить меня ответом, вы можете писать ко мне на адрес Его превосходительства барона Дальвика, первого министра Его высочества господина ландграфа и его государственного секретаря принца [...].

Впрочем, я был бы вне себя от радости, если бы столь незначительному человеку как я Господь оказал милость стать инструментом в таком деле, которое казалось столь трудным до сего дня. Ваше превосходительство сможет снискать не меньше славы, и я смею сказать вам по секрету, что король Швеции и господин ландграф выказали бы щедрую признательность Вашему превосходительству, которого я имею честь оставаться с совершенным почтением.

[Кассель], 10 февраля 1721 г.

Сент-Илер — князю Б.И. Куракину,
24 февраля 1721 г.

Monseigneur

J'aurois cru que Votre Excellence m'auroit fait l'honneur de répondre à la lettre que j'ay eu celui de vous écrire le 10e de ce mois, sous l'adresse de Monseigneur l'agent Vendenburg. La crainte que j'ay que ma lettre ne soit point parvenu à Votre Excellence m'oblige à luy envoyer un duplicata avec la copie de memoire qui l'accompagnoit. Je réittère encore à Votre Excellence que l'on est sincerement porté à la conclusion de l'affaire et de prendre avec Sa Majesté Czarienne telles mesures qu'il croira necessaire pour leurs interêts communs, ce qui sera compatible aux deux parties.

Le roy ny son père, Monseigneur le landgrave n'ozent point faire aucune demarche directe auprès de Sa Majesté Czarienne qu'ils ne sachent auparavant que ce monarque veuille entrer dans les mesures projetées, crainte de s'exposer auprès des Etats de Suède et de ses alliéz. Je puis dire à Votre Excellence qu'on est disposé à sacrifier les derniers et faire faire aux premiers tout ce qu'il conviendra à Sa Majesté Czarienne avec son secours, aux interêts particuliers de la maison de Hesse Cassell. Je supplie tres humblement Votre Excellence de m'honorer d'une reponse sous les adresses indiquées, au surplus, je me remet à ma premiere lettre. Je suis avec une parfaite veneration, Monseigneur, de Votre Excellence,

Le très humble et très obeissant serviteur

B[aron] de St Hilaire.

[Cassel] 24 fevrier [1721].

ОПИ ГИМ. Ф. 3. Он. «С». Д. 37. Л. 276–277

Перевод:

Милостивый государь,

я смею полагать, что Ваше превосходительство оказали мне честь ответить на письмо, которое я написал вам 10-го числа этого месяца на адрес господина агента Венденбурга. Опасение, что мое письмо, возможно, не достигло Вашего превосходительства, побуждает меня отправить дубликат с копией мемориала, который был к нему приложен. Я еще раз

заверяю Ваше превосходительство, что существует искренний интерес привести это дело к завершению и предпринять сообща с Его царским величеством такие меры в общих интересах, которые будут приемлемы для обеих сторон.

Ни король, ни его отец, господин ландграф, не осмеливаются обращаться напрямую к Его царскому величеству, не будучи уверенными, что этот монарх готов входить в предлагаемые меры, из опасения разоблачения со стороны сословий Швеции и ее союзников. Я могу сказать Вашему превосходительству, что ради собственных интересов гессен-кассельского дома они готовы жертвовать последними и поступить с первыми так, как это будет удобно Его царскому величеству. Я смиреннейше умоляю Ваше превосходительство почтить меня ответом на указанные адреса, в прочем полагаюсь на свое первое письмо. С совершенным почтением, милостивый государь,

Вашего превосходительства нижайший и покорнейший слуга,

Барон де Сент-Илер.

[Кассель], 24 февраля [1721].

Сент-Илер — королю Фредрику I,
осень 1720 г.

Sire,

La confiance que Vôte Majesté me fait la grace de me témoigner, me fera mettre tout en usage, pour ne point démentir la juste opinion qu'elle peut avoir de moy, sur mon attachement pour son auguste personne, et aux intérêts de la Serenissime Maison de Hesse Cassel.

Voicÿ, Sire, un petit projet que j'ay fait, qui peut devenir sérieux et facile à executer, si l'affaire est négociée avec tout le secret qu'un[e] pareille affaire demande.

Votre Majesté a fait la paix avec les princes d'Allemagne qui étoient en guerre avec la Suède, par les soins infinis qu'elle s'est donnés pour parvenir à cette heureuse fin.

Il ne luÿ reste presentement qu'à le faire avec le Czar, pour la felicité de la Suède, et pour la gloire de Vôte Majesté. Le roy d'Angleterre a promis des merveilles pour ÿ contribüer: mais jusqu'aujourd'huÿ, si je l'ose dire, n'a fait qu'amuser Sa Majesté. Il ÿ a à craindre qu'il ne fasse de même à l'avenir, pour réduire la Suède de luÿ céder Wismar: car c'est là, Sire, son unique objet.

Sa Majesté n'ignore, je crois, pas, les négociations que le Czar fait faire avec succès à la Cour de Vienne. Ce prince, qui est aussi habile que sage, s'est fortifié auprès de l'empereur des griefs que celuÿ-cÿ peut avoir contre luÿ, sur le sujet du Czarevitz son fils.

Il a offert à l'empereur de faire proclamer les [ill.] de ce malheureux prince et neveu de l'imperatrice regnante [ill.] Czar presomtif de la Moscovie, et une alliance offensive et defensive, avec la stipulation d'une mutuelle assistance contre tous ceux avec qui l'empereur pourroit avoir guerre.

Je crois que Sa Majesté trouvera de grands [obstacles] d'obtenir du secours chés les princes d'Allemagne, pour [l']aider à chasser le Czar de la mer Baltique, et les confiner dans [de] nouvelles limites; quoique leurs intérêts le demanderoient, ce que la Suède ne sçauroit faire toute seule. Ainsi, la continuation de la guerre avec ce prince deviendra de plus en plus onereuse à la Suède, et contraire aux intérêts particuliers de Vôte Majesté.

Touts ceux qui ont eu l'honneur d'aprocher le Czar, et qui l'ont examiné autant de près que j'ay fait, asseureront à Sa Majesté que ce prince ne souhaite rien tant que de faire la paix avec la Suède, et d'entrer dans des étroites

mesures avec elle, preferab[le] avec toute autre puissance. Sur ces principes, il est certain [que] ce prince pourroit se relacher de beaucoup en sa faveur, s'il voyoit qu'on agit de bonne foÿ avec luÿ, et sans autres vÿes que celles de vos intérêts communs.

Les démarches que le Czar fait aujourd'hui à la Cour de Vienne ne sont certainement pas forcées, tant par la conjoncture du tems; la situation de ses affaires ; que par le nombre d'ennemis qu'il croit avoir en Europe.

Tout le monde sçait, Sire, qu'il traite depuis longtems un mariage de sa fille ainée avec le Duc de Holstein, et que bien des gens veulent supposer que ce mariage est arrêté; ce qui deviendrait prejudiciable à Vôte Majesté et aux intérêt, de la Sérénissime Maison de Hesse Cassel.

Mon opinion seroit, Sire, que Vôte Majesté ne differat point de faire traiter sous main une paix separée avec Sa Majesté Czarienne et un mariage avec le prince George, vôte frère, et la fille ainée de ce monarque; faire céder les duchés de Courlande à ce prince en faveur de ce mariage, et assurer la succession à la Couronne de Suède à vôte Sérénissime Maison ; ne doutant point que Sa Majesté Czarienne n'agit de concert avec Vôte Majesté pour parvenir à cette heureuse fin. Je crois qu'alors, S Sa Majesté Czarienne rendroit à la Suède toutes ses conquêtes, excepté l'Ingrie, Narva et son territoire seulement. Enfin, Sire, je crois encore que la situation de vos affaires, et l'état present où la Suède se trouve, vous demandent une paix avec ce prince et prendre avec luÿ toutes les mesures que vous croiré vous être reciproquement necessaires ; en ce cas, vous deviendriés, Sire, Vôte Majesté et le Czar, les arbitres de toute l'Europe.

Je suplie très humblement Sa Majesté d'examiner avec attention cette affaire, et la faire examiner à la Cour de Cassel; mais ne la communiquer qu'à gens dont Sa Majesté sera assurée de leur fidélité. Je m'assure qu'elle est compatible à la situation presente de ses affaires, et au sÿstème de Sa Majesté Czarienne. Sa Majesté previendra par là toutes les cabales et intrigues que le duc de Holstein peut avoir, tant dans le dedans que dans le dehors du royaume de Suède, et finira une guerre très onereuse à la Suède.

1°. Sa Majesté le roy de Suède offrira d'entrer dans toutes les mesures que Sa Majesté Czarienne croira necessaire pour leurs intérêts particuliers.

2°. Qu'en faveur du mariage à faire avec la princesse Czarienne et le prince George, le duché de Courlande luÿ sera cédé en propriété de la même manière que ces princes et ducs de ce nom l'ont possédé jusqu'aujourd'huÿ. Sa Majesté Czarienne se chargera d'en faire donner l'investiture de conformité [par les Etats] et la republique de Pologne: bien entendû, que cette section sera tant pour le dit prince George, que pour ses enfants mâles issus

du mariage avec la princesse Czarienne, qui succederat à la Couronne de Suède; et au deffaut d'heritiers mâles, la dite section sera pour toujours, et à perpetuité aux princes regnants de la Serenissime maison de Hesse Cassel, qui succederont aussi la Couronne de Suède, de maniere que le dit duché de Courlande apartiendra pour toujours et en propriété aux Princes de la Maison de Hesse Cassel, qui regneront en Suède.

3°. Le prince Georges et ses enfants mâles succederont au Serenissime prince Frederic à present roy de Suède; à son deffaut, le prince ainé et heritiers de la dite Maison Hesse Cassel.

4°. Sa Majesté Czarienne s'oblige de prendre toutes les [mesures] necessaires avec Sa Majesté le roy de Suède et le Serenissime landgrave de Hesse Cassel, pour etablir la dite succession du royaume de Suède et du duché de Courlande de conformité; et pour engager les etats du royaume de S[uède] à l'établissement de la sus dite succession. Sa Majesté Czarienne rendra à la Suède les conquêtes qu'elle a fait: sçavoir la Livonie, l'Estonie; et le duché de Finnlande entierement. La province d'Ingrie, et la ville de [Narva] et son territoire seulement seront cédées à Sa Majesté Czarienne ne.

5°. Lorsqu'on aura convenü de tous les fait[s], et pris [avec] le Czar le[s] moyens convenable[s], pour l'execution de toutes choses, on pourra convenir d'une suspension d'arme[s de] ces deux Etats, et d'un lieu pour y etablir un congrès où les ministres suédois et russiens se rendront pour la conclusion du dit traité. Sa Majesté Czarienne s'obligera d'engager les Etats pour que la sus dite succession de la Couronne de Suède soit reconnüe des conformités.

On pourra inviter telle puissance (la France suffiroit) et même seroit bon de la faire agir de concert dans ces negociations de l'Europe que les parties jugeront necessaires: tant pour employer leur bons offices, que pour la garantie du dit traité.

NS. Autrement on pourroit engager Sa Majesté Czarienne de s'interesser auprès de la republique de Pologne pour faire succeder le prince George au roy Auguste, et d'établir la succession de la Couronne de Suède en faveur du prince Guillaume; en ce cas, le duché de Courlande resteroit en propriété au prince George, et ses heritiers.

B[aron] de St Hilaire.

Stockholm ce 19 [?]bre 1720.

ОПИ ГИМ. Ф. 3. Он. «С». Д. 37. Л. 285–287 об.

Перевод:

Сир,

доверие, которое Ваше величество мне милостиво выказывает, принудит меня употребить все силы, дабы ничем не опровергнуть благосклонное мнение, которое Вы можете иметь обо мне, о моей привязанности к Вашей августейшей особе и интересам светлейшего гессен-кассельского дома.

Вот, Сир, небольшой проект, который я составил и который может стать серьезным и легким для исполнения, если переговоры будут проведены с той полной секретностью, каковой требует подобное дело.

Ваше величество заключили мир с немецкими князьями, воевавшими со Швецией, доставив себе бесконечные хлопоты ради достижения сей счастливой цели.

Вам ныне не остается ничего иного, как заключить подобный мир и с царем ради блаженства Швеции и славы Вашего величества. Король Англии сулил золотые горы, дабы этому способствовать, но до сего дня, если мне будет позволено так сказать, всего лишь играл с Вашим величеством. Есть основания опасаться, что и впредь он будет поступать так же, дабы склонить Швецию уступить ему Висмар, ибо в этом, Сир, состоит его единственная цель.

Ваше величество, я полагаю, ведает о переговорах, что по указанию царя успешно ведутся с венским двором. Сей государь, сколь ловкий, столь и мудрый, укрепил свои позиции на случай претензий, кои император может иметь против него в связи [с делом] его сына царевича¹.

Он предложил императору провозгласить [сына?] сего несчастного принца и племянника правящей императрицы наследным царем Московским и заключить оборонительный и наступательный союз с условием взаимной поддержки против всех, с кем император может вести войну.

Я полагаю, что Ваше величество столкнется с великими препятствиями, пытаясь получить помощь от немецких князей для изгнания царя с берегов Балтийского моря и водворения его в новых границах; хотя их интересы того требуют, однако же в одиночку Швеция не сможет сего исполнить. Посему продолжение войны с сим государем будет становиться

¹ Имеется в виду, что кронпринцесса Шарлотта, супруга царевича Алексея, приходилась сестрой Елизавете Крестине, супруге императора Карла VI. Таким образом, сын Шарлотты и Алексея, Петр Алексеевич (Петр II), приходился императору племянником, что давало ему определенные права на покровительство в отношении цесаревича. Именно во владениях императора скрывался и царевич Алексей во время своего бегства в Европу.

для Швеции все обременительнее и противоречить собственным интересам Вашего величества.

Все, кто имел честь близко спознаться с царем, и кто наблюдал его так близко, как я, подтвердят Вашему величеству, что сей государь ничего так не желает, как заключить со Швецией мир и вступить с ней в тесные сношения, предпочитая ее всем прочим державам. На этих основаниях сей государь определенно может пойти на многие уступки в Вашу пользу, если увидит, что с ним поступают по совести и без иных намерений, кроме тех, что отвечают Вашим общим интересам.

Шаги, что царь предпринимает ныне при венском дворе, обусловлены, несомненно, не столько обстоятельствами сего времени или состоянием его дел, сколько числом врагов, коих он мнит иметь в Европе.

Всем известно, Сир, что он с давних пор договаривается о свадьбе своей старшей дочери с герцогом Голштинским и что многие желают думать, будто сей брак уже заключен, что причинило бы ущерб Вашему величеству и интересам светлейшего гессен-кассельского дома.

По моему мнению, Вашему величеству следовало бы безотлагательно начать секретные переговоры с Его царским величеством о сепаратном мире и о свадьбе между Вашим братом принцем Георгом и старшей дочерью сего монарха, уступить сему принцу герцогства Курляндские как условие этого брака и обеспечить Вашему светлейшему дому наследование шведской короны, нисколько не сомневаясь, что Его царское величество будет действовать согласно с Вашим величеством для достижения сей счастливой цели. Я полагаю, что тогда Его царское величество вернет Швеции все свои завоевания, кроме лишь Ингрии и Нарвы с ее округой. Наконец, Сир, я полагаю также, что состояние Ваших дел и положение, в котором нынче пребывает Швеция, требуют от Вас заключения мира с сим государем и принятия сообща с ним всех мер, которые Вы сочтете взаимно необходимыми. В сем случае, Сир, Вы, Ваше величество, и царь станете арбитрами всей Европы.

Нижайше прошу Ваше величество внимательно изучить это дело и передать для изучения кассельскому двору, но сообщать о нем лишь людям, в преданности которых Ваше величество будет уверено. Я не сомневаюсь, что оно совместимо с нынешним состоянием Ваших дел и политикой Его царского величества. Таким образом Ваше величество возьмет верх над всеми кликами и интригами, которые может затеять герцог Голштинский как внутри шведского королевства, так и за его пределами, и завершит весьма обременительную для Швеции войну.

1. Его величество король Швеции предложит пойти на любые меры, которые Его царское величество сочтет необходимыми для его собственных интересов.

2. По условиям будущего брака между царской принцессой и принцем Георгом герцогство Курляндия будет отдано ему в собственность на тех же основаниях, на которых принцы и герцоги сего имени владели им доньше. Его царское величество возьмет на себя дело инвеституры с согласия сословий [Курляндии] и Речи Посполитой². Разумеется, что сия территория останется как за принцем Георгом, так и его детьми мужского пола от брака с царской принцессой, которые также унаследуют шведскую корону. В отсутствие наследников мужского пола названная территория отойдет в вечное владение правящих князей светлейшего гессен-кассельского дома, которые унаследуют также шведскую корону, так что названное герцогство Курляндское станет навсегда принадлежать князьям гессен-кассельского дома, которые будут править в Швеции.

3. Светлейшему принцу Фредрику, ныне королю Швеции, будут наследовать принц Георг и его дети мужского пола, а в отсутствие таковых старший и наследный принц названного гессен-кассельского дома.

4. Его царское величество берет на себя обязанность принять все необходимые меры сообща с Его величеством королем Швеции и светлейшим ландграфом Гессен-Кассельским, дабы должным образом установить названное наследование королевства Шведского и герцогства Курляндского. Дабы расположить сословия королевства Шведского к установлению сего наследования, Его царское величество вернет Швеции сделанные им завоевания, а именно Ливонию, Эстляндию и герцогство Финляндское целиком. Лишь Ингрия и город Нарва с округой будут оставлены за Его царским величеством.

5. Когда будет достигнут уговор обо всех делах и будут приняты сообща с царем все приличествующие меры для осуществления всех условий, можно будет договориться об остановке военных действий между двумя державами и определить место для проведения конгресса, куда съедутся шведские и русские посланники для заключения названного договора. Его царское величество возьмет на себя обязанность склонить шведские сословия, дабы названное наследование короны этой страны было признано должным образом.

Можно, и даже будет во благо, призвать некую державу (достаточно будет Франции) и пригласить ее участвовать в сих европейских

² Герцогство Курляндия являлось вассалом Речи Посполитой, согласие которой требовалось для избрания нового герцога.

переговорах, как стороны сочтут необходимым, — как для того, чтобы воспользоваться ее добрыми услугами, так и для гарантии названного договора.

Дополнительная заметка. В ином случае можно будет склонить Его царское величество к тому, чтобы призвать Речь Посполитую признать принца Георга наследником короля Августа и установить наследование шведской короны в пользу принца Вильгельма³. В сем случае герцогство Курляндское останется во владении принца Георга и его наследников.

Барон де Сент-Илер.

Стокгольм, 19 [?]бря 1720 г.

³ Имеется в виду младший брат короля Фредрика и принца Георга, в будущем правящий ландграф Гессен-Кассельский.

**«Приложение к мемориалу
барона Сентилера»,
ОК. 1721 г.¹**

Ежели его Величество разсудит за благо послать в Бристоль пятьсот бочек с пенкою, то оное Величество может надеяться, что та пенка будет там продаваться по пятидесяти шелингов, или по три ливра стерлинга больше на бочку нежели в Лондоне, а кроме сей прибыли надобно то смотреть, что минуют тем комиссию, которую платят в Амстердаме или иных местах за вексели, которые мочно б было переводить с Москвы для удовольствования заплаты, которую принуждены будут в помянутом городе чинить; желают иметь и продавать в Бристоле пятьдесят и до ста бочек сала, а для збережения денег в строении кораблей просят толикое число машт, сколько надобно будет для кораблей.

АВПРИ. Ф. 93. Оп. 93/1. 1721 г. Д. 7. Л. 406

¹ Документ находится среди реляций кн. В.Л. Долгорукова в бытность его послом в Париже в 1721 г. Из реляций следует, что в этот период кн. Долгоруков тесно общался со своим предшественником Шлейницем, который в том числе продолжал активно участвовать в дипломатических интригах и переговорах. Данный документ помещен в конце тома, «мемориал», к которому он должен был быть приложен, пока не обнаружен. Оригинал документа отсутствует, числа и подписи на документе нет.

Аннотированный именной указатель

- Алансон д' (d'Alençon) — контакт
Сент-Илера в Касселе 323, 325
- Алексей Петрович (1690–1718) —
царевич, старший сын Петра I 92, 124,
144, 150, 151, 320, 322, 328, 331
- Алфимов Федор — в 1716 г. ученик
Морской академии, в 1728 г.
гардемарин 268
- Анисимов Евгений Викторович —
русский историк 127
- Аничков — в 1716 г. ученик Морской
академии («школьник»); возмож-
но, Иван меньшей Аничков, с 1717 г.
в гардемарирах, с 1721 г. унтер-лейте-
нант, впоследствии служил по флот-
скому ведомству, с 1741 г. советник
комиссариатской экспедиции, в 1750 г.
отставлен по болезни 244
- Анна (1665–1714) — королева
Англии, Шотландии и Ирландии
(с 1702 г.), королева Великобритании
и Ирландии (с 1707 г.) 32–35, 38, 41, 44,
141, 150, 167, 225, 226, 310
- Анна Иоанновна (1693–1740) —
царевна, герцогиня Курляндская
(с 1710 г.), российская императрица
(с 1730 г.) 69, 74, 232, 234
- Анна Петровна (1708–1728) — старшая
дочь Петра I, герцогиня Голштейн-
Готторпская (с 1725 г.) 101, 102, 141, 325
- Антон Ульрих, герцог Брауншвейг-
Вольфенбюттельский (1633–1714) —
дед кронпринцессы Шарлотты,
супруги царевича Алексея 124
- Апраксин Федор Матвеевич (1661–
1728) — граф, генерал-адмирал
русского флота 66, 70, 73–75, 77–79,
81, 82, 85, 100, 204, 252, 256, 258, 269,
272, 292
- Арескин — см. Эрскин
- Арним Кристина Шарлотта фон
(Christine Charlotte von Arnim,
в собственноручно подписанном
документе — Arenheim, в литературе
встречается также в варианте
Amin, 1677–1745) — фрейлина
двора кронпринцессы Шарлотты
Кристины Софии Брауншвейг-
Вольфенбюттельской, супруга барона
де Сент-Илера 67, 95, 100, 144, 151, 311,
320, 322
- Балк Матрена Ивановна —
урожденная Модеста Монс, близкая
подруга и статс-дама Екатерины I,
старшая сестра Виллима и Анны
Монс, жена генерал-поручика
Ф.Н. Балка (1670–1738) 232
- Барш (Барштет) Яков Саввич (1692–
1755) — в 1720 г. командир фрегата
«Самсон», впоследствии вице-
адмирал и командующий Ревельской
эскадрой 99
- Беро Монсегюр Мишель де (Michel de
Bereau Monsegur) — авантюрист во
время Войны за испанское наследство
43
- Бестужев — в 1716 г. «лейб гвардии
поручик»; вероятно, Иван
Бестужев, поручик (с 1714 г.)
Семеновского полка, в 1719 г.
отставлен 246, 252, 265, 270
- Бестужев (Бестужев-Рюмин) Михаил
Петрович (1689–1760) — дипломат,

- в 1720 г. резидент в Англии, впоследствии представлял Россию в Швеции, Польше, Пруссии, Австрии и Франции, действительный тайный советник 114, 115
- Би Якоб де (Jacob de Bie) — голландский резидент в России в 1711–1718 гг. 59, 68, 69
- Боборыкин Семен — в 1716 г. учитель-«навигатор» при Морской академии 78, 244, 245
- Болингброк — см. Сент-Джон
- Бонневаль Клод Александр, граф де (Claude Alexandre, Comte de Bonneval, 1675–1747) — французский дворянин, служил в 1700–1710-х годах в имперской армии под началом Евгения Савойского; позднее был осужден военным судом и бежал в Османскую империю, где поступил на службу и принял ислам под именем Ахмад-паши; реформатор османской артиллерии, создатель военной школы 16, 119
- Бонтан Луи Александр (Louis Alexandre Bontemps, 1669–1742) — первый камердинер короля Франции 301
- Бристольский, архиепископ — см. Робинсон Джон
- Буайе Абель (Abel Boyer, 1667–1729) — английский лексикограф, издатель и публицист французского происхождения 36, 37, 41, 42, 58
- Бурбон Луи Жозеф де, герцог Вандомский (1654–1712) — французский военачальник, внук побочного сына короля Генриха IV, во время Войны за испанское наследство командующий армиями в Италии (1702–1706 гг.), во Фландрии (1706–1708 гг.), с 1710 г. на службе Филиппа V Испанского 25, 155, 156, 160, 161, 222
- Бурбон Луи Александр де (1678–1737) — внебрачный сын Людовика XIV, граф Тулузский (с 1681 г.), адмирал Франции (с 1683 г.), в период Регентства — глава Совета морского флота (1715–1723 гг.) 57, 58, 86, 87, 123, 129, 148, 277, 279, 283, 284
- Бурли де ла, аббат — см. Гискар 44
- Бэ — см. Метр
- Вагамахтер — см. Вахтмейстер Карл Ханс, граф
- Вандом, Вандомский — см. Бурбон Луи Жозеф де
- Ване (Vanez?) — депутат нидерландских Генеральных штатов 180
- Варре Ричард (Richard Warre, 1649–1730) — английский государственный деятель и дипломат, заместитель государственного секретаря в нескольких кабинетах тори в 1680–1710-х годах 30
- Ватковский — Иван Вадковский, с 1715 г. обер-комиссар при Адмиралтействе, у раздачи денежного жалованья, подполковник; в 1730-х годах статский советник, у должности генерал-кригс-комиссара и обер-штерн-кригс-комиссара 270
- Вахтмейстер Карл Ханс, барон (Carl Hans Wachtmeister, 1682–1731) — шведский адмирал, двоюродный брат графа адмирала Карла Ханса Вахтмейстера 319, 321
- Вахтмейстер Карл Ханс, граф (Carl Hans Wachtmeister, 1689–1736) — шведский адмирал, командующий экспедиционной эскадрой в Финском заливе в 1720 г. 98, 100, 314–316, 318, 321
- Вебер Филипп — брат и секретарь Ф.Х. Вебера 84
- Вебер Фридрих Христиан (Friedrich Christian Weber, 1690/1695–1739) — ганноверский дипломат, «секретарь» (1714–1717 гг.), затем резидент (1718–1719 гг.) при русском дворе, автор известных записок о состоянии России 84, 88, 294
- Веламинов (Вельяминов) Алексей — в 1716 г. «кадет» в Морской академии 245
- Вельдре (Veldrez?) — барон, депутат нидерландских Генеральных штатов 180

- Венденбург (Vendenburg) — вероятно, агент (корреспондент) российского правительства в Голландии, известный в русскоязычных источниках как Фандебурх или Фондебурх 326
- Вертон Луи Франсуа Мари де (Louis François Marie de Verton, 1670–1751) — французский придворный (Maitre d'hotel du Roy); в 1717–1721 гг. претендовал на пост посла Франции в России 21, 92, 128–130, 136, 137, 139, 141, 142, 300, 301–303
- Веселаго Феодосий Федорович (1817–1895) — историк российского военно-морского флота 14, 15, 60, 71
- Веселовский Авраам Павлович (1685–1783) — русский дипломат, резидент в Вене, клиент А.Д. Меншикова, с 1719 г. скрывался в Западной Европе 92, 93, 114, 115, 126
- Веселовский Федор Павлович (ок. 1690 — после 1762) — дипломат, брат А.П. Веселовского, резидент в Англии, с 1720 г. скрывался в Западной Европе, в начале 1740-х вернулся в Россию 114
- Ветч Сэмюэль (Samuel Vetch) — авантюрист во время Войны за испанское наследство 43
- Виктор Амадей II (1666–1732) — герцог Савойский, король Сицилии (1713–1720), король Сардинии (1720–1730) 50, 151, 310
- Виллар Клод Луи Эктор, герцог де (Claude Louis Hector de Villars, 1653–1734) — маршал Франции 49
- Виллес — морской офицер французского происхождения, тайный агент кн. Б.И. Куракина в Швеции 113
- Вильбуа Никита Петрович (François Guillemot de Villebois, 1674/84–1760) — русский морской офицер и придворный французского происхождения; царский денщик, с 1715 г. лейтенант, впоследствии адмирал 19, 67
- Вильгельм VIII (1682–1760) — младший брат Фредрика I, короля Швеции, и принца Георга Гессен-Кассельского, регент Гессен-Касселя (с 1730 г.), правящий ландграф (с 1751 г.) 334
- Войнович — барон, тайный агент кн. Б.И. Куракина 113
- Волконский Михаил, князь — в 1716 г. ученик Морской академии («школьник»); возможно, кн. Михаил Волконский, с 1717 г. гардемарин, с 1721 г. мичман, в 1727 г. отставлен; или кн. Михаил Владимирович Волконский, с 1717 г. гардемарин, с 1721 г. унтер-лейтенант, с 1733 г. лейтенант майорского ранга, выбыл до 1740 г. 81, 244, 245, 247
- Галлас цум Шлос Кампо и Фрейентурн Иоганн Венцель, граф фон (Johan Wenzel von Gallas, 1669–1719) — австрийский дипломат, посол Священной Римской империи в Великобритании (1705–1711 гг.), Нидерландах (1711–1714 гг.) и при Святом престоле (1714–1719 гг.) 38, 39, 47, 177, 180, 199
- Галуа (Gallois), братья — парижские кредиторы Халлера 34
- Гвин (Гвын) Степан (Stephen Gwyn) — профессор Навигацкой школы, затем Морской академии 252, 257, 268
- Георг I (1660–1727) — курфюрст Ганноверский (с 1708 г.), король Великобритании (с 1714 г.) 84, 88, 90, 226
- Георг, принц Гессен-Кассельский (1691–1755) — младший брат шведского короля Фредрика I, генерал прусской армии 101, 102, 104, 105, 108, 140, 141, 325, 332–334
- Георг, принц Датский (1653–1708) — супруг (с 1683 г.) Анны, королевы Великобритании 141
- Герц Георг Генрих фон (Georg Heinrich von Görtz, 1668–1719) — шведский государственный деятель немецкого происхождения, министр и фаворит Карла XII 90, 91, 115, 116

- Гессен-Кассельский, принц — см. Георг, принц Гессен-Кассельский
- Гиз — «корреспондент»
кн. Б.И. Куракина в Гамбурге 113
- Гийе — шевалье де (de Guiller),
русский агент во Франции в конце 1710-х годов 126, 127, 128, 129, 130, 136, 142, 297, 304
- Гилленбург (Юлленбург) Карл (Carl Gyllenborg, 1679–1746) — шведский дипломат и государственный деятель, посол в Лондоне (1715–1717 гг.), впоследствии глава правительства, лидер «партии шляп», писатель и покровитель изящных искусств 90
- Гискар Антуан де (Antoine de Guiscard, abbé de la Bourlie, 1658–1711) — также известен как маркиз де Гискар или аббат де ла Бурли, французский эмигрант, шпион и двойной агент 44
- Глюк Елизавета Ивановна (ум. 1757) — в замужестве Вильбуа, старшая дочь пастора Эрнста Глюка, в доме которого воспитывалась будущая Екатерина I, впоследствии статс-дама 67
- Головкин Гавриил Иванович (1660–1734) — граф, первый канцлер Российской империи (с 1709 г.), первый президент Коллегии иностранных дел, кабинет-министр (1731–1734 гг.) 125, 126
- Голштейн-Готторпский (Голштинский), герцог — см. Карл Фридрих, герцог Голштейн-Готторпский
- Готье Франсуа, аббат (abbé François Gaultier) — неофициальный французский представитель в Лондоне (1710–1714 гг.) 20, 47
- Гофман — «корреспондент»
кн. Б.И. Куракина в Кенигсберге 113
- Грожан (Grosjean) — «церковник из Женевы», один из контактов барона де Сент-Илера в Италии 54
- Дальримпл Джон, граф Стэйер (John Dalrymple, Earl of Stair, 1673–1747) — британский военачальник и дипломат, посол в Париже (1714–1720), фельдмаршал 93, 95
- Данвик, барон — Иоганн Рейнхард фон Дальвиг (Johann Reinhard von Dalwigk, 1667–1737), юрист, гессен-кассельский министр, камер-президент 104
- Дартмут — см. Легг
- Даун Вирих Филипп Лоренц, граф фон (Wirich Philipp Lorenz Graf von und zu Daun, 1669–1741) — фельдмаршал Священной Римской империи, вице-король Неаполя (1707–1708 и 1713–1719 гг.) 50, 52, 55, 150, 196, 198
- Дезоу Петер — голландец, поручик морского флота, тайный агент кн. Б.И. Куракина в Швеции 113
- Делаваль Джордж (George Delaval, 1667–1723) — британский морской офицер и дипломат, посол в Португалии (1710–1714 гг.) 28, 32, 34, 35
- Делафайе Чарльз (Charles Delafaye, 1677–1762) — британский политик и дипломат, гугенот по происхождению, помощник государственного секретаря (under-secretary) 143
- Дженнингс Ричард (Richard Jennings) — английский авантюрист во время Войны за испанское наследство 43
- Джудиче Антонио дель, герцог Джовинаццо, князь Челламаре (Antonio del Giudice, duc de Giovinazzo, prince de Cellamare, 1657–1733) — испанский политический деятель и дипломат, с 1715 г. посол в Париже, арестован и выслан в конце 1718 г. за организацию заговора с целью свержения регентства герцога Орлеанского 91, 134
- Долгоруков Василий Лукич, князь (ок. 1670–1739) — русский дипломат, посол в Польше, Дании, Франции, Швеции. Член Верховного тайного совета (1727–1730 гг.), с 1730 г. в ссылке, затем обезглавлен 94, 107, 110, 118, 132, 134–137, 139, 142, 335

- Долгоруков Яков Александрович, князь (ум. 1753) — племянник кн. В.Л. Долгорукова, обучался в Париже в начале 1720-х годов, в 1742 г. определен из капитанов коллежским ассессором в Мануфактур-коллегию, скончался в том же чине 142
- Дьяконов Иван — в 1716 г. ученик Морской академии 268
- Дэвидсон Джон (John Davidson) — командир английского пакетбота «Eagle» в 1712 г. 45
- Дюбуа Гийом (Guillaume Dubois, 1656–1723) — аббат, затем архиепископ и кардинал (1721 г.), первый министр Франции в эпоху Регентства 94, 101, 102, 107, 118, 134–141, 143
- Евгений, принц Савойский (1663–1736) — военачальник 38, 39, 40, 44, 46, 49, 110, 119, 170, 173, 174, 177, 180, 184, 226
- Екатерина Иоанновна (1691–1733) — царевна, герцогиня Мекленбург-Шверинская (с 1716 г.) 285
- Екатерина I (1684–1727) — вторая супруга Петра I (с 1712 г.), российская императрица (с 1725 г.) 67, 69, 73, 143
- Елизавета Петровна (1709–1761) — цесаревна, дочь Петра I, российская императрица (с 1741 г.) 285
- Жакен Клод (Claud Jacquin) — парижский кредитор Халлера 34
- Жанс Антуан (Aintoine Gense) — предполагаемый родственник барона де Сент-Илера 53
- Жоли де Симуалу (Jolly de Simoualou) — корсар 157
- Жуан V (1689–1750) — король Португалии (с 1706 г.) 32
- Жукьер, сьер ла (Sieur la Jouquiere) — французский офицер, участник заговора в Монсе в 1712 г. 49
- Жюдис (Judice) — вдова в Руане, жертва мошенничества Сент-Илера 301
- Зотов Конон Никитич (1690–1742) — морской офицер, впоследствии контр-адмирал и генерал-экипажмейстер 63, 64
- Иван (V) Алексеевич (1666–1696) — царь, старший брат и соправитель (1682–1696 гг.) Петра I 285
- Калушкин Иван Петрович (ум. 1742) — из дворян, дипломат, с 1717 г. обучался в Кенигсбергском университете, затем состоял при русских послах в Дании и Франции, с начала 1720-х годов при посольстве в Париже, в 1728 г. временно замещал кн. А.Б. Куракина, с 1735 г. резидент в Иране 141, 142
- Кампредон Жак де (Jacques de Campredon, 1672–1749) — французский дипломат, посол в Швеции, затем в России (1721–1726 гг.) 84, 97, 99, 101, 102, 106–108, 123, 136, 137, 139–142
- Карана, герцог (Duc de Carana) — португальский сановник, идентифицировать не удалось 308
- Карл, ландграф Гессен-Кассельский (1654–1730) — отец короля Швеции Фредрика I 101, 103, 104, 106, 324, 327, 333
- Карл Леопольд, герцог Мекленбург-Шверинский (1678–1747) 285
- Карл Фердинанд Гонзага (1652–1708) — герцог Мантуанский и Монферратский (с 1665 г.) 303
- Карл Фридрих, герцог Голштейн-Готторпский (1700–1739) — племянник шведского короля Карла XII и претендент на шведский престол, с 1724 г. женат на цесаревне Анне Петровне, отец российского императора Петра III 101, 102, 107, 141, 332
- Карл VI (1685–1740) — император Священной Римской империи (с 1711 г.) 46, 48, 54, 55, 84, 150, 195, 204, 302, 331

- Карл XII (1682–1718) — король Швеции (с 1697 г.) 90, 94–96
- Касадо де Асеведо и Росалес Исидоро, маркиз Монтелион (Isidoro Casado de Acevedo y Rosales, marqués de Monteleón, 1667–1739) — испанский дипломат, представитель на Утрехтском конгрессе, посол в Лондоне (1714–1718 гг.), Гааге (1720–1724 гг.) и др. 112
- Кашинцов Митрофан — в 1716 г. ученик Морской академии 268
- Кеттлер Мария Анна Амалия фон (1653–1711) — принцесса Курляндская, в замужестве ландграфиня Гессен-Кассельская. Мать короля Швеции Фредрика I 101
- Кикин — в 1716 г. ученик Морской академии («школьник»); возможно, Иван Кикин, с 1718 г. гардемарин, в 1738 г. по болезни отпущен в дом до указа из лейтенантов майорского ранга 81, 244, 247
- Кикин Александр Васильевич (1670–1718) — в 1715 г. осужден за коррупцию, его дом в Санкт-Петербурге конфискован и передан Морской академии (не путать с сохранившимися до настоящего времени «Кикиными палатами»), в 1718 г. казнен по делу царевича Алексея 69, 218
- Клемент Саймон (Simon Clement, ок. 1654 — ок. 1730) — британский публицист, поверенный в делах в Вене (1711–1714 гг.) 46–48, 50
- Кован (Covin) — вдова, парижский кредитор Халлера 34
- Колиер Дэвид, граф Портмор (David Colyear, Earl of Portmore, 1656–1730) — британский военачальник, командующий британским контингентом в Португалии в конце Войны за испанское наследство, губернатор Гибралтара 24, 27–31, 33, 35, 36, 37, 163, 166, 184, 203, 309
- Коллар, комиссар (Collard) — участник заговора в Монсе в 1712 г. 49
- Кольбер Жан-Батист, маркиз де Торси (Jean-Baptiste Colbert, marquis de Torcy, 1665–1746) — французский государственный деятель и дипломат, государственный секретарь по иностранным делам (1700–1715 гг.) 20, 44, 47, 48, 52, 54, 310
- Корбьер Энтони (Anthony Corbiere) — в 1711 г. секретарь английского посла в Португалии Делаваля, впоследствии многолетний сотрудник британской службы дешифровки и перлюстрации корреспонденции 30
- Кошта Пиньейро Алешандр да — секретарь Дьогу д Мендонсы Корт-Реала 159, 160
- Кошта Панталеон да — слуга Дьогу д Мендонсы Корт-Реала 159
- Коюе, сьер де (Cohuë) — авантюрист 95, 96
- Криспин (?) — источник кн. В.Л. Долгорукова в Копенгагене, идентифицировать не удалось 136
- Крюйс Корнелиус (Cornelis Cruijs, 1655–1727) — российский адмирал норвежского происхождения 19, 87
- Кудрявый, подпоручик 259, 260
- Куломье (Coulomier) — французский купец 303
- Кунья Луиш да (Luís da Cunha, 1662–1749) — португальский дипломат, посол в Лондоне, Париже и Мадриде, участник Утрехтского конгресса 32
- Куракин Александр Борисович, князь (1697–1749) — сын Б.И. Куракина, дипломатический представитель России в Париже в середине 1720-х годов, впоследствии обер-шталмейстер, сенатор 129, 130, 133, 135, 138, 140, 143
- Куракин Борис Иванович, князь (1676–1727) — дипломат, свояк Петра I, посол в Голландии (1712–1725 гг.), представитель России на Суассонском конгрессе (1727 г.) 62, 63, 91, 101–118, 124–126, 129, 130, 132, 139, 140–143, 323, 326

Кутеле (Coutelet/Coutlet) — французский поверенный в делах в Генуе (1715–1718, 1719–1727 гг.) 150

Ла Мотре Обри де (Aubrey de la Mottraye, 1674–1743) — французский дворянин-гугенот, с 1711 г. на службе шведского короля Карла XII, известен своими странствиями по Европе и Ближнему Востоку, описанными им в опубликованных уже в 1720-х годах сочинениях. В русскоязычных источниках и литературе также встречается написание «Абри де Ламоттре» и «Обри де ла Мотрэ» 95, 96, 100

Ла Мотт (La Mott) — авантюрист, которого Вертон хотел привлечь к посольству в Россию 300, 302, 303

Ла Прадель де (de La Pradelle) — генерал-квартирмейстер британских войск в Португалии 158, 162

Лави Анри (Henry La Vie, 1678 — ок. 1738) — французский морской агент, затем консул в Санкт-Петербурге (1715–1722 гг.) 19, 56–58, 62, 63, 67–70, 83, 86–89, 91–93, 116, 122–124, 126, 128, 129, 134, 139–142, 148, 201, 203, 280, 284

Ланчинский Людвиг (Ludwik Kazimierz Łączyński, 1680–1752) — российский дипломат польского происхождения, в 1721–1752 гг. представлял Россию в Вене 110, 117

Латмар (Latmar) — депутат, председатель комиссии по иностранным делам нидерландских Генеральных Штатов 38, 180, 182, 184

Леал Алонсо (Alonso Leal) — испанский военный чиновник 159, 162

Лёвенвольде Герхард Иоганн фон (Gerhard Johann von Löwenwolde, ум. 1721) — прибалтийский дворянин, в начале 1710-х годов «пленипотенциар» Петра I в Лифляндии и Эстляндии, затем «главный советник» кронпринцессы Шарлотты, супруги царевича Алексея Петровича 68

Легг Уильям, граф Дартмут (William Legge, Earl of Dartmouth, 1672–1750) — британский дипломат, в 1710–1713 гг. государственный секретарь Южного департамента (отвечал за управление южной Англией, Уэльсом, Ирландией, американскими колониями и отношения с католическими и мусульманскими странами Европы), затем лорд-хранитель печати 168, 169, 175, 185, 187, 190, 193

Лефорт Жан (Иван Исаакович; Jean Lefort, 1685–1739) — племянник Франца Лефорта, в 1710-х годах на русской службе, с 1713 г. представлял Россию во Франции в звании «комерс-советника», некоторое время — поверенный в делах; занимался закупкой предметов искусства и наймом ремесленников и прочих специалистов; с 1721 г., по запросу самого Петра I, направлен в Россию польско-саксонским посланником 62

Лефорт Франц (François Le Fort, Franz Jakob Lefort, 1655–1699) — приближенный Петра I, российский генерал и адмирал 19

Леффевр Томас (Thomas Leffever) — британский дипломат, секретарь посольства и поверенный в делах в Лиссабоне (1709–1710 гг.) 28, 29, 33

Лоу Джон (John Law, 1671–1729) — финансист шотландского происхождения, создатель первого во Франции банка, эмитировавшего бумажные деньги; генеральный контролер финансов; с его именем связан один из первых «финансовых пузырей» нового времени — крах Компании Миссисипи в 1720 г. 16, 133

Лугу (Lugou) — португальский полковник 160

Льюис Эразмус (Erasmus Lewis, 1670–1754) — британский политик и дипломат,

в 1704–1708 и 1710–1714 гг. помощник государственного секретаря (*under-secretary*) 28, 30, 33, 35, 44, 168, 192
Люкаре (*Luesquarer*) — авантюрист, выходец из Кельна, вхож в дом А.А. Матвеева в Вене в 1714 г. 119

Маккензи Джордж (*George Mackenzie-Quin*) — британский дипломатический представитель в России в ранге резидента (1714–1715 гг.) 18, 58–60, 65, 69
Мальборо, герцог — см. Черчилль
Мантуанский, герцог — см. Карл Фердинанд Гонзага 303
Мартен Жозеф (*Joseph Martin*) — чиновник в Лиссабоне 162
Матвеев Андрей Артамонович (1666–1728) — дипломат, сын боярина А.С. Матвеева, в разные годы был послом в Голландии, Франции, при императорском дворе в Вене; граф (с 1715 г.); с января 1716 по январь 1719 г. президент Морской академии, с декабря 1717 г. президент Юстиц-коллегии, затем судья Вышнего суда 8, 18, 19, 21, 56, 57, 66, 68, 72–84, 87, 118–122, 202, 206, 227–229, 232–234, 238, 239, 240, 242, 244, 246, 249, 252–258, 260, 263, 264, 265–269, 271–275, 292, 293
Матвеева, графиня — супруга А.А. Матвеева 232
Меллер Вахрамей Вахрамеевич (Вернер) (1680–1750) — купец, владелец железных заводов 229
Мендонса Корт-Реал Дьогу д (*Diogo de Mendoça Corte-Real*, 1658–1736) — португальский государственный деятель и дипломат, государственный секретарь (с 1704 г.) 27–29, 34, 158–162, 165, 166, 309
Меншиков Александр Данилович (1673–1729) — фаворит Петра I, светлейший князь, президент Военной коллегии, губернатор Санкт-Петербурга 19, 78, 80, 81, 124, 261, 265, 271, 276, 292, 337
Метр Александр, маркиз де Бэ (*Alexandre Maître, marquis de*

Bay, 1650–1715) — французский военачальник, с 1701 г. на службе короля Филиппа V Испанского 24–27, 29, 31, 37, 42, 149, 158–162, 164, 165, 166, 308, 309
Мильнер Джон (*John Milner*, 1657–1712) — британский политик и дипломат, консул в Лиссабоне 28, 30
Минаш даш, маркиз — см. Суза
Молинари (*Molinari*) — агент Священной Римской империи в Италии ок. 1713 г. 54
Монтелион, маркиз — см. Касадо де Асеведо и Росалес
Морвиль — см. Флёрио
Моро де Бразэ Жан Николя, граф (*Jean Nicole Moreau de Brasey*, 1663–1723) — французский офицер, в 1711 г. на русской службе, участник Прутского похода, автор сочинений о его приключениях в России, супруг гофмейстерины кронпринцессы Шарлотты 68
Моро де Бразэ, графиня (*comtesse Moreau de Brasey*) — супруга Жана Николя Моро де Бразэ, гофмейстерина кронпринцессы Шарлотты (1713–1715 гг.) 68
Мусин-Пушкин Платон Иванович, граф (1698–1743) — государственный деятель, в разные годы сенатор, президент Коммерц-коллегии, смоленский, казанский и ревельский губернатор 134, 140
Нарышкин Александр Львович (1694–1746) — русский государственный деятель, двоюродный брат Петра I, в разные годы директор Морской академии, президент Штатс-конторы, президент Коммерц-коллегии, сенатор 92
Наталья Алексеевна (1714–1728) — великая княжна, дочь царевича Алексея, старшая сестра Петра II 144
Негюклин (*Négucclin*; вероятно, искаженное написание) — идентифицировать не удалось 295

Неплюев Иван Иванович (1693–1773) — морской офицер и государственный деятель, автор мемуаров 72, 73
Николя (Nicolas) — французский купец 303

Норрис Джон (John Norris, 1670/1671–1749) — британский адмирал, в 1715–1721 гг. возглавлял экспедиции британского флота в Балтийском море 96–100, 113, 313

Ньюкасл — см. Пелэм-Холлс

Обантон д' (d'Aubenton) — бывший интендант в испанской армии 303

Обер (Aubert) — французский офицер, затем чиновник на службе герцога Мантуанского 303

Обер Жозеф-Мари (Joseph-Marie Aubert) — консул Франции в Генуе (1699–1728 гг.) 51, 52, 53, 54, 55, 98, 127, 150, 303

Оболешев (Абалешев) Василий — в 1716 г. ученик Морской академии («школьник»), затем гардемарин, мичман. Выбыл со службы в 1741 г. 244

Оксфорд — см. Харли

Окунев — в 1716 г. ученик Морской академии («школьник»); возможно, Гавриил Окунев, с 1715 г. в корабельных учениках, в 1724–1731 гг. учился во Франции, впоследствии строил ряд кораблей, полковник, сарваер, в отставке с 1763 г. 245

Орлеанский, герцог — см. Филипп II, герцог Орлеанский

Орликов Степан — в 1716 г. ученик Морской академии 268

Охлопков Григорий — в 1716 г. ученик Морской академии 268

Пелэм-Холлс Томас, герцог Ньюкасл (Thomas Pelham-Holles, Duke of Newcastle upon Tyne and Duke of Newcastle-under-Lyme, 1693–1768) — британский политик, сыграл важную роль при воцарении Ганноверской

династии, с 1724 г. государственный секретарь Южного департамента, соратник Роберта Уолпола, впоследствии дважды глава кабинета 143

Перрини Антуан Мари — агент барона де Сент-Илера в Тулоне, он же якобы Baron Waillermé Conenz 54

Петр I (1672–1725) — царь (с 1682 г.), российский император (с 1721 г.) 8, 14, 15, 16, 21, 26, 33, 42, 45, 46, 50, 56–63, 65, 66, 67, 69–79, 81–83, 85–93, 96, 99–103, 105–109, 111, 112, 115, 116, 119–122, 124–131, 133–140, 142, 143, 151, 204, 216, 218, 221, 222, 225, 228, 241, 257, 263, 285, 310, 311, 332

Петр II (1715–1730) — российский император (1727–1730) 144, 331

Пилат Понтий 55, 198

Плейер Отто Антон (Otto Anton Pleyer) — австрийский дипломатический агент в России, выслан в 1718 г. в связи с делом царевича Алексея 92

Полварт — см. Хьюм-Кэмпбелл

Полтев Яков Федорович (?) — стольник 229

Помей Франсуа (Francois Pomey) — предполагаемый родственник барона де Сент-Илера 53

Поншартрен — см. Фелипо

Портмор — см. Колиер

Поуп Александр (1688–1744) — писатель 28

Прасковья Иоанновна (1694–1731) — царевна 285

Пуцин — Жан-Батист де Пуссен (Jean-Baptiste de Poussin, ум. 1749), французский дипломат, посол в Копенгагене (с 1702 г.), затем в Гамбурге (с 1714 г.) 136

Рагузинский-Владиславич Савва Лукич (1669–1738) — граф, рагузский негоциант, состоявший на русской дипломатической службе 89, 303
Ресбург (Resbourg), маркиз — Гийом де Мелюн, маркиз де Рибург,

- или Ришбург (Guillaume de Melun, marquis de Richebourg/Risbourg, comte de Beaussart, 1670–1735), фламандский офицер на испанской службе, капитан-генерал Галисии (с 1707 г.), Каталонии (1725–1735 гг.) 158
- Робесон Джон (John Robethon, Jean Robethon, ум. 1722) — британский дипломат, француз-гугенот по происхождению, секретарь Уильяма III и Георга I 88, 93, 95
- Робинсон Джон (John Robinson, 1650–1723) — епископ Бристольский (1710–1714 гг.), лорд-хранитель малой печати (1711–1713 гг.), полномочный представитель Великобритании на Утрехтском мирном конгрессе 174
- Робинсон Томас (Thomas Robinson, Baron Grantham, 1695–1770) — британский дипломат и политик, в 1720-х годах в посольстве Париже, в 1730–1748 гг. посол в Вене, позднее государственный секретарь Южного департамента и лидер Палаты общин 143
- Ротембург Конрад Александр, граф (Conrad Alexandre, comte de Rottembourg, 1684–1735) — посол Франции в Пруссии в 1714, 1718 и 1726 гг. 202
- Румпф Хендрик Виллем (Hendrik Willem Rumpf, 1671–1743) — голландский дипломат, резидент, затем посол (с 1723 г.) в Швеции 111
- Румянцев Александр Иванович (1680–1749) — военачальник и дипломат, в 1717–1718 гг. участвовал в поисках царевича Алексея, за что был произведен в майоры гвардии и генерал-адъютанты, впоследствии генерал-аншеф (с 1737 г.), граф (с 1746 г.) 115, 116, 232, 287
- Румянцев Петр Александрович (1725–1796) — граф, генерал-фельдмаршал 121
- Савойская Мария Жанна (1665–1705) — мадемуазель де Суассон, младшая сестра Евгения Савойского 44
- Савойский — см. Евгений Савойский
- Салтыков Федор Степанович (ум. 1715) — спальник, с 1711 г. дипломатический агент в Англии 122
- Сандоваль Тельес-Хирон Мануэль Гаспар Гомес де, герцог де Уседа (Manuel Gaspar Gómez de Sandoval Téllez-Girón, Duque de Uceda, 1676–1732) — фельдмаршал Священной Римской империи 50, 54, 55, 150, 198, 202, 310
- Сант Франц Матвеевич, граф (Francesco Santi, 1683–1758) — специалист по геральдике, с 1724 г. на службе в России, с 1725 г. обер-церемониймейстер 142
- Сардано Микель — неаполитанец, авантюрист, вхож в дом А.А. Матвеева в Вене в 1714 г. 120
- Свифт Джонатан (1667–1745) — английский писатель 28
- Сент-Джон Генри, виконт Болингброк (Henry St John, Viscount Bolingbroke, 1678–1751) — английский политик и философ, ключевой член кабинета тори в 1712–1714 гг., архитектор Утрехтского мира, после 1715 г. в эмиграции во Франции 28
- Сент-Илер Адриан Мелюм де (Adrian Meleum de Saint Hilaire) — французский дворянин на службе Габсбургов в XVII в. 48
- Сент-Илер, сьер де (Sieur de St. Hilaire) — участник заговора в Монсе в 1712 г. 49
- Сентилер, братья (Sainthillier) — французские дворяне на службе Габсбургов в XVII в. 48
- Сентильер Жильбер (Gilbert Santhilliere) — французский дворянин на службе Габсбургов в XVII в. 48
- Серов Дмитрий Олегович — российский историк 10, 114
- Скорняков-Писарев Григорий Григорьевич (1675 — после 1752) — инженер и государственный деятель,

- директор Морской академии (1719–1722 гг.), впоследствии обер-прокурор Сената и генерал-майор (с 1722 г.) 72
- Соловьев Осип Алексеевич (1671–1747) — из кабальных холопов, клиент А.Д. Меншикова, в 1710-х годах торговый агент в Амстердаме, в 1717 г. арестован и помещен под следствие, впоследствии помилован, барон (с 1727 г.) 62, 63
- Соловьев Сергей Михайлович (1820–1879) — российский историк 120
- София Гедвига Нассау-Дицкая (1690–1734) — с 1708 г. супруга герцога Карла Леопольда Мекленбург-Шверинского, с 1710 г. в разводе 285
- Спарре Клас, граф (Claes Sparre af Söfdeborg, 1673–1733) — шведский военачальник, с 1715 г. «оверадмирал», впоследствии президент Адмиралтейств-коллегии 98, 100, 315
- Спарре Эрик (Erik Sparre) — шведский посол в Париже (1714–1717 гг.) 90
- Стелла Рокко, граф (Rocco Stella, 1662–1720) — итальянский офицер и придворный, фаворит императора Священной Римской империи Карла VI 54, 55, 83, 120, 122, 294
- Степни Ланселот (Lancelot Stepney) — британский торговый агент в Португалии 33
- Страффорд — см. Уэнтворт
- Страхов Михаила — в 1716 г. ученик Морской академии 268
- Стэйер — см. Дальримпл
- Суза Антонио Каэтано Луиш д, маркиз даш Минаш (António Caetano Luís de Sousa, Marquês das Minas, 1690 — после 1757) — португальский военачальник, во время Войны за испанское наследство капитан (1706 г.), затем полковник кавалерийского полка 158, 159, 160, 161, 162, 165
- Такон (Tasson) — полковник, авантюрист, вхож в дом А.А. Матвеева в Вене в 1714 г. 120
- Таунсенд Чарльз, виконт Таунсенд (Charles Townshend, Viscount Townshend, 1674–1738) — британский политик, государственный секретарь Северного департамента (1714–1717 и 1721–1730 гг.) 58, 59, 65
- Толстой Иван Петрович (1685–1728) — граф, действительный статский советник, президент Юстиц-коллегии (1726–1727 гг.). Старший сын П.А. Толстого 85
- Толстой Петр Андреевич (1645–1729) — государственный деятель и дипломат, граф (с 1725 г.), руководил возвращением в Россию царевича Алексея Петровича, действительный тайный советник, президент Коммерц-коллегии (1717–1722 гг.), глава Тайной канцелярии (1718–1726 гг.) 85, 141
- Толстой Петр Петрович (1686–1728) — граф, младший сын П.А. Толстого, в 1719–1727 гг. нежинский полковник 85
- Топильская — теща А.В. Макарова, жена И.П. Топильского 225
- Топильский Иван Петрович (ум. после 1734) — тесть А.В. Макарова. С 20 января 1716 г. ландрихтер Московской губернии. С 13 августа 1719 г. глава Земской канцелярии, а затем обер-ландрихтер Московского провинциального суда, впоследствии секретарь Верховного тайного совета 225
- Торси — см. Кольбер
- Трезини Доменико Андреа (1670–1734) — архитектор 214
- Тремуй Жозеф-Эммануэль де ла (Joseph-Emmanuel de La Trémoille, 1659–1720) — архиепископ Камбре, кардинал, дипломатический представитель Франции при Святом престоле 70
- Тулузский, граф — см. Бурбон Луи-Александр

- Угримов Федот — в 1716 г. учитель-«навигатор» при Морской академии 257, 268, 269
- Уолпол Горацио (Horatio Walpole, 1st Baron Walpole of Wolterton, 1678–1757) — британский дипломат и политик, младший брат премьер-министра Роберта Уолпола, в 1710-х — начале 1720-х дипломатический представитель в Гааге, в 1724–1730 гг. посол в Париже, в 1734–1740 гг. опять в Гааге 143
- Урбих Иоганн Кристоф фон, барон (Johann Christof von Urbich, 1653–1715) — дипломат немецкого происхождения, в 1703 г. перешел с датской на российскую службу, в 1707–1712 гг. посол в Вене 124, 125
- Уседа — см. Сандоваль
- Уэнтворт Томас, граф Страффорд (Thomas Wentworth, Earl of Strafford, 1672–1739) — британский дипломат и политик, посол в Гааге (1711–1714 гг.), первый лорд Адмиралтейства 37, 38, 39, 40, 41, 43, 45, 170, 172, 174, 176, 177, 179, 181, 183, 184, 191
- Фальк — секретарь датского посольства в России в конце 1700-х — начале 1710-х годов 68
- Фархварсон Андрей Данилович (Henry Farquharson, 1674–1739) — профессор математики Навигацкой школы (с 1701 г.), затем Морской академии (с 1715 г.) 19, 75, 252, 257, 268
- Фелипо Жером, граф де Поншартрен (Jérôme Phélypeaux, comte de Pontchartrain, 1674–1747) — морской министр и министр королевского двора Франции (1699–1715 гг.) 31, 32, 50–55, 67, 68–70, 87, 129, 281
- Фентен — чиновник (?) в Санкт-Петербурге 215
- Ференц II Ракоци (1676–1735) — князь Трансильвании и глава антигабсбургского восстания в Венгрии 120
- Фик Генрих фон (Heinrich von Fick, 1679–1750) — российский тайный агент в Швеции (1715–1716 гг.), затем на российской службе, вице-президент Коммерц-коллегии (1726–1732 гг.), с 1732 г. в ссылке, после восшествия на престол Елизаветы Петровны реабилитирован 15, 19, 116
- Филипп V (1683–1746) — герцог Анжуйский, затем король Испании (1700–1724, 1724–1746 гг.) 25, 158, 204
- Филипп II, герцог Орлеанский (1674–1723) — младший брат Людовика XIV, в 1715–1723 гг. глава регентского совета при малолетнем Людовике XV и фактический правитель Франции 88, 91, 97, 99, 101, 107, 126, 139, 285, 301
- Флёрисо Шарль Жан-Батист, граф де Морвиль (Charles Jean-Baptiste Fleuriau, comte de Morville, 1686–1732) — французский дипломат, посол в Нидерландах, затем государственный секретарь по морским делам, после смерти Дюбуа сменил его в качестве государственного секретаря по иностранным делам (до 1727 г.) 143
- Фредрик I (1676–1751) — король Швеции (с 1720 г.), ландграф Гессен-Кассельский (с 1730 г.) 96–106, 108, 312, 317, 318, 324, 327, 328, 333, 334
- Фронвиль, фрон Виль (baron de Fronville) — самозванец, авантюрист, вхож в дом А.А. Матвеева в Вене в 1714 г. 120, 121
- Фурнье (Fournier) — автор проекта введения подушной подати 127
- Жарли Роберт, граф Оксфорд и граф Мортимер (Robert Harley, Earl of Oxford and Earl Mortimer, 1661–1724) — лорд-канцлер казначейства и фактический глава английского кабинета (май 1711 — июль 1714 гг.),

- после восшествия на престол Георга I под следствием, провел около двух лет в заключении, затем освобожден и отошел от политической деятельности 28, 37–42, 44, 45, 47, 88, 173, 175, 177, 178, 189, 190, 203
- Хеемс Арнольд, барон фон (Arnold von Heems, ум. 1718) — полномочный министр Священной Римской империи в Гааге (1707–1718 гг.) 38–40, 170, 173, 180, 182
- Хоган Майкл (Michael Hogan) — ирландский офицер на службе Франции, затем Португалии, с 1708 г. бригадир, в 1712 г. генерал-майор 162, 163
- Хольцендольф (Holzendolff) — контакт Сент-Илера в Гааге в 1712 г., идентифицировать не удалось 184
- Хьюм-Кэмпбелл Александр, граф Марчмонт и лорд Полварт (Alexander Hume Campbell, Earl of Marchmont and Lord Polwarth, 1675–1740) — британский политик и дипломат, посол в Копенгагене (1715–1721 гг.) 93, 94
- Чапмен (Chapmen) — смотритель тюрьмы в Лондоне 191
- Челламаре, князь — см. Джудиче
- Чернышев Григорий Петрович (1672–1745) — военачальник и государственный деятель, обер-штер-кригскомиссар флота (с 1715 г.), впоследствии генерал-аншеф (с 1730 г.), сенатор, граф (с 1742 г.) 73, 215, 234
- Черчилль Джон, герцог Мальборо (1650–1722) — британский военачальник 38, 39, 40, 44, 46, 173, 177, 226
- Шабер Оноре (Chabert) — предполагаемый брат барона де Сент-Илера 53
- Шабер Франсуа (Chabert) — предполагаемый отец барона де Сент-Илера 53
- Шарлотта Кристина София Брауншвейг-Вольфенбюттельская (1694–1717) — супруга царевича Алексея Петровича (с 1711 г.) 67–69, 73, 85, 87, 88, 124, 125, 144, 151, 320, 322, 331
- Шафиров Исайя Петрович (1699–1757) — барон, статский советник. Сын П.П. Шафирова 85
- Шафиров Петр Павлович (1669–1739) — барон (с 1710 г.), глава Посольского приказа (1706–1708 гг.), вице-канцлер (1709–1723 гг.), президент Коммерц-коллегии (1725–1727, 1733–1737 гг.) 83–85, 88, 107, 110, 126, 127, 130, 138, 139, 141, 143, 229, 254, 263, 291, 293, 294, 295, 300, 304
- Шлейниц Ганс Христофор, барон фон (Hans Christoph von Schleinitz, 1661–1744) — брауншвейгский и российский дипломат, обер-гофмейстер кронпринцессы Шарлотты, тайный советник, российский посол в Париже (1717–1722 гг.) 67, 82–88, 91–93, 95, 101, 102, 106–108, 116, 117, 123–143, 226, 289, 294–296, 301, 303, 311, 324, 335
- Шлейниц Фридрих Август, барон фон (Friedrich August von Schleinitz, р. 1705) — сын Г.Х. фон Шлейница 131, 138, 139, 141, 142, 143
- Шлиппенбах Карл Фридрих, граф фон (Karl Friedrich, Graf von Schlippenbach, 1658–1723) — прусский военачальник и дипломат, генерал от кавалерии, с дипломатической миссией в Санкт-Петербурге (1713–1715 гг.) 281
- Шмит (вероятно, Smith) — якобит, тайный агент кн. Б.И. Куракина 113
- Шокуров — в 1716 г. ученик Морской академии («школьник»); возможно, Иван Шокуров, в 1728 г. гардемарин; или Василий Шокуров, в 1749 г. произведен в капитаны 2-го ранга, в 1753 г. в коллежские советники 244
- Шомель Пьер (Pierre Chaumel) — банкир в Амстердаме 173

Шперлинх (Sperlinch) —
предполагаемая содержанка
А.А. Матвеева в Вене 119, 120
Шуленбург Иоганн Маттиас,
граф фон дер (Johann Matthias
von der Schulenburg, 1661–
1747) — военачальник немецкого
происхождения, фельдмаршал
Венецианской республики (1715 г.),
руководил обороной острова Корфу
в 1716 г. 302

Экинс Томас (Thomas Ekines) —
авантюрист во время Войны за
испанское наследство 43
Энок (Ненос) — парижский кредитор
Халлера 34
Эпинар д' (de l'Epinard) —
французский консул в Мессине 70
Эрскин (Арескин) Роберт Карлович
(Robert Erskine, 1674–1718) —
лейб-медик Петра I и архиятр
(заведующий всей медицинской
частью в Российской империи) 90
Эстре Виктор Мари д' (Victor Marie
d'Estrées, 1668–1737) — маршал
Франции, наставник графа
Тулузского, в период Регентства —
президент Совета морского флота 86,
87, 148

Юров Алексей Иванович (ум. ок.
1732) — крестник и денщик (с 1712 г.)
Петра I, в 1717 г. сопровождал царя
за границу, с 1717 г. учился в Париже,
с 1724 г. в России, казначей при
Академии наук (1726–1730 гг.) 131–133
Юшков, курьер — вероятно, Афанасий
Никифорович Юшков, (ок. 1679 —
ок. 1750), подпоручик лейб-гвардии
Преображенского полка (1704 г.),
полковник (1741 г.) 234, 273

Ягужинский Павел Иванович (1683–
1736) — государственный деятель
и дипломат, граф (с 1731 г.), денщик,
затем генерал-адъютант Петра I,
генерал-майор (с 1717 г.), в 1719 г.
член российской делегации на
Аландском конгрессе, впоследствии
генерал-прокурор, кабинет-министр
89, 92

Ф84 Французский авантюрист при дворе Петра I: Письма и бумаги барона де Сент-Илера [Текст] / авт. науч. ст., сост. и науч. ред. И. И. Федюкин ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. — (Новые источники по истории России = Rossica Inedita). — 500 экз. — 351, [1] с. — ISBN 978-5-7598-1774-1 (в обл.). — ISBN 978-5-7598-1850-2 (e-book).

Издание, открывающее серию «Новые источники по истории России. Rossica Inedita», вводит в научный оборот ранее неизвестные или мало изученные материалы из архивов Москвы, Санкт-Петербурга, Парижа, Лондона, Вены и Стокгольма. В нем представлено жизнеописание французского авантюриста и самозванного барона де Сент-Илера, основателя Морской академии в Санкт-Петербурге. Похождения искателя фортуны прослежены не только в России, но и по всей Европе, от Португалии до Швеции, от Италии до Англии. На примере Сент-Илера хорошо видны общие черты той эпохи; логика авантюры и методы действий авантюристов; возможности для социального и культурного «перевоплощения» на заре Нового времени; механизмы институциональных инноваций в Петровскую эпоху. В книге собраны письма, проекты и другие тексты самого Сент-Илера и окружавших его современников — Петра I, графа А.А. Матвеева и многих других российских и иностранных государственных деятелей и дипломатов — на пяти европейских языках.

Книга адресована как историкам и культурологам, так и широкому кругу читателей.

УДК 929
ББК 63.2

French adventurer at the court of Peter I: Letters and papers of Baron de St Hillaire / edited and with an introduction by I. I. Fedyukin ; National Research University Higher School of Economics. — Moscow: HSE Publishing House, 2018. — (New sources on the history of Russia = Rossica Inedita) — 352 pp. — 500 copies. — ISBN 978-5-7598-1774-1 (pbk.). — ISBN 978-5-7598-1850-2 (e-book).

This volume, the first in a series titled “New sources on the history of Russia. Rossica Inedita,” introduces previously unknown or little-used materials from the archives of Moscow, St. Petersburg, Paris, London, Vienna, and Stockholm. It presents the biography of a French adventurer, imposter, and founder of the St. Petersburg Naval Academy, the self-proclaimed Baron de St Hillaire. The adventures of this enterpriser span not only Russia, but all of Europe, from Portugal to Sweden, and from Italy to England. The case of St Hillaire illuminates the logic of adventurism that was so central to that era; the adventurers’ modes of operation; the opportunities for social and cultural self-reinvention at the dawn of the modern era; and the driving forces of institutional innovation in the Petrine period. The volume contains letters, projects, and other texts penned by St Hillaire himself and by the contemporaries with whom he interacted, including Peter I, Count A. A. Matveiev, and many other Russian and foreign statesmen and diplomats, writing in five European languages.

The book is intended for scholars working in the fields of history and cultural studies, as well as for all readers interested in history.

Научное издание

Серия

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ РОССИИ
ROSSICA INEDITA

ФРАНЦУЗСКИЙ АВАНТЮРИСТ ПРИ ДВОРЕ ПЕТРА I
Письма и бумаги барона де Сент-Илера

Составитель и научный редактор *Игорь Федюкин*

Зав. редакцией *Елена Бережнова*

Редактор *Анастасия Архипова*

Корректор *Елена Андреева*

Дизайн серии: ABCdesign

Макет и обложка: *Даниил Бондаренко*

Верстка: *Полина Лауфер*

Подписано в печать 06.11.2018. Формат 60×90/16

Гарнитура Arno Pro. Усл. печ. л. 22,0. Уч.-изд. л. 16,3

Тираж 500 экз. Изд. № 2192

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

Тел.: +7 (495) 772-95-90 доб. 15285

Отпечатано в соответствии

с предоставленными материалами

в ООО «ИПК Парето-Принт»,

170546, Тверская область,

Промышленная зона Боровлево-1,

комплекс № 3А,

www.pareto-print.ru